

Дин Кунц Единственный выживший

Аннотация

Страшная авиационная катастрофа уносит жизни жены и дочерей лос-анджелесского журналиста Джо Карпентера. Год спустя совершенно случайно он узнает, что при крушении самолета погибли не все. Единственная выжившая – женщина-ученый, перевозившая с собой результаты закрытых экспериментов, похищенных ею в секретной военной лаборатории. Пытаясь разыскать таинственную незнакомку и выяснить истинную причину гибели своей семьи, Джо внезапно понимает, что сам стал объектом преследования сверхъестественных сил.

Дин Кунц Единственный выживший

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ РЭЯ МОКА – моего дяди, который уже давно переселился в лучший из миров.

В детстве, когда я испытывал беспокойство и отчаяние, его юмор, порядочность и доброта помогли мне узнать все о том, каким должен быть человек.

Слово признательности:

Настоящей Барбаре Кристмэн круто повезло – ее имя было использовано мною в этом романе. Учитывая то обстоятельство, что она была одним из сотни книготорговцев, участвовавших в нашей лотерее, я был весьма удивлен тем, насколько удачно ее имя¹ вписалось в рассказанную мною историю. Должно быть, она надеялась, что я изображу ее кровожадным психопатом-убийцей, однако на деле ей придется довольствоваться ролью персонажа гораздо более скромного. Прости, Барбара...

Глубок и темен свод небесный,

¹ Кристмэн, в переводе с английского означает "человек Божий", а Святая Барбара считалась покровительницей пожарных, артиллеристов и всех, кто имеет дело с огнем.

То звезд и льда дворец чудесный,
Но вид его рождает страх
Что, если в тех, иных мирах
Нет ничего для нас?
И крошечной Земли тревожное пространство
Не дом родной – темница, где стеной,
Послужат пустота и мертвый звездный свет?..
Ну что ж... тогда, конечно, нет
Причин, чтоб воевать с судьбой,
Чтоб до конца стоять
В борьбе с самим собой,
И смысла нет ни плакать, ни смеяться,
Ни спать, ни утром просыпаться,
И обещаний звук пустой не растревожит мой покой.
Но по ночам мой взгляд средь звезд
Ответы ищет на вопрос
И хочет тайну разгадать:
Ты, Боже, там? Иль нам опять
Одним брести по Вечности дороге...

«Книга Печалей» Часть первая Потеряны навсегда...

Глава 1

Джо Карпентер проснулся в субботу в начале третьего утра. Прижимая к груди мокрую от пота подушку, он хрипло выкрикивал в темноту имя своей погибшей жены. Боль и жгучая тоска, звучавшие в его голосе, ужаснули его самого, и Джо мгновенно очнулся от своего беспокойного сна. И все же сновидения отпускали его неохотно; они спадали с него слой за слоем, покров за покровом, как во время землетрясения сыплется со стропил и потолочных перекрытий скопившаяся за десятилетия пыль.

Джо уже понял, что сжимает в объятиях не свою Мишель, а всего навсего подушку, но не спешил разжать руки. В последний миг перед пробуждением его ноздри уловили аромат ее волос, и теперь он боялся, что любое движение, любой жест способны развеять наваждение и отнять у него это последнее, самое дорогое, оставив его наедине с кислым запахом пота и холодного сигаретного дыма.

Но в мире не было таких сил, которые могли бы удержать воспоминания и помешать им выскользнуть из его судорожно стиснутых пальцев. Запах волос Мишель уносился прочь, в пустоту, словно наполненный горячим воздухом воздушный шарик, который не поймать, сколько ни прыгай и ни размахивай руками.

Чувствуя себя ограбленным до нитки, Джо поднялся и подошел к окну. Его постель, состоявшая из брошенного на пол матраса, подушки и одеяла, была единственным предметом обстановки, поэтому он мог не бояться налететь на мебель даже в густых предрассветных сумерках.

Однокомнатная квартирка в конце Лоурел Каньон, которую он снимал, находилась на втором этаже и состояла из одной большой спальни с двумя окнами, кухонного закутка, чулана и весной туалетной комнатухи со ржавой трубой стоячего душа в углу. Первый этаж занимал захламленный гараж на две машины. Джо переехал сюда после того, как продал дом в Студио Сити, но он даже не потрудился перевезти сюда что-то из обстановки. Мертвецам мебель ни к чему, а он приехал сюда умирать.

И вот теперь на протяжении десяти месяцев Джо аккуратно вносил арендную плату в ожидании утра, когда он не сумеет проснуться.

Из окна открывался вид на круто уходящую вверх стену каньона, густо заросшую

вечнозеленым чаппаралем и эвкалиптами. Сквозь кроны чахлах городских деревьев на западе горел серебром вечный символ обманутых надежд – диск полной луны, склонявшейся к горизонту.

Глядя прямо перед собой, Джо слабо удивился, что он все еще не умер. Но и живым назвать его тоже было нельзя. Он застрял где то посередине, на половине пути из одного мира в другой, и теперь, раз о возвращении не могло быть и речи, он хотел пройти этот путь до конца.

Джо сходил на кухню, достал из холодильника бутылку ледяного пива и сел на матрац, привалившись спиной к стене.

Пиво в половине третьего ночи! Типично растительное существование, без целей, без надежд...

Мимолетно он пожалел о том, что не может напиться до смерти. Если бы он был уверен, что сумеет уйти из жизни без боли, притупленной алкогольным опьянением, тогда его, наверное, не тревожил бы вопрос о том, сколько времени займет этот переход. Но гораздо больше он боялся того, что затуманивший мозг алкоголь вытравит из него воспоминания, а память все еще была для него священной. Именно по этой причине даже в худшие дни Джо не позволял себе ничего, кроме нескольких бутылок пива или стаканов вина.

Если не считать оконных стекол, на которых играли и переливались просеянные сквозь ветви и листву лунные лучи, в темной спальне не было никаких других источников света, лишь слабо мерцали подсвеченные клавиши телефонного аппарата.

Повернувшись к нему, Джо подумал о том, что в этот глухой предрассветный час он может поговорить только с одним человеком в мире – поговорить откровенно о своем бездонном, беспросветном отчаянии, которое засасывало его все глубже и никак не могло поглотить. Впрочем, и в дневные часы он не мог обратиться ни к кому другому. Джо было только тридцать семь, но его собственные мать и отец умерли уже давно, а ни братьев, ни сестер у него не было. Друзья пытались как то утешить его, но Джо было слишком больно слушать или говорить о случившемся, и он постарался держать их на дистанции; при этом он повел себя столь агрессивно и грубо, что многие, оскорбленные в лучших чувствах, отвернулись от него вовсе.

Он протянул руку, перенес телефонный аппарат к себе на колени и набрал номер Бет Маккей – матери Мишель.

Бет, жившая в Виргинии, на расстоянии больше трех тысяч миль от Западного побережья, взяла трубку после первого звонка.

– Джо?

– Я тебя не разбудил?

– Ты же знаешь, Джо, милый, я рано ложусь и встаю перед рассветом.

– А Генри? – спросил Джо, имея в виду отца Мишель.

– О, этот старый сурок способен проспять Судный день, – ответила Бет с нежностью и теплотой в голосе.

Бет Маккей была доброй и ласковой женщиной; она изо всех сил старалась утешить Джо, несмотря на то что ее собственное горе – горе матери – едва ли могло быть менее глубоким. Во всяком случае, во время похорон и Джо, и Генри, сложенные обрушившимся на них горем, опирались именно на нее, и Бет стояла непоколебимо, как скала, щедро делясь с ними своей незаурядной душевной силой. Лишь через несколько часов после того, как могилы были засыпаны свежей землей, Джо застал ее на заднем дворе своего дома в Студио Сити. Бет, сгорбившись, как старуха, сидела в пижаме в кресле качалке и рыдала в подушку, взятую ею из комнаты для гостей, чтобы зять или муж не услышали и не страдали из-за нее еще больше. Джо сел рядом, но Бет не хотела, чтобы он держал ее за руку или обнимал за плечи; от его прикосновения она вздрогнула, и Джо опустил руку. С нее словно содрали кожу, оставив одни обнаженные нервы, так что самый тихий сочувственный шепот был для нее словно крик, а прикосновение обжигало, как раскаленное клеймо. Джо не хотелось оставлять Бет одну в таком состоянии, поэтому он взял сетчатый сачок на длинной ручке и стал ходить

по бортику бассейна, механически и бездумно вылавливая из воды попавших туда жучков, листья и прочий мусор. Было два часа ночи, и в темноте он почти ничего не видел – он просто ходил входил по кругу, с мрачной целеустремленностью разрегулировавшегося автомата окуная сетку в воду, вытряхивая, снова окуная, пока на поверхности черной воды не осталось ничего, кроме отражений равнодушных, холодных звезд, а Бет все плакала и плакала в подушку. В конце концов, выплавав все слезы, она встала с качалки, подошла к нему и силой вырвала сачок из его одеревеневших пальцев. Потом она отвела его наверх, раздела и уложила в постель, словно ребенка, и впервые за прошедшие дни Джо заснул крепко и глубоко.

Теперь, думая о разделяющих их тысячах миль, Джо поставил на пол недопитую бутылку пива.

– У вас уже рассвело, Бет? – спросил он.

– Только что.

– И ты, наверное, сидишь на кухне и любишься небом из большого окна, да? Скажи, небо красивое?

– На западе еще темно, но наверху небо стало уже индигово синим, а на востоке оно кораллово красное, сапфирово голубое и персиково розовое, как китайский шелк.

Да, Бет была сильной женщиной, но Джо звонил ей не за утешениями; просто ему нравилось слушать, как она говорит. Тембр ее негромкого голоса, смягченный едва заметным виргинским акцентом, напоминал ему Мишель.

– Ты взяла трубку и сразу назвала меня по имени, – сказал он.

– А кто, кроме тебя, мог мне позвонить?

– Ты хочешь сказать – в такую рань?

– Нам редко кто звонит так рано, но сегодня утром... это мог быть только ты.

Да, подумал Джо, катастрофа, навсегда изменившая их жизни, произошла ровно год назад, день в день. Сегодня была первая годовщина их трагической потери.

– Ты все худеешь, Джо? – спросила Бет. – Мне так хотелось, чтобы ты начал есть лучше...

– Нет, я больше не худею, – солгал он.

За прошедший год в нем развилось такое удивительное безразличие к сигналам, которые подавал пустой желудок, что в последние три месяца Джо начал худеть. К настоящему моменту он потерял уже фунтов двадцать пять, если не больше.

– День, наверное, будет теплый, – заметил он.

– Душный, влажный и жаркий, – поправила его Бет. – Правда, на востоке маячат какие то облака, но на дождь надежды мало. Зато они очень красиво выглядят, Джонни... – Она часто звала его Джонни, еще когда Мишель была жива, а та со смехом ее поправляла: "Не Джонни, мама, Джоуи!" – Они розовые, с золотой каймой. А вот и солнце встало над горизонтом.

– Неужели прошел целый год, Бет? Даже не верится.

– Ты прав, Джонни. Правда, иногда мне кажется, что прошло несколько лет.

– Я так скучаю, Бет, – неожиданно сказал Джо. – Пусто без них. Пусто и одиноко.

– О, Джонни... Мы с Генри любим тебя. Ты для нас как сын. Нет, теперь ты стал нашим сыном.

– Я знаю и тоже вас очень люблю, но этого недостаточно, Бет. – Джо перевел дух. – Этот год... для меня это был настоящий ад. Иногда мне кажется, что, если и следующий год будет таким же, я долго не протяну.

– Время лечит... иногда.

– Только не в моем случае. Я боюсь. Одиночество – вот что дается мне труднее всего.

– Ты не хочешь вернуться на работу, Джо?

Перед катастрофой Джо был ведущим репортером отдела уголовной хроники в газете "Лос Анджелес пост", но теперь с карьерой журналиста было покончено.

– Я не смогу больше смотреть на мертвые тела, Бет.

Это было правдой. Он больше не мог смотреть на трупы убитых в перестрелке бандитов и случайных прохожих, на тела, изуродованные в автомобильной аварии, и – вне зависимости от пола и возраста – не видеть перед собой истерзанные останки Мишель, Нины и Крисси.

– Ты мог бы писать о чемнибудь другом. Ты был хорошим журналистом, Джонни. Попробуй рассказать о чемнибудь, что было бы интересно всем, о какихнибудь общечеловеческих ценностях. Ты должен работать, должен делать что-то... может быть, тогда ты почувствуешь, что снова нужен кому-то...

Вместо ответа Джо сказал:

– Я не могу ни жить, ни работать без них. Единственное, чего мне хочется, это быть вместе с Мишель. С нею и с девочками...

– Когданибудь ты встретишься с ними, – ответила Бет, которая, несмотря ни на что, осталась глубоко верующим человеком.

– Я хочу быть с ними сейчас... – Его голос надломился, и Джо замолчал, стараясь взять себя в руки. – На этой земле у меня не осталось ничего дорогого, но у меня не хватает силы духа, чтобы самому сделать следующий шаг.

– Не надо говорить таких вещей, Джонни.

Джо действительно не мог покончить с собой, потому что не был уверен, что же будет с ним дальше. Он не верил, что вновь обретет свою жену и девочек в царстве света и радости. В последнее время, когда ему случалось бросить взгляд в ночное небо, он видел там только звезды – удаленные солнца, пламенеющие в невообразимой глубине пустынного и холодного вакуума, но он ни разу, даже наедине с самим собой, не облек свои сомнения в слова, ибо это сделало бы жизни Мишель и его дочерей не имеющими ни смысла, ни продолжения.

– Мы все приходим в этот мир с какойнибудь целью, – сказала Бет негромко.

– Они были моей целью, – отозвался Джо. – Но их больше нет.

– Значит, у тебя есть какая-то другая цель, какое-то другое предназначение. И ты должен узнать, в чем оно состоит. Тому, что ты задержался в этом мире, обязательно должна быть какая-то причина.

– Нет такой причины, – возразил Джо и после паузы добавил: – Расскажи мне о небе, Бет, какое оно?

Бет тоже немного помолчала и наконец ответила:

– Облака на востоке, которые были розовыми, с золотыми краями, поблекли и стали белыми как снег. И все равно это не дождевые облака – для этого они слишком светлые и редкие.

Джо молча слушал, как Бет описывает ему утро, наступившее на противоположном краю континента. Потом они немного поговорили о светлячках, которыми Бет и Генри любовались накануне вечером с заднего крыльца своего виргинского дома. В Южной Калифорнии светлячки не водились, но Джо хорошо помнил, как они перемигивались под пологом ночного леса в Пенсильвании, где прошло его детство. В конце концов Бет стала описывать сад Генри, в котором уже поспевала клубника, и Джо почувствовал, что его начинает клонить в сон.

– У нас уже наступило утро, Джонни, – сказала в заключение Бет. – Теперь оно спешит к вам. Постарайся заснуть, милый, и, может быть, тогда, при дневном свете, ты увидишь свою цель, свое предназначение. Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

После того как они попрощались, Джо опустил трубку на рычаг и лег на бок, глядя в окно, за которым медленно угасал лунный свет. Луна опускалась за холмы. Наступал самый темный предзакатный час.

Когда он заснул, то видел сны не о цели или предназначении, которое, возможно, путеводной звездой озарит его унылое существование, а отрывочные, лихорадочные кошмары, исполненные расплывчатой, неясной, но достаточно близкой угрозы, которая, скрывшись в ночном мраке, нависла прямо над его головой.

Глава 2

В тот же день, когда поздним утром Джо Карпентер ехал в Санта Монику, с ним снова случилось что то вроде приступа временного помешательства. Приступ начался с того, что грудь стиснуло с такой силой, что он едва мог дышать, а стоило ему оторвать пальцы от рулевого колеса, как они начинали трястись, точно у древнего старика.

В следующее мгновение Джо почувствовал, что падает с огромной высоты, как будто его "Хонда" съехала с дороги и проваливается в какую то бездонную пропасть. Между тем целое и невредимое шоссе продолжало расстилаться перед ним и колеса все так же монотонно шуршали по асфальту, но сознание регистрировало это уже как бы вторым планом. Как бы там ни было, Джо никак не удавалось справиться с ощущением падения и убедить себя в том, что все по прежнему в порядке.

Поддавшись панике, он убрал ногу с акселератора и нажал на тормоз. Покрышки пронзительно завизжали по асфальтовому покрытию, а сзади протестующе затрубили сигналы мчащихся следом машин. В последний момент Джо вырулил на обочину, и водители пронесившихся мимо остановившейся "Хонды" грузовиков и легковушек награждали его убийственными взглядами или совершали в его направлении оскорбительные жесты. Губы их шевелились, произнося ругательства, но Джо это не трогало. Он уже привык жить в Большом Лос Анджелесе, вступившем в век перемен – в бурлящем и кипящем городе, который, опережая остальные города, на всех парах неся навстречу скорому апокалипсису, и где, случайно наступив одной ногой на чужой газон, можно было получить в голову порцию свинца.

Несмотря на то что Джо остановил машину, ощущение падения становилось все сильнее, все явственней. Желудок его вел себя так, будто он не сидел, откинувшись на спинку сиденья неподвижной машины, а неся во весь дух в тележке аттракциона, которая то круто взлетает вверх, то проваливается вниз. В салоне "Хонды" Джо был один, но он ясно слышал крики других пассажиров: сначала негромкие, потом – все более высокие и пронзительные. И это не были вопли восторга, которые срываются с губ любителей острых ощущений в любом луна парке; это были крики, исполненные чистого, неподдельного страха и ужаса.

– Нет, нет, не надо, нет!.. – услышал Джо свой собственный голос, доносящийся откуда то со стороны.

Обочина шоссе, на которую он свернул из общего потока движения, была довольно узкой, и Джо остановил "Хонду" как можно ближе к металлическому ограждению, за которым начинались похожие на высокую приливную волну заросли олеандров.

Двигатель Джо выключать не стал; несмотря на то что его лицо и грудь заливал холодный пот, упругая струя воздуха из кондиционера была необходима ему для того, чтобы дышать. Давление на грудь, которое он продолжал ощущать, все усиливалось, и каждый всхлипывающий, судорожный вздох был для него пыткой, зато каждый выдох вырывался из его легких с резким звуком, похожим на маленький взрыв.

Воздух в салоне был чистым, но Джо был уверен, что чувствует запах дыма. И не только запах, но и вкус. Он ясно различал резкую вонь горящего масла, терпкий чад пузырящегося пластика, горечь расплавленного винила, едкий привкус нагретого металла.

Бросив взгляд на плотную стену зеленой листвы и красных цветов олеандра, льнущих к окну с пассажирской стороны, Джо увидел вместо них неистовствующее коптящее пламя и плотные облака дыма, а само окно превратилось в самолетный иллюминатор – прямоугольник толстого двойного стекла с округленными краями.

То, что с ним происходило, действительно напоминало настоящее сумасшествие, но за последний год Джо пережил таких приступов не один и не два. Порой между каждыми двумя случаями проходила неделя или две, порой он испытывал нечто подобное по три раза за день, и каждый приступ длился от десяти минут до получаса.

Он даже обращался к психоаналитику, но терапия не помогла. Врач порекомендовал специальную медитацию, которая должна была уменьшить его беспокойство и тоску, но Джо

сознательно отказался от этого. Ему нужна была боль – кроме нее, у него ничего больше не осталось.

Закрыв лицо холодными как лед руками, Джо постарался справиться с собой, но катастрофа продолжала разворачиваться по раз и навсегда заведенному сценарию. Удушливый запах дыма стал плотнее, а вопли воображаемых пассажиров – громче. Все вокруг вибрировало и ходило ходуном. Дрожал пол под ногами Джо, тряслись стены, прогибался и скрипел потолок. Со всех сторон доносились жуткое дребезжание, треск, стоны раздираемого металла, стук, звон и скрежет, и все это тряслось, тряслось, тряслось....

– Пожалуйста, нет! – взмолился Джо.

Не открывая глаз, он отнял ладони от лица и, сжав руки в кулаки, опустил на сиденье рядом с собой.

Прошло несколько мгновений, и он почувствовал, как крошечные пальчики испуганных детей вцепились в его запястья; тогда Джо разжал кулаки и крепко взял их ладошки в свои.

Конечно, в "Хонде" никаких детей не было – они были все там же, в высоких креслах обреченного рейса 353, куда забросила Джо больная, истерзанная, возбужденная память. На протяжении всего приступа он будет оставаться в двух местах одновременно – в реальном мире и в "Боинге 747" компании "Нэшн Уайд Эйр", который под рев турбин падал из безмятежного поднебесья и, метеоритом прочертив ночное небо, пикировал прямо на сонный и мягкий луг, вдруг оказавшийся тверже наковальни.

Наверное, Мишель сидела между дочерьми. Это в ее руки в последние свои минуты вцепились в невыразимом ужасе Крисси и Нина...

Между тем вибрация усиливалась, и воздух наполнился беспорядочно летящими предметами. Книги в мягких обложках, портативные компьютеры, карманные калькуляторы, пластиковые тарелки и вилки (когда разразилась катастрофа, многие пассажиры наверняка еще не закончили ужинать), пластмассовые стаканчики, одноразовые бутылочки с виски, ручки, карандаши и тому подобная мелочь – все пришло в движение и летало по салону, отскакивая от стен и людей.

Кашляя, задыхаясь от дыма, Мишель все таки нашла в себе силы и заставила девочек наклонить головы. "Нагните головы, закройте лица руками..."

Их лица... милые маленькие лица. У семилетней Крисси были высокие материнские скулы и зеленые ясные глаза, и Джо никогда не смог бы забыть ни радости, плясавшей в этих глазах, когда Крисси брала урок балета, ни сосредоточенности, появлявшейся в этих маленьких крыжовинках, когда она вставала на место отбивающего в их домашнем бейсбольном чемпионате.

Нине было всего четыре. Она была очаровательным, курносым, пухленьким существом с серо голубыми глазами, которые вспыхивали от неподдельной радости каждый раз, когда взгляд девочки падал на какое нибудь живое существо: птицу, собаку, кошку. Ее тянуло к животным словно магнитом – как и их к ней, – словно Нина была новой реинкарнацией святого Франциска Ассизского, разговаривавшего со зверями. И это было не таким уж преувеличением, особенно после того, как Джо застал Нину в саду, где Нина с удивлением разглядывала пугливую ящерку, спокойно сидевшую у нее на ладошке.

Опустите головы, закройте лица...

В этих словах были и утешение, и слабая надежда на то, что все обойдется, что все они останутся живы и самое худшее, что с ними может случиться, это попавшее в глаз стекло или удар по голове компьютером, неожиданно обретшим способность летать.

Поднявшийся ураган все усиливался. Угол наклона стал таким, что прижатому к сиденью Джо никак не удавалось согнуться в поясе, чтобы защитить лицо.

Возможно, из люков в верхней полке выпали кислородные маски, возможно, самолет был поврежден, и поэтому система безопасности сработала не так, как надо, и спасительные маски оказались не у каждого пассажира. Джо не мог знать этого наверняка, и ему оставалось только гадать, дышали ли Мишель, Крисси и Нина нормально, или, давясь хлопьями жирной черной сажи, они тщетно ловили судорожно раскрытыми ртами хотя бы

плоток чистого воздуха.

Плотные клубы дыма заволокли уже весь салон. В самолете – и в "Хонде" – стало темно и страшно, как в самой глубокой угольной шахте. В черном тумане зазмеились скрытые до поры язычки пламени, и охвативший пассажиров ужас усилился, ибо никто не знал, в каком направлении будет распространяться огонь и что будет, когда пожар забушует в салоне со всей яростью.

Воздействующая на падающий самолет сила стала такой, что весь фюзеляж судорожно вздрогнул. Огромные крылья трепетали так, словно готовы были вот вот оторваться, стальные нервюры, шпангоуты и лонжероны стонали и выли, как живые существа, в мучительной агонии, а из под обшивки раздалась как будто приглушенная оружейная пальба – это отлетали головки болтов. Где то в чреве погибающего самолета с пронзительным скрежетом разошлись несколько клепаных швов.

Должно быть, Мишель и девочкам показалось, что самолет может развалиться на куски еще в воздухе и ворвавшийся в салон ураган разлучит их, выбросит в ночную темноту, и они, привязанные каждая к своему креслу, понесутся к земле поодиночке, но этого не случилось. "Боинг 747", обладавший многократным запасом прочности, был настоящим чудом конструкторской мысли и воплощенным триумфом современной технологии. Несмотря на неполадки гидросистемы и потерю управления, его крылья не отломились, фюзеляж не рассыпался на части. Под вой мощных турбин "Пратт и Уитни", словно бросающих вызов земному тяготению, лайнер падал на землю целиком.

В какой то момент Мишель, должно быть, поняла что надежды нет, что они несутся навстречу смерти со все возрастающей скоростью, но – с характерным для нее мужеством и самоотречением – она наверняка думала в эти мгновения только о детях и попыталась как то утешить их или хотя бы отвлечь. Словно наяву Джо видел, как она наклоняется к Нине, как прижимает ее к себе и, перекрывая грохот и лязг, задыхаясь от ядовитых продуктов горения, кричит ей на ухо "Все в порядке, малышка, я с тобой, и я люблю тебя! Ты моя самая лучшая маленькая девочка на свете!"

И пока самолет чертил темную ночь над Колорадо Мишель – даже в последние секунды жизни – не могла не найти слов и для Крисси. Она, несомненно произнесла их таким же взволнованным, но искренним и без тени паники голосом: "Все хорошо, дочка, мама с тобой. Возьми меня за руку и держи. Я люблю тебя и горжусь тобой. Все обойдется: мы вместе и всегда будем вместе..."

Сидя в своей "Хонде" на обочине оживленного шоссе, Джо слышал последние слова и голос Мишель так, словно он сам присутствовал при этом и запомнил, записал их в память, как записывает магнитофон. Ему отчаянно хотелось верить, что в эти решительные и страшные минуты его дочери сумели позаимствовать часть исключительной внутренней силы, которой обладала их мать – удивительная и стойкая женщина. Джо просто необходимо было знать, что последним, что его девочки слышали в своей жизни, был голос Мишель, которая говорила им о своей любви.

При столкновении авиалайнера с землей раздался взрыв такой силы, что его было слышно в радиусе добрых двадцати миль. Звуковая волна разнеслась по пустынным сельским районам Колорадо, потревожив сов в лесах, вспугнув с гнезд ястребов и орлов и разбудив усталых фермеров, дремавших в креслах у очагов или отправившихся спать с наступлением сумерек.

Катастрофа была ужасной. При ударе о землю "Боинг" не просто взорвался – он был разорван на тысячу обожженных, изуродованных, смятых и скрученных кусков, которые пропахали в разных направлениях безмятежно дремавший луг. Оранжевые брызги горящего топлива разлетелись во все стороны и зажгли плотные заросли вечнозеленых кустарников и деревьев. Триста тридцать человек, включая бортпроводников и экипаж, погибли мгновенно.

И Мишель, научившая Джо почти всему, что он знал о сострадании и любви, тоже исчезла, сгинула в этот страшный миг...

И Крисси, семилетняя балерина и бейсболистка, никогда больше не встанет к станку, не

поднимется на пуанты и не взмахнет тяжелой, со свистом рассекающей воздух битой...

И если живые твари чувствовали такую же прочную связь с маленькой Ниной, как и она с ними, то в эту страшную ночь в лесистых холмах Колорадо все они дрожали в своих норках, зажав глаза и заткнув лапками свои мохнатые уши.

Из всей большой и счастливой семьи Джо Карпентер был единственным, кто остался в живых.

Но его не было с ними на борту рейса 353. Все пассажиры, оказавшиеся в салоне злосчастного "Боинга", обратились в прах, и если бы среди них был Джо, то и его останки можно было бы опознать лишь по записям дантиста да по одному двум пальцам, кожа на которых не настолько обгорела, чтобы с них нельзя было бы снять отпечатков. Эти его возвращения в прошлое не имели поэтому никакого отношения к памяти. Виногато во всем было лихорадочное возбуждение, болезнь измученного разума, приступы которой настигали его и во сне, и наяву – как сейчас. Чувство вины за то, что он не погиб если не вместо Мишель и дочерей, то, по крайней мере, вместе с ними, не давало Джо покоя, и он не переставая мучил себя попытками разделить с дорогими ему людьми ужас их последних минут.

Но, как и следовало ожидать, воображаемые полеты на борту обреченного лайнера не приносили ему желанного облегчения. Как Джо ни старался, он никак не мог смириться с происшедшим и принять его окончательно. Напротив, каждый ночной кошмар и каждый приступ, случавшийся с ним при свете дня, лишь заново растрavляли его незажившие, кровоточащие раны.

Джо вздрогнул и, открыв глаза, с легким удивлением уставился на несущийся мимо поток машин. На мгновение он задумался о том, что стоит ему только открыть дверцу и сделать быстрый шаг на шоссе, как он будет сбит тяжелым грузовиком, и тогда все страдания для него кончатся...

Но он остался сидеть в "Хонде". И не потому, что боялся смерти, а по причинам, которые не были ясны ему самому. Возможно, впрочем, Джо казалось, что он должен продлить казнь и приговорить себя к добавочной порции жизни.

За окном пассажирской дверцы качались и кивали под ветром, поднятым проносящимися машинами, ветки и цветы олеандров. Они негромко шуршали и скребли по стеклу, и салон "Хонды" наполнился еле слышными призрачными голосами, похожими на жалобы потерянных, заблудившихся душ.

Джо понял, что больше не дрожит. Заливавший лицо пот начал подсыхать в потоке прохладного воздуха, с шипением вырывавшегося из сопел кондиционера на приборной доске. Ощущение падения тоже исчезло. Он больше не падал – он достиг самого дна.

В жарком августовском мареве, в пелене синеватого смога легковушки и грузовики мчались по шоссе, словно призраки или миражи, которые какой то сверхъестественный ураган стремительно несет на запад – к чистому воздуху и прохладному морю. Выждав, пока в потоке машин образовался просвет, Джо вырулил с обочины и прибавил скорость. Он тоже направлялся на побережье.

Глава 3

В сиянии жаркого августовского солнца песок пляжа казался белым, как кость, выбеленная ветром и дождем. Зеленоватый океан лениво и мерно накатывался на берег, вынося на песок крошечные ракушки и экзоскелеты мертвых и умирающих обитателей шельфа.

Пляж у Санта Аны был забит людьми, которые загорали, играли в мяч или, с удобством расположившись на больших полотенцах или покрывалах, поглощали привезенную с собой или купленную поблизости провизию. Несмотря на то что в глубине континента уже властвовал жаркий и душный день, на побережье было достаточно комфортно и свежо благодаря легкому бризу, приносящему прохладу с просторов Тихого океана.

Некоторые купальщики с любопытством и легким недоумением косились на Джо, который медленно брел вдоль береговой линии в белой майке, бежевых просторных брюках и спортивных кроссовках на босу ногу. Хмурое выражение его лица тоже указывало на то, что он пришел сюда не за тем, чтобы купаться или загорать.

Спасатели зорко следили за купающимися; девушки в бикини, прогуливавшиеся у кромки берега, следили за спасателями, завороженные движениями их тренированных загорелых тел, и не обращали никакого внимания на чудесные раковины, которые щедрый океан швырял к их ногам вместе с гирляндами белой пены и водорослей. На мелководе возились дети, но Джо старался как можно реже поворачиваться в их сторону. Их звонкая радость, восторженные крики и беззаботный смех действовали ему на нервы и рождали в душе иррациональный, ничем не обоснованный гнев.

Держа в одной руке полотенце, а в другой – пенополистироловый охладитель, Джо продолжал медленно двигаться на север, глядя на обожженные солнцем холмы Малибу, встающие за изгибом береговой линии залива. Наконец ему удалось найти относительно безлюдный участок пляжа. Здесь он расстелил полотенце, сел на него и, обратившись лицом к воде, достал из льда жестянку пива.

Если бы океан был его собственностью, он предпочел бы покончить жизнь самоубийством на берегу. Несмолкающий шорох прибоя, сверкающие под солнцем или посеребренные луной пенистые барашки, безупречная дуга далекого горизонта – все это не дарило Джо ни мира, ни покоя. Единственное, о чем он способен был думать, глядя на волны, это о блаженном забытьи.

Монотонные ритмы моря были единственным, что в представлениях Джо как то ассоциировалось с понятиями о Боге и Вечности.

Больше всего Джо надеялся, что после того, как он выпьет несколько бутылок пива, живописные пейзажи Тихоокеанского побережья окажут на него свое благотворное действие и успокоят настолько, что он сумеет собраться с силами и отправиться на кладбище. Чтобы постоять на земле, укрывшей его жену и дочь. Чтобы коснуться каменного надгробия, на котором высечены их имена...

Сегодня Джо чувствовал свой долг перед мертвыми сильнее, чем в иные дни.

Двое подростков – неправдоподобно тонких, в мешковатых плавках, едва державшихся на их узких бедрах, – прибрежи вдоль берега с северной стороны и остановились напротив Джо. Один из них носил длинные волосы, стянутые на затылке резинкой, второй был острижен по последней моде – под машинку и имел в ухе серьгу. Оба были обожжены солнцем буквально до черноты. Любуясь морем, они повернулись к Джо спинами и загородили ему всю панораму. Джо уже собирался попросить их отойти, когда один из подростков неожиданно спросил:

– Эй, приятель, что продаешь?

Джо промолчал, так как ему показалось, что подросток обращается к своему стриженному другу.

– Ну так как? – снова спросил тот, продолжая таращиться в сторону океана. – Травка там у тебя или выпивка?

– У меня здесь только несколько банок пива, – нетерпеливо отозвался Джо, поднимая на лоб солнечные очки, чтобы взглянуть на парней получше. – Но они не продаются.

– Вот и хорошо, – сказал стриженный. – А то мы видели двух придурков, которые, похоже, считают, что у тебя полный ящик травы.

– Где?

– Только не поворачивайся туда сразу, – предупредил подросток с "конским хвостом". – Подожди, пока мы отойдем подальше. Эти двое уже давно тебя пасут, и от них за милю несет копами. Удивляюсь, как ты до сих пор не почувствовал вони.

– Пятьдесят футов к югу, возле спасательной вышки, – подхватил стриженный, также не оборачиваясь. – Два фрэера в гавайских рубашках, похожих на проповедников в отпуске. У одного бинокль, а у другого – рация.

– Спасибо, – с признательностью ответил Джо и опустил очки. – Большое спасибо.
– Не стоит, – откликнулся длинноволосый. – Мы просто хотели предупредить, по дружески. Ненавижу копов.

– Сраная система! – добавил стриженный с неожиданной циничной горечью, которая казалась особенно странной у такого молодого человека.

Потом с грацией молодых тигрят подростки двинулись вдоль пляжа дальше на юг, поглядывая на девушек в бикини. Их лиц Джо так и не рассмотрел толком.

Минут через пять, прикончив первую банку пива, Джо повернулся к охладителю и взялся за крышку. Убрав пустую жестянку, он бросил небрежный взгляд в сторону, в которую удалились подростки. В тени, отбрасываемой спасательной вышкой, действительно стояли двое мужчин в ярких гавайских рубашках. Тот, что повыше, одетый в рубашку по преимуществу зеленых тонов и белые хлопчатобумажные брюки, как раз рассматривал Джо в бинокль. Заметив, что Джо глядит в его сторону, он спокойно повернулся и направил бинокль на юг, притворяясь, будто поглощен разглядыванием группы девочек подростков в почти невидимых купальных костюмах.

Второй наблюдатель был в рубашке красно оранжевых тонов и длинных бежевых шортах, закатанных выше колен. Он стоял на песке босиком и держал в левой руке сандалии и носки. В его правой руке Джо заметил какой то предмет, который мог оказаться и миниатюрным транзисторным приемником, и переносным проигрывателем компакт дисков. Не исключено, впрочем, что это на самом деле была полицейская коротковолновая рация.

Высокий коп был покрыт ровным бронзово красным загаром; волосы его выгорели на солнце и казались соломенно желтыми. Его товарищ, напротив, явно пренебрегал солнечными ваннами – его кожа была болезненно светлой.

Джо откупорил банку пива и, вдыхая запах показавшейся из отверстия пены, снова повернулся к воде. Несмотря на то что ни один из этих двоих не был похож на человека, вышедшего из дома с намерением отправиться именно на пляж, оба наблюдателя не слишком бросались в глаза. Во всяком случае, не больше, чем сам Джо. Подростки сказали, что от них за милую душу несет полицией, однако Джо, хоть и проработал репортером отдела уголовной хроники целых четырнадцать лет, даже сейчас не опознал в них копов.

В любом случае у полиции не было, да и не могло быть никаких причин интересоваться его скромной персоной. Количество убийств возрастало не по дням, а по часам; число изнасилований почти сравнялось с числом романтических увлечений, вспыхивавших ежевечерне в барах и дискотеках, а кражи и грабежи были настолько распространены, что порой могло показаться, будто одна половина населения штата постоянно что то крадет у другой половины и наоборот, и Джо вполне резонно полагал, что копы вряд ли станут придирается к нему за то, что он пьет пиво на общественном пляже.

С севера, словно белые молнии, появились три бесшумные чайки, поднявшиеся с какого то дальнего пирса. Сначала они неслись параллельно береговой линии, но потом неожиданно взмыли высоко в небо и закружились над сверкающим заливом.

Улучив момент, Джо бросил в направлении спасательной вышки еще один осторожный взгляд. Наблюдателей там уже не было.

Он снова повернулся к океану.

Набегавшие на берег небольшие волны разбивались на песке и отползали обратно, оставляя после себя клочья пены, и Джо наблюдал за этим извечным движением с напряженным вниманием добровольца, который во время публичного выступления гипнотизера следит за его брелком, раскачивающимся у него перед глазами на тонкой серебряной цепочке.

На этот раз, однако, волнам так и не удалось загипнотизировать его до полной потери чувствительности. Как Джо ни старался, он так и не сумел направить свои мысли в более спокойное русло. Как движущаяся планета влияет на поведение собственного спутника, так и Джо попал под магическое действие календаря, и все его мысли вращались только вокруг одной и той же даты: пятнадцатое августа, пятнадцатое августа, пятнадцатое августа...

Первая годовщина катастрофы. Словно гиря, эта дата увлекала его за собой на самое дно, в черный омут мучительных воспоминаний.

Когда после расследования обстоятельств катастрофы и тщательной переписи всех органических и неорганических фрагментов, найденных на месте крушения, Джо наконец получил останки Мишель и девочек, он был немало удивлен тем, что запаянные цинковые гробы оказались очень небольшими. Фактически, все три гробика оказались детскими, во всяком случае по размерам, но он принял их так, словно это были раки с мощами святых.

В качестве корреспондента отдела уголовной хроники Джо был прекрасно осведомлен о том, какое разрушительное воздействие оказывает на хрупкие человеческие тела удар самолета о землю. Знал он и о том, что огонь не щадит даже тугоплавкий пластик и металл, не говоря уже о телах, и все же ему казалось странным, что от Мишель и девочек осталось так мало – особенно когда он думал о том, как много места они когда то занимали в его жизни.

Без них мир стал для него чужим. Просыпаясь по утрам, Джо долго не мог сообразить, где он и что с ним, и начинал более или менее ориентироваться в окружающем только по прошествии полутора двух часов. Бывали и такие дни, когда планета делала полный двадцатичетырехчасовой оборот, но Джо не вращался вместе с ней, пребывая в каком то своем, неподвижном мирке, где ничто не текло и не изменялось. По всем приметам, сегодняшний день был как раз таким.

Прикончив вторую банку дива, Джо убрал опустевшую жестянку в охладитель и поднялся. Он еще не был готов к поездке на кладбище; просто ему нужно было в туалет.

Повернув голову, Джо неожиданно заметил высокого блондина в зеленой гавайке. Тот, был уже без бинокля и сидел на песке футях в шестидесяти к северу, а не к югу от спасательной вышки. Чтобы загородиться от Джо, он выбрал позицию между двумя молодыми парочками на полотенцах и надувных матрасах и многочисленным мексиканским семейством, которое расположилось на отдых со всеми возможными удобствами, застолбив свой участок с помощью складных столиков, походных стульчиков и двух обширных пляжных зонтиков.

Стараясь не подать виду, что заметил слежку, Джо небрежно оглядел пляж, надеясь засечь напарника первого копа, но низкорослого полицейского в красно оранжевой рубашке нигде не было.

Между тем белобрысый коп старательно избегал прямых взглядов в сторону Джо. Одна его рука была прижата к уху таким образом, словно у него в кулаке был аппарат для глухих и он старательно закрывал его от доносящейся со всех сторон музыки, чтобы расслышать что то важное.

Расстояние не позволяло Джо рассмотреть лицо копа внимательнее, но ему показалось, что губы его шевелятся. Похоже, он как раз вел переговоры со своим отсутствующим напарником.

Оставив на песке охладитель и полотенце, Джо решительно зашагал вдоль берега к общественной уборной. Ему не нужно было поворачивать голову – взгляд белобрысого он чувствовал лопатками и спиной. Этот взгляд почти убедил Джо, что употребление пива на общественном пляже все еще считается серьезным нарушением закона даже сейчас. В конце концов, общество, которое с такой бесконечной терпимостью относится к коррупции и насилию, просто обязано было бескомпромиссно бороться с мелкими правонарушениями хотя бы для того, чтобы убедить самое себя, что оно еще не окончательно рассталось со своими высокими принципами и широко разрекламированными стандартами.

* * *

За час, прошедший с тех пор, как Джо приехал на пляж, толпа у причала стала еще более многолюдной. Из парка аттракционов доносились восторженные вопли отдыхающих, катавшихся на "американских горках", и лязг роликов по стальным рельсам.

Сняв темные очки, Джо толкнул дверь и вошел в полутемную общественную уборную.

Здесь, в мужском отделении, сильно и резко пахло мочой и дезинфицирующей жидкостью. По проходу между кабинками и шеренгой писсуаров ползал крупный тропический таракан, наполовину раздавленный чьей то ногой. Он был еще жив, но, утратив все инстинкты и чувство ориентации, кружил и кружил по кафельной плитке, и посетители – глядя на него кто брезгливо, кто равнодушно, а кто и с удовольствием – старались обойти насекомое стороной.

Воспользовавшись писсуаром, Джо отошел к раковине и стал мыть руки, незаметно разглядывая в зеркало других мужчин. Ему нужен был сообщник. Наконец его внимание привлек одетый в плавки и сандалии патлатый подросток не старше четырнадцати лет.

Когда парень двинулся к рулону бумажных полотенец, Джо зашел сзади и негромко сказал:

– Там снаружи должны быть два легавых. Они ждут меня.

Парень обернулся и встретился с Джо взглядом, но ничего не сказал, машинально комкая в руках бумажную салфетку.

– Я заплачу тебе двадцать долларов, если ты разведаешь для меня обстановку, – пообещал Джо. – Тебе нужно только выйти, посмотреть, где они, и вернуться.

Глаза у подростка были иссиня лиловыми, словно свежий синяк, а взгляд – прямым и резким, как удар в челюсть.

– Тридцать, – сказал он.

Насколько Джо помнил, в таком возрасте он не осмеливался смотреть в глаза взрослым так дерзко и с таким вызовом. Если бы кто то подошел к четырнадцатилетнему Джо с подобным предложением, он покачал бы головой и постарался исчезнуть как можно быстрее.

– Пятнадцать сейчас, пятнадцать – когда вернусь, – сказал подросток.

Джо бросил полотенце в мусорный бак.

– Десять сейчас, двадцатку – потом.

– Заметано.

Доставая из кармана бумажник, Джо пояснил:

– Один из них высокий, примерно шесть футов и два дюйма, светловолосый, в зеленой гавайке. Второй пониже, пять футов и десять дюймов, бледный, волосы русые, редкие, рубашка оранжевая с красным.

Не опуская взгляда, парень взял из рук Джо десятидолларовую бумажку.

– А может быть, там, снаружи, и нет никого, – спокойно сказал он. – Может быть, все это – просто наживка, чтобы, когда я вернусь, ты мог зазвать меня с собой в одну из кабинок. Чтобы получить остальное...

Джо смутился. И дело было не в том, что подросток заподозрил в нем извращенца. Ему было ужасно неловко и стыдно, что этот молодой парень родился и вырос в таком месте и в такое время, которые требуют от него недетских знаний и умения быть постоянно настороже.

– Это не уловка, – выдавил он.

– Просто я не по этой части, приятель.

– Я понимаю.

Этот разговор слышали по меньшей мере человек пять, но никто не обратил на них внимания и никто не заинтересовался. Определенно, двадцатый век летел к концу под девизом "Живи сам и дай жить другим!".

Когда подросток собрался уходить, Джо окликнул его.

– Вряд ли они стоят около самого входа, – предупредил он. – Их будет не так то легко заметить. Погляди в радиусе шагов тридцати сорока.

Не ответив, парень направился к двери, громко стуча каблуками сандалий по плитке пола.

– Если ты рассчитываешь смыться с моей десяткой, – предупредил его напоследок Джо, – то имей в виду: я обещаю, что не пожалею времени, чтобы найти тебя и как следует надрать тебе задницу.

– Понял, начальник, – насмешливо бросил подросток через плечо и вышел, а Джо снова вернулся к рукомойнику, покрытому пятнами ржавчины в тех местах, где эмаль была сколота, и снова начал намыливать руки, чтобы не привлекать внимания.

Тем временем возле искалеченного таракана, который все еще описывал по грязному кафелю на удивление правильные круги, остановились трое молодых парней. На вид им было лет по двадцать с небольшим. Они разглядывали тварь, которая с присущей насекомым целеустремленностью ковыляла по полу, и их лица отражали напряженную работу мысли. В конце концов в руках троицы появились пачки долларов; судя по всему, они собирались биться об заклад, за сколько секунд таракан завершит очередной круг.

Склонившись над раковиной, Джо плеснул себе в лицо пригоршню холодной воды. Вода сильно отдавала хлором, ощущение чистоты, которое она приносила, напрочь забивалось поднимавшимися из канализационных стоков запахами.

Хуже всего было, однако, то, что уборная почти не проветривалась. Здесь было гораздо жарче, чем на самом солнцепеке; застоявшийся запах аммиака, прокисшего пота и дезинфектантов был таким резким, что глаза у Джо начали непроизвольно слезиться. Он старался дышать ртом, но все равно его чуть не стошнило.

Между тем подросток почему то задерживался. Джо еще раз плеснул на себя водой и, подняв голову, внимательно исследовал в щербатом зеркале свое лицо, по которому стекали капельки воды. Несмотря на загар, к которому за прошедший час кое что добавилось, кожа лица выглядела далеко не здоровой. Глаза у него были серыми. Собственно говоря, они всегда были серыми, вот только раньше они напоминали своим оттенком блестящую полированную сталь или цвет "мокрый асфальт", а сейчас казались тусклыми, словно зола. Белки глаз Джо были испещрены красными прожилками.

К трем парням, делавшим ставки на таракана, присоединился четвертый человек. На вид ему было за пятьдесят, однако, несмотря на солидную разницу в возрасте, он старался не отставать от молодого поколения по крайней мере в бессмысленной жестокости. Четверка загрозила почти весь проход, азартно вопя и размахивая руками, следила за судорожными движениями искалеченного насекомого с таким напряженным вниманием, словно это был чистокровный скакун, несущийся к финишному столбу по дорожке ипподрома. Потом между болельщиками разгорелся спор, являются ли беспрестанно шевелящиеся усики насекомого частью системы ориентирования или же просто обонятельными органами, с помощью которых таракан отыскивает пищу и самок, которые не прочь перепихнуться.

Стараясь не обращать внимания на хриплые вопли, Джо продолжил исследовать себя в зеркале, гадая, зачем, собственно, он послал подростка высматривать копов в ярких гавайках. Если эти двое действительно были полицейскими детективами, осуществляющими наружное наблюдение, то они наверняка приняли его за кого то другого. В таком случае они быстро обнаружат свою ошибку, и Джо никогда больше их не увидит.

Здравый смысл подсказывал ему, что собирать сведения о копах или нарываться на конфликт было по меньшей мере глупо.

В конце концов, он пришел на берег для того, чтобы подготовиться к поездке на кладбище. Джо было просто необходимо настроить себя в унисон с древними, монотонными ритмами вечного моря, которые могли помочь ему залечить раны души и сгладить острые, режущие грани поселившихся глубоко внутри тревоги и тоски – точь в точь как прибой точит и обкатывает обломки скал до тех пор, пока не превращает их в округлые, вросшие в песок голыши, которые остаются невозмутимы и неподвижны, как бы ни бесновалась потом волна. Шипящий и шепчущий у ног океан как будто рассказывал ему о том, что жизнь – это всего лишь немного небесной механики, бессмысленной или непостижимой (для Джо, как и для большинства людей, это было одно и то же), плюс действие неких бездушных сил, которые вызывают приливы и отливы. Это послание, проникнутое глубокой и неизбывной безнадежностью, помогало ему частично расслабиться именно благодаря тому, что оно же и унижало его, делало Джо совершенно бессильным и ничтожным, не способным предпринять ничего такого, что принесло бы сколько нибудь заметные результаты. Кроме того, у него еще

оставалось пиво, и одна две банки должны были притупить его чувства настолько, чтобы преподанный океаном урок оставался с ним все время, пока он будет ехать через город к кладбищу, и даже дольше.

Нет, ему не нужны были абсолютно никакие дела, которые бы его отвлекали. Ему не нужны были никакие тайны. Для Джо жизнь утратила всякий покров таинственности в ту же самую ночь, когда она потеряла всякую прелесть и смысл. В ту ночь, когда на ни в чем не повинный спящий луг в Колорадо вдруг обрушилось с неба смерть и огонь...

Защелкали по полу сандалии, и в туалете снова появился патлатый юнец, вернувшийся за причитающейся двадцаткой.

– Никаких высоких блондинов в зеленых рубашках я не видел, – развязно заявил он. – Но второй – этот точно здесь – лысину на солнце парит.

За спиной Джо в восторге заорал кто то из игроков. Остальные разочарованно застонали; очевидно, умирающий таракан закончил свой очередной круг на несколько секунд раньше или позже, чем предыдущий.

Подросток с любопытством повернулся в ту сторону и вытянул шею.

– Где? – коротко спросил Джо, доставая из бумажника двадцатидолларовую бумажку.

Парень, все еще стараясь разглядеть что нибудь между телами сгрудившихся вокруг таракана игроков, сказал:

– Недалеко от входа, под пальмой с двумя складными столиками, за которыми режутся в шахматы узкоглазые... корейцы, что ли?.. Там твой приятель и стоит. До него футов восемьдесят или около того.

Несмотря на то что высокие матовые стекла пропускали внутрь ослепительно белый солнечный свет, а флюоресцентные лампы под потолком были скорее голубоватыми, воздух в туалете казался желтым, словно насыщенным парами кислоты.

– Посмотри на меня, – сказал Джо.

Подросток, разглядевший наконец таракана калеку, который начинал очередной круг, рассеянно переспросил:

– Что?...

– Смотри на меня!

Скорее удивленный, чем испуганный тихой яростью, прозвучавшей в голосе Джо, подросток повернул голову и на короткое мгновение встретился с ним взглядом. Потом его глаза, неприятно похожие цветом на два свежих синяка, медленно опустились и сосредоточились на двадцатидолларовой бумажке.

– Парень, которого ты видел, был в красной гавайке? – переспросил Джо.

– Точно, – кивнул головой шпион доброволец. – Там и другие цвета были, но в основном она действительно красно оранжевая.

– А в какие брюки он был одет?

– Брюки? Я что то не...

– Чтобы проверить твои слова, я нарочно не сказал, что еще было на нем надето. Так что скажи мне это сам, если ты его действительно видел.

– Послушай, мужик, это что, допрос? Откуда я знаю, во что он там был одет? Не то шорты, не то плавки...

– Постарайся все таки вспомнить поточнее.

– Кажется, это были шорты. Белые?.. Нет, скорее бежевые. Точнее сказать не могу – откуда мне было знать, что тебя так интересует его гардероб? По правде говоря, он бросается в глаза, как огородное пугало посреди шоссе, – должно быть, потому, что у него в руке что то вроде сандалий, а в них – свернутые носки.

Джо понял, что это, несомненно, был тот самый человек, которого он видел у спасательной вышки с рацией в руке.

Игроки снова азартно завопили, подбадривая таракана. Смех, проклятья, предложения принять ставки были такими громкими, что отразились от бетонных стен уборной и, искаженные до неузнаваемости, заметались под высоким потолком, сотрясая стекла с такой

силой, что Джо всерьез испугался, что они сейчас лопнут.

– А он наблюдал за тем, как корейцы играли в шахматы, или прикидывался? – спросил Джо осторожно.

– Нет, он оглядывался по сторонам и трепался с двумя телками.

– С телками?

– Ну да, с двумя такими роскошными девами в бикини на шнурках. Если бы ты видел их, особенно рыжую, в зеленом купальничке. Классная сучка! Выглядит она, доложу я тебе, на все двенадцать баллов по десятибалльной шкале. Мужской взгляд сам на ней останавливается, ей даже сиськами трясти не надо.

– И ты считаешь, что лысый их клеит? – усомнился Джо.

– Не знаю, что он там себе воображает, – отозвался подросток, – но у него нет ни полшанса. Такие сучки обычно не клюют на неудачников – чтобы трахнуть, они всегда могут найти себе все, что только захотят...

– Перестань называть их суками, – перебил Джо.

– Это почему же?

– Потому что они – женщины.

В сердитых глазах подростка что то сверкнуло, словно в них вдруг отразилось блестящее лезвие выкидного ножа.

– Послушай, мужик, ты что – папа римский? Тоже мне святоша выискался!...

Едкий желтый воздух вокруг них неожиданно сгустился настолько, что Джо почудилось, что он чувствует, как крошечные капельки кислоты разъедают ему кожу. Звук спускаемой в унитазах воды действовал ему на нервы, и Джо показалось, что у него в животе тоже что то забурлило. Сражаясь со внезапно подкатившей к горлу тошнотой, он сказал:

– Опиши женщин.

Подросток отвечал с еще большим вызовом и неприкрытой наглостью:

– Телки – полный улет, особенно рыжая. Но и темненькая ей почти не уступает. Я готов ползти по битому стеклу, лишь бы ее трахнуть, пусть даже она и глухая.

– Глухая?

– Глухая или что то вроде того, – подтвердил парень. – Она все время возилась со своим слуховым аппаратом – то совала его в ухо, то снова вынимала, как будто он ей не совсем подходит. Но это ее единственный недостаток. Она действительно красотка что надо, эта сучка!

Джо был на шесть дюймов выше и как минимум на сорок фунтов тяжелее подростка, но ему захотелось схватить его за горло и душить, душить, душить до тех пор, пока он не поклянется никогда больше не употреблять это слово не подумав. Или пока парень не поймет, какое оно мерзкое и как оно унижает всех – и в первую очередь его самого, – когда он использует его мимоходом, словно навязшее в зубах присловье. Но уже в следующее мгновение Джо испугался своей собственной дикой реакции. Зубы его были стиснуты, жилы на лбу и на шее вздулись точно канаты, в ушах стучало, а глаза застилала черно красная пелена бешенства. Тошнота не только не прошла, но стала сильнее, и он поспешно плотнул воздуха, чтобы привести себя в чувство.

Должно быть, подросток заметил в глазах собеседника что то такое, что заставило его осечь на полуслове. Даже поза его изменилась и стала не такой вызывающей, а взгляд снова ушел в сторону – туда, где игроки продолжали гонять по кругу таракана с расплюснутым брюшком.

– Дай мне мои деньги, – сказал он. – Я их заработал.

Но Джо не спешил расстаться с двадцаткой.

– Где твой отец?

– А что?

– А мать?

– Тебе то какое дело?

– Где же они?

– У них своя жизнь, у меня – своя.

Гнев Джо превратился в отчаяние.

– Как тебя зовут, парень?

– Зачем тебе знать? Или ты думаешь, что я сопляк, которому мамочка не разрешает одному ходить на пляж? Так вот, я уже давно хожу туда, куда мне хочется, а ты можешь поцеловать себя в зад!

– Никто не спорит, что ты можешь ходить куда тебе хочется, но тебе не обязательно бывать везде.

Подросток снова посмотрел на Джо в упор. В его глазах гематомах промелькнула тень такого глубокого одиночества и такой острой застарелой боли, что Джо был потрясен до глубины души. Ни один подросток в таком нежном возрасте просто не должен был доходить до такого состояния, какими бы ни были его обстоятельства.

– Не обязательно бывать везде? – переспросил подросток. – Что это означает?

Джо почувствовал, что между ними неожиданно установилась глубокая и тесная связь, возникло понимание на подсознательном, интуитивном уровне. Дверь, разделявшая его и этого неблагополучного подростка, неожиданно повернулась на петлях, распахнулась во всю ширь, и Джо подумал, что и его собственное будущее, и будущее этого парня может быть изменено к лучшему самым решительным образом, если он только поймет, куда они смогут пойти после того, как шагнут через этот порог. Но увы!.. Ему тут же пришло в голову, что его собственное бытие было таким же бессодержательным, а жизненная философия – такой же пустой, как любая из выброшенных на песок раковин. У него не осталось ни веры, которой он мог бы поделиться, ни мудрости, на которую можно было бы опереться, ни надежды. Джо сам не понимал, за счет чего он продолжает с грехом пополам держаться; как же он сумеет поддержать еще одного, постороннего человека?

Он сам был поверженным, а поверженный не может никого повести за собой.

Для юнца момент искренности прошел еще быстрее, и он ловко выдернул двадцатидолларовую бумажку из пальцев Джо. Выражение его лица стало насмешливым, и он с издевкой повторил:

– Потому что они – женщины, да... – Он попятился. – Но, если как следует их завести, они превращаются в грязных, распаленных сучек.

– Неужели все мы – просто животные? – спросил в свою очередь Джо, но подросток уже выскользнул из уборной и не услышал вопроса.

Несмотря на то что Джо дважды вымыл руки, он снова почувствовал себя так, словно ковырялся в самой грязной грязи.

Тогда Джо снова повернулся к рукомойникам, но оказалось, что добраться до них он не сможет – непосредственно вокруг таракана собралось уже человек шесть или семь, а за ними стояло еще несколько болельщиков или просто зевак.

В уборной было жарко и невыносимо душно, пот градом катился по лицу и по спине Джо. В носу свербил от резкого запаха, кислота с каждым вдохом разъедала легкие, глаза слезились. Плотный желтый воздух колыхался перед зеркалами, размывая отражения фигур игроков, словно они были не существами из плоти и крови, а проклятыми душами в аду, увиденными сквозь потайное, покрытое потеками серы и гноя окошко. Игроки азартно кричали и улюлюкали, потрясая в воздухе пачками долларов. Их голоса сливались в один пронзительный вой, напоминая речь буйнопомешанного, который то глухо бормочет себе под нос, то визжит в бессмысленной и безумной ярости. Этот визг вонзался в мозг Джо словно кинжал; от него ныли зубы, и казалось – еще немного, и звуковые колебания начнут раскалывать стекла.

Протолкавшись между мужчинами, он наступил на таракана ногой и раздавил.

В сверхъестественной тишине, наступившей сразу за этой дерзкой выходкой, Джо повернулся и направился к выходу. Душераздирающие крики болельщиков все еще звенели у него в ушах, а каждая клеточка продолжала вибрировать в унисон звуковым волнам. Ему хотелось выбраться отсюда как можно скорее, пока он не взорвался ко всем чертям.

Игроки очнулись от столбняка почти одновременно – очнулись, задвигались и сердито заговорили хором, словно обуянные праведным гневом прихожане в церкви, в которую во время службы ввалился пьяный уличный бродяга и заблевал алтарь.

Один из мужчин, с розовым, словно ломоть ветчины, лицом и растрескавшимися от жары губами, едва прикрывавшими желтые зубы, между которыми застряли кусочки табачной жвачки, грубо схватил Джо за руку и развернул к себе.

– Какого черта, приятель?! – воскликнул он.

– Отпусти меня, – дрожа от еле сдерживаемого гнева, отозвался Джо.

– Я должен был выиграть деньги!

Его пальцы, сжимавшие запястье Джо, были влажными от пота, но короткие грязные ногти впивались в мякоть руки с такой силой, что вырваться из его хватки было бы непросто.

– Отпусти руку, слышишь?

– Я должен был выиграть деньги! – повторил мужчина и скорчил такую свирепую гримасу, что его потрескавшиеся губы лопнули, и из трещин выступили капельки крови.

Перехватив руку мужчины, Джо оторвал от своего запястья его короткий и толстый палец и загнул в противоположном направлении. Прежде чем глаза противника успели расшириться от удивления и боли, Джо завел ему руку за спину, развернул и с силой толкнул в спину, так что нападавший с разбега врезался лицом в дверцу туалетной кабинки.

Джо казалось, что еще во время разговора с подростком его гнев улегся, оставив в душе только отчаяние, но он вдруг вспыхнул снова и был слишком горячим и сильным, совершенно не пропорциональным нанесенному оскорблению. Джо понятия не имел, почему он так себя ведет и почему самодовольная бесчувственность игроков так на него подействовала, однако еще прежде, чем он сумел осознать неадекватность своей реакции, он ударил мужчину о дверцу кабинки во второй и в третий раз.

Даже после этого гнев его не остыл; перед глазами продолжала плавать черно багровая пелена бешенства, а в душе поднималась волна примитивной неистовой ярости, чем то похожая на многотысячную стаю вспугнутых обезьян, которые с воплями несутся неведомо куда сквозь переплетение ветвей и лиан. Несмотря на это, рассудком Джо продолжал осознавать, что не контролирует себя и что еще немного – и он совершит убийство. Невероятным усилием воли он заставил себя разжать руки, и незадачливый игрок рухнул на заплеванный пол.

Дрожа от бешенства и от страха перед этим неконтролируемым бешенством, Джо сделал несколько шагов назад, пока не уперся спиной в рукомойник. Остальные посетители уборной, бывшие свидетелями его вспышки, осторожно пятились от него. Все молчали.

Лежащий мужчина сел на полу посреди рассыпавшихся однодолларовых и пятидолларовых банкнот, которые он успел выиграть. Его подбородок был в крови, которая продолжала течь из растрескавшихся губ. Одну руку он прижимал к лицу – к той его стороне, которой он ударился о дверь.

– Это же был всего навсего таракан... – пробормотал он. – Просто паршивый таракан...

Джо хотелось сказать, что ему очень жаль, но он не мог выговорить ни слова.

– Ты же чуть не сломал мне нос!.. – продолжал бормотать мужчина. – Ты мог сломать мне нос! Из за таракана!

Джо стало невыразимо стыдно – стыдно не за то, что он сделал этому подонку, который, несомненно, поступал еще хуже с теми, кто был слабее его, а стыдно за себя и за то, что этим своим поступком он словно оскорбил память Мишель и девочек. И все же, несмотря на это, он не мог найти в себе силы, чтобы извиниться. Похоже, он окончательно превратился в примитивный и к тому же сломанный механизм, который больше не может думать и способен только реагировать на внешние раздражители.

Чувствуя, что горло его стиснуло не то от раскаяния, не то от мерзких запахов, Джо вышел из вонючей уборной на улицу, где дул прохладный океанский бриз, но даже он не освежил его. Мир вокруг казался таким же грязным и отвратительным, как туалет, который он только что покинул.

Несмотря на жаркое солнце, Джо продолжал трястись – на этот раз от раскаяния, которое раскручивалось в его душе как холодная стальная пружина.

На половине пути между уборной и тем местом, где он оставил полотенце и охладитель, Джо, почти не замечавший купальщиков, между которыми он машинально лавировал, вдруг вспомнил бледнолицего копа в красно-оранжевой гавайке. Но он не остановился и даже не стал оборачиваться, а продолжал брести к своему месту, равнодушно подкидывая мысками кроссовок белый песок. Вопрос о том, кто следит за ним – если это действительно была слежка, – больше не занимал Джо. Он уже не понимал, почему это его вообще заинтересовало. Если двое в гавайках действительно были копами, то копами хреновыми, перепугавшими его с кем-то другим. Его это не касалось, он бы и вовсе не заметил наблюдателей, если бы подросток с "конским хвостом" не привлек к ним его внимания. Джо был совершенно уверен, что полицейские скоро поймут свою ошибку и отправятся на поиски настоящего подозреваемого. Пока же пусть смотрят. Ему было на них абсолютно наплевать.

* * *

На той части пляжа, где остановился Джо, народу стало гораздо больше, и он уже подумывал о том, чтобы собрать вещички и уйти, но это означало, что ему придется отправиться на кладбище, а он все еще не был к этому готов. После стычки в туалете в крови его бушевал настоящий адреналиновый шторм, который свел на нет успокаивающее воздействие прибоя и двух выпитых жестянок пива.

Поэтому Джо снова опустился на полотенце и, запустив руку в охладитель, достал оттуда полукруглый кусок льда. Прижав его ко лбу, он снова повернулся к океану. Казалось, что под его серовато-зеленой поверхностью скрывается огромный отлаженный механизм, состоящий из бесчисленного количества вращающихся валов, передач и промасленных шестеренок. Серебристо-белые блики солнечного света пронизывали воду во всех направлениях, словно электрический ток, бегущий по проводникам и обмоткам мощной системы энергопитания. Волны подкатывались к берегу и отступали с монотонной размеренностью поршней паровой машины. Океан напоминал собой никогда не останавливающийся двигатель, не совершающий никакой работы и не имеющий никакой иной цели, кроме продления своего собственного существования, воспетого поколениями поэтов и влюбленных, и не было ничего удивительного в том, что он веками оставался равнодушен и глух к человеческим горестям, слезам и надеждам.

Джо знал, что должен научиться безропотно принимать холодные законы Творения, поскольку в том, чтобы обижаться и роптать на бездушный механизм, не было ни чести, ни особого смысла – как бесполезно было сердиться на часы за то, что время проходит слишком быстро, или обвинять челнок в том, что он соткал ткань, из которой впоследствии был сшит колпак палача. Единственное, на что надеялся Джо, это на то, что если он сумеет смириться с механическим безразличием Вселенной, с бессмысленностью жизни и смерти, то сумеет обрести покой.

Разумеется, подобное смирение было слабым утешением, – утешением, от которого мертвящий холод пробирал до самого сердца, – однако сейчас Джо хотелось только одного: положить конец непрекращающейся боли, избавиться от ночных кошмаров и освободиться от потребности любить тех, кого больше нет.

Внимание его тем временем привлекли два новых персонажа, которые расположились на белом пляжном покрывале футах в двадцати от него. Это были две девушки; рыжеволосая красотка в зеленом бикини на шнурках – достаточно откровенном, чтобы заставить покраснеть любого, кто нечасто бывает на стриптизе, и брюнетка, которая почти не уступала своей подруге. Рыжая носила короткую стрижку, длинные волосы брюнетки были распущены и густой волной падали до плеч, маскируя переговорное устройство, которое она носила в ухе.

На вид им было лет по двадцати с небольшим, и Джо невольно подумал, что ведут они себя, пожалуй, слишком непосредственно и оживленно, совсем по девчоночьи, словно стараясь привлечь к себе как можно больше внимания, хотя взгляды мужчин и без того останавливались на их пышных формах до неприличия долго. Расположившись на покрывале, они не торопясь намазались лосьоном для загара, потом, действуя с показной кинематографической томностью, словно в начальных сценах видеофильма для взрослых, по очереди покрыли тем же средством спины друг другу, так что в конце концов взгляды всех гетеросексуальных особей мужского пола оказались устремлены на них одних.

Эта простенькая стратегия была совершенно ясна Джо. Никто бы не заподозрил в этих девицах оперативных сотрудников полиции, которым по определению полагалось держаться тише воды ниже травы и стараться привлекать к себе как можно меньше внимания. Если два копа в гавайках были единственной парочкой на пляже, которая походила на переодетых копов, то рыжая и брюнетка определенно были вне подозрений. И уловка эта, несомненно, удалась бы, если бы не тридцатка, перекочевавшая из бумажника Джо в карман сексуально озабоченного подростка.

Возможно, впрочем, что их длинные загорелые ноги, глубокие тени между почти голыми грудями и округлые соблазнительные зады были предназначены для того, чтобы зачаровать объект наблюдения и спровоцировать его на знакомство с их обладательницами. Джо не исключал и этой возможности, однако, даже если такова была их задача, тут копы просчитались. Их чары на него просто не действовали.

За последний год эротические мысли и образы если и возбуждали Джо, то очень слабо и ненадолго. Каждый раз, когда это случалось, он сразу вспоминал Мишель, ее возлюбленное тело и ее всепоглощающее стремление получить и дать высшее наслаждение. Потом его мысли естественным образом перескакивали на полупереживание полувоспоминание о бесконечно долгом падении самолета в пропасть, начинавшуюся от самых звезд и заканчивающуюся на земле Колорадо; Джо снова чувствовал запах дыма, жар огня, и любое сексуальное влечение мгновенно растворялось в едкой горечи потери.

Две красотки по соседству вызывали в Джо лишь тупое раздражение своей некомпетентностью. Он уже готов был подойти к ним, предъявить водительскую лицензию и указать им на совершенную ошибку просто для того, чтобы избавить себя от их назойливого внимания, однако после происшествия в туалете Джо чувствовал себя несколько неуверенно. Гнев его погас, однако он по-прежнему не доверял своей способности держать себя в узде.

Прибой по-прежнему разбивался о песок, захватывал пенистые останки погибших здесь предыдущих волн, отступал крадучись и снова накатывался на берег. Джо смотрел на этот вечно повторяющийся процесс с бесконечным упорством и терпением и постепенно начал успокаиваться снова.

Неужели прошел ровно год? Неужели у него не осталось ничего, кроме воспоминаний и дорогих могил? Неужели он сумеет пережить все это?

Через полчаса, даже не прибегая к помощи оставшегося пива, он почувствовал себя готовым к визиту на кладбище.

Страхнув песок с полотенца, он сложил его пополам, скатал и подхватил на плечо охладитель.

Его сексапильные соседки, чья кожа казалась нежной и шелковистой, как океанский бриз, и маслянисто желтой, как солнечный свет, притворились, будто целиком поглощены односложными замечаниями, которые отпускали два накачанных стероидами пляжных Казановы, дождавшиеся своей очереди, чтобы попытаться счастья.

Пользуясь тем, что солнечные очки скрывают его глаза, Джо время от времени поглядывал в сторону соседок и хорошо видел, что их интерес к этим двум пережаренным бифштексам был напускным. Девицы не догадались запастись темными очками и, болтая, хохоча более или менее впопад, время от времени исподтишка посматривали в его сторону.

Не оборачиваясь, Джо зашагал прочь.

В кроссовках он уносил солидную часть пляжа, и ему оставалось надеяться, что

холодное спокойствие океана тоже сохранится в его сердце достаточно долго.

Несмотря на свою сосредоточенную решимость сделать наконец то, ради чего он сюда приехал, Джо не мог не задуматься о том, какое полицейское агентство заполучило в свои ряды таких ослепительных красоток. По роду его журналистской работы ему приходилось сталкиваться с женщинами полицейскими, которые были по меньшей мере так же привлекательны и сексуальны, как самые известные кинознаменитости, однако рыжая в бикини и ее черноволосая подружка превосходили любые голливудские стандарты.

Оказавшись на стоянке, Джо огляделся по сторонам. Он был почти готов увидеть здесь мужчин полицейских в гавайских рубашках, наблюдающих за его "Хондой", однако ничего подозрительного он так и не заметил. Если копы и засекли его машину, то на этот раз их наблюдательный пункт был замаскирован достаточно умело.

Выехав со стоянки, Джо повернул направо на шоссе Пасифик Кост. Время от времени он поглядывал в зеркало заднего вида, но его никто не преследовал. Наверное, копы все же поняли, что обознались, и теперь с лихорадочной поспешностью разыскивали нужного человека.

* * *

Доехав по бульвару Уилшир и автостраде Сан Диего до шоссе Вентура, Джо свернул на восток и, окончательно расставшись с прохладой побережья и свежестью океанских ветров, очутился в адской топке долины Сан Фернандо. В августовском знойном мареве эти лос анжелесские пригороды напоминали черепки глиняной посуды, не выдержавшей жара печи.

Мемориальный парк занимал три тысячи акров низких пологих холмов, неглубоких долин и широких лужаек. Это был своего рода Лос Анджелес мертвых, разделенный на кварталы прихотливо изгибающимися дорожками. Здесь покоились бок о бок знаменитые актеры и простые торговцы, рок звезды и жены простых репортеров, которых смерть уравнила в правах.

Направляясь к известному ему месту, Джо проехал мимо двух похоронных процессий. На обочинах и площадках были припаркованы несколько машин, на траве стояли складные кресла, груды свежевырытой земли были заботливо прикрыты зеленым брезентом. Собравшиеся сидели неподвижно, сгорбившись в своих черных траурных костюмах и платьях, подавленные не то горем, не то убийственной жарой, а может быть – и мыслями о бренности своего собственного существования.

Потом на глаза Джо попало несколько резных каменных склепов и семейных могил, огороженных невысоким заборчиком и засаженных цветами или цветущими кустарниками, но, к счастью, здесь не было леса вертикальных каменных надгробий и памятников. Многие предпочитали хоронить своих родственников в нишах колумбария; другие, решив доверить лону земли самое дорогое, ограничивались небольшими бронзовыми табличками на лежащих плашмя гранитных или мраморных плитах, благодаря чему кладбище действительно походило на спокойный и тихий парк.

Джо похоронил Мишель и девочек на склоне небольшого холма, поросшего каменными соснами и индейской вишней. В дни, когда погода была не такой жаркой, рошица кишела белками, которые, нисколько не боясь людей, прыгали прямо по дорожкам, выпрашивая подачку, а ближе к сумеркам попасться на траве выползали из нор кролики, и Джо был уверен, что три его самых любимых женщины предпочли бы именно такое окружение холоду чопорного каменного мавзолея, где не были слышны ни песня ветра, ни шепот древесных крон над головой.

Миновав вторую похоронную процессию, Джо припарковал "Хонду" на специальной площадке, заглушил двигатель и выбрался наружу. Некоторое время он стоял на стоградусной¹ жаре и собирался с силами.

Поднимаясь вверх по пологому склону холма, Джо избегал смотреть на могилы. Он

¹ 100° по принятой в США шкале Фаренгейта равняются примерно 38° по шкале Цельсия.

знал, что стоит ему увидеть их издалека, и подойти к ним будет намного труднее. Может быть, ему просто не хватит мужества, он повернет назад. Несмотря на то что со дня гибели Мишель и девочек прошел целый год, боль не притупилась, и каждый визит на кладбище давался ему огромным напряжением силы воли, как будто он ехал взглянуть не на ухоженные могилы на зеленой лужайке, а на истерзанные останки, разложенные в морге сразу на нескольких холодных стальных столах.

Так, гадая, сколько лет должно пройти, прежде чем он перестанет воспринимать свою потерю с такой остротой, Джо брел по тропинке, низко опустив голову и равнодушно глядя себе под ноги, словно старая работая лошадь, которая не торопясь шагает домой по хорошо знакомой колее. Жара была совершенно невыносимой, и он машинально приподнимал плечи, хотя это вряд ли могло чем то ему помочь.

Именно поэтому он увидел стоящую у могил женщину только тогда, когда до нее осталось не больше десяти или пятнадцати футов. Удивленный, Джо остановился.

Женщина стояла в тени сосен вполоборота к нему. В руках она держала фотоаппарат, с помощью которого снимала гранитные надгробья.

– Кто вы такая? – хрипло спросил Джо.

Женщина не ответила; быть может, потому, что Джо говорил совсем тихо, а может, потому, что она была слишком поглощена процессом фотосъемки.

– Что вы здесь делаете? – спросил Джо чуть громче и сделал шаг вперед.

Вздвогнув, женщина повернулась к нему.

Незнакомка была совсем миниатюрной, не больше пяти фугов и двух дюймов ростом, гармонично и пропорционально сложенной, однако впечатление, которое она производила, было гораздо более сильным, чем можно было ожидать при такой внешности и таких размерах. В первое же мгновение Джо показалось, будто эта женщина одета не в голубые джинсы и простую блузку из желтой хлопчатобумажной материи, а в какое то мощное магнитное поле, которое заставляет весь мир тянуться к ней.

Кожа ее была цвета молочного шоколада; огромные глаза цвета крепкого кофе казались очень выразительными, но прочесть в них что либо было не легче, чем отгадать, что предсказывают чайные листья "Гадание на чайных листьях – принятый в Китае способ узнать судьбу.", а их миндалевидная форма ясно указывала на примесь азиатской крови. Волосы женщины не были курчавыми, как у африканки, и она не заплетала их в косички; они были удивительно густыми и прямыми. Их иссиня черный цвет тоже указывал на восточное происхождение, однако черты лица – выпуклый широкий лоб, большие губы и высокие скулы – тонко очерченные, но мощные, гордые, но прекрасные – были типично негроидными. Она была лет на пять старше Джо, но выглядела моложе благодаря удивительным чертам лица, указывающим на волевою, но ранимую натуру, и замечательным глазам, в которых светились одновременно и ум, и невинность.

– Что вам здесь нужно? – снова спросил Джо.

Женщина чуть чуть приоткрыла рот, словно собираясь заговорить, но, очевидно от удивления, так и не смогла произнести ни слова. Наконец она подняла руку и легко коснулась щеки Джо, и он даже не попытался уклониться. На мгновение ему почудилось в ее глазах крайнее удивление, однако мягкость и нежность прикосновения помогли ему понять, что это было выражение жалости и боли.

– Я еще не готова говорить с тобой, – проговорила женщина негромким музыкальным голосом.

– Но зачем вы фотографируете их могилы? Для чего?

Сжимая фотоаппарат обеими руками, женщина покачала головой.

– Не сейчас. Скоро. Я вернусь, когда придет время. Не отчаивайся, ты увидишь... как и другие.

В этих ее словах было что то мистическое, и Джо почти поверил, что эта женщина ему пригрезилась. Даже в том, как нежно она прикоснулась к его щеке, было что то ирреальное, как будто незнакомка была сделана не из плоти и крови, а соткана из эфирных материй. Ласка

духа, прикосновение привидения...

Вместе с тем Джо чувствовал, ощущал присутствие женщины настолько отчетливо и ясно, что у него не возникло никаких сомнений в ее реальности. Он знал, что перед ним не дух и не галлюцинация, вызванная солнечным ударом. Несмотря на свою миниатюрность, женщина буквально лучилась энергией и казалась куда более реальной, чем все окружающее. Гораздо более реальной, чем деревья, небо, палящее солнце, гранит и бронза памятников. В ней было столько жизни и воли, что Джо даже показалось, что незнакомка надвигается на него, хотя она стояла на месте; что она нависает над ним, хотя он был выше ее на целых десять дюймов. Когда он ее увидел, женщина была скрыта в тени сосен, но Джо казалось, что она освещена лучше, чем он, стоящий на самом солнцепеке.

– Как ты живешь? – тихо спросила она.

Джо был сбит с толку этим интимным вопросом незнакомки и только покачал головой.

– Я вижу, – прошептала женщина.

Джо отвел взгляд и посмотрел мимо нее на гранитное надгробье.

– Потеряны навсегда... – услышал Джо свой собственный голос, донесшийся словно издалека. Мимолетно он подумал о том, что имеет в виду не только свою жену и дочерей, но и себя самого.

Когда Джо снова повернулся к женщине, он увидел, что она больше не смотрит на него. Ее напряженный взгляд был устремлен куда то ему за спину, и, когда через несколько мгновений оба услышали надрывное пение мотора, в глазах женщины появилась тень тревоги и озабоченности, а лоб пересекла глубокая морщина.

Повернувшись в ту же сторону, Джо увидел, что по дороге, по которой он приехал сюда, мчится белый фордовский фургон – мчится со скоростью гораздо большей, чем было разрешено на кладбище.

– Сволочи! – с чувством сказала женщина.

Джо повернулся к ней и увидел, что странная незнакомка уже бежит прочь – наискосок по склону холма, – направляясь к его заросшему деревьями и кустарниками гребню.

– Эй, подождите!.. – крикнул Джо.

Но женщина не остановилась. Она даже не обернулась.

Тогда Джо побежал следом, но его физическая форма не была и вполтину такой хорошей, как у нее. Бегать, во всяком случае, она умела, и Джо остановился, пробежав всего несколько шагов. Он задыхался. По такой жаре гоняться за кем либо было больше чем бесполезно. Убийственно.

Пока Джо соображал, почему это последнее слово вдруг пришло ему на ум, белый фургон на огромной скорости промчался мимо него. Солнце, ярко сверкавшее на его лобовом стекле и отражавшееся от хромированных ободков фар и радиаторной решетки, ослепило его настолько, что он не сумел рассмотреть водителя. Теперь машина двигалась параллельно женщине, которая продолжала бежать вдоль ряда могил.

Джо повернулся и стал спускаться с холма к своей машине. Он понятия не имел, как ему поступить. Может, ему все же следует присоединиться к погоне? А может, он должен следить за белым фургоном? Что, черт возьми, здесь вообще происходит?

На расстоянии пятидесяти шестидесяти ярдов от его "Хонды" белый фургон резко затормозил. Визжащие покрышки прочертили по дорожке черные дымящиеся полосы, обе передние дверцы разом распахнулись, и из фургона выскочили уже знакомые Джо копы в ярких гавайских рубашках. Не тратя времени даром, оба побежали за женщиной.

От удивления Джо встал как вкопанный. На пути от Санта Моники его никто не преследовал. Во всяком случае, никаких белых фургонов он не видел. В этом он был совершенно уверен.

Значит, копы знали, что он поедет на кладбище.

И, поскольку никто из них не проявил к нему никакого интереса, следовательно, они следили за ним на пляже только потому, что надеялись, что он так или иначе выведет их к женщине, за которой они и гнались теперь с ретивостью гончих.

Его скромная персона полицию не интересовала. Женщина – вот за кем они охотились.

Черт побери! Они, должно быть, следили и за его квартирой тоже и сопровождали его до самого пляжа!

Из этого следовало, что наблюдение за ним было установлено несколько дней – или даже недель – назад, а он этого даже не заметил. Впрочем, отчаяние владело Джо настолько полно, что он жил как во сне и не обращал почти никакого внимания на окружающее. Не мудрено, что он не заметил соглядатаев.

"Кто эта женщина? – подумал он. – Почему она фотографировала могилы? Почему полиция преследует ее?"

Женщина бежала уже почти по самому гребню холма, среди стволов каменных сосен, росших по краю участка. Сосны отбрасывали на траву густую тень, которую почти не рассеивали редкие пятна солнечного света, и если бы не яркая желтая блузка, то темнокрая женщина почти сливалась бы с этим мягким полумраком.

Джо почти сразу заметил, что ее бег был целенаправленным; можно было подумать, что женщина хорошо знает местность и теперь стремится к какому то хорошо ей известному пункту. Почему то ему казалось, что за холмом нет никакой машины, а это значило, что странная незнакомка скорее всего пришла сюда пешком.

Теперь он видел, что женщина, с самого начала имевшая хорошую фору, вот вот скроется в зарослях на гребне, и перед копами из фургона стояла нелегкая задача, если они не хотели упустить свою добычу. Высокий полицейский в зеленой рубашке был, похоже, в гораздо лучшей форме, чем его напарник, а может быть, просто его шаг был значительно длиннее шага женщины – как бы там ни было, он понемногу нагонял беглянку. Маленький полицейский сильно отстал, но тоже не сдавался. Джо видел, как он споткнулся сначала об одну, потом о другую гранитную плиту, но, чудом удержавшись на ногах, снова помчался вверх по склону, словно шакал, который, следуя за охотящимся тигром, прилагает отчаянные усилия, чтобы не опоздать и быть на месте, когда жертва будет схвачена и опрокинута на землю.

Джо знал, что за этим причесанным и приглаженным кладбищенским холмом лежат другие, еще не освоенные и не окультуренные, пребывающие в почти первобытном, диком состоянии. Их песчаная почва со вкрапленными в нее мощными глинистыми пластами густо поросла горькой полынью, мескитом, травой вонючкой, толокнянкой и карликовым дубом, чьи скрюченные перепутанные ветви стелились почти по самой земле. Сухие овраги и промоины, изрезавшие склоны холмов, тянулись на сотни ярдов и вели на расположенную почти в самом центре городской зоны территорию Гриффитской обсерватории, примыкавшую к лос анджелесскому зоопарку и представлявшую собой поросший чахлым кустарником обширный участок земли, где во множестве водились гремучие змеи.

Если женщина успеет добежать до холмов прежде, чем ее настигнут, то, петляя между кустарниками и скрываясь в узких глубоких овражках, она сумеет оторваться от преследователей и спастись.

Джо повернулся и зашагал к белому фордовскому фургону. Машина казалась покинутой, но он был уверен, что, осмотрев ее, сумеет кое что узнать.

Почему то Джо хотелось, чтобы женщина спаслась, хотя он не мог бы толком объяснить, почему его симпатии вдруг оказались на ее стороне. Насколько он понимал, эта женщина скорее всего была опасной преступницей, однако она не была похожа ни на грабителя, ни на мошенницу, да и ее манера говорить располагала к доверию. Джо даже пришлось напомнить себе, что он живет не где нибудь, а в Лос Анджелесе, где аккуратные, благополучные подростки из хороших семей расстреливают своих родственников из дробовиков, а оказавшись на скамье подсудимых, льют крокодиловы слезы и умоляют судей проявить милосердие и сжалиться над круглым сиротой. Никто никогда не был на самом деле тем, кем казался, никому нельзя было верить на слово.

И все же... Мягкость ее пальцев, прикоснувшихся к его щеке, словно ласковый ветерок, печаль в глазах и сочувствие в голосе производили впечатление неподдельной искренности.

Незнакомка казалась Джо способной к сопереживанию вне зависимости от того, были ли у нее трения с законом или нет. Он просто не мог желать ей зла.

Громкий хлопок, резкий и неожиданный, эхом разнесся над кладбищем, разорвав сонную тишину и оставив в ней пульсирующую рану. За первым хлопком тут же последовал второй.

Джо обернулся. Женщина была уже на гребне холма; ее силуэт четко выделялся на фоне неба в проеме между двумя оцетинившимися соснами. Синие джинсы, развевающаяся на бегу желтая блузка, длинный летящий шаг. Согнутые в локтях обнаженные коричневые руки прижаты к бокам и ритмично движутся в такт ровному дыханию.

Взгляд Джо опустился ниже по холму. Низенький полицейский в красно-оранжевой гавайке свернул в сторону, так что теперь спина его напарника не загораживала беглянку. Джо увидел, что коп остановился и поднял обе руки с зажатым в них пистолетом. Проклятый сукин сын стрелял вдогонку женщине.

Джо знал, что полицейские – настоящие полицейские – никогда не стреляют в спину безоружным преступникам, даже если последние спасаются бегством.

Ему захотелось помочь женщине, но он ничего не мог придумать. Если два типа в гавайках были полицейскими, то он не имел права вмешиваться. Если же они были не из полиции, тогда Джо сам рисковал быть убитым. Эти люди скорее застрелят его, чем позволят ему помочь той, на кого они охотятся.

Трах ба бах!

Женщина перевалила через гребень, но была все еще видна.

– Скорее! – хрипло прошептал Джо. – Скорее!!!

У него в машине не было телефона, поэтому он не мог позвонить в "Службу спасения". Пока Джо работал репортером, он постоянно возил с собой сотовый телефон, однако теперь необходимость в этом отпала. Он редко кому звонил даже со своего домашнего аппарата.

Тяжелый, как свинец, воздух снова заколыхался при звуке очередного выстрела.

Если эти двое не были полицейскими, рассудил Джо, значит, они либо сошли с ума, либо находились в крайнем отчаянии, если решились прибегнуть к оружию в общественном месте – даже несмотря на то, что в настоящий момент в этой части кладбища почти никого не было. Он был уверен, что звук выстрелов непременно привлечет внимание служащих парка, которые могли просто закрыть массивные входные ворота и помешать стрелкам покинуть территорию кладбища.

Женщина, живая и невредимая, скрылась за гребнем холма. Двое мужчин в гавайских рубашках устремились за ней.

Глава 4

Сердце Джо билось так сильно, что от прилива крови окружающее начинало двоиться перед глазами, но он продолжал бежать к белому фургону.

Фордовский фургон не имел окон в грузовом отсеке и принадлежал к тому типу машин, которые используются для доставки товара в домашних прачечных и мини-пекарнях, хотя ни на боках, ни на задней его дверце не было никаких эмблем или надписей.

Двигатель продолжал негромко урчать на холостых оборотах, а обе передние дверцы так и стояли распахнутыми настежь.

Едва не упав на мокрой траве возле разбрызгивателя оросительной системы, из которого понемногу сочилась ржавая вода, Джо подскочил к пассажирской дверце и засунул верхнюю часть туловища в кабину, надеясь найти сотовый телефон, но телефона, к несчастью, в кабине не было, во всяком случае – на виду.

"Может быть, он в каком-нибудь ящике?" – подумал Джо, открывая крышку на панели.

– Эй, вы поймали Розу? – донесся из грузового отсека глухой мужской голос. Очевидно, в машине оставался еще один человек, который принял Джо за кого-то из своих товарищей.

"Проклятье!"

В бардачке оказалось лишь несколько свернутых бинтов, которые тут же высыпались на пол, и конверт из плотной бумаги с прозрачным окошком и штампом Департамента автотранспорта.

Джо знал, что в нем лежит. По законам штата Калифорния каждый автомобилист обязан был всегда иметь при себе свидетельство о регистрации транспортного средства и страховые документы на машину.

– Эй, кто ты такой? Что тебе здесь надо?! – грозно окликнул его мужчина из грузового отсека.

Схватив конверт, Джо отпрыгнул с добычей от фургона.

Он решил, что спастись бегством слишком рискованно. Человек в фургоне пристрелил бы его без колебаний.

Загребел замок, взвизгнули петли, и задняя дверь фургона резко распахнулась.

Джо бросился на звук. Из за фургона навстречу ему вышел настоящий громила с квадратной челюстью, толстыми, как у Папая "Папай моряк – персонаж популярного мультсериала", предплечьями и бычьей шеей, и Джо решил напасть первым в надежде, что беспричинная и неспровоцированная агрессия поможет ему заставить гиганта врасплох. Не тратя время на разговоры, он с силой двинул противника коленом в пах.

Мужчина сдавленно хрюкнул и, схватившись руками за низ живота, начал заваливаться вперед, но Джо успел ударить его головой в лицо. Громила упал на землю уже без сознания, громко, со всхлипом дыша широко разинутым ртом, поскольку из его сломанного носа обильно текла кровь.

В детстве Джо не был пай мальчиком; он часто дрался со сверстниками, однако с тех пор, как они с Мишель познакомились и поженились, он ни разу не поднял руку на человека. До сегодняшнего дня. За последние два с небольшим часа он уже дважды прибегал к грубой силе, и это обстоятельство неприятно удивило его.

Кроме удивления, Джо чувствовал почти непреодолимое отвращение к себе и своему примитивному, неконтролируемому гневу. Ничего подобного с ним не случалось даже в ранней юности, прошедшей достаточно бурно и беспокойно, однако факт оставался фактом: он снова прилагал огромные усилия, чтобы справиться с собой, хотя со времени инцидента в общественной уборной на пляже прошло совсем немного времени. Катастрофа рейса 353 наполнила его унынием и горечью, но Джо начинал серьезно подозревать, что эти два чувства лежали на поверхности, как масло или нефть на воде, скрывая какое то иное, гораздо более темное и мрачное чувство, в существовании которого он не осмеливаются себе признаться и которое периодически заставляло его душу переполняться гневом и ненавистью.

Если Вселенная была просто равнодушным и холодным механизмом, а жизнь – бессмысленным путешествием от одной черной пустоты к другой, то Джо не мог обвинить в своих несчастьях даже Бога, потому что сетовать на него было бы так же бессмысленно, как пытаться дышать под водой или звать на помощь в пустоте космоса. Но лишь только у него появился предлог сорваться и выместить свое зло и разочарование на людях, как он немедленно им воспользовался. По зрелом размышлении это был достаточно тревожный симптом.

Потирая лоб, который слегка гудел от удара, Джо поглядел на распростертое в траве тело, на разбитый нос врага и почувствовал удовлетворение, которого он не хотел и не искал. Охватившая его мрачная, безумная радость пугала Джо, но вместе с тем он ощущал небывалый душевный подъем и стремление действовать, чего с ним уже давно не случалось.

Здоровяк, которого он нокаутировал не совсем честным приемом, был одет в майку с логотипом видеоигры "Квейк", мешковатые черные джинсы и красные туфли без каблучков. На вид ему было лет двадцать шесть – двадцать восемь, то есть он был примерно на десяток лет младше своих партнеров, в настоящее время исполнявших роль охотничьих собак. Его массивные руки были такими сильными, а ладони такими широкими, что он, наверное, мог бы без усилий жонглировать тыквами. На обеих кистях у основания каждого пальца – за

исключением больших – были вытатуированы буквы, которые вместе составляли слово "АНАБОЛИК".

Судя по всему, громила был не чужд насилия, и если бы Джо не прибег к своей тактике неожиданного нападения, то сейчас именно он лежал бы под колесами фургона с расплюснутым носом, а то и с пробитой головой. Нанеся свой упреждающий удар, Джо ни на йоту не превысил пределов необходимой самообороны, однако его по прежнему беспокоила свирепая, первобытная радость, которую он при этом испытал.

Потом Джо подумал, что мужчина, которого он так удачно уложил, даже отдаленно не напоминал служителя закона. Конечно, несмотря на свою внешность, он все таки мог оказаться копом, и нападение на него могло повлечь за собой самые серьезные последствия, но даже перспектива попасть в тюрьму за нападение на полицейского несколько не уменьшила странной радости Джо по поводу жестокости собственного поступка. Правда, он продолжал ощущать легкую тошноту, да и мысль о том, что он повел себя так, словно на время потерял рассудок, была не из приятных, но, с другой стороны, за прошедший год это был первый случай, когда Джо почувствовал нечто вроде пробуждающегося интереса к жизни.

Быстро оглядевшись по сторонам и не увидев поблизости ничего подозрительного, он опустился на колени возле своей жертвы, все еще опасаясь той бездны, в которую подтапливали его неожиданно пробудившиеся в нем ярость и гнев.

Дыхание вырывалось из горла громилы с мокрым, хрипящим звуком. Дважды он негромко, совсем по детски вздохнул. Потом веки его затрепетали, но он так и не пришел в себя, пока Джо, торопясь, обшаривал его карманы.

Он не нашел ничего, что представляло бы для него интерес или помогло разобраться в том, что происходило на кладбище буквально на его глазах. Несколько монет, складные щипчики для ногтей, стандартное удостоверение личности на имя Уоллеса Мортон Блика, пара кредитных карточек – вот и все, что Джо обнаружил в бумажнике громилы. Ни полицейского значка, ни служебного удостоверения при нем не было. Джо оставил при себе только водительскую лицензию, а все остальное убрал обратно в бумажник и засунул его в задний карман черных джинсов Уоллеса.

Двое стрелков в гавайках еще не появились на холме – очевидно, преследуя женщину, они зашли слишком далеко в холмы, – и Джо решил этим воспользоваться. Схватив бесчувственное тело за ноги, он оттащил его за фургон, где оно было не так заметно, и положил на бок, чтобы мистер Уоллес Мортон Блик ненароком не захлебнулся кровью, продолжавшей сочиться из его сломанного носа.

Потом Джо вернулся к задней дверце фургона и без колебаний поднялся в грузовой отсек. Двигатель продолжал работать, и металлический пол под его ногами неприятно вибрировал, но Джо тут же забыл об этом. Кузов фургона был забит сложнейшим оборудованием для спутниковой связи, подслушивающей аппаратурой и устройствами для электронного сопровождения объектов. К полу было привинчено два компактных кресла, которые могли поворачиваться в любую сторону, обеспечивая оператором доступ к любому рабочему модулю. Протиснувшись мимо первого из них, Джо опустился на мягкое сиденье одного из кресел и повернулся к экрану работающего компьютера. Несмотря на включенную систему кондиционирования, сиденье все еще было теплым, поскольку Уоллес Блик покинул его всего минуту или две тому назад.

На экране компьютера была изображена паутина улиц, и каждая имела название, призванное вселять ощущение мира и покоя. Джо потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что перед ним – подробная карта мемориального парка с его стоянками и служебными дорожками.

Потом его внимание привлекла зеленая мигающая точка. Она не двигалась, и по ее расположению Джо понял, что это скорее всего сам фургон. Вторая точка, тоже неподвижная, но иного, красного цвета, находилась на месте ближайшей автостоянки на некотором расстоянии от фургона. Джо не сомневался, что она означает местоположение его "Хонды".

Система электронного слежения, несомненно, включала в себя лазерный диск с подробнейшей картой Лос Анджелеса и его окрестностей, а возможно – всего штата Калифорния или даже всей страны от побережья до побережья. Одного компакт диска было достаточно, чтобы на нем можно было хранить подробные планы всех городов во всех штатах США и провинциях Канады.

Значит, догадался Джо, кто то спрятал в его машине мощный радиомаяк, испускающий сигнал, который можно принимать даже через спутник. Следящая вычислительная машина преобразовывала этот сигнал, определяла при помощи метода триангуляции местоположение "Хонды" относительно фургона и выводила информацию на экран компьютера. Таким образом люди в фургоне могли следить за его перемещениями, даже не приближаясь к "Хонде" на расстояние прямой видимости.

На пути от Санта Моники до долины Сан Фернандо Джо все время посматривал в зеркало заднего вида, но так и не заметил ни одной машины, которая вызвала бы его подозрение. Теперь загадка разрешилась; фургон мог следовать за ним, держась на расстоянии нескольких миль, а оторваться от него было практически невозможно.

В бытность свою репортером отдела уголовной хроники Джо однажды выезжал на задание с лихими сотрудниками федеральной криминалистической лаборатории, которые использовали схожее, но все же не таков совершенное оборудование.

Подумав о том, что либо Уоллес Блик, либо его напарники могут застать его здесь, если он задержится в фургоне слишком долго, Джо повернулся вместе с креслом, выискивая хоть какие то признаки, которые помогли бы ему разобраться, с каким правоохранительным органом он имеет дело на этот раз, однако Блик и иже с ним оказались весьма аккуратными сотрудниками. Джо не заметил ничего, что помогло бы ему в решении этой загадки.

Единственным, что бросилось ему в глаза, были два выпуска "Уайред", лежавшие возле компьютера, за которым работал Блик. Одна газета была сложена так, чтобы удобнее было читать очередную статью, до небес превозносящую великого Билли Гейтса. Вторая была раскрыта на вкладыше, предназначавшемся для офицеров войск спецназначения, которые хотели бы оставить государственную службу и стать наемниками. Вкладыш рассказывал о новейших кинжалах и ножах, способных рассекал даже кости. Одним движением такого клинка противника можно было выпотрошить, как рыбу. Судя по всему, именно за чтением подобного рода Блик коротал время в те периоды, когда ему нечего было делать, – например, ожидая, пока Джо надоест пялиться на набегающие на берег волны прибоя.

Похоже, татуированный мистер Уоллес Блик был не простым техником при компьютере. Даже если ножи были его хобби, то оно очень ему подходило.

* * *

Когда Джо выбрался из фургона. Блик громко застонал, но, к счастью, так и не пришел в себя. Ноги его несколько раз судорожно дернулись, как у собаки, которой снится охота на кроликов, и красные стильные туфли без каблуков вырвали из земли несколько пучков травы.

Мужчин в гавайках по прежнему не было видно. Кроме того, Джо был почти уверен, что он больше не слышал выстрелов, хотя холмы могли и заглушить пальбу.

Поминутно оглядываясь, он поспешил к своей "Хонде". Хромированная ручка двери ярко сверкала на солнце, и, дотронувшись до нее, Джо обжегся, зашипев от боли.

В салоне было так жарко, что казалось, еще немного, и обивка кресел начнет обугливаться и дымиться. Джо поспешил опустить стекло водительской дверцы, но это вряд ли могло помочь ему.

Запустив двигатель "Хонды", он бросил взгляд в зеркальце заднего вида и увидел неуклюжий колесный трактор, который тащил за собой бортовой прицеп. Трактор медленно приближался с восточной оконечности кладбища, и Джо решил, что он принадлежит парковому хозяйству. Он, однако, не мог сказать, услышал ли тракторист стрельбу или просто был занят рутинными работами по благоустройству территории.

Джо вырулил на дорожку. Он мог бы поехать дальше на запад и, добравшись до границы парка, вернуться к воротам, двигаясь вдоль его периметра, но решил возвращаться тем же путем, каким он сюда приехал. Почему то Джо казалось, что он оставался в фургоне непозволительно долго, и теперь в ушах его явственно раздавалось как будто тиканье часового механизма бомбы, отмеряющего оставшиеся до взрыва секунды. Дорожка, однако, оказалась достаточно узкой, и развернуться за один прием ему не удалось.

Переключив передачу на задний ход, Джо с силой нажал на акселератор и услышал визг покрышек по нагретому асфальту. "Хонда" резво прыгнула назад, Джо затормозил и снова переключил автоматическую коробку передач на повышение.

Тик так, тик так...

Интуиция его не подвела. "Хонда" только начала набирать скорость, поворачивая навстречу медленно движущемуся трактору, как стекло левой задней дверцы рядом с головой Джо разлетелось вдребезги, и осколки посыпались на сиденье.

Выстрела Джо не услышал, но сразу понял, что случилось. Бросив взгляд налево, он увидел на склоне холма псевдополицейского в яркой красно оранжевой рубашке. Он был бледен, как труп, пролежавший несколько дней в холодильнике морга, но в стрелковой стойке стоял уверенно.

Сзади раздавались невнятные, приглушенные расстоянием проклятья, и Джо сообразил, что Блик наконец то пришел в себя. В зеркале заднего вида он смог рассмотреть, что громила на четвереньках отполз от фургона и, трясая своей квадратной головой, как раненый бультерьер после схватки, изрыгает одно за другим страшные ругательства в его адрес. На губах Блика выступила кровавая пена.

Еще одна пуля с тупым стуком пробила корпус машины, и в багажнике что то жалобно звякнуло.

Под рев мотора и завывания горячего ветра, который врывался в салон сквозь опущенное стекло водительской дверцы, вырываясь через разбитое заднее стекло, "Хонда" мчалась к воротам кладбища, вывозя Джо из под обстрела. Скорость ее была так высока, что трактор с прицепом поспешно отвернул в сторону при ее приближении, хотя места для того, чтобы благополучно разъехаться, было больше чем достаточно.

По пути к выходу Джо пронесся мимо двух свежих могил. От одной из них медленно, словно безутешные души, уже расходились скорбящие родственники; возле другой одетые в черное люди все еще сидели на своих складных стульчиках, и их неестественная неподвижность наводила на мысли о том, что они, возможно, решили навсегда остаться с тем, кого любили. Впрочем, и эта картина быстро осталась позади, и Джо увидел семью вьетнамцев, устанавливавших на свежем холмике земли поднос со свежими фруктами и домашней выпечкой. Потом за окном "Хонды" промелькнула необычная белая часовня со шпилем поверх палладианской¹ арки, образованной белыми прямыми колоннами, которые, в свою очередь, опирались на плоскую крышу стилизованной сторожевой башни. Солнце уже склонялось к закату, и в его косых лучах это архитектурное сооружение отбрасывало на дорожку такую странную тень, что, когда Джо пересекал ее, у него на мгновение похолодело в груди. Машинально он рванул руль, машина вильнула, и Джо увидел на взгорке кладбищенский морг, выстроенный в южном колониальном стиле. Его белые гладкие, недавно оштукатуренные стены ослепительно сверкали под солнцем, но Джо – без всякой связи с происходящим – неожиданно подумал, что эта усадьба выглядела бы гораздо уместнее где нибудь среди тропических флоридских болот, а не среди засушливых холмов в Южной Калифорнии.

Потом ему снова стало не до размышлений. Позабыв об осторожности, Джо гнал во весь дух, опасаясь погони, но погони не было. Еще он боялся, что выезд с кладбища будет блокирован несколькими полицейскими патрульными машинами, однако, когда он пересекал ворота, ни одного полицейского автомобиля не было ни видно, ни слышно.

¹ Палладианство – направление в европейской архитектуре; создано итальянским архитектором А. Палладио на основе античных и ренессансных традиций.

Проехав под эстакадой, по которой проходило шоссе Вентура, Джо оказался в густонаселенной части долины Сан Фернандо. В этом людском муравейнике легко было затеряться.

Остановившись на красный сигнал светофора, он, однако, все еще дрожал от напряжения и пережитого страха, машинально глядя на вереницу механических динозавров, которых вывели на субботнюю прогулку члены местного клуба любителей редких и старинных автомашин. Здесь были превосходно сохранившийся "Бьюик Роудмастер" 1941 года, "Форд Спортсмен Вуди" 1947 года с отделкой из светлого клена, выгодно выделявшегося на темно вишневом лаке, и даже "Форд Родстер" 1932 года, оформленный в стиле арт деко¹, с обтекаемыми крыльями и хромированными декоративными накладками на кузове, подчеркивающими скоростные качества машины ветерана. Словом, каждая из дюжины машин являлась неопровержимым свидетельством того, что автомобилестроение – тоже разновидность искусства. Затейливые решетки радиаторов, начищенные медные клаксоны, приподнятые на стойках фары, колеса на спицах, отполированные фигурные крылья и подножки, непривычной формы капоты с фигурками животных на радиаторных пробках, сделанные вручную брызговики с металлическими накладками – все это катилось через перекресток на мягком резиновом ходу под скрип рессор и хромовых сидений, и Джо ощутил, как грудь его стиснуло странное ностальгическое чувство, сладостное и болезненное одновременно.

Проехав еще один квартал, он миновал маленький пыльный сквер, где, несмотря на жару, молодая семья – муж, жена и трое детей играли с золотистым ретривером, который высунув язык носился за мячом.

Чувствуя, как отчаянно забилось его сердце, Джо притормозил. Еще немного, и он остановился бы на обочине, чтобы посмотреть за игрой.

На углу он заметил двух старшеклассниц, которые стояли на краю тротуара и, держась за руки, ожидали сигнала светофора, чтобы перейти на другую сторону. Судя по всему, они были близняшками, и ощущение похожести еще больше усиливалось благодаря одинаковым белым шортам и свежим крахмальным блузкам. Девочки напоминали мираж, глоток прохладной воды в пекле августовского дня, видение, возникшее из потусторонних материй посреди железобетонного ландшафта современного города. Словно ангелы, слетевшие с небес на грешную землю, они, казалось, были окружены сиянием, которое разгоняло, рассеивало смог и синеватые выхлопы множества автомобильных моторов.

Сразу за девочками высилась стена многоквартирного жилого дома в испанском стиле, вдоль которой были сооружены решетчатые шпалеры, густо заплетенные ползучей геранью заухнерией. Заухнерия обильно цвела, и ее плотные алые шапки тяжело оттягивали гибкие плети вниз. Эти цветы очень любила Мишель; она даже посадила несколько кустов во дворе их дома в Студио Сити.

Не успел Джо подумать об этом, как ему стало ясно: что то изменилось. Незаметно, исподволь, но сомневаться в этом не приходилось. Между тем день был таким же жарким, а город – душным и пыльным, как всегда. Следовательно, все дело было в нем самом. Это он изменился, и перемены еще не закончились; Джо буквально физически ощущал, как внутри его все плавится, течет, заново кристаллизуется, настраиваясь на новый лад, и этот процесс было не остановить, как приливную волну.

Его горе несколько не уменьшилось, а одиночество было таким же сильным, как в самую темную безлунную ночь, когда он просыпался на своем убогом матраце в пустой комнате и часами смотрел в темноту, шепча любимые имена, однако, несмотря на то, что даже сегодняшнее утро было окрашено меланхолией и стремлением к смерти, Джо уже точно

¹ Арт деко основанный на геометрических формах декоративный стиль в искусстве 1920 1930 гг., имевший прикладное значение. Употреблялся для оформления мебели, тканей и др. Вновь возродился в 1960 х гг..

знал, что в нем изменилось. Он больше не хотел умирать. Он хотел жить.

И перемена эта произошла с ним вовсе не от того, что на кладбище его чуть не убили. Тот факт, что в него стреляли и едва не попали, сам по себе вряд ли был способен открыть Джо глаза на то, что жизнь по прежнему прекрасна и удивительна. Это было бы слишком просто. Катализатором, запустившим сложный химический процесс, в котором без остатка растворились его равнодушие и апатия, стал гнев. И это был не просто бессильный гнев человека, потерявшего самое дорогое; Джо был в ярости из-за того, что Мишель не может любоваться парадом старых автомобилей, не может увидеть девочек школьниц в белых рубашках, увитые алыми геранями шпалеры на углу улицы или заплетенную пурпурной и розовой бугенвиллеей крышу скромного одноэтажного бунгало. При мысли о том, что ни Нина, ни Крисси никогда не смогут поиграть в мяч или "летающее блюдо" со своей собакой, никогда не украсят мир своей красотой и никогда не испытают ни радости, ни восторга от избранной ими карьеры или счастливого замужества и не познают любви своих собственных детей, его руки сами собой сжимались в кулаки. Ярость изменила Джо, ярость продолжала подстегивать его, ярость не давала ему снова погрузиться в пучины отчаяния и жалости к себе.

"Как ты живешь?" – спросила женщина, фотографировавшая могилы.

"Я еще не готова говорить с тобой", – сказала она.

"Я вернусь, когда будет пора", – пообещала она, словно должна была открыть ему что то очень важное, помочь приобщиться к какому то откровению...

Потом Джо вспомнил двух мужчин в гавайских рубашках. Вспомнил головореза при компьютере, который на досуге изучал холодное оружие, и девушек с пляжа в бикини на шнурках. За ним следили сразу несколько бригад оперативников, ожидавших, пока женщина выйдет на контакт с ним. Фургон, по самую крышу набитый сложнейшей электроникой, компьютерами, направленными микрофонами, камерами видеонаблюдения и прочим, тоже говорил сам за себя, и говорил достаточно красноречиво. А когда он бежал, они хотели застрелить его, застрелить совершенно хладнокровно, потому что...

Почему?

Может быть, они считали, что темнокожая женщина успела сказать ему нечто очень важное – такое, чего он ни в коем случае не должен был узнать? Или потому, что он представлял для них – кем бы они ни были и кого бы ни представляли – опасность только потому, что узнал о существовании этой женщины? А может быть, они решили, что он сумел найти в их фургоне что то такое, что позволит ему установить их личности и разгадать дальнейшие намерения?

Что ж, подвел Джо неутешительный итог, он так ничего и не узнал ни о людях, приехавших в белом фургоне, ни о том, чего они хотели от этой странной женщины. Одно было неоспоримо: все, что Джо знал о гибели своей жены и дочерей, не соответствовало действительности либо частично, либо полностью. Что то в истории катастрофы рейса 353 было нечисто, и теперь кто то пытался спрятать концы в воду.

Чтобы прийти к этому заключению, Джо не понадобился даже его репортерский инстинкт. Подсознательно он понял это в тот самый миг, когда встретил незнакомую женщину возле могил. Увидев в ее руках фотоаппарат, встретив ее исполненный силы взгляд, услышав голос, в котором звучали сострадание и ласка, Джо – даже без этих загадочных слов насчет того, что она еще не готова говорить с ним, благодаря лишь обыкновенному здравому смыслу – понял, что он знает не всю правду.

Он ехал через тихий провинциальный Бербанк и буквально кипел от бешенства. Ощущение несправедливости наполняло его до краев. Мир всегда был холодной и жестокой машиной, и Джо никогда не питал на сей счет никаких иллюзий, но сейчас к этим неотъемлемым свойствам бесконечной Вселенной добавились обычные человеческие пороки: ложь, предательство, равнодушие, алчность.

Еще совсем недавно Джо спорил с собой, пытаясь убедить себя, что пенять на то, как устроен мир, глупо и что только смирение и безразличие способны облегчить его страдания.

И в какой то степени он был прав. Злиться на воображаемое существо, восседающее на небесном престоле, было абсолютно бессмысленно – так же бессмысленно, как пытаться погасить звезды, бросая в них камнями. Но теперь у него появился более подходящий объект для ненависти: люди, которые скрыли или намеренно исказили все обстоятельства гибели рейса 353.

Джо понимал, что ему никогда не вернуть Мишель, Крисси и Нину и что его разбитая жизнь уже никогда не будет целой. Кровоточающие раны в его душе были слишком глубоки, чтобы их можно было залечить, и никакая правда, которую ему, быть может, предстояло узнать, не способна была помочь Джо снова обрести смысл жизни. У него осталось только прошлое, жизнь была кончена, и ничто не в силах было изменить этого факта. Вместе с тем Джо не сомневался в своем праве знать, что именно случилось с его женой и дочерьми, как и почему они умерли. И по чьей вине... Это было не только его правом, но и обязанностью, его священным долгом перед погибшими. Джо обязан был узнать, что случилось с самолетом.

Горечь и боль стали для него точкой опоры, а ярость – рычагом, с помощью которого Джо мог перевернуть весь этот проклятый мир и добраться до истины. И он готов был сделать это вне зависимости от того, что он мог при этом разрушить и кого погубить.

Оказавшись на тихой жилой улочке, Джо подрулил к обочине и остановился. Выключив двигатель, он вышел из машины и медленно обошел ее кругом, хотя и понимал, что у него совсем мало времени. Должно быть, Блик и компания уже мчатся по его следам.

Развесистые кроны выезженных вдоль улицы королевских пальм безжизненно повисли в жарком неподвижном воздухе. Он был густым, как смола, и резные пальмовые листья увязли в нем точь в точь как вплавленная в янтарь муха.

Джо поднял капот "Хонды", но передатчика здесь не было. Тогда он присел перед машиной на корточки и пошарил рукой за бампером. Снова ничего.

Вдалеке послышался свистящий рокот вертолетных винтов. Он становился все громче и громче.

Джо переместился на правую сторону машины и ощупал пространство за передним колесом с пассажирской стороны, но только испачкал пальцы в грязи и тавоте. Под задним крылом передатчика тоже не оказалось.

Шум вертолета превратился в оглушительный рев. Маленькая верткая машина показалась с северной стороны и промчалась прямо над головой Джо. Она шла на высоте не больше пятидесяти футов над домами, и длинные, изящные листья пальм затряслись и закачались под ветром, поднятым винтом вертолета.

Джо в тревоге запрокинул голову и посмотрел вслед удаляющейся машине. Ему казалось, что вертолет разыскивает именно его, однако рассудок подсказывал, что это предположение не имеет под собой никаких оснований. Должно быть, у него просто разыгралось воображение.

Вертолет исчез за домами на юге, даже не замедлив ход. На борту его не было ни полицейской эмблемы, ни какой либо другой надписи.

Кроны пальм перестали раскачиваться и снова замерли под лучами палящего солнца.

Джо снова присел у заднего бампера машины и наконец нащупал скрытый под ним передатчик. Вместе с батареями передатчик был не больше пачки сигарет. Посылаемый им сигнал был, разумеется, не слышен.

Маленькая коробочка выглядела совершенно безвредной.

Джо положил ее на мостовую и открыл багажник, намереваясь достать монтировку и превратить аппарат обломки, но в это время с ним поравнялся медленно движущийся грузовик муниципальной службы, из кузова которого грустно свешивались свежесрезанные ветви деревьев и кустов.

Широко размахнувшись, Джо забросил передатчик в кузов грузовика. Он рассчитывал, что это поможет ему выиграть время, пока Блик и компания будут сопровождать грузовик до ближайшей помойки.

Проехав некоторое расстояние, Джо снова заметил на юге вертолет. Он кружил над

городом по сужающейся спирали, зависал и снова начинал кружить, и Джо понял, что его опасения не были беспочвенными. Вертолет находился либо над кладбищем, либо – что было еще вероятнее – над заросшей кустарниками пустошью возле Гриффитской обсерватории.

Он явно искал женщину, и Джо невольно подумал о том, насколько внушительными возможностями располагают его враги.

Часть вторая

Поисковый стереотип

"Лос Анджелес таймс" публиковала рекламы больше, чем любая другая газета в Соединенных Штатах. Благодаря этому она продолжала приносить своим владельцам доход даже в тот век, когда большинство печатных средств массовой информации оказалось в загоне. Редакция "Таймс" находилась в деловом центре города, в многоэтажном здании, которое целиком принадлежало газете и занимало почти весь квартал.

Штаб квартира скромной "Лос Анджелес пост" располагалась даже не в Лос Анджелесе, а занимала старенькое четырехэтажное здание в Сан Вэли, неподалеку от аэропорта Бербанк – в пределах мегаполиса, но за границей городской черты.

Вместо многоуровневого подземного гаража возле штаб квартиры "Пост" имелась простая открытая автостоянка, окруженная забором из металлических цепей, поверх которого были протянуты спирали колючей проволоки, а вместо улыбающегося служителя в форме с приколотым к карману удостоверением за въездом на стоянку надзирал угрюмого вида молодой человек лет девятнадцати двадцати, который сидел на складном стульчике под грязноватым ресторанным зонтом с выцветшей эмблемой "Чинзано", худо бедно закрывавшим его от солнца.

Молодой человек слушал по радио рэп волну. Его чисто выбритая голова влажно блестела от испарины, в правой ноздре болталась золотая серьга, а ногти были покрашены в черный цвет. Свободные черные джинсы были тщательно разорваны на коленях, а на черной майке навывпуск значилось большими красными буквами: "FEAR NADA" "Fear nada: буквально – страха нет (англ. и исп.).". На все въезжающие машины молодой человек взирал с таким выражением на лице, словно он заранее оценивал каждую и прикидывал, сколько можно будет за нее выручить, если угнать ее и разобрать на запчасти. На самом деле, как понял Джо, он просто высматривал пропуск на ветровом стекле и отправлял на муниципальную стоянку те автомобили, которые не имели отношения к редакции.

Пропуска менялись каждые два года, но бумажка, приклеенная к ветровому стеклу его "Хонды", все еще была действительна. Джо уволился через два месяца после катастрофы самолета, но его редактор, Цезарь Сантос, отказался принять его отставку и отправил Джо в неоплачиваемый бессрочный отпуск, который гарантировал ему место в случае, если он надумает вернуться.

Но Джо так и не надумал. Он твердо знал, что никогда не вернется в газету. Просто сейчас ему необходимо было воспользоваться редакционным архивом.

Вестибюль редакции выглядел достаточно унылым и казенным. Металлические стулья с синими пластмассовыми сиденьями, покрашенные в бежевый цвет стены, кофейный столик с пластиковой столешницей под камень, два сегодняшних номера "Пост" – такова была убогая обстановка, которую не оживляли даже несколько черно белых фотографий на стене, сделанных самим Биллом Хэннетом, легендарным фоторепортером "Лос Анджелес пост", удостоенным за свое искусство нескольких специальных журналистских премий. На снимках были запечатлены эпизоды недавних беспорядков: объятый пламенем город и толпы ухмыляющихся молодчиков на улицах, а также сцены постигшей катастрофы – разрушенные землетрясением дома, широкие трещины в асфальте, молодая мексиканка, прыгнувшая навстречу собственной гибели с шестого этажа пылающего дома, хмурое грозное небо и роскошная усадьба на фоне океана, чудом удерживающаяся на гребне изуродованного

оползнем холма. Собственно говоря, в этом не было ничего удивительного – ни одно средство массовой информации, будь то газета, радиостанция или телеканал, не могло создать себе имя и репутацию на хороших новостях.

Глава 5

В вестибюле сидел за конторкой Дьюи Бимис, совмещавший обязанности секретаря и охранника. Он работал в "Пост" уже больше двух десятков лет – с тех самых пор, когда эксцентричный и самовлюбленный миллиардер основал эту газету, наивно полагая, что ему удастся сбросить с олимпа власти "Лос Анджелес таймс", печально известную своими тесными связями с политическими и финансовыми воротилами. В первое время его детище располагалось в новеньком здании в престижном районе Сенчури Сити, где все приемные и холлы были оформлены и меблированы по проекту супердизайнера Стивена Чейза. Впрочем, тогда Дьюи еще не был секретарем, а работал простым охранником, каковых, к слову сказать, в те далекие времена было семеро.

Но время шло, и оказалось, что даже снедаемому манией величия миллиардеру может надоест швырять деньги в бездонный колодец, которым оказалась "Лос Анджелес пост". Небоскреб в Сенчури Сити был продан, и газета переехала в более скромное здание в Сан Вэли. Великому переселению предшествовало сокращение штатов, но Дьюи сумел удержаться на своем месте благодаря тому, что при росте шесть футов и четыре дюйма, бычьей шее и таких широких плечах, что в узкие двери ему приходилось проходить боком, оказался единственным из охранников, умевшим печатать на машинке со скоростью восьмидесяти слов в минуту. Кроме того, он вполне прилично разбирался в компьютерах и прочей редакционной технике, которая частенько выходила из строя.

Со временем "Пост" перестала приносить убытки, но о прибыли по-прежнему не было и речи. Тем не менее положение ее стабилизировалось, и блестящий мистер Чейз даже успел спроектировать для редакции несколько великолепных интерьеров, появившихся, увы, только на страницах "Архитектор дайджест" и еще где-то, потому что их автор неожиданно скончался, несмотря на свой дизайнерский гений. Так, несмотря на все свое богатство, когда-то отдаст концы чудаковатый миллиардер; так умрет однажды и Дьюи Бимис – умрет, несмотря на свои разнообразные таланты, приветливую улыбку и заразительный смех.

– Джо! – воскликнул Дьюи и, радостно ухмыляясь, поднялся со своего кресла за конторкой. Издалека он был похож на огромного бурого медведя, который встал на дыбы и протягивает вперед свою широкую лапу.

– Как дела, Дью? – кивнул Джо, пожимая протянутую руку.

– Карвер и Мартин недавно закончили лос-анджелесский университетский колледж, закончили с отличием. Теперь старший пойдет по медицинской части, а второй хочет стать юристом! – выпалил Дьюи с таким жаром, словно этой новости было всего несколько часов и она должна была попасть на первую полосу завтрашнего воскресного выпуска "Пост". По всему было видно, что, в отличие от своего работодателя миллиардера, Дьюи гораздо больше гордится не собственными достижениями, а успехами своих детей.

– ...А Юлия закончила второй курс Йельского университета и снова получила стипендию. Ее общий показатель – три и восемь десятых. Осенью ее хотят сделать редактором студенческого литературного журнала – она, видишь ли, очень хочет стать писательницей, как эта... Энни Пролл, которую она все время перечитывает...

Тут Дьюи вспомнил о катастрофе рейса 353, и по его глазам пробежала тень. Устыдившись своего порыва, он неловко оборвал себя на полуслове и замолчал, не желая больше похвастаться своими детьми перед человеком, который потерял семью.

– Как поживает Лина? – не без усилия спросил Джо, имея в виду жену Дьюи.

– Хорошо... То есть все нормально. Нормально она поживает... – Дьюи натянуто улыбнулся, стараясь загладить свой промах. Очевидно, ему было нелегко справиться с воодушевлением, которое охватывало его каждый раз, когда он заговаривал о семье.

Джо всегда ненавидел в своих друзьях эту неловкую жалость. Даже по прошествии целого года она никуда не исчезла, и это угнетало его. Именно по этой причине он так старательно избегал всех, кого знал в своей прошлой жизни. Жалость и сочувствие в глазах друзей, несомненно, были искренними, но Джо казалось, что все они осуждают его за неспособность собраться с силами и начать жить сначала. Впрочем, тут он скорее всего ошибался.

– Послушай, Дьюи, – сказал он, – мне нужно подняться наверх и кое что проверить. Я расследую одно дело и хочу воспользоваться нашей базой данных. Если можно, конечно...

Дьюи просветлел лицом.

– Ты хочешь вернуться, Джо? – радостно спросил он.

– Может быть, – солгал Джо.

– Вернуться в штат, чтобы снова работать?

– Я подумывают об этом.

– Мистер Сантос будет очень рад услышать об этом.

– Кстати, Кай Юлий сегодня на месте?

– Нет, шеф в отпуске. Укатил на рыбалку куда то в Ванкувер.

Джо испытал огромное облегчение, узнав, что ему не придется лгать Цезарю Сантосу и выдумывать какие то веские причины, объясняющие его появление.

– Меня интересует кое какая информация, – повторил он. – Я задумал репортаж о некоторых необычных человеческих причудах. Он будет отличаться от того, что я делал раньше, поэтому я решил, что для начала мне нужно будет покопаться в архиве.

– Я уверен, что мистер Сантос хотел бы, чтобы ты чувствовал себя здесь как дома. Ступай и делай, что тебе надо.

– Спасибо, Дьюи.

Джо прошел сквозь вращающуюся дверь и оказался в длинном полутемном коридоре, покрытом затоптанной и вытертой ковровой дорожкой зеленого цвета. Стены здесь были выкрашены масляной краской, которая от времени стала рябой, а звукопоглощающее покрытие на потолке вылиняло и поблекло, и Джо невольно подумал о том, что с тех пор, как редакция переехала из роскошного особняка в Сенчури Сити и отказалась от всех внешних атрибутов богатства и благосостояния, ей не оставалось ничего другого, как поддерживать имидж оппозиционной газеты, вынужденной мириться с бедностью ради правого дела.

В нише слева располагались лифты. Двери обеих шахт были помяты и поцарапаны.

Первый этаж, на котором размещались в основном архивы и офисы отделов распространения и приема рекламы, был безлюден и погружен в субботнюю тишину. Должно быть, именно поэтому Джо чувствовал себя не в своей тарелке. Он был уверен, что любой из сотрудников редакции, который встретится ему в этом пустом коридоре, сразу поймет, что он проник сюда под фальшивым предлогом, преследуя цели, которые не имеют к журналистике никакого отношения.

Джо как раз ждал лифта, когда в коридоре послышался топот. Нервно обернувшись, он увидел Дьюи, который, размахивая руками, спешил к нему. В кулаке секретарь охранник сжимал белый плотный конверт.

– Чуть не забыл, – сказал он, отдуваясь. – Несколько дней назад к нам заходила одна леди. Она сказала, что у нее есть материал специально для твоего репортажа.

– Какого репортажа?

– Она не сказала. Но, по ее словам, ты должен быть в курсе.

Джо машинально взял конверт. Подъехал лифт, и двери открылись с тяжелым вздохом.

– Я сказал ей, что ты уже десять месяцев у нас не работаешь. Тогда она попросила твой телефонный номер, но я, конечно, сказал, что не могу дать ей ни телефона, ни адреса, – добавил Дьюи.

– Спасибо. – Джо шагнул в лифт.

– Я обещал, что перешлю письмо тебе или, в крайнем случае, позвоню, и только потом обнаружил, что ты переехал и что твоего номера нет в справочнике. И вообще ни у кого нет.

– Вряд ли это срочный материал, – уверил охранника Джо и взмахнул конвертом. В конце концов, он вовсе не собирался возвращаться к журналистике, но Дьюи не обязательно было об этом знать.

Двери лифта начали закрываться, но Дьюи поставил в щель ногу. Нахмурившись, он сказал:

– Ни в личном деле, ни в картотеке учета кадров не оказалось никаких сведений о том, куда ты девался. Никто из твоих друзей не знал, как с тобой связаться.

– Да, – кивнул Джо. – Так и было.

Дьюи немного поколебался.

– Я понимаю, – сказал он наконец. – Тебе нужно было отлежаться. Наверное, ты чувствовал себя на самом дне пропасти.

– Это верно, – признал Джо. – Но я выкарабкаюсь, дай только срок.

– Друзья могли бы спустить тебе веревку или придержать лестницу, чтоб не очень шаталась.

Джо, тронутый до глубины души, только кивнул.

– Не забывай, – строго сказал Дьюи.

– Спасибо, Дью.

Секретарь охранник убрал ногу, двери лифта закрылись – и кабина тронулась вверх.

* * *

Третий этаж почти целиком занимал отдел новостей. Огромный главный зал разделялся при помощи легких перегородок на несколько десятков крошечных кабинок, так что охватить взглядом все пространство целиком было физически невозможно. В каждой кабинке был установлен подключенный к редакционной сети компьютер, телефон, вращающееся рабочее кресло и прочие приспособления, необходимые современному представителю второй древнейшей профессии.

Джо знал, что такой же зал имеется и в редакции "Таймс". Вся разница заключалась в том, что у конкурентов он был гораздо просторнее, а мебель и модульные разборные кабинки – современнее, да и в воздухе не пахло ни асбестовой пылью, ни формальдегидами, которые обильно выделяла разлагающаяся от старости отделка стен. Кроме того, в отделе новостей "Таймс" даже в субботу вечером кипела работа, чего нельзя было сказать о "Пост".

За последние несколько лет Джо дважды предлагали перейти в "Таймс", но оба раза он отказывался. "Серая Леди", как называли конкурирующую "Лос Анджелес таймс" в некоторых кругах, действительно была профессиональной и мощной газетой, однако именно рекламные объявления обеспечивали для нее сытую жизнь, и боязнь их потерять заставляла ее тратить на поддержание сложившегося "статус кво" слишком много усилий. Джо был уверен, что только в "Пост" ему будет позволено высказываться достаточно агрессивно и резко; больше того, именно такие репортажи от него здесь требовались. И хотя редакция "Пост" подчас напоминала психушку, Джо были весьма по душе энергичный, напористый стиль газеты, стремление ее сотрудников непременно докопаться до сути и репутация издания, которое никогда не выдавало политические заявления власть имущих за настоящие новости и считало всех без исключения чиновников либо коррумпированными, либо некомпетентными, либо сексуально озабоченными, либо рвущимися к неограниченной власти.

Несколько лет назад, после печально знаменитого землетрясения в Нортридже, сейсмологи неожиданно обнаружили тесную связь между двумя тектоническими разломами, один из которых проходил через самый центр Лос Анджелеса, а другой залегал под долиной Сая Фернандо. Тогда в отделе новостей многие шутили, что город, дескать, может потерпеть серьезный ущерб, поскольку теперь одного мощного подземного толчка достаточно, чтобы уничтожить одновременно и здание "Таймс" в деловом центре Лос Анджелеса, и редакцию "Пост" в Сан Вэли. Согласно той же шутке без последней лос анджелесцы не будут знать,

какие политики и должностные лица запускают лапы в городскую казну, берут взятки у наркодельцов или занимаются скотоложством, однако еще большей потерей для них будет отсутствие воскресного приложения "Таймс", из которого городские жители привыкли узнавать, какие магазины проводят распродажу по сниженным ценам.

И если "Пост" бывала порой такой же настырной и безжалостной, как терьер, почуявший запах крысы, то для Джо это вполне искупалось возведенной в принцип беспристрастностью и объективностью. Подавляющее большинство тех, кого газета избирала мишенью для критики, действительно оказывались настолько продажными и коррумпированными, как о них писалось, и это было самым главным.

Было и еще одно обстоятельство. Мишель тоже работала в "Пост" и вела колонку, посвященную культурным событиям, а иногда ей поручали даже редакционные статьи. Здесь Джо познакомился с Мишель, здесь он за нею ухаживал, здесь они вместе наслаждались ощущением принадлежности к предприятию, которое ведет тяжелую, безнадежную, но благородную борьбу. Даже в первые месяцы и первой, и второй беременности Мишель продолжала работать в этих стенах, и Джо не мог сбрасывать это обстоятельство со счетов.

Вот и сейчас помещения редакции снова напомнили ему о Мишель, и Джо подумал, что даже в случае, если он оправится настолько, что жизнь снова обретет смысл и цель, ради которых стоит бороться, дорогие образы снова и снова будут всплывать в его памяти каждый раз, когда он будет переступать порог этого здания. Иными словами, как бы ни повернулась его дальнейшая жизнь, он все равно не смог бы работать в "Пост".

Вздохнув, Джо направился прямо к своему бывшему рабочему месту в подотделе городских новостей. Он был рад, что ему не встретился никто из старых знакомых. Кроме того, после ухода Джо его место досталось Рэнди Колуэю – отличному парню, который не был бы в претензии, даже если бы застал Джо в своем кресле.

Опустившись в кресло, Джо сразу увидел приколотые к стене фотографии жены Рэнди, его девятилетнего сына Бена и шестилетней дочери Лизбет. Он долго смотрел на них, потом отвел взгляд и больше не поворачивался в ту сторону.

Включив компьютер, Джо сунул руку в карман и извлек оттуда конверт со штампом Департамента автотранспорта, найденный им в кабине белого фургона. Как он и ожидал, внутри оказалась официальная регистрационная карточка, однако, к его огромному удивлению, владельцем машины числилось не правительственное правоохранительное агентство и даже не частное сыскное бюро, а какая то корпорация со странным названием "Медспек Инк.". Этого Джо никак не ожидал. При ближайшем рассмотрении Уоллес Блик и остальные двое любителей стрельбы с бедра мало походили на полицейских или федеральных агентов, однако в них было гораздо больше от служителей закона, чем от всех сотрудников корпоративных служб безопасности, с которыми Джо когда либо приходилось сталкиваться.

Впрочем, эту загадку можно было отложить на будущее. У Джо был свой план, которому он твердо решил следовать. Перво наперво, он вышел в архивную директорию, в которой в цифровом виде хранились все номера "Пост", увидевшие свет за прошедшие со дня основания газеты два десятка лет. Здесь можно было найти любую информацию, в том числе фотографии, исключая, разумеется, комиксы, гороскопы, кроссворды и тому подобную дребедень. Включив режим поиска, Джо ввел ключевое слово "Медспек" и нашел шесть упоминаний. Все это были крошечные – в одну две строки – заметочки из раздела "Бизнес", Джо прочитал их целиком.

Корпорация "Медспек", зарегистрированная в Нью Джерси, начиналась как служба воздушной "Скорой помощи", охватывающая несколько крупных городов. Некоторое время спустя она стала специализироваться на срочной доставке необходимых медицинских инструментов и материалов, охлажденной или консервированной крови, кожи и органов для трансплантации, а также дорогостоящего и хрупкого медицинского оборудования. Кроме того, корпорация несколько раз подряд была вынуждена транспортировать в высшей степени опасные бактериологические препараты для гражданских и военных исследовательских лабораторий.

Столь специфические задачи обусловили наличие целого парка самых современных самолетов и вертолетов.

Вертолетов...

И вместительных белых фургонов без опознавательных знаков.

Далее Джо узнал, что восемь лет назад контрольный пакет акций "Медспек Инк." был куплен "Текнолоджик Инк." – делавэрской корпорацией, обладающей разветвленной сетью отделений и дочерних компаний, благодаря которым она занимала не последнее место в медицинской и компьютерной индустрии. Но даже компьютерные холдинг компании "Текнолоджик Инк." занимались в основном разработкой программного обеспечения для медицинских учреждений и исследовательских лабораторий.

Джо повторил поиск, используя "Текнолоджик" в качестве ключевого слова, и получил сорок одну статью, большинство из которых также публиковались в бизнес разделе "Пост". Первые две оказались настолько сухими, настолько насыщенными специальным финансовым и бухгалтерским жаргоном, что Джо с трудом их одолел.

Четыре самых длинных статьи он решил распечатать, чтобы ознакомиться с ними позднее.

Пока старенький принтер, урча и побряхтывая от натуги, выплевывал в лоток готовые страницы, Джо заказал список статей, которые "Пост" посвятила катастрофе рейса 353, и на экране появился перечень заголовков с датой публикации.

Чтобы работать с этими материалами, Джо потребовалось все его мужество. Минуту или две он сидел неподвижно, крепко зажмурив глаза и глубоко дыша, стараясь вызвать перед своим мысленным взором образ океанских волн, равномерно набегающих на песчаный берег. Наконец, все еще сжимая челюсти с такой силой, что его лицо едва не перекосило судорогой, Джо начал вызывать на экран одну статью за другой, ища боковую колонку с полным списком пассажиров.

Попадались ему и фотографии, но он старался проскакивать их побыстрее, чтобы не видеть обломков "Боинга", которые сила удара превратила в мелкий мусор или искорежила до такой степени, что непосвященному глазу трудно было бы опознать самолет в этих сюрреалистических скульптурах и горах хлама. Все же глаза Джо невольно останавливались на некоторых снимках, сделанных утром после катастрофы. На них были запечатлены бледный рассвет, серый, унылый дождь, начавшийся через два часа после падения "Боинга", и специалисты Национального управления безопасности перевозок, которые ходили по перепаханному лугу в белых биозащитных костюмах и шлемах с пластиковыми забралами. На заднем плане виднелись расщепленные, опаленные огнем деревья, вцепившиеся скрюченными черными сучьями в бледный бок неба.

Джо быстро пролистал несколько страниц и обнаружил список членов экспертной группы немедленного реагирования НУБП, занимавшихся расследованием обстоятельств гибели рейса 353. В группе было четырнадцать человек, а руководила ею некая Барбара Кристмэн.

Было и несколько статей с фотографиями членов экипажа и пассажиров. Разумеется, не все триста двадцать душ удостоились этой чести; предпочтение было отдано жителям Южной Калифорнии, возвращавшимся домой, в то время как обитатели восточной части страны, направлявшиеся на запад для отдыха или по делам, почти не были представлены в этом мрачном мартирологе катастрофы. Фотографии Мишель с дочерьми были особенного большого формата: "Пост" считала их как бы членами своей семьи, тем более что Мишель тоже работала в газете.

Восемь месяцев назад, во время переезда на новую квартиру, Джо почувствовал, что не может больше без конца просматривать семейные альбомы и разрозненные моментальные снимки. Тогда он упаковал все фотографии в большую картонную коробку и убрал подальше, в самый дальний угол единственного чулана, уговаривая себя, что чем больше он будет ковыряться в своих ранах, тем дольше ему придется ждать исцеления.

И вот теперь, когда лица Мишель и девочек появились на экране монитора, Джо едва не

задохнулся от боли, хотя ему казалось, что он подготовился достаточно хорошо. Официальный снимок, сделанный для личного дела штатным фотографом "Пост", запечатлел только красоту Мишель, почти не отразив ни ее нежного очарования, ни ума, ни задора в уголках губ, но Джо было от этого нисколько ни легче. Для него это все равно была Мишель – та самая Мишель, которую он любил.

Крисси и Нина были сфотографированы на рождественском утреннике, который "Пост" устраивала для детей сотрудников. Этот снимок был гораздо удачнее: глаза Крисси счастливо сияли, а Нина – которая иногда настаивала на том, чтобы ее имя произносилось как Найна, – улыбалась в объектив своей милой, хитровой улыбкой, при виде которой Джо всегда казалось, что девочка знает все волшебные тайны на свете.

Сейчас при виде этой фотографии Джо вспомнил глупый стишок, который он иногда декламировал дочери, укладывая ее в постель. Прежде чем Джо успел справиться с собой, губы его сами собой произнесли:

– Найну Нину мы искали, Найну Нину потеряли...

Потом Джо почувствовал, что еще немного, и он утратит власть над собой и своими эмоциями, и торопливо щелкнул "мышью", чтобы убрать дорогие лица с экрана, но стереть образы жены и дочерей из памяти было не так просто. Теперь он видел их перед собой еще яснее, чем тогда, когда убирал фотографии в коробку и заклеивал скотчем.

Найну Нину мы искали, Найну Нину потеряли...

Наклонившись вперед, Джо закрыл лицо руками и только невнятно повторял сквозь стиснутые зубы:

– Черт! О, черт!..

Прибой разбивался о берег – такой же, как вчера, такой же, каким он будет завтра. Тикали часы, тени ползли по стенам, восходы чередовались с закатами, фазы луны сменяли друг друга, мерно двигались поршни, качались рычаги, вращались гигантские зубчатые колеса и валы. Вечные ритмы, бессмысленные движения.

Безразличие – вот единственное лекарство от безумия и отчаяния.

Джо с трудом отнял руки от лица, выпрямился и попытался сосредоточиться на экране компьютера.

Больше всего он боялся привлечь к себе внимание. Если бы кто то из старых знакомых заглянул сейчас в кабинку и увидел его в таком состоянии, Джо пришлось бы изобретать какие то предлоги, чтобы объяснить, что он здесь делает. Между тем он был в таком состоянии, что даже простое общение потребовало бы от него титанических усилий.

Наконец Джо нашел то, что искал, – полный список пассажиров злосчастного авиалайнера. "Пост" сэкономила ему время и силы, выделив в отдельную колонку всех, кто жил в Южной Калифорнии. Джо распечатал все эти имена вместе с названиями городов, где оставались родственники или дома погибших.

"Я еще не готова говорить с тобой", – сказала ему женщина, которая фотографировала могилы. Значит, у нее было что сказать.

"Не отчаивайся. Ты увидишь, как и другие..." – сказала она.

Что он может увидеть?

Что?!

Джо терялся в догадках. На его взгляд, эта незнакомая женщина вряд ли могла сказать или показать ему что то такое, что помогло бы ему совладать со своим отчаянием.

Таких вещей просто не существовало в природе.

"...Как и другие. Ты увидишь, как и другие".

Какие другие?

На этот вопрос мог быть только один ответ. Другие – это люди, которые, как и Джо, потеряли своих близких родственников во время катастрофы рейса 353. Люди, которые пребывали в таком же отчаянии, как и он, и с которыми эта странная женщина уже поговорила.

И Джо вовсе не собирался ждать, пока незнакомка снова разыщет его. Он очень хорошо

понимал, что, коль скоро Уоллес Блик и компания гонятся за ней по пятам, она может не успеть нанести Джо визит и удовлетворить его любопытство.

* * *

Когда Джо закончил сортировать и скреплять распечатки, он заметил на столе белый конверт, который Дьюи Бимис дал ему у лифта. Садясь за компьютер, Джо прислонил его к коробке салфеток "Клинекс" и забыл про него.

Когда он работал репортером отдела уголовной хроники, подписанные им статьи появлялись на страницах "Пост" довольно регулярно и некоторые читатели присылали ему материалы или даже просто письма, в которых указывали ту или иную проблему, на которую следовало бы обратить внимание. Разумеется, большинство таких добровольных помощников были, мягко говоря, не в своем уме. Одни всерьез считали себя жертвами тайной сатанистской секты, окопавшейся в городском департаменте садово паркового хозяйства; другие сообщали о заговоре флагманов табачной промышленности, намеренно вводящих никотин в состав детского питания; третьи сообщали, что раскрыли у себя под боком гнездо паукообразных пришельцев из соседней галактики, прикинувшихся семьей безобидных корейских иммигрантов.

Однажды Джо пришлось иметь дело с испуганным и возбужденным мужчиной, который, дико вращая глазами, утверждал, что мэр Лос Анджелеса вовсе не человек, а робот, запрограммированный и управляемый отделом аниматроники местного Диснейленда. Джо заговорщически понизил голос и сказал, нервно оглядываясь по сторонам: "Знаете, нам стало известно об этом несколько лет назад, но мы ничего не можем сделать. Если мы напечатаем хоть слово, сотрудники Диснейленда явятся сюда в полном составе и перебьют нас всех до единого".

Должно быть, его ответ прозвучал достаточно искренно и правдоподобно; во всяком случае, псих отпрянул от него так, словно на него плеснули кипятком, и бросился бежать.

Именно поэтому, вскрывая конверт, Джо ожидал найти в нем очередное небрежно нацарапанное карандашом для ресниц сообщение о злонамеренных марсианах, живущих среди нас под видом мормонов, или чтонибудь в этом роде.

В конверте лежал сложенный втрое лист белой бумаги. На нем было всего несколько строчек, да и те были аккуратно напечатаны на машинке, однако, прочитав их, Джо сгоряча решил, что письмо передал ему очередной шизофреник, болезнь которого беспрепятственно прогрессировала, пока не дошла до последней стадии.

"Мне обязательно нужно связаться с вами, Джо. Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности. Я была на борту рейса 353".

Джо еще раз перечел письмо. Какая чушь! Все, кто был на борту рейса 353, погибли. В письма с того света он никогда не верил, что, возможно, и отличало его от абсолютного большинства жителей Города Ангелов, вступившего в Новый Век.

Письмо было подписано именем Розы Такер, рядом с которым значился лос анжелесский телефонный номер. Адреса не было, хотя Джо внимательно осмотрел лист бумаги и даже заглянул внутрь пустого уже конверта.

Вертя в руках загадочное послание, Джо чувствовал, что внутри его снова разгорается гнев, подобный тому, который пылал в его душе совсем недавно и который грозит снова превратиться во всепоглощающий пожар. Он почти с яростью сорвал трубку телефонного аппарата, чтобы позвонить мисс Такер и объяснить ей в самых простых и доступных выражениях, какой она жестокий и бессердечный кусок дерьма, коли позволяет себе делать объектом глупой мистификации вещи и темы, которые причиняют другим людям боль, и что ее шизоидные фантазии, которые она тешит, питаясь чужим горем, словно вампир, должны оставаться ее частным делом, но тут в памяти Джо всплыли слова, которые произнес Уоллес Блик, еще не видя, кто хозяйничает в кабине фургона.

"Вы поймали Розу?" – спросил он, полагая, что это вернулся кто то из его бравых

товарищей.

Розу...

В тот момент Джо был напуган голосом Блика буквально до потери сознания; кроме того, он боялся возвращения ковбоев в гавайских рубашках, боялся за жизнь убегавшей от них женщины, поэтому он и не обратил никакого внимания на то, что сказал громила.

И вот теперь он вспомнил его слова.

Очень может быть, что женщину, фотографировавшую могилы его жены и дочерей, звали Роза Такер.

Джо по прежнему допускал, что Роза могла оказаться жалкой, больной неудачницей, живущей в мире своих параноидных фантазий, однако в этом случае "Медспек", "Текнолоджик" или кто либо другой вряд ли стали бы тратить такие средства и задействовать столько людей только для того, чтобы отыскать ее.

Потом он вспомнил, какие чувства вызвало в нем одно только присутствие этой женщины, ее прямота, ее самообладание и сверхъестественное спокойствие. В ее взгляде не было безумия, одна только сила.

Нет, она не выглядела помешанной. Скорее наоборот.

Мне нужно связаться с вами, Джо. Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности. Я была на борту рейса 353.

Джо сам не заметил, как встал с кресла. Сердце его отчаянно колотилось, в ушах шумела кровь, лист бумаги дрожал в судорожно сжатых ладонях. Ему хотелось немедленно куда то бежать, что то делать... но что?

Он выглянул в проход между двумя рядами рабочих кабинок и обвел взглядом рабочую комнату, надеясь увидеть когонибудь, с кем он мог бы поделиться своим открытием.

"Взгляни сюда, – сказал бы он. – Здесь что то не так, чертовски не так! Господи, я почти уверен, что все это было совсем иначе, не так, как нам сказали! Кто то уцелел во время катастрофы, уцелел, спасся, выжил'.

Мы обязаны что то предпринять, чтобы докопаться до истины. Нам объявили, что никто не спасся, никто! "Страшная катастрофа, все пассажиры погибли, примите наши соболезнования". В чем еще нас обманули? Как, какой смертью погибли пассажиры этого рейса на самом деле? Почему они погибли? Почему?"

К счастью, прежде чем кто то из немногочисленных работников заметил его, трясущегося от волнения и ярости, прежде чем сам Джо увидел коголибо из знакомых, он вдруг передумал и решил не делиться ни с кем своим открытием. Роза Такер неспроста писала, что ее жизнь зависит от его осторожности и благоразумия.

Кроме того, ему в голову неожиданно пришла одна сумасшедшая идея, которая, как ни странно, казалась особенно убедительной именно в силу своей иррациональности. Джо был совершенно уверен, что, если он покажет кому то этот листок бумаги, он окажется чистым; если он покажет кому то водительскую лицензию Блика, то это окажется его собственная водительская лицензия, а если он сумеет уговорить кого то из репортеров поехать с ним на кладбище, то в траве не будет ни стреляных гильз, ни черного следа на дорожке, где тормозил странный фургон. И, разумеется, никто из работников парка не вспомнит, что видел белый "Форд" или слышал звуки выстрелов.

Нет, эта тайна была только его тайной, и Джо неожиданно понял, что разгадать ее не просто обязанность, а его священный долг в самом высоком смысле этого слова. Отныне в этом заключались его цель, его предназначение и весь смысл его жизни. И, возможно, крохотная надежда.

Джо мысленно произнес все эти слова, не понимая точно, что, собственно, они значат. Их истинность он понимал подсознательно, и этого было ему более чем достаточно.

Все еще дрожа, Джо снова опустился в кресло. "Интересно, – подумалось ему, – а сам то я в своем ли уме?"

Глава 6

Джо позвонил в приемную Дьюи Бимису и спросил его, как выглядела женщина, оставившая конверт.

– Маленькая, симпатичная, хорошо воспитанная, настоящая леди, – объяснил Дьюи.

Джо сразу подумал, что при его гигантском росте маленькой могла показаться даже шестифутовая амазонка.

– Примерно пять футов шесть дюймов? – предположил Джо самым невинным тоном.

– Не а... еще меньше. Я бы сказал – пять футов и два дюйма. Впрочем, она производит впечатление сильного человека. Ну, ты знаешь этот тип женщин: они всю жизнь выглядят как школьницы, но, если понадобится, могут горы свернуть...

– Темнокожая? – спросил Джо.

– Да, как и я.

– Молодая?

– Лет сорока с небольшим, но хорошенькая. Волосы черные, как вороново крыло, но прямые... – Он немного помолчал. – Ты чем то расстроен, Джо?

– Нет, все о'кей.

– Просто у тебя голос странный... Может быть, в ее письме было что то нехорошее?

– Нет, ничего, Дью. Я рад, что ты передал его мне. Спасибо.

Джо дал отбой. Шея его покрылась "гусиной кожей", и он потерял ее ладонью. Ладонь оказалась влажной, и он машинально вытер руки о джинсы. Вооружившись линейкой, Джо медленно повел ее по строчкам в списке пассажиров рейса 353 и вскоре наткнулся на имя: Доктор Роза Мария Такер.

Доктор...

Она могла быть доктором медицины, философии, биологии, социологии, могла быть дантистом или специалистом по современным музыкальным направлениям, но Джо почему то казалось, что он может больше доверять человеку, удостоившемуся ученой степени в любой из отраслей знания. Во всяком случае, подозревавшие мэра города в причастности к заговору роботов были скорее пациентами, чем докторами.

Из списка пассажиров Джо узнал, что Розе Марии Такер было сорок два года и что она жила в Виргинии в городе Манассас.

Джо ни разу не был в этом городке, однако, когда он навещал родителей Мишель в пригороде Вашингтона, ему случалось проезжать мимо.

Вернувшись к компьютеру, Джо снова принялся перебирать статьи, посвященные катастрофе, надеясь отыскать фотографию Розы Такер среди снимков других пассажиров, но ее не было.

Судя по данному Дьюи описанию, женщина, оставившая конверт, и незнакомка с кладбища, которую Блик назвал Розой, были одним и тем же лицом. Если Роза на самом деле была доктором Розой Марией Такер из Манассаса, Виргиния, – а без фотографии Джо не мог быть уверен в этом на сто процентов, – значит, она действительно летела тем же самолетом, что и Мишель с девочками.

Но она выжила.

Собрав все свое мужество, Джо вернулся к двум самым большим снимкам, сделанным на месте катастрофы. На первом он видел только хмурое небо, обожженные деревья, мелкий мусор и искореженные остовы каких то конструкций, среди которых – не то как монахи на молитве, не то как погибшие души в самом холодном и сыром круге ада – ходили, стояли или сидели, опустившись на колени, эксперты НУБП, одинаковые и безликие в своих биозащитных спецкостюмах с капюшонами и пластиковыми забралами. На втором снимке место падения "Боинга" было сфотографировано сверху. На нем было особенно хорошо видно, во что превратил самолет сильнейший удар о землю. Обломки машины были разбросаны по такой большой площади, что даже термин "катастрофа" не отражал в полной мере всего ужаса происшедшего.

Нет, никто не смог бы уцелеть и пережить гибель лайнера, даже при самом

благоприятном стечении обстоятельств.

И все же Роза Такер – если, конечно, это была та самая Роза Такер, которая поднялась на борт рейса 353 той трагической ночью, – не только выжила, но и, каким бы невероятным это ни казалось, почти не пострадала. Ни пожар, ни удар о землю и последовавший за этим взрыв не искалечили ее, не оторвали ни рук, ни ног и, насколько Джо успел заметить, вообще не причинили женщине никаких серьезных ранений. Судя по всему, Роза Такер отделалась, как это принято говорить, всего лишь несколькими царапинами, хотя Джо почему то казалось, что и царапин у нее не было.

Но это было совершенно невозможно. Невероятно. Самолет падал к земле четыре мили, четыре долгих мили, и скорость его под действием сил земного тяготения постоянно росла. Ударившись со всей силой о землю и камни, "Боинг" не просто разбился – он разбился вдребезги, как разбивается яйцо, сброшенное на асфальт мостовой с верхнего этажа небоскреба. После этого был еще взрыв, и огненная стихия сожгла, раздробила, превратила в золу и пепел все, что уцелело после столкновения самолета с землей. Можно было спастись из под развалин Богом проклятой Гоморры, можно было, как Садрах¹, выйти невредимым из печи Вавилонской, можно было, подобно Лазарю, восстать из могилы, пролежав под землей четыре дня, но все эти чудеса казались детскими игрушками по сравнению с тем, что проделала Роза Такер.

Сознание продолжало твердить Джо, что это совершенно невозможно, но в душе его продолжали властвовать гнев и тревога, которые, в свою очередь, рождали странное благоговение и непереносимое, жгучее любопытство. Джо был безумен и готов принять невероятное. Он дошел до того, что готов был поверить в чудо.

* * *

Чтобы проверить свою дикую догадку, Джо позвонил в справочную службу Манассаса и попытался узнать телефон доктора Розы Марии Такер. Он был почти уверен, что абонент с таким именем в Манассасе не зарегистрирован или, по крайней мере, этот телефон отключен. В конце концов, официально Роза Такер считалась мертвой.

Но оператор продиктовала Джо номер и отключилась.

Некоторое время он колебался. Вряд ли Роза Такер могла спокойно вернуться домой после катастрофы и жить своей обычной жизнью, не вызвав сенсации. Кроме того, за ней охотились. Люди из "Медспека" непременно нашли бы ее, если бы она вернулась в Манассас.

Возможно, в доме все еще жили ее родные, которые по каким то причинам не стали перерегистрировать телефон.

Джо набрал номер.

Трубку взяли на втором звонке.

– Алло?

– Это дом Такеров? – спросил Джо.

– Да. – Голос был мужской, резкий, без какого либо характерного акцента.

– Могу я поговорить с доктором Такер?

– Кто ее спрашивает?

Интуитивно Джо решил скрыть свое настоящее имя.

– Уолли Блик.

– Простите, как?

– Уоллес Блик.

Человек на другом конце линии некоторое время молчал, затем Джо услышал:

– Могу я узнать, по какому делу вы звоните?

Голос почти не изменился, но Джо уловил в нем неизвестно откуда взявшуюся настороженность и хорошо скрываемое напряжение.

¹ Садрах – один из трех еврейских отроков, отказавшихся поклониться языческому идолу и брошенных за это Навуходоносором в огненную печь (Книга пророка Даниила. Глава 3, стих 23).

Почувствовав, что перемудрил, Джо бросил трубку.

Ладони его снова вспотели, и он тщательно вытер их о джинсы.

Мимо кабинки, на ходу рассматривая записи в блокноте, прошел кто то из репортеров. "Привет, Рэнди", – бросил он, не поднимая головы. Джо ответил невнятным ворчанием и, взяв в руки письмо Розы Такер, набрал оставленный ею лос анжелесский номер.

На пятом гудке трубку взяла женщина.

– Вас слушают.

– Позовите, пожалуйста, Розу Такер, – вежливо попросил Джо, стараясь говорить чужим голосом, хотя никакой необходимости в этом не было.

– Здесь таких нет, – сказала женщина, и Джо поразился ее сочному южному выговору. Он считал, что так уже давно никто не говорит, разве что в кино. – Ты неправильно записал номер, дружок.

Несмотря на это, она не спешила повесить трубку.

– Она сама дала мне этот номер, – настаивал Джо.

– Мало ли что... – засмеялась женщина. – Ты, наверное, познакомился с этой своей Розой на вечеринке, и она дала тебе первый попавшийся номер, лишь бы ты от нее отвязался.

– Не думаю, чтобы она так поступила.

– О, я вовсе не имела в виду, что ты урод и что росточка то в тебе всего пять футов, – сказала женщина таким мягким и густым голосом, что Джо невольно представил себе магнолию в цвету, мятный джулеп и влажную духоту южной ночи, насыщенную ароматом жасмина. – Наверное, ты просто был не в ее вкусе. Это бывает, так что не огорчайся, лапочка. Все к лучшему...

– Меня зовут Джо Карпентер.

– Красивое у тебя имя. Красивое и... солидное.

– А как тебя зовут?

– А как ты думаешь? – дразня, спросила она. – Ну ка, угадай по голосу.

– По голосу? – переспросил Джо.

– Да. На кого я, по твоему, похожа, на Октавию или на Джульетту?

– На мой взгляд, твой голос больше похож на голос Деми Мур.

– Кинозвезды Деми Мур? – с недоверием переспросила женщина.

– В твоём голосе есть такая эротичная хрипотца, как будто ты много куришь.

– Ничего подобного. У меня противный голос, который можно сравнить разве что со звуками, которые производит кочан капусты, когда на него наступишь ногой.

– Но под капустой я все равно чувствую дым.

Женщина искренне, от души рассмеялась.

– Хорошо, мистер Джо Хитрюга Карпентер, пусть будет Деми.

– Вот что, Деми, мне очень нужно поговорить с Розой.

– Послушай, дружок, забудь ты свою Розу. Я бы на твоём месте забыла, особенно после того, как она так с тобой поступила – дала фальшивый телефонный номер. Как говорится, море большое, и в нем полно всякой другой рыбы.

Джо был уверен, что эта женщина знает Розу Такер. Больше того, она явно ждала его звонка. С другой стороны, люди, преследовавшие загадочную миссис Такер, были достаточно решительны, упорны и хитры, поэтому ее подозрительность вполне можно было понять.

– Как ты выглядишь? – игриво спросила Джо его невидимая собеседница. – Опиши себя, только не очень преувеличивай, я и так чувствую, что ты – красавчик что надо.

– Во мне шесть футов роста, волосы русые, глаза серые.

– Так ты красивый или нет?

– Не очень, но зато выгляжу вполне презентабельно.

– Сколько тебе лет, Презентабельный Джо?

– Побольше, чем тебе. Тридцать семь.

– У тебя приятный голос, красавчик. Скажи, ты никогда не ходил на свидания вслепую? Не так, чтобы увидел и пригласил, а так, как мы, – по уговору?

Наконец то она решилась назначить встречу.

– По уговору? Ничего не имею против, – уверил собеседницу Джо.

– А не хотел бы ты встретиться с сексуальной прокуренной малышкой типа меня? – спросила названная Деми.

– Пожалуй, я не против, – как можно спокойнее проговорил Джо. – А когда?

– Ты свободен завтра вечером?

– Я надеялся встретиться с тобой пораньше. – В голосе Джо прозвучало искреннее разочарование.

– Не будь таким нетерпеливым, Презентабельный Джо. Нужно как следует подготовиться, чтобы все прошло как надо и чтобы потом не было неприятных последствий вроде разбитых сердец, алиментов и тому подобного.

Джо понял предупреждение. Деми нужно было время, чтобы провести все необходимые приготовления. Судя по всему, она хотела быть уверенной на сто десять процентов, что встреча пройдет без осложнений, а для этого ей нужно было выбрать и тщательно проверить место встречи, чтобы обеспечить полную безопасность Розы Такер. Кроме того, Джо не исключал, что связаться с Розой без двадцатичетырехчасового предварительного уведомления было затруднительно даже для тех, кто поддерживал с ней связь.

– Не напирай, красавчик, не напирай, иначе я начну сомневаться. Почему, интересно, ты так торопишься? Может быть, ты выглядишь совсем не так презентабельно, как говоришь?

– Ладно, договорились. Значит, завтра вечером. А где?

– Я дам тебе адрес одной хорошей кофейни в Уэствуде. Мы встретимся у входа ровно в шесть, зайдем внутрь, выпьем по чашечке кофе и выясним, подходим ли мы друг другу. Если я решу, что ты действительно приличный парень, а ты найдешь меня такой же сексуальной, как мой прокуренный голос, тогда... Тогда я не вижу причин, почему бы нашему завтрашнему вечеру не перейти в ночь изысканных наслаждений, которую мы оба будем вспоминать в седой старости? По отдельности, разумеется... Короче, есть у тебя под рукой карандаш и бумага?

– Да, – коротко сказал Джо и кивнул, хотя она не могла его видеть.

Деми продиктовала адрес кофейни, он записал и убрал бумагу в карман.

– Сделай мне одолжение, красавчик, – сказала она на прощание. – Возьми свою бумажку с телефоном, порви на мелкие кусочки и спусти в унитаз.

Джо растерялся, и Деми, уловив его колебания, строго добавила:

– Порви, все равно она тебе больше не понадобится.

С этими словами она повесила трубку.

Джо повертел в руках письмо Розы. Несколько напечатанных на машинке строк не могли, конечно, служить доказательством того, что доктор Такер в действительности уцелела после катастрофы "Боинга" и что причины самой катастрофы были далеко не тривиальными. Написать эти строки и набрать их на компьютере или отстучать на машинке мог кто угодно, в том числе и он сам. Имя в конце письма тоже было напечатано, так что у Джо не было даже подписи Розы Такер.

Несмотря на это, ему почему то не хотелось уничтожать письмо. Для него оно было доказательством того, что какие то в высшей степени невероятные, фантастические события на самом деле имели место. Оставалось только выяснить, какие именно.

Несмотря на недвусмысленное предупреждение Деми, Джо снова набрал лос анджелесский номер Розы Такер, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Ему казалось, что в худшем случае на него никто не ответит, однако, к огромному удивлению Джо, в трубке зазвучал записанный на пленку голос телефониста, сообщавший, что набранный им номер отключен. Голос посоветовал Джо убедиться в том, что он правильно набрал номер или перезвонить в справочную службу по телефону 4 1 1. Джо нажал на рычаг и снова набрал те же цифры. Результат был тот же.

"Чистая работа!" – не мог не восхититься Джо. Деми явно была гораздо умнее, чем можно было предположить по ее похожему на скрип капустных листьев голосу.

Не успел он опустить трубку на рычаги, как аппарат зазвонил сам, испугав Джо настолько, что он вздрогнул и отдернул руку, словно обжегшись. В следующее мгновение Джо, однако, устыдился своей нервной реакции и взял трубку на третьем или четвертом звонке.

– Вас слушают, – сказал он, стараясь говорить спокойно.

– Это "Лос Анджелес пост"? – спросил мужской голос.

– Да.

– Прямой телефон Рэнди Колуэя?

– Верно.

– Вы – мистер Колуэй?

Джо все еще думал о своей странной беседе с Деми, да и неожиданный звонок не на шутку его напугал, поэтому он только теперь узнал ровный, абсолютно невыразительный голос, который ответил на его первый звонок в дом Розы Мари Такер в Манассасе.

– Это вы – мистер Колуэй? – повторил голос.

– Нет, я – Уоллес Блик, – сказал Джо.

– Мистер Карпентер?

По спине Джо, от позвонка к позвонку, поползли холодные мурашки, и он с размаху швырнул трубку на рычаги.

Значит, они знали, кто он такой.

Десятки рабочих кабинок больше не казались ему уютными убежищами, в которых можно было укрыться от опасности. Зал отдела новостей вдруг напомнил ему лабиринт, в котором слишком много тупиков.

Джо торопливо сгреб со стола распечатанные материалы и письмо Розы. Когда он вставал, телефон снова зазвонил, но Джо не стал брать трубку.

* * *

Выходя из отдела новостей, Джо нос к носу столкнулся с Дэном Шейверсом, возвращавшимся из отдела фотокопирования. В одной руке он держал ворох бумаг, а в другой – свою нераскуренную трубку.

Шейверс был абсолютно лыс, что отчасти компенсировалось роскошной черной бородой, и носил черные брюки из жатки, поддерживаемые широкими подтяжками в черно красную клетку, серую с белым полосатую рубашку и желтый галстук бабочку. Очки для чтения с полукруглыми линзами висели у него на шее на черном кожаном шнурке.

Шейверс работал репортером в бизнес отделе "Пост", в котором постоянно вел одну или две рубрики, однако в легком дружеском разговоре он бывал крайне неловок и часто выражал свои мысли слишком напыщенно. Самому ему, впрочем, казалось, что он просто очарователен и что лучшего собеседника не сыскать во всей редакции. Это заблуждение было таким искренним и таким по детски трогательным, что в малых дозах Шейверс почти ни у кого не вызывал ни раздражения, ни злобы.

– Джозеф, дружище! – заявил он Джо без всякой преамбулы. – На прошлой неделе я вскрыл ящик "Мондави" семьдесят четвертого года! Это один из тех двадцати ящиков, в которые я вложил энную сумму, когда этот сорт только появился. Правда, тогда я ездил в долину Напа вовсе не за вином, а за тем, чтобы оценить перспективы рынка антикварных часов. И представляешь, это вино оказалось настолько хорошо выдержано, что я...

Только тут Шейверс сообразил, что Джо не работает в газете уже без малого год, и осекся. Некоторое время он молчал и, видимо, не придумав ничего лучшего, попытался принести Джо свои соболезнования.

– Это ужасно, Джозеф, – запинаясь, пробормотал он. – Все эти люди... и твоя жена с детьми тоже... Мне очень жаль...

Джо, услышав, как в зале за его спиной снова зазвонил телефон Рэнди Колуэя, жестом перебил Дэна. Сначала он хотел просто отмахнуться от бывшего коллеги и его неуклюжих

соболезнований, но потом передумал.

– Послушай, Дэн, – сказал он, – ты не знаешь одну компанию, которая называется "Текнолоджик"?

– Знаю ли я "Текноложик Инкорпорейтед"? – переспросил Дэн и многозначительно зашевелил бровями. – Нет, ты серьезно спрашиваешь или шутишь?

– Я не спрашиваю, знаешь ты ее или нет. Меня интересует, что это за фирма. Действительно ли это достаточно большой консорциум? Иными словами, мне хотелось бы знать, насколько эта компания могущественна.

– О, она приносит достаточно большие прибыли. Их управленцы и инженеры за версту чуют передовые технологии и перспективные разработки, которые появляются в молодых, независимых, не успевших еще твердо встать на ноги фирмочках и конструкторских бюро. Тогда "Текнолоджик" без колебаний подгребает их под себя. Кроме того, она щедро поддерживает предпринимателей, которым для воплощения в жизнь своих технических идей необходим стартовый капитал. Как правило, фирму интересуют новые идеи и изобретения в области медицины, но не только... Кстати, высшее руководство "Текнолоджик" постоянно стремится к увеличению своего могущества, в основном – за счет других. Похоже, они считают себя чем то вроде королей бизнеса, однако на деле они ничем не лучше нас, журналистов. Им ведь тоже приходится прислушиваться к большому боссу – к тому, Кому Все Должны Подчиняться.

– Кому Все Должны Подчиняться?.. – повторил Джо, удивленный и заинтересованный.

– Да, как и все простые смертные. – Шейверс кивнул, улыбнулся и, поднеся ко рту чубук незажженной трубки, вцепился в него зубами.

Телефон на столе Колуэя замолчал, но наступившая тишина заставила Джо занервничать еще больше.

Они знали, где он находится.

– Ладно, мне пора, – сказал он и зашагал прочь как раз тогда, когда Шейверсу пришло в голову посвятить его во все хитросплетения внутрикорпоративных связей "Текнолоджик".

Распрощавшись таким образом со своим бывшим коллегой, Джо направился к ближайшему мужскому туалету. Ему повезло – здесь никого не было и никто из старых знакомых не задержал его.

Заперевшись в одной из кабинок, Джо разорвал на мелкие клочки письмо Розы Такер и бросил их в унитаз, дважды спустив воду, чтобы убедиться, что ни один клочок бумаги не остался плавать на поверхности.

"Медспек", "Текнолоджик"... Корпорации, осуществляющие секретные полицейские операции... Тот факт, что они действовали по всей стране, от Лос Анджелеса до Манассаса, равно как и их пугающее всеведение, от которого Джо бросало в пот, свидетельствовали о том, что это – весьма могущественные предприятия, обладающие широкими связями не только в мире бизнеса, но и среди политиков и, возможно, среди военных.

С другой стороны, как бы ни были высоки ставки, никакая корпорация не могла открыто защищать свои интересы при помощи разъездных бригад наемных убийц, которые позволяли себе палить в людей в общественных местах. И не в общественных тоже. Какой бы колоссальный доход ни получала эта самая "Текнолоджик Инк.", жирные черные цифры в конце итогового бухгалтерского баланса не могли защитить ни сотрудников, ни руководителей корпорации от закона. Даже в Лос Анджелесе, где отсутствие денег обычно считалось корнем всех зол, закон все еще действовал.

Ответ на вопрос, мучивший Джо, был тем не менее достаточно очевиден. Еще на кладбище он обратил внимание, как легко, с чувством полной собственной безнаказанности, мужчины в гавайских рубашках прибегли к огнестрельному оружию. Это могло означать только то, что Роза Такер либо попала в поле зрения федерального правоохранительного агентства, либо каким то образом перебежала дорогу военным, что было еще хуже. Тогда при чем тут "Медспек" или "Текнолоджик"? Ответить на этот вопрос с полной определенностью Джо пока не мог – у него почти не было информации.

Шагая к лифтам по коридору третьего этажа, Джо все время ждал, что кто то – возможно, один из мужчин в гавайских рубашках или Уоллес Блик собственной персоной – вот вот окликнет его сзади и прикажет остановиться или, опустив ему на плечо руку, ткнет под ребра стволом пистолета. Впрочем, учитывая неограниченные возможности его врагов, это мог быть и настоящий полицейский в форме или в штатском.

В самом деле, если Розу Такер разыскивали федеральные агенты, им ничто не мешало обратиться в местную полицию за содействием. Значит, пока вопрос не разъяснится, Джо придется рассматривать каждого человека в форме как потенциальную опасность...

Когда подошел лифт и двери открылись, Джо невольно напрягся. Ему казалось, что здесь его будет легче всего схватить, но кабина оказалась пуста.

Спускаясь с третьего этажа на первый, он каждую секунду ожидал, что электричество сейчас выключится и лифт – вместе с запертым в нем Джо – застрянет в шахте, но электричество не подвело, подъемный механизм тоже, и он благополучно добрался до первого этажа. На площадке перед лифтом не было ни одного человека, и это слегка насторожило Джо.

На протяжении всей своей предыдущей жизни он никогда не страдал болезненной мнительностью, но то, что происходило с ним сейчас, определенно напоминало паранойю. Должно быть, это была реакция на события сегодняшнего утра и на все, что он узнал с тех пор, как приехал в редакцию "Пост".

Потом Джо подумал, что необычайная сила его переживаний, приступы бешеного гнева и ледящего душу ужаса могли оказаться расплатой за целый год эмоциональной пустоты. На протяжении двенадцати долгих месяцев он полностью отдавался своему горю, жалости к себе и мыслям о безвозвратности своей потери. Он сам сделал все возможное, чтобы никакое постороннее чувство не вторглось в пространство его души и не пробудило ее к жизни. Он пытался избавиться от боли, чтобы убогим сереньким фениксом вспорхнуть с пепелища, оставшегося на месте его уничтоженного дома, и жить, не имея никаких надежд и желаний. Он стремился достичь бездумного спокойствия устрицы, замкнувшейся в известковой раковине безразличия, но сегодняшние события заставили его снова открыться навстречу миру, и эмоции и чувства захлестнули его с такой силой, с какой захлестывает новичка серфингиста грозный девятый вал.

Дьюи Бимис за конторкой говорил по телефону. Вернее, не говорил, а слушал, причем настолько напряженно, что его гладкое негритянское лицо пошло озабоченными морщинами. Время от времени Дьюи принимался кивать головой и бормотать что то вроде "да... да... да...".

Джо махнул ему рукой на прощание и направился к выходу.

– Эй, Джо, подожди секундочку! – окликнул его Дьюи.

Джо остановился и медленно повернулся к нему.

Дьюи продолжал слушать, что говорил его абонент, но взгляд его был устремлен на Джо.

Чтобы показать охраннику, что он торопится, Джо постучал согнутым пальцем по наручным часам.

– Подождите пожалуйста, – сказал в телефон Дьюи. – Это насчет тебя звонят, – добавил он, обращаясь к Джо.

Джо с самым решительным видом покачал головой.

– Он хочет поговорить с тобой.

Джо сделают шаг по направлению к выходу.

– Постой, Джо! Он говорит, что он из ФБР.

Замешкавшись в дверях, Джо бросил взгляд на Дьюи. По его глубокому убеждению, ФБР не могло иметь никакого отношения к головорезам в гавайских рубашках, которые стреляли в ни в чем не повинных людей, не потрудившись задать им ни одного вопроса. ФБР не могло иметь никакого отношения к таким типам, как Блик...

Или все таки могло? Не поддается ли он снова собственному страху, своим

собственным паническим мыслям и догадкам? В конце концов, Федеральному бюро было вполне по силам защитить его от опасности.

С другой стороны, человек, который ждал на другом конце телефонного провода, мог лгать. Он мог не иметь к ФБР никакого отношения и звонил с единственной целью – задержать Джо в редакции, пока Блик и его напарники – или другая бригада наемных ищек – подтянутся к штаб квартире "Пост".

Еще раз покачав головой, Джо отвернулся от Дьюи и, толкнув дверь, вышел под жгучее августовское солнце.

– Джо!.. – крикнул ему вслед Дьюи.

Джо пошел к своей машине, невольно ускоряя шаг и с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Бритый молодой человек с черными ногтями и серьгой в носу внимательно следил за ним с дальнего конца стоянки, и Джо подумают, что в этом проклятом городе, где деньги порой значили больше, чем лояльность, честь и достоинство, важнее денег был только стиль. Мода и покрой одежды менялись много чаще, чем принципы и убеждения; традиционно неизменными оставались только цвета той или иной молодежной группировки. Костюм и боевая раскраска парня у ворот – кем бы он себя ни воображал: панком, неопанком или рэйвером – уже давно вышли из моды, и поэтому обладатель рваных джинсов, серьги и крашенных черных ногтей выглядел вовсе не таким угрожающим, как ему хотелось, и гораздо более жалким, чем он способен был понять. Впрочем, в данных обстоятельствах проявленный им к Джо интерес выглядел достаточно зловещим.

Его радиоприемник работал негромко, но Джо отчетливо слышал, как бьется в динамиках частый пульс рэпа.

В салоне нагретой "Хонды" было настоящее пекло, но Джо решил, что терпеть можно. Выбитое пулей стекло левой задней дверцы обеспечивало достаточно хорошую вентиляцию, так что изжариться живьем он, пожалуй, не рисковал.

Смотритель стоянки скорее всего заметил отсутствие стекла. Может быть, он как раз раздумывал об этом.

"Ну и что? – перебил сам себя Джо. – Подумаешь, стекло выбито! В конце концов, это ведь просто стекло, не больше..."

Почему то Джо был уверен, что двигатель не заведется, но он завелся.

Пока Джо задом выбирался со стоянки, дверь в вестибюль открылась, и на крыльцо под небольшим парусиновым тентом с эмблемой "Пост" вышел Дьюи Бимис. Лицо гиганта показалось Джо озадаченным, но никаких признаков тревоги он не заметил.

В конце концов Джо решил, что Дьюи не будет пытаться его остановить, ведь они друзья, или, по крайней мере, когда то были друзьями, а голос человека, звонившего по телефону, был всего лишь голосом.

Джо переключил передачу на "ход".

Спускаясь по ступенькам, Дьюи что то прокричал ему вслед. Джо не расслышал слов, но ему снова показалось, что в голосе охранника секретаря звучат лишь забота и недоумение. Дьюи не собирался поднимать тревогу. Тем не менее Джо счел за благо проигнорировать его и, прибавив газ, направил машину к выезду.

Молодой человек, до этого спокойно сидевший под грязным ресторанным зонтом с давно потускневшей надписью "Чинзано", неожиданно поднялся со своего складного стульчика и сделал шаг к сдвижным воротам, словно готовясь закрыть их и помешать Джо выехать со стоянки.

Джо затравленно огляделся. Мощные цепи на столбах были густо обвиты поверху колючей проволокой. Острые как бритва колючки зловеще сверкали на солнце. Дьюи стоял на крыльце и, уперев руки в бока, смотрел вслед "Хонде".

Молодой человек остановился у самой границы тени, которую давал его зонт, и посмотрел на Джо из под тяжелых век невыразительным взглядом сомлевшей на солнцепеке игуаны. Потом он поднял руку и, сверкнув черными ногтями, вытер испарину со лба.

Джо тоже нужно было бы смахнуть с глаз заливавший лицо пот, но сейчас ему было не

до того. Боясь оказаться в ловушке, он развил слишком большую скорость, и при повороте на улицу его "Хонду" сильно занесло. Покрышки завизжали, зачавкали по размякшему на жаре асфальту, но Джо даже не притормозил.

От редакции Джо поехал на запад по Стратерн стрит. Когда он уже поворачивал на бульвар Ланкершим, где то далеко позади раздался вой полицейских сирен. В этом не было ничего необычного. Полицейские сирены были постоянной составляющей шумового фона большого города вне зависимости от времени суток, и Джо был склонен полагать, что это простое совпадение, однако всю дорогу до шоссе Вентура, где он повернул на запад по авеню Мурпарк, он не забывал время от времени поглядывать в зеркало заднего вида, стараясь разглядеть машины преследователей – как полицейские, так и без каких либо опознавательных знаков.

Он не был преступником. Казалось, ничто не мешает ему обратиться к властям, сообщить о стрельбе на кладбище, рассказать о письме Розы Марии Такер и о своих сомнениях относительно обстоятельств гибели рейса 353, но Джо колебался. В конце концов, сама доктор Такер даже и не думала обращаться в полицию и просить защиты. Возможно, она точно знала, что на это можно не рассчитывать. Ее мнение Джо было известно: "...Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности", – написала Роза Такер в письме.

Джо был репортером отдела уголовной хроники достаточно долго, чтобы знать: часто человек становится объектом охоты не потому, что он что то совершил, и даже не потому, что он располагает ценным имуществом или крупной суммой денег, которыми хотел бы завладеть преступник. Ему самому было известно несколько случаев, когда человек становился жертвой просто из за того, что он слишком много знал. Владеющий соответствующей информацией индивид мог порой оказаться опаснее вооруженного пистолетом бандита.

О рейсе 353 Джо пока не знал ровным счетом ничего – во всяком случае, ничего такого, чего бы не знали другие. Если охота на него была объявлена только потому, что он узнал о существовании Розы Такер, которая – по ее же собственным словам! – уцелела во время катастрофы, значит, тайны, к которым она имела отношение, были настолько взрывоопасными, что их мощь исчислялась десятками и сотнями мегатонн.

Приближаясь к Студио Сити, Джо думал о надписи на майке юнца, сторожившего стоянку возле редакции. "Fear nada!" – "Не бойся ничего!". Джо никогда не было легко придерживаться этого принципа – он боялся слишком многого, но больше всего остального его пугала мысль о том, что катастрофа самолета могла оказаться не случайной и что Мишель, Крисси и Нина погибли не по слепой прихоти судьбы, а в результате человеческой небрежности или злого умысла. Национальное управление по безопасности перевозок так и не сумело с полной определенностью назвать причины случившегося. Одним из возможных сценариев был отказ усилителей гидравлической системы управления, на который наложилась трагическая ошибка экипажа, однако Джо не хотелось верить в этот вариант именно потому, что он представлялся ему абсолютно безликим, механистическим, словно здесь действовали силы холодные и безжалостные, как сама Вселенная. С другой стороны, еще тяжелее ему было бы узнать, что причиной катастрофы явилась трусость пилота, ошибка штурмана или, возможно, взрывное устройство, заложенное террористом, потому что это означало бы, что дорогие ему жизни оказались принесены в жертву человеческой глупости, жадности или ненависти.

И вот теперь Джо боялся, что правда будет именно такой, ибо не знал, что ему с ней делать и что эта правда сделает с ним. Не далее как сегодня Джо получил самые веские доказательства того, что он способен на самые дикие и жестокие поступки. Узнав имя конкретного виновника, он мог вступить на тропу мести, называя это справедливостью!

Именно так – не больше и не меньше.

Глава 7

Резкое обострением конкурентной борьбы в финансовой сфере привело к тому, что в последние года два банки Калифорнии работали даже по субботам, а некоторые из них закрывались не раньше пяти часов вечера. Благодаря этому обстоятельству Джо успел попасть в отделение своего банка в Студио Сити за целых двадцать минут до того, как доступ посетителей в зал был прекращен.

Продав свой дом, Джо не дал себе труда перевести свой расчетный счет куданибудь поближе к новому однокомнатному жилищу в Лоурел Каньон. После гибели семьи вопросы удобства перестали его занимать, да и само время почти ничего для него не значило.

Оказавшись в главном зале банка, Джо сразу направился к окошку, за которым в ожидании закрытия занималась бумажно канцелярской работой его знакомая, которую звали Хедер. В этом банке она работала еще с тех самых пор, когда десять лет назад Джо впервые пришел сюда, чтобы открыть счет.

– Я хочу снять со счета наличные, – объявил Джо после короткой ритуальной беседы о погоде и других малозначительных вещах. – Но у меня нет с собой чековой книжки.

– Никаких проблем, – заверила его Хедер.

Но после того, как Джо попросил выдать ему двадцать тысяч долларов стодолларовыми купюрами, проблемы все же возникли, и Хедер, поднявшись со своего места, прошла в дальний конец зала, чтобы пошептать о чем-то со старшим кассиром, который, в свою очередь, обратился за консультацией к помощнику управляющего.

Помощник управляющего был совсем молодым человеком, обладавшим внешностью кинозвезды. Возможно, он на самом деле был одной из потенциальных звезд экрана, которые зарабатывали себе на жизнь службой в банках и тому подобных конторах в ожидании случайного каприза судьбы, который мог бы вознести их на вершину кинематографического олимпа. Неслышно о чем-то переговариваясь, красавец менеджер и кассир время от времени поглядывали в сторону Джо, словно сомневаясь, что он именно тот, за кого себя выдает.

Джо такое отношение несколько не удивило. Когда надо было принять деньги, банки действовали словно мощные промышленные пылесосы, но, когда нужно было выдать наличные, они еле еле поворачивались, отчаянно скрипя всеми колесами и шестеренками своих громоздких бюрократических механизмов.

Хедер вернулась к стойке и сдержанно объявила Джо, что банк будет рад обслужить его, однако для таких случаев определена специальная процедура, отклоняться от которой финансовые учреждения не имеют права.

Помощник управляющего на другом конце зала уже говорил с кем-то по телефону, и в душу Джо закралось сильнейшее подозрение, что речь идет о нем. Он понимал, что это, несомненно, не так и что параноя снова взяла его в оборот, но бороться с подозрительностью и страхом было выше его сил. Во рту у него пересохло, сердце отчаянно забилося, а ноги стали ватными и непослушными.

Но это были его деньги, и они были ему нужны.

Хедер хорошо знала Джо. Больше того, она посещала ту же церковь, куда Мишель водила Крисси и Нину на службы и в воскресную школу, однако это не помешало ей попросить его предъявить в качестве удостоверения личности водительскую лицензию, и Джо с горечью подумал о том, что здравый смысл и доверие оказались в таком далеком прошлом Америки, что подчас они выглядели не просто древней историей, а историей какой-то другой страны.

Но он не позволил себе выйти из терпения. Все, что он имел, – включая шестьдесят тысяч долларов в ценных бумагах, которые дала ему продажа дома, – лежало на депозитном счету в этом банке, поэтому он был уверен, что в выдаче денег ему не откажут. А деньги были нужны ему для того, чтобы жить; теперь, когда преследователи Розы Такер сели на хвост и ему, Джо не мог даже вернуться в квартиру, не подвергая себя опасности. Отныне ему придется кочевать из мотеля в мотель, пока проблема так или иначе не разрешится.

Помощник управляющего закончил разговаривать по телефону и с задумчивым видом разглядывал лежащий перед ним на столе блокнот, по страницам которого он легонько

постукивал тупым концом автоматического карандаша.

По пути из редакции в банк Джо тщательно обдумал свои действия. Поначалу он хотел положиться на свои кредитные карточки, с помощью которых он мог получать через банкоматы небольшие суммы наличных, но вовремя вспомнил, с какой легкостью власти и полиция отслеживали подобного рода действия, получая таким образом исчерпывающую информацию о каждом шаге подозреваемого. В случае необходимости электронная система расчетов могла даже блокировать его кредитную карточку при попытке расплатиться за услугу или товар, и Джо остался бы без всяких средств к существованию.

На столе помощника управляющего зазвонил телефон. Молодой человек проворно схватил трубку и, бросив на Джо быстрый взгляд, отвернулся от него на своем вращающемся кресле, словно боясь, что клиент сумеет прочесть его слова по движениям губ.

После того как все бюрократические процедуры были скрупулезно соблюдены и служащие банка убедились, что Джо не был ни своим собственным злонамеренным братом близнецом, ни дерзким актером имперсонатором в отлично сработанной каучуковой маске, помощник управляющего, успевший завершить свои телефонные переговоры, медленно собрал сто долларовые купюры из всех кассовых сейфов, а когда их не хватило, сходил в главное хранилище. Требуемую сумму он вручил Хедер и, улыбаясь неподвижной кривой улыбкой, стал смотреть, как она пересчитывает купюры для Джо.

Возможно, это была только игра воображения, но Джо почему то казалось, что и Хедер, и помощник управляющего относятся с крайним неодобрением к тому факту, что он выйдет из дверей банка, имея при себе столько наличных денег. И дело было не в том, что он подвергал себя нешуточной опасности; просто с недавних пор на людей, предпочитающих иметь дело с живыми деньгами, смотрели как на прокаженных или на боссов мафии. Само государство в лице своих финансовых и налоговых органов требовало от банков, чтобы они фиксировали все сделки с наличными на сумму свыше пяти тысяч долларов. Введение подобного порядка мотивировалось тем, что наркобаронам, дескать, станет не так просто отмывать полученные преступным путем деньги через официальные финансовые учреждения, однако в действительности дела обстояли как раз наоборот. Главарям наркомафии новый закон нисколько не помешал, зато государство получило отличную возможность отслеживать и регулировать финансовую активность среднестатистических граждан.

На протяжении всей писаной истории наличные деньги или их эквиваленты, такие, как золото или драгоценные камни, служили наилучшей гарантией как личной свободы, так и свободы передвижения. То же самое наличные означали и для Джо, однако и Хедер, и ее начальники смотрели на него так пристально и внимательно, словно наверняка знали, что Джо Карпендер ввязался в какие то противозаконные делишки или – это в лучшем случае – собирается в Вегас, где он намерен удариться в дикий загул.

Хедер как раз опускала двадцать тысяч наличными в плотный бумажный конверт, когда на столе помощника управляющего снова зазвонил телефон. Молодой человек быстро прошел туда и, сняв трубку, пробормотал в нее несколько слов, продолжая пристально рассматривать Джо.

К тому времени, когда в пять минут шестого Джо наконец вышел из банка, ноги его подгибались, а руки тряслись. Недобрые предчувствия продолжали одолевать его. Несмотря на то что день клонился к вечеру, жара оставалась совершенно непереносимой, а безоблачное небо – ярко голубым. Впрочем, уже через секунду Джо понял, что небо все таки изменилось. Оно потеряло свою глубину, стало плоским как блин, и эта мертвая бело голубая поверхность над головой Джо напоминала ему что то очень знакомое и неприятное, хотя он никак не мог понять – что.

Только садясь в машину и запуская двигатель, Джо вспомнил, где и когда он видел подобную голубизну. Такими же тусклыми, по рыбки невыразительными, лишенными всякого отблеска жизни были глаза последнего трупа, которого он видел в морге в ту ночь, когда решил навсегда распрощаться с журналистикой.

Выезжая со стоянки перед банком, Джо машинально бросил взгляд в зеркальце заднего вида и вдруг заметил, что помощник управляющего, почти скрытый медными солнечными бликами, плясавшими на стеклянной входной двери, внимательно провожает его взглядом. Запоминал ли он марку и номер его машины или просто запирает дверь, Джо сказать не мог.

Под слепым взглядом мертвого голубого неба ослепительно сверкала раскаленная пустыня огромного города.

* * *

Проезжая мимо небольшого торгового центра, расположенного неподалеку от банка, Джо заметил у обочины молодую женщину с блестящими золотисто каштановыми волосами, которая выбиралась из за руля темно синего "Форда Эксплорера", припаркованного напротив входа в продуктовый отдел, который работал круглые сутки. Пассажирская дверца машины тоже открылась, и оттуда выпрыгнула маленькая девочка с шапкой взъерошенных светлых волос.

Их лиц Джо разглядеть не мог, потому что от "Форда" его отделяло три ряда движущихся по улице автомобилей.

Не думая о последствиях, Джо резко перестроился в левый ряд и совершил на светофоре запрещенный правилами разворот, едва не зацепив при этом ехавший навстречу серый "Мерседес", за рулем которого сидел представительный седой мужчина.

Джо уже жалел о том, что он собирался сделать, однако остановиться не мог, как не мог заставить солнце закатиться раньше положенного срока. Охвативший его порыв был таким сильным, что сопротивляться ему было бессмысленно.

В очередной раз неприятно пораженный своей неспособностью держать себя в руках, Джо припарковался за темно синим "Фордом" и выбрался из "Хонды". Слабость в ногах нисколько не прошла; напротив, она, казалось, усилилась еще больше.

Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на двери торгового центра. Женщина с ребенком была там, внутри, но он не мог видеть их из за развешанных по стеклянным витринам постеров и реклам.

Отвернувшись от магазина, Джо облокотился на горячее крыло "Хонды", пытаясь совладать с собой.

После катастрофы в Колорадо Бет Маккей помогла ему связаться с "Ассоциацией сострадательных друзей" – общенациональной организацией родителей, потерявших своих детей. Благодаря виргинскому отделению этой организации Бет удалось более или менее примириться с потерей, и она надеялась, что Джо тоже почувствует себя лучше. Джо побывал на нескольких собраниях калифорнийской секции "Сострадательных друзей", но вскоре забросил это дело. Как он потом узнал, подобным образом поступало большинство мужчин, оказавшихся в сходном положении. Матери, потерявшие своих детей, мужественно посещали каждое собрание и находили некоторое утешение в разговорах друг с другом, но почти все отцы замыкались в себе, предпочитая сражаться с болью в одиночку. Джо очень хотелось бы оказаться одним из немногих, кто сумел в конце концов облегчить свою жизнь, изливая свое горе другим, но мужские биология и психология – возможно, впрочем, это были чистой воды упрямство и жалость к себе, тут Джо не брался судить – заставляли его чуждаться общества, пусть это даже было общество таких же, как он, несчастных людей. Иными словами, Джо предпочел страдать в одиночестве.

Единственной полезной вещью, которую он вынес с собраний "Сострадательных друзей", было понимание природы странного импульса, который, завладевая его чувствами и подчиняя себе его волю и здравый смысл, заставлял Джо поступать иррационально и безрассудно – так, как он поступил сейчас. С ним и раньше случалось нечто подобное, и Джо знал, что явление это хорошо известно и настолько широко распространено, что даже имеет свое название. В психологии – а может, в психиатрии, где именно, он запомнил – подобное поведение именовалось поисково заместительным стереотипом.

Каждый, кто неожиданно терял близкого или любимого человека, рано или поздно начинал искать ему замену; больше других были подвержены этому стереотипу те, кто в одночасье потерял сына или дочь, но Джо приходилось особенно туго.

Умом он понимал, что тот, кто умер, – умер навсегда и поправить здесь ничего нельзя, однако подсознательно Джо продолжал верить, что рано или поздно он снова встретится с Мишель и девочками. Иногда ему казалось, что его жена и дочери вот вот войдут в спальню или их голоса зазвучат в трубке неожиданно зазвонившего телефона. Сидя за рулем машины, Джо вдруг начинал чувствовать присутствие Крисси и Нины на заднем сиденье, но, когда он, едва дыша от радости, оборачивался назад и видел там только пустоту, разочарование его оказывалось вдвое горше.

Порой он замечал их на оживленной улице. На детской площадке. На аллее парка. На пляже. И всегда они были далеко и уходили еще дальше. Иногда Джо позволял им уйти, но чаще он бросался следом, стараясь увидеть их лица и сказать: "Подождите, я иду с вами".

Так было и на этот раз. Оттолкнувшись от крыла "Хонды", Джо направился ко входу в магазин.

У дверей Джо ненадолго замешкался. Разум продолжал подсказывать ему, что он только зря мучает себя и что разочарование, которое непременно настигнет его, когда он поймет, что женщина и девочка – это не Мишель и Нина, будет подобно удару ножом в сердце, однако Джо уже был неволен что либо с собой сделать.

События сегодняшнего дня – встреча с загадочной Розой Такер, ее странные слова, сказанные на кладбище, и потрясающее сообщение, оставленное ею для него в редакции "Пост", – настолько выходили за рамки всего, во что Джо привык верить, что в душе его снова ожила поразительно глубокая, от самого сердца идущая вера в самые невероятные совпадения и чудеса. Если Роза Такер, падая с высоты в четыре мили, сумела уцелеть после столкновения самолета с негостеприимной землей, то почему не могли спастись его Мишель и девочки?

Эта сумасшедшая мысль разом опрокинула и факты, и логику. Непродолжительное и сладостное безумие, словно яичную скорлупу, смяло броню безразличия, в которую Джо одевал себя с таким тщанием и упорством, и в его душе затеплился слабый огонек чего то, подозрительно напоминающего надежду.

Он толкнул дверь и шагнул в магазин.

Слева от него оказалась стойка кассира. Миловидная корейка лет тридцати с небольшим развешивала по проволочным стеллажам упаковки сосисок "Тоший Джим". Увидев его, она улыбнулась и кивнула.

За кассовым аппаратом стоял кореец, должно быть, ее муж. Он приветствовал Джо светским замечанием относительно небывалой жары.

Не ответив ни на улыбку, ни на обращенные к нему слова, Джо целеустремленно шагнул к стоящим в четыре ряда стеллажам. В первом проходе никого не было. Во втором – тоже. В конце третьего он увидел женщину с каштановыми волосами, которая держала за руку девочку лет пяти. Обе стояли спиной к нему возле урчащего охладителя с напитками, и Джо тоже остановился, ожидая, чтобы они повернулись к нему.

Женщина была в белых легких сандалиях, крепившихся к лодыжкам длинными шнурками, в светло кремовых слаксах и зеленой с лимонным отливом блузке. Похожие сандалии и джинсы были у Мишель, но такой блузки Джо не помнил. Не помнил, хоть убей! Впрочем, какое это имело значение?

Маленькая девочка – такого же роста и возраста, что и Нина, – была в белой майке, в розовых шортиках и таких же, как у матери, сандалиях. Наклонив голову набок, она азартно размахивала руками в воздухе, что то объясняя матери. В такой же позе иногда стояла Нина...

Найну Нину мы искали... Джо успел дойти до середины длинного прохода, прежде чем понял, что движется.

– Ну давай купим рутбир¹, мама, ну давай, а? – Это сказала девочка.

¹ Рутбир – шипучий напиток из экстракта корнеплодов и коры некоторых растений.

Потом Джо услышал свой собственный голос:

– Нина?

Нина очень любила рутбир.

– Нина? Мишель?

Женщина и девочка повернулись к нему. Это была не Мишель. И не Нина.

Джо с самого начала знал, что так будет, но до конца не верил и действовал, повинуюсь безумному порыву души. Когда же Джо увидел, что это не те женщины, которых он когда то любил продолжает любить до сих пор, он почувствовал себя так, словно его одалили тяжелым молотом прямо в грудь.

– Вы... – сказал он, глупо моргая. – Мне показалось... вы стояли совсем как...

– Да? – озадаченно, но и с осторожностью переспросила женщина.

– Не... никогда не отпускайте ее, – промолвил Джо и снова удивился тому, как хрипло и странно звучит его голос. – Не отпускайте ее от себя ни на шаг. Не сводите с нее глаз. Стоит родителям отвернуться, и их дети могут пропасть, исчезнуть навсегда... Обязательно следите за ней и не отпускайте никуда одну.

Лицо женщины отразило явную тревогу.

С невинностью и непосредственностью четырехлетнего ребенка девочка неожиданно вмешалась в разговор взрослых.

– Вам нужно обязательно купить мыла, мистер, – пискнула она. – А то от вас немножечко пахнет. Мыло продается вон там. Хотите, я покажу?

Услышав эти слова, мать девочки инстинктивно схватила дочь за руку и притянула ближе к себе.

Джо, сбитый с толку неожиданным поворотом беседы, слегка оторопел, но потом ему пришло в голову, что девочка проявила редкую деликатность. От него не просто "немножечко пахло", а воняло, как от козла. Сначала он просидел два часа на пляже, на самом солнцепеке; на кладбище он тоже не в тени прохлаждался, а сколько раз за сегодняшний день его прошибала испарина страха, Джо просто сбился считать. Кроме того, за весь день он так ничего и не съел, и изо рта его крепко несло пивным духом.

– Спасибо, милая, – сказал Джо. – Ты совершенно права. От меня действительно плохо пахнет, так что я, пожалуй, сделаю так, как ты сказала.

– В чем дело? – раздался решительный голос у него за спиной.

Обернувшись через плечо, Джо увидел позади корейца – хозяина магазина. На его лице лежала печать беспокойства.

– Мне показалось, что я встретил знакомых, – торопливо объяснил Джо. – Людей, которых я знал... когда то.

Говоря это, он вспомнил, что так и не побрился сегодня утром. Отросшая щетина, кислый запах пота, мятая одежда не первой свежести, пивной перегар и красные, безумные глаза не могли бы внушить доверия даже ангелу небесному. Зато теперь ему стало более или менее ясно, почему служащие банка смотрели на него с таким подозрением.

– Все в порядке, мисс? – спросил кореец у женщины.

– Думаю, да... – неуверенно отозвалась та.

– Я ухожу, – сказал Джо, который чувствовал себя так, словно его сердце и желудок решили поменяться местами. – Действительно, все в порядке, просто я обознался... Я ухожу.

Он обошел владельца магазина и поспешно направился к выходу.

Когда он проходил мимо стойки кассира, корейка повернулась к нему и озабоченно спросила:

– Все в порядке, мистер?

– В абсолютном, – уверил ее Джо. – Не беспокойтесь.

Когда Джо забрался в салон "Хонды", он, несколько оторопев, увидел плотный бумажный конверт на пассажирском сиденье. Двадцать тысяч долларов! И он оставил их на самом виду, даже не потрудившись запереть машину! В магазине чуда не произошло – чудом было то, что деньги остались целы.

Желудок его продолжал вести себя в высшей степени беспокоимо, а грудь стискивало с такой силой, что Джо едва мог дышать. Он очень сомневался, что сумеет в таком состоянии вести машину, но ему очень не хотелось, чтобы женщина, выйдя из магазина, снова увидела его. Она могла подумать, что он специально ее дожидается, что он отслеживает ее с какими-то грязными целями...

Преодолевая дурноту, Джо включил мотор и отъехал от торгового центра. Кондиционер работал на полную мощность, и он отрегулировал его так, чтобы поток воздуха бил ему прямо в лицо: только так Джо мог быть уверен, что не задохнется. Легкие его как будто сжала судорога, и Джо напрягал всю свою волю, чтобы заставить их снова наполняться живительным кислородом, но даже тот воздух, который ему удавалось проглотить, оседал в груди словно едкая кислота.

Об этом Джо тоже узнал на собраниях "Сострадательных друзей": не только он, но и большинство других людей, потерявших детей, подчас ощущали душевную боль как физическую. Всесокрушающую...

Некоторое время Джо правил машиной буквально на ощупь, навалившись грудью на рулевое колесо и дыша хрипло и трудно, точно астматик во время приступа. В какое-то мгновение ему вспомнилась его собственная грозная клятва – найти и покарать тех, кто может быть виновен в гибели рейса 353, и он хрипло рассмеялся своей глупой самонадеянностью. Ну какой из него мститель? Ходячая развалина, да и только. Нет, в таком состоянии он мог быть опасен разве что для комара.

Даже если он в конце концов выяснит, что случилось с "Боингом" на самом деле, его враги расправятся с ним прежде, чем он сумеет хоть что-нибудь предпринять. Джо уже знал, что они достаточно могущественны и располагают практически неограниченными ресурсами, недоступными обычному человеку. У него не было ни единого, даже самого слабого шанса на справедливость.

Но все равно, он будет, будет стараться. Джо знал, что не сможет остановиться сейчас и бросить тот слабый след, который он нащупал. Гнев и нужда гнали его вперед. Гнев, долг и... поисковый стереотип.

* * *

Возле универмага "Кмарт" Джо остановился, чтобы приобрести электрическую бритву, флакон лосьона после бритья, зубную пасту и щетку, а также кое-какие туалетные принадлежности.

Сияние флюоресцентных трубок резало глаза, железное колесо сетчатой тележки вихляло и взвизгивало, а воображение Джо еще больше усиливало этот звук, делая непереносимой головную боль, которую он испытывал.

В отделе готового платья, куда он забрел после галантерейной секции, Джо купил небольшой дорожный чемодан, две пары джинсов, серую спортивную куртку – вельветовую, потому что в августе многие магазины были уже завалены осенними моделями, а также комплект нижнего белья, несколько маек, носки и новые кроссовки "Найк". Выбирая все это, Джо ориентировался исключительно на стандартные номера размеров, ничего не примеряя.

Покинув универмаг, Джо отыскал в Малибу недорогой, но достаточно приличный мотель. Он стоял почти на самом берегу океана, и Джо надеялся, что мерный шум прибоя поможет ему уснуть. В мотеле он принял душ, побрился и переоделся во все чистое.

В семь тридцать, примерно за час до захода солнца и наступления сумерек, он уже ехал на восток, держа курс на Кальвер Сити, где жила вдова Томаса Ли Ваданса. Томас Ваданс числился в списке пассажиров рейса 353. Упомянула "Пост" и имя его жены, которую звали Нора.

Остановившись в придорожном "Макдональдсе", Джо купил два чизбургера и колу. В прикованном к стене общественной телефонной будки справочнике он без труда отыскал адрес и телефон Норы Ваданс.

Со времен работы репортером Джо постоянно держал в машине полный комплект карт округа Лос Анджелес, выпущенный фирмой братьев Томас, однако район, где жила вдова Тома Ваданса, был знаком ему достаточно хорошо, и сверяться с картой не требовалось.

Ведя машину одной рукой, Джо расправился с чизбургерами и запил их колой. Голод, который он неожиданно почувствовал, удивил его самого.

Одноэтажный дом Балансов был крыт кедровым гонтом и отделан кедровыми же панелями, сохранявшими цвет натурального дерева. Белыми были только невысокий фундамент, угловые столбы, наличники и жалюзи на окнах. На первый взгляд эта смесь калифорнийского ранчо и характерного для побережья Новой Англии коттеджа была довольно странной и необычной, но Джо сразу подумал, что домик с его мощенной каменными плитами дорожкой и клумбами африканских лилий агафантусов перед крыльцом выглядит очень уютно и мило.

Жара только только начала спадать, и плиты дорожки все еще излучали дневной жар. Поглядев на охваченный оранжево-розовым заревом западный край неба и на стену лиловых сумерек, медленно подступавших с востока, Джо поднялся на низенькое крыльцо и нажал кнопку электрического звонка.

Ему открыла женщина лет тридцати со свежим и довольно миловидным лицом. Несмотря на то что она была натуральной брюнеткой, ее светлая, чуть веснушчатая кожа, зеленые глаза и пухлые щечки скорее подошли бы рыжеволосой. Одета она была в шорты защитного цвета и застиранную домашнюю рубашку с закатанными рукавами; влажные от пота волосы были в беспорядке, а на щеке темнело смазанное грязное пятно.

Поглядев на нее, Джо понял, что она занималась уборкой и что недавно она плакала.

– Миссис Ваданс? – спросил Джо.

– Да. Это я...

Когда Джо работал репортером, ему без особого труда удавалось установить контакт с абсолютным большинством людей, у которых он брал интервью, но сейчас он почему-то почувствовал себя неловко. Ему казалось, что для серьезных вопросов, ради которых приехал сюда, он одет, пожалуй, слишком небрежно. Купленные час назад джинсы оказались слишком свободными, и ремень стягивал их на поясе в складки, а куртку Джо оставил в машине, так что теперь ему оставалось только жалеть, что вместо маек он не запасся рубашкой.

– Нельзя ли нам с вами поговорить, миссис Ваданс?

– Сейчас я очень занята и...

– Меня зовут Джо Карпентер, и моя жена... она тоже погибла в том самолете. Жена и две дочери...

Женщина негромко ахнула и поднесла тыльную сторону ладони к губам.

– Год тому назад... – вымолвила она наконец.

– Да. Ровно год, день в день.

Хозяйка отступила в сторону.

– Проходите.

Джо последовал за ней в уютную и светлую гостиную, оформленную в бело-желтой цветовой гамме. Ситцевые занавески на окнах были подобраны в тон мебели обивке. В подсвеченном демонстрационном футляре в углу стояло с дюжину фарфоровых статуэток "Лядро".

Хозяйка пригласила Джо сесть. Когда он опустился в глубокое кресло, женщина повернулась к двери и крикнула:

– Боб! К нам пришли!

– Извините, что побеспокоил вас в выходной... – начал Джо.

Женщина, с осторожностью сев на краешек дивана напротив него, сказала:

– Ничего страшного, Джо. Просто, боюсь, я не та миссис Ваданс, которую вы хотели видеть. Меня зовут Кларисса. Нора Ваданс, муж которой погиб... погиб в этой катастрофе, была моей свекровью.

В гостиную вошел высокий молодой мужчина, и Кларисса представила Джо своему мужу. Боб Ваданс выглядел всего года на два старше своей супруги, но был довольно поджарым и крепким. Он носил короткую стрижку и держался весьма уверенно и любезно; рукопожатие его было мужественным, а улыбка – непринужденной и приветливой, хотя сквозь загар проглядывала легкая бледность, а в голубых глазах таилась печаль.

Когда Боб Ваданс уселся на диване рядом с женой, Кларисса объяснила мужу, что семья Джо тоже погибла во время катастрофы рейса 353. Обращаясь к Джо, она добавила:

– Это отец Боба разбился в Колорадо. Он возвращался домой из служебной командировки и погиб.

Из всего, что могли бы сказать хозяева и гость, именно рассказ о том, как они узнали о несчастье, помог им установить близкий эмоциональный контакт и проникнуться симпатией и доверием друг к другу. В тот день Кларисса и Боб, пилот истребителя, приписанного к Мирамарской авиабазе ВМС, расположенной севернее Сан Диего, ужинали в компании двух коллег Боба и их жен. Сначала они сидели в уютном итальянском ресторанчике, а потом перешли в бар, где был установлен телевизор. По телевизору передавали бейсбольный матч, который был прерван ради официального сообщения о гибели рейса 353 компании "Нэшн Уайд Эйр". Боб знал, что как раз сегодня его отец должен был вернуться в Лос Анджелес из Нью Йорка; знал он и о том, что Ваданс старший предпочитает компанию "Нэшн Уайд" всем остальным, однако номер рейса не был ему известен точно. Установить это, впрочем, не составляло труда. Позвонив прямо из бара в представительство "Нэшн Уайд" в Лос Анджелесском аэропорту, Боб переговорил со служащим по связям с общественностью, который и подтвердил, что имя мистера Томаса Ли Ваданса действительно фигурирует в списке пассажиров рейса 353.

Из Мирамара Боб и Кларисса выехали в Кальвер Сити, которого и достигли в рекордно короткое время – за каких-нибудь пятьдесят минут. Звонить матери Боба они не стали, поскольку не знали, слышала ли она сообщение или нет. В любом случае они предпочли бы сообщить ей о трагедии лично, а не по телефону.

Когда вскоре после полуночи они подъехали к дому Норы Ваданс, то увидели, что во всех окнах горит свет, а входная дверь не заперта. Сама Нора хлопотала на кухне, готовя густую кукурузную похлебку со свининой – целую кастрюлю похлебки со свининой, потому что Том очень ее любил. В духовке подрумянивались шоколадные печенье с pekanovыми орехами, которые он предпочитал всем остальным. Нора знала о катастрофе, знала, что Том погиб в страшном взрыве где-то к востоку от Скалистых гор, но чувствовала настоятельную необходимость сделать для мужа хоть что-нибудь. Не мудрено... Ведь они поженились, когда Норе было всего восемнадцать, а Тому – двадцать, и прожили вместе тридцать пять лет, прожили душа в душу, и поэтому она просто не могла себе представить, что ей больше не нужно о нем заботиться.

– Я узнал о катастрофе только в аэропорту, когда поехал их встречать, – в свою очередь рассказывал Джо. – Они ездили в Виргинию, чтобы навестить родителей Мишель, а на обратном пути завернули в Нью Йорк, чтобы девочки познакомились со своей теткой Делией, которую они никогда в жизни не видели. В аэропорт я приехал намного раньше, чем было надо, и поэтому первое, что я сделал, это сверился с информационным табло, чтобы убедиться, что рейс прибывает точно по расписанию. Табло все еще показывало, что все в порядке, но когда я поднялся в зал прилета, то у ворот, из которых они должны были появиться, меня встретили сотрудники авиакомпании. Всех встречавших они отводили в сторону и что-то негромко им говорили, а некоторых потом уводили в комнаты отдыха для персонала. Когда этот молодой парень в форме "Нэшн Уайд" приблизился ко мне, я понял, что он собирается мне сказать еще до того, как он успел открыть рот. Я не дал ему произнести ни слова. "Только попробуй... – предупредил я его. – Только попробуй сказать мне это!" Когда он все же попытался со мной заговорить, я отвернулся и сбросил его руку, которую он положил мне на плечо. Я мог бы ударить его, мог избить до полусмерти, лишь бы он молчал, но, когда я повернулся, их было уже трое: он и две женщины, которые стояли

совсем рядом со мной. Но я все равно хотел, чтобы они молчали, потому что скажи они об этом вслух, и катастрофа стала бы реальностью. Их слова сделали бы трагедию реальностью, а так у меня оставалась надежда, что ничего не произошло и что все по прежнему в порядке... Ну, вы понимаете?

Некоторое время все трое молчали, словно прислушиваясь к голосам из прошлого – голосам посторонних людей, сообщавшим страшную новость.

– Мама очень тяжело восприняла все это, – сказала наконец Кларисса, и в ее голосе прозвучали такая нежность и любовь, словно Нора Ваданс была ее родной матерью. – Ей было всего пятьдесят три года, но она просто напросто не хотела жить дальше без Тома. Они были...

– Они были очень близки, – закончил за нее Боб. – Но когда на прошлой неделе мы приехали навестить маму, то увидели, что она чувствует себя гораздо лучше и бодрее. Целый год она была подавлена, почти уничтожена, и вдруг все переменялось буквально за одну ночь, словно по мановению волшебной палочки. Мама снова была полна жизни. Я говорю – снова, потому что до катастрофы она всегда была очень жизнерадостной и веселой и очень...

– ...и очень общительной, – подхватила Кларисса с такой легкостью, словно она и Боб умели читать мысли друг друга или просто думали почти одинаково. – Гибель Тома очень изменила ее, и вот на прошлой неделе мы снова увидели перед собой женщину, которую знали всегда... и которой нам так не хватало весь этот год.

Джо вздрогнул от ужаса, неожиданно осознав, что Боб и Кларисса говорят о Норе Ваданс в прошедшем времени.

– Что же случилось? – спросил он.

Кларисса достала из кармана своих защитных шортов салфетку "Клинекс" и промокнула глаза.

– Мама сказала нам, что теперь она знает: ее Том не исчез бесследно, и что никто не исчезает насовсем, даже когда умирает. Она выглядела совершенно счастливой. Мама...

– Она просто светилась, – кивнул Боб, беря Клариссу за руку. – И мы до сих пор не знаем, что заставило ее... Казалось, депрессия прошла и все худшее уже позади. Впервые за прошедший год мама смеялась и строила планы на будущее... И вот четыре дня тому назад... В общем, четыре дня назад моя мать покончила с собой.

* * *

Боб и Кларисса похоронили Нору Ваданс в пятницу, за день до приезда Джо. Сами они жили в Мирамаре и задержались в Кальвер Сити только для того, чтобы собрать одежду и кое какие вещи матери для передачи родственникам и благотворительному магазину Армии спасения.

– Это был тяжелый удар, – продолжала Кларисса, опуская и снова закатывая правый рукав рубашки. – Мама была очень добрым человеком. С ней было удивительно легко и... надежно, что ли...

– Мне не следовало мешать вам, – решительно сказал Джо, вставая. – Я выбрал неудачное время. Извините меня.

– Нет, что вы, сидите! – почти умоляющим тоном воскликнул Боб Ваданс, вскакивая и протягивая к нему руку. – Нам просто необходимо отвлечься от этой работы... Ведь мы разбираем ее вещи... Поговорить с вами, это... – Он пожал плечами. Поднявшись с дивана, Боб казался состоящим из одних только длинных нескладных рук и ног, хотя поначалу Джо решил, что он сложен довольно гармонично. – Ведь вы, как и мы, понимаете, каково это... С вами нам проще и легче, потому что...

– Потому что вы тоже пережили большое горе, – закончила Кларисса. Слегка поколебавшись, Джо снова опустился в кресло.

– Я, собственно говоря, хотел задать всего несколько вопросов, но, боюсь, что ответить на них может... могла только ваша мать.

Кларисса оставила в покое свой правый рукав и принялась теревать левый. Очевидно, ей трудно было говорить, и она старалась отвлечь себя каким-нибудь пустяковым делом. А может быть, она просто хотела чем-то занять свои руки, чтобы каким-нибудь непроизвольным жестом не выдать сдерживаемого отчаяния и ненароком не напомнить Джо о горе, которое он пережил.

– Сегодня так жарко, Джо, – сказала она. – Может быть, хотите выпить чего-нибудь прохладительного?

– Нет, спасибо, – отказался Джо. – Я только спрошу вас кое о чем и пойду. Собственно говоря, мне хотелось узнать у вашей матери только одно: не навещал ли ее кто-нибудь в последнее время. Скажем, некая женщина, которая называет себя Розой...

Боб и Кларисса быстро переглянулись, и Боб спросил:

– Темнокожая?

Джо вздрогнул от волнения и еще чего-то непонятного.

– Да. Миниатюрная, примерно пяти футов и двух дюймов ростом... Я не знаю, как вам объяснить, но ее присутствие чувствуешь буквально физически. Не обратить на нее внимания просто невозможно.

– Мама почти ничего о ней не рассказывала, – заявила Кларисса, бросив быстрый взгляд на мужа, – но эта Роза действительно однажды приезжала к ней. Они разговаривало, и, похоже, именно она сказала маме нечто такое, что так сильно изменило ее в последние дни. Нам показалось, что Роза была для нее чем-то вроде...

– Вроде духовного наставника, – пояснил Боб. – Не скажу, чтобы нам это очень нравилось, особенно в первое время. В конце концов, никто из нас не знал, кто она и откуда... Мы даже думали, что эта женщина может попытаться воспользоваться маминым угнетением с остоянием к своей выгоде. Понимаете, есть такие, не слишком чистоплотные проповедники, которые... В общем, мы решили, что Роза представляет какую-то из этих новых сект...

– ...или просто является мошенницей, – решительно закончила Кларисса, наклоняясь вперед, чтобы поправить искусственные цветы, стоявшие в вазе на кофейном столике. – Нам казалось, что она может запудрить маме мозги и попытаться выманить у нее какие-то деньги. – Но когда мама говорила о Розе, она...

– ...казалась совершенно спокойной, умиротворенной, и вскоре мы убедились, что Роза не замышляет ничего дурного, да и маме было намного лучше. Это просто бросалось в глаза. Кроме того, она сказала...

– ...что эта женщина не вернется, – закончил Боб. – Мама сказала, что благодаря ей она узнала, что папа находится в каком-то безопасном месте. Что его смерть не была концом всему. Он не просто умер, а перенесся куда-то в счастливую и мирную страну.

– Она так и не объяснила нам, откуда у нее эта уверенность, – добавила Кларисса. – Во всяком случае, в церковь мама никогда не ходила. Она даже не сказала нам, кто такая эта Роза и о чем они с ней беседовали.

– Она вообще почти ничего про нее не говорила, – вставил Боб. – Только то, что это пока секрет, но придет время, и...

– ...и в конце концов все все узнают.

– Узнают что? – переспросил Джо.

– Что папа где-то в безопасном и счастливом месте, я думаю, – неуверенно ответил Боб. Но Кларисса впервые возразила ему. – Нет, – сказала она убежденно и, оставив в покое искусственные цветы, сложила крепко сцепленные руки на коленях. – Я уверена, что она имела в виду нечто гораздо большее. Может быть, она имела в виду, что в конце концов все узнают, что мы не просто умираем, а отправляемся в другое место, где не страшно, где все очень хорошо.

Боб тяжело вздохнул.

– Буду говорить с вами откровенно, Джо. Нам было немного не по себе, когда мама, которая всегда стояла на земле обеими ногами, заводила речь о всяких сверхъестественных

вещах. Но она выглядела... счастливой, и мы думали, что это вряд ли может ей повредить. Особенно после этого ужасного года.

Джо никак не ожидал, что все сведется к существованию мира духов и какой то таинственной "безопасной и счастливой" страны, поэтому он почувствовал неловкость, к которой примешивалась изрядная доля разочарования. Он был уверен, что доктор Роза Такер знает, что на самом деле случилось с "Боингом" компании "Нэшн Уайд Эйр", и надеялся хотя бы немного продвинуться в своих поисках. То, что Роза оказалась лишь духовным целителем, проповедницей откровенно мистических взглядов, ранило его неожиданно больно.

– Как вы думаете, не могло ли быть у вашей матери ее адреса или телефонного номера? – спросил Джо.

– Нет, – покачала головой Кларисса. – Во всяком случае, я так не думаю. Мама... она старалась не говорить об этом много. Покажи ему снимок, – добавила она, обращаясь к мужу.

– Сейчас принесу, – сказал Боб, вставая. – Кажется, он все еще в ее спальне.

– Какой снимок? – спросил Джо, когда Боб вышел.

– Очень странный снимок. Его дала маме эта самая Роза. Лично у меня от него мурашки по коже бегаят, но ее он утешал. Это фотография могилы Томаса.

* * *

Вставленный в рамку снимок оказался вполне обычным цветным отпечатком, сделанным с помощью "Полароида", и на нем не было ничего, кроме каменного памятника и травы вокруг. На мраморе были высечены полное имя Томаса Ваданса, даты рождения и смерти и слова "Любимому мужу и отцу". Увидев фотографию, Джо сразу – и очень живо – вспомнил свою встречу с Розой Такер. "Я еще не готова говорить с тобой", – сказала она.

– Это мама купила рамку, – услышал он голос Клариссы. – Она хотела держать фото под стеклом, чтобы не повредить.

– Когда на прошлой неделе мы приезжали к ней, – поддакнул Боб, – она не выпускала снимок из рук все три дня, что мы были здесь. Она не расставалась с ним ни когда готовила, ни когда смотрела телевизор, ни даже когда мы устроили за домом небольшой пикничок. – А когда мы поехали ужинать в ресторан, – кивнула Кларисса, – она положила его в свою сумочку.

– Но это же просто фотография! – сказал Джо, не скрывая своего недоумения.

– Да, – подтвердил Боб. – Просто фотография. Мама сама могла бы сделать такую, но почему то для нее было очень важно получить ее от этой женщины. От Розы.

Джо медленно провел кончиками пальцев по стеклу, словно был ясновидящим или экстрасенсом, способным угадать смысл и значение фотографии по следам психических эманаций людей, державших ее до него.

– Когда мама в первый раз показала нам этот снимок, – смущенно призналась Кларисса, – она смотрела на нас как будто с ожиданием... Как будто она ждала...

– ...что мы будем реагировать как то по особенному, – заключил Боб.

Джо нахмурился и положил снимок на кофейный столик.

– Как это – по особенному? – уточнил он.

– Не знаю. – Кларисса пожала плечами и, взяв снимок в руки, стала протирать стекло подолом рубахи. – Когда мы повели себя не так, как мама, по видимому, ожидала, она спросила нас, что мы видим на снимке.

– Могильный камень, – быстро сказал Джо.

– Могила отца, – согласился Боб.

Кларисса отрицательно качнула головой.

– Мама, похоже, видела нечто большее, – сказала она.

– Что? Что, например?

– Она не говорила. Просто намекнула...

– ...что придет день, и мы увидим сами, – закончил Боб. Не отчаивайся, ты увидишь...

как и другие. И перед мысленным взором Джо снова возникла Роза Такер, которая стояла под сосной, сжимая в руках фотоаппарат.

* * *

– Вы знаете, кто такая эта Роза? Почему вы расспрашиваете нас о ней? – поинтересовалась Кларисса, и Джо рассказал им о своей встрече с этой странной и загадочной женщиной, не упомянув, впрочем, о преследовавших ее людях в белом фургоне. По его словам выходило, что Роза Такер уехала с кладбища в машине и он не сумел ее задержать.

– Но из ее слов я понял, что она, наверное, встречалась с родственниками других погибших. Роза сказала мне, чтобы я не отчаиваюсь и что однажды я тоже прозрею, увижу то, что уже увидели другие, но сама она считала, что пока не готова говорить со мной. Или я не готов воспринять то, что она мне скажет. Вся беда в том, что я не могу, не в силах ждать. И тогда я решил, что если она уже успела с кем то переговорить, то я могу попробовать разыскать этих людей и спросить у них, что же открыла им Роза, что она помогла им увидеть.

– Что бы это ни было, – тихо сказала Кларисса, – мама почувствовала себя гораздо лучше. Спокойнее.

– А потом убила себя, – неожиданно резко вставил Боб.

– Но почти целую неделю она была счастлива, – не согласилась Кларисса.

– И все равно... – гнул свое Боб, который, по видимому, так до конца и не изжил свою настороженность и недоверие в отношении Розы Такер. – Ты же знаешь, чем это кончилось.

Если бы Джо – по крайней мере в прошлом – не был опытным репортером, которому часто приходилось расспрашивать родственников и знакомых людей, погибших при самых трагических обстоятельствах, он не решился бы пойти дальше и подтолкнуть Боба и Клариссу к осознанию еще одной возможности, которая могла заставить их вновь почувствовать горе и отчаяние. Но, когда он заново перебрал в уме все события сегодняшнего странного дня, он понял, что вопрос не может не быть задан.

– А вы абсолютно уверены, что это было именно самоубийство? – спросил Джо.

Боб открыл было рот, чтобы что то сказать, но осекся и быстро отвернулся, чтобы смахнуть с глаз слезы. На вопрос Джо ответила Кларисса:

– В этом нет никаких сомнений. Нора сама убила себя.

– Она оставила записку?

– Нет, – покачала головой Кларисса. – Ничего такого, что помогло бы нам понять, почему она сделала это.

– Вы говорили, что она казалась вполне счастливой и спокойной. Если...

– Она оставила видеозапись, – перебила Кларисса неестественно ровным голосом.

– С прощанием?

– Нет... Это так странно... и так страшно... – Она затрясла опущенной головой, и ее волосы растрепались еще больше. Лицо ее перекошилось от бессильного отчаяния, словно Кларисса никак не могла подобрать подходящие слова, чтобы описать ему все, что было у нее на душе.

– Это жуткая запись, – выдавила она наконец.

Боб выпустил руку жены и поднялся.

– Послушайте, Джо, вообще то я почти не пью, но... Думаю, нам всем не помешает немножко выпить, прежде чем мы начнем говорить об этом.

– Я не хотел бы, чтобы вы страдали из за меня еще больше... – начал Джо.

Но Боб оборвал его решительным жестом.

– Нет, – сказал он. – Все будет о'кей. Мы вместе пережили эту катастрофу и теперь как бы составляем единую семью. А со своими близкими можно говорить обо всем. Так вы будете пить?

– Конечно.

– Не рассказывай ничего о пленке, пока я не вернусь, – предупредил Боб жену. – Я знаю: ты думаешь, что мне будет легче, если меня при этом не будет, но это не так.

Он ласково посмотрел на жену, и, когда она согласно кивнула, на лице Боба так ясно отпечатались нежность и любовь, что Джо поспешно отвел глаза. Этот обмен взглядами остро напомнил ему о том, что он потерял.

Когда Боб вышел, Кларисса снова занялась искусственными цветами на столике, а потом закрыла лицо руками и некоторое время сидела молча, упираясь локтями в свои голые колени.

Наконец она подняла голову и посмотрела на Джо в упор.

– Он очень хороший человек, – сказала она.

– Мне он тоже понравился, – осторожно ответил Джо.

– Он хороший муж и хороший сын, – продолжила Кларисса. – Окружающие, как правило, видят в нем только военного летчика, героя войны в Заливе, крутого парня и все такое, но он умеет быть очень нежным и внимательным. У него есть сентиментальная жилка... – Она слабо улыбнулась. – Сентиментальная жилка толщиной примерно в миллю. Такая же была и у его отца.

Джо терпеливо ждал. Он чувствовал, что Кларисса хотела сказать что-то совсем другое.

После небольшой паузы она снова заговорила, но голос ее звучал глухо и устало.

– Мы не торопились с детьми, Джо. Нам казалось, что у нас впереди еще много времени и что мы многое должны успеть, прежде чем обзаводиться потомством. Теперь я об этом жалею. Конечно, и сейчас еще не поздно – мне всего тридцать, а Бобу тридцать два, но когда я думаю о том, что наши дети так и не узнают Нору и Тома... Они были просто замечательными людьми, Джо, можете мне поверить!

– Вы ни в чем не виноваты, – медленно ответил Джо. – Это, во всяком случае, от нас не зависит. Все мы – просто пассажиры в поезде, и не мы им правим, как бы нам ни хотелось обратного.

– И вы... вы действительно настолько смирились с тем, что произошло?

– Во всяком случае, я пытаюсь.

– Ну и как успехи?

– Откровенно говоря – никак.

Кларисса негромко рассмеялась, а Джо подумал, что за прошедший год он не рассмешил ни одного человека, за исключением подруги Розы Такер, с которой он разговаривал по телефону несколько часов назад. И хотя в смехе Клариссы были и грусть, и горькая ирония, Джо слышались в нем нотки облегчения, а это, в свою очередь, заставило его почувствовать, как крепнет нить, связывающая его с миром живых, – нить, которая не давалась ему в руки на протяжении столь долгого времени.

– Скажите, Джо, – спросила Кларисса после недолгого молчания, – могла эта Роза быть... нехорошим человеком?

– Нет. Скорее наоборот.

На веснушчатое, от природы открытое и доверчивое лицо Клариссы неожиданно напозла тень сомнения.

– Вы... абсолютно уверены в том, что говорите?

– Вы бы тоже не сомневались, если бы увидели ее так близко, как я.

В это время вернулся Боб. В руках он держал три стакана, вазочку с колотым льдом, литровую бутылку "7 Ап" и бутылку виски "Сигрэм 7 Краун".

– Боюсь, что, кроме этого, нам совершенно нечего вам предложить, – извинился он. – В нашей семье не жаловали это дело. Разве только по праздникам, да и тогда мы обходились без особых изысков.

– Ничего страшного, – сказал Джо и с благодарностью кивнул, принимая стакан с коктейлем "Семь на семь", который Боб для него смешал.

Напиток вышел у Боба довольно крепким, и в гостиной ненадолго воцарилась тишина, прерываемая только позвякиванием льда о стекло. Потом Кларисса сказала:

– Мы знаем, что это было самоубийство, потому что она записала его на пленку.
– Кто записал на пленку? – переспросил Джо, совершенно уверенный, что ослышался или не так понял ее слова.
– Нора, мама Боба, – пояснила Кларисса. – Она сама записала на видео свое собственное самоубийство.

* * *

Сумерки быстро таяли, истекая за горизонт потоками пурпурно красного света, и чернота ночи все плотнее прилегала к окнам уютной желто белой гостиной.

Коротко и по деловому, демонстрируя завидное самообладание, Кларисса пересказала Джо все, что было известно ей о смерти свекрови, но даже в такой сжатой форме от ее рассказа веяло жутью. Говорила она совсем негромко, однако каждый слог раздавался в тишине комнаты как удар колокола, который, как казалось Джо, эхом отдавался внутри его до тех пор, пока его не начало трясти.

Боб Ваданс сидел молча. Он больше не заканчивал начатых женой предложений и, не глядя ни на Джо, ни на Клариссу, сосредоточенно вертел в руках стакан с коктейлем, который он время от времени подносил к губам.

Компактная восьмимиллиметровая видеокамера, ставшая свидетельницей самоубийства матери Боба, принадлежала Тому Вадансу и была его любимой игрушкой, если так можно сказать о взрослом человеке. Он постоянно носил ее с собой, но со дня гибели рейса 353 камера хранилась в его кабинете и к ней никто не прикасался.

Пользоваться камерой было предельно просто. Автоматика сама устанавливала выдержку и контрастность изображения, и, хотя Нора не обладала почти никаким опытом в обращении с видеотехникой, даже она могла разобраться в основных принципах ее действия за несколько минут.

Разумеется, после года пребывания в шкафу батарея камеры едва ли сохранила достаточный заряд, чтобы обеспечить ее удовлетворительную работу, и Нора не поленилась как следует ее зарядить, что, в свою очередь, свидетельствовало о поистине устрашающей решимости довести дело до конца. Зарядное устройство и сетевой адаптер были обнаружены прибывшей полицией включенными в розетку на кухне.

Все это происходило во вторник утром – четыре дня назад. Зарядив аккумуляторную батарею, Нора Ваданс вышла на мощенный каменными плитами задний двор и пристроила видеокамеру на легком складном столике, подложив под нее пару книг в бумажных обложках так, чтобы объектив смотрел на нужное ей место. Включив аппарат на запись, она установила в десяти футах от объектива складное кресло с жесткими виниловыми сиденьем и спинкой, после чего еще раз подошла к камере, чтобы убедиться, что кресло находится в центре рамки видоискателя.

Вернувшись к креслу, Нора Ваданс чуть чуть переставила его, после чего разделась догола прямо перед объективом записывающей камеры. При этом она действовала без колебаний, но и без излишней аффектации, как это делают артистки стриптиза. Ее движения были размеренными и спокойными, словно она собиралась принять ванну. Во всяком случае, брюки, блузку и белье Нора Ваданс самым аккуратным образом сложила на плитах дворика патио.

Потом – как была, без одежды, – она ненадолго исчезла из поля зрения камеры и отсутствовала без малого сорок секунд. Судя по всему, она ходила в кухню, так как вернулась с большим ножом для разделки мяса. Держа его в руке, она уселась в кресло прямо перед объективом.

Согласно предварительному заключению судебно медицинской экспертизы примерно в восемь часов десять минут утра вторника Нора Ваданс – пятидесятилетняя, физически здоровая и, как считалось, пребывавшая в здравом уме и твердой памяти женщина (хотя она только недавно оправилась от глубокого душевного потрясения, вызванного трагической

гибелью мужа, на ее умственных способностях это никак не отразилось) – покончила жизнь самоубийством. Держа нож обеими руками, она с силой воткнула его в нижнюю часть живота. Вырвав оружие из раны, Нора Ваданс нанесла себе еще один удар. И еще один. В последний раз она не стала выдергивать нож, а провела его лезвием слева направо, вскрыв себе брюшную полость. После этого она выпустила нож и откинулась на спинку кресла. Через одну две минуты Нора Ваданс скончалась от массивной кровопотери.

Видеокамера продолжала снимать обнаженный труп до тех пор, пока в двадцатиминутной кассете не закончилась пленка.

Два часа спустя – в десять часов тридцать минут утра – тело обнаружил шестидесятишестилетний садовник Такаши Мишима, который по расписанию должен был в этот день работать в саду миссис Ваданс. Он и вызвал полицию.

* * *

Когда Кларисса закончила, Джо только негромко выдохнул:

– Господи Иисусе...

Боб ничего не сказал, он только подлил виски в их стаканы. Руки его заметно дрожали, и горлышко бутылки несколько раз неприятно звякнуло.

Наконец Джо совладал с собой.

– Как я понимаю, пленка находится в полиции, – заметил он.

– Да, – подтвердил Боб. – Она останется у них до тех пор, пока не будет проведено официальное слушание, дознание или как там оно у них называется.

– Надеюсь, вы знаете, как это произошло, только с чужих слов и никому из вас не пришлось ее просматривать, – сказал Джо.

– Я ее не видел, – кивнул Боб. – Только Кларисса...

Взгляд Клариссы казался прочно прикованным к бокалу с коктейлем.

– Нам рассказали, что было на пленке, но ни Боб, ни я этому не поверили, хотя у полиции не было никаких причин обманывать нас. В пятницу... да, в пятницу, перед самыми похоронами, я пошла в местное отделение полиции и просмотрела ее. Поймите, Джо, мы обязаны были знать точно, и теперь мы знаем... Когда нам вернут кассету, я ее сожгу. Боб не должен видеть эту запись. Никогда!

Джо и без того был очень высокого мнения об этой женщине, а теперь его уважение к ней возросло еще больше.

– Меня все же кое что удивляет, – медленно сказал он, – так что, если вы не возражаете, я спрошу...

– Спрашивайте, – сказал слегка захмелевший Боб. – У нас самих накопилось полно всяких разных вопросов, на которые мы не прочь знать ответ.

– Во первых... – Джо замялся, подбирая слова. – Как я понял, ни у кого нет никаких сомнений в том, что ваша мать сделала это сама. Но ведь ее могли заставить...

Кларисса отрицательно покачала головой.

– По моему, самоубийство – это совсем не то, на что человека можно вынудить даже под дулом пистолета. Простых угроз и психологического нажима для этого, пожалуй, будет маловато. Кроме того, в поле зрения камеры не попал ни один посторонний человек. Даже тень человека... Взгляд Норы ни разу не устремился в сторону – он был направлен почти исключительно в объектив. Она была абсолютно одна.

– Когда вы рассказывали мне, что было на пленке, у меня сложилось впечатление, что Нора действовала совершенно механически, как автомат.

– Это верно, – согласилась Кларисса. – Именно так она и выглядела большую часть времени. Лицо ее показалось мне совершенно расслабленным и спокойным, лишенным какого бы то ни было выражения.

– Вы сказали – большую часть времени? – переспросил Джо. – Значит, был момент, когда она выражала какие то чувства?

– Был один такой момент. Нет, пожалуй, даже два. В первый раз, когда Нора почти совсем разделась, она чуть чуть поколебалась, прежде чем снять... трусики. Она была очень скромной женщиной, Джо. Скромной и стыдливой. Именно поэтому это кажется нам очень и очень странным...

Прижав ко лбу стакан с коктейлем и закрыв глаза, Боб сказал:

– Даже если допустить, что мама повредила в уме и покончила с собой, мне трудно поверить, что она решила снять себя на видео без одежды... И что она не думала о том, как ее найдут в таком виде.

– Боб прав, – подтвердила Кларисса. – Задний двор окружен высоким, заплетенным бугенвиллеей забором, так что соседи не могли ее увидеть, но она все равно не захотела бы, чтобы ее нашли... голой. Как бы там ни было, мама замешкалась, прежде чем снять трусики. И вот в это самое мгновение все ее безразличие куда то исчезло, и я увидела это жуткое выражение...

– Выражение чего? – спросил Джо.

Восстанавливая в памяти страшную картину, Кларисса даже сморщилась, но нашла в себе силы продолжить. Она описывала сцену за сценой так, словно вновь видела их наяву.

– Сначала ее глаза казались пустыми, ничего не выражающими, даже веки были чуть приспущены, как у человека, который дремлет... Потом они вдруг распахнулись широко широко, и в них появилась глубина. Эти глаза снова стали как у нормального человека, а лицо... Ее лицо словно взорвалось – оно все задергалось и перекосилось, как будто Нору раздирали эмоции. Я увидела настоящий шок и смертельный ужас. Поверьте, Джо, это было лицо человека, погибающего страшной смертью, и я почувствовала, как у меня самой разрывается сердце. К счастью, это продолжались всего секунду или две, может быть – три. Потом Нора как то странно вздрогнула всем телом, это кошмарное выражение исчезло, и ее лицо снова стало расслабленным и безмятежным, а движения – механическими и спокойными. В этом состоянии она сняла трусики и аккуратно отложила в сторону.

– Она не принимала никаких лекарств? – спросил Джо. – Может быть, слишком большая доза какого нибудь препарата вызвала у миссис Норы непредсказуемую реакцию или даже временное нарушение психики?

– Ее врач утверждает, что не прописывал ей никаких транквилизаторов, но из за того, как она себя вела, полиция все равно заподозрила наркотики. Они взяли все анализы, все... образцы, и, хотя медицинская экспертиза еще не закончена, это...

– Это просто смешно! – воскликнул Боб и стукнул себя кулаком по колену. – Моя мать не стала бы принимать наркотики. Она даже не любила принимать аспирин. Мама была настолько невинным человеком, что нам иногда казалось, будто она вовсе не замечает всех тех перемен к худшему, которые произошли с миром за последние тридцать лет. Она так и не рассталась с юностью, она жила как будто в своем собственном прошлом и была совершенно счастлива этим.

– Они провезли вскрытие, – тихо сказала Кларисса, – и не обнаружили никаких следов опухоли мозга, никаких признаков микроинфаркта или кровоизлияния – ничего такого, что с медицинской точки зрения могло бы объяснить ее поведение.

– Вы упоминали, что был и второй момент, когда миссис Нора продемонстрировала какие то... эмоции. Когда? – осторожно спросил Джо.

– Как раз перед тем, как она... заколола себя. Это было просто как искра, как спазм, гораздо более краткий по времени, чем в первый раз. Ее лицо напряглось, как будто она хотела закричать, но так и не издала ни звука. После этого ее лицо не менялось уже до конца.

Джо вздрогнул, вдруг осознав то, на что не обратил внимания, когда Кларисса пересказывала содержание пленки.

– Вы хотите сказать, что она так ни разу и не вскрикнула? – удивленно переспросил он.

– Нет. Она вообще не издала ни звука.

– Но это же просто невозможно!

– Только в самом конце, когда Нора выронила нож, мне послышался негромкий звук,

словно она вздохнула.

– Но боль... – Джо не договорил. Он никак не мог заставить себя сказать, что боль, которую испытывала Нора Ваданс, должна была быть совершенно непереносимой.

– Она не кричала, – настаивала Кларисса.

– Но даже невольно она не могла не...

– Мама все проделала молча.

– А микрофон? – едва не закричал Джо. – Она подключила микрофон?

– Микрофон работал, – подтвердил Боб. – У этой модели видеокамер довольно мощный встроенный, всенаправленный микрофон.

– На пленке, – сказала Кларисса, – слышны всякие звуки. Скрип кресла, в котором она сидела, пение птиц, лай собак где то вдали. Но мама так ни разу и не вскрикнула.

* * *

Выходя из дверей и спускаясь с крыльца, Джо внимательно вглядывался в темноту, боясь обнаружить поблизости уже знакомый ему белый фургон или какоенибудь другое подозрительное транспортное средство, припаркованное на улице перед домом Вадансов, но, насколько он мог видеть, ничего угрожающего поблизости не было. Теплая ночь была великолепна, с запада дул легкий прохладный бриз, несущий с собой ароматы цветов жасмина, а из дома по соседству доносилась негромкая музыка, и Джо узнавал фрагменты бетховенской сюиты.

Боб и Кларисса вышли вслед за ним на крыльцо, и Джо спросил:

– Скажите, когда полиция нашла Нору, была ли при ней фотография могилы?

– Нет, – ответил Боб. – Фотография стояла на кухонном столе. Что бы она для нее ни значила, в последний путь мама отправилась без этого снимка.

– Мы нашли ее на кухонном столе, когда приехали из Сан Диего, – уточнила Кларисса. – Фотография стояла рядом с недоеденным завтраком.

– Она позавтракала? – удивился Джо.

– Я понимаю, о чем вы думаете, – сокрушенно покачала головой Кларисса. – Зачем возиться с завтраком, если твердо решил уйти из жизни? На самом деле, Джо, все это еще более непонятно, чем кажется на первый взгляд. На завтрак мама приготовила себе омлет с сыром, зеленым луком и ветчиной, а рядом стоял стакан с апельсиновым соком, который она выжала из свежего плода. И она наполовину съела все это. Можно было подумать, что на нее что то нашло прямо во время завтрака, она выскочила из за стола и побежала искать видеокамеру.

– Судя по вашему описанию, ваша мама пребывала либо в глубокой подавленности, либо... в какого либо рода сумеречном состоянии. В любом случае ей наверняка было не до приготовления таких блюд, которые требуют не столько труда, сколько сосредоточенности, – согласился Джо.

– А еще, – сказала Кларисса, – рядом с тарелкой лежал раскрытый номер "Лос Анджелес таймс"...

– Мама просматривала комиксы, – закончил Боб.

Некоторое время все трое молчали, обдумывая то, что никак не укладывалось в голове. Потом Боб проговорил устало:

– Теперь, надеюсь, вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил, что у нас у самих достаточно много вопросов, на которые мы хотели бы знать ответы.

Кларисса ничего не сказала. Вместо этого она вдруг спустилась с последней ступеньки крыльца и, обняв Джо за плечи, крепко прижала его к себе, словно они были давними друзьями или близкими родственниками.

– Надеюсь, что эта Роза – действительно хорошая женщина, как вы думаете, – негромко шепнула она. – Надеюсь, вы отыщете ее, и, что бы она вам ни сказала, я желаю, чтобы это помогло вам в конце концов обрести покой.

Джо, тронутый до глубины души, тоже обнял ее.

– Спасибо, Кларисса, – сказал он.

Боб записал на вырванном из блокнота листке свой адрес и телефон в Мирамаре и протянул сложенную бумагу Джо.

– Если у вас возникнут новые вопросы... или вы узнаете что то такое, что поможет нам разобраться во всем этом, – позвоните.

Мужчины пожали друг другу руки, потом по братски обнялись.

– Куда вы сейчас, Джо? – печально спросила Кларисса.

Джо бросил взгляд на светящийся циферблат наручных часов.

– Сейчас только начало десятого, – сказал он. – Я хотел бы попробовать повидаться еще с кемнибудь из родственников.

– Будьте осторожны, – заботливо предупредила Кларисса.

– Хорошо.

– Здесь что то не так, Джо. Что то нечисто.

– Я знаю.

Когда Джо завел мотор и отъехал. Боб и Кларисса все еще стояли у дверей и смотрели ему вслед.

Несмотря на то что Джо выпил почти полтора стакана крепкого коктейля, "Семь на семь" не оказал на него никакого действия. Он так и не увидел ни одного портрета Норы Ваданс, но образ женщины без лица, сидящей в садовом кресле с ножом в животе, вставал перед ним настолько отчетливо, что его, пожалуй, не пробрала бы и вдвое большая доза спиртного.

Большой город, раскинувшийся вдоль побережья, мерцал в ночной темноте, словно колония плесневых грибков, и над ним – точь в точь как облако разлетающихся спор – вставало грязно желтое зарево света. Сквозь это нечистое облако проглядывало всего несколько звезд: холодных, равнодушных, недостижимых.

Всего минуту назад ночь казалась ему великолепной, и в ней не было ничего страшного; теперь же она грозно нависла над самой его головой, готовая раздавить его своей тяжестью, и Джо поймал себя на том, что все чаще и чаще поглядывает в зеркало заднего вида.

Глава 8

Огромная усадьба в георгианском стиле, в которой жили Чарльз и Джорджина Дельман, находилась в Хенкок парке и занимала участок площадью в добрых пол акра. Пара величественных магнолий охраняла вход на ведущую к крыльцу дорожку, вдоль которой тянулись можжевеловые живые изгороди классической прямоугольной формы. Несмотря на их малую высоту – всего по колено, – изгороди казались такими ухоженными и были так аккуратно подстрижены, словно над ними только недавно потрудились целая армия садовников, вооруженных прививочными ножами и электрическими ножницами. И изгороди, и очертания дома, и сама планировка сада, тяготеющая к прямым углам, выдавали приверженность хозяев к порядку и их глубокую веру в победу человека над иррациональным буйством природы.

Джо уже знал, что Дельманы были врачами. Чарльз Дельман, терапевт широкого профиля, специализировался в кардиологии, а миссис Дельман практиковала одновременно и как терапевт, и как офтальмолог. Оба были довольно известны не только как врачи, но и как благотворители, поскольку в дополнение к обычной медицинской практике супруги Дельман основали и курировали две бесплатные клиники для детей Саут Централ и Восточного района Лос Анджелеса.

Колорадская трагедия лишила пожилых супругов их единственной восемнадцатилетней дочери Анжелы, которая возвращалась домой после полуторамесячного художественного семинара при Нью Йоркском университете, где она готовилась к поступлению в школу

изящных искусств в Сан Франциско. Насколько было известно Джо, юная Анжела Дельман работала в основном акварелью и подавала большие надежды. Дверь ему открыла Джорджина Дельман. Джо сразу узнал ее, потому что ее фотография была опубликована "Пост" в одной из статей, посвященных катастрофе. Миссис Дельман была высокой и статной женщиной лет сорока восьми с гладкой, смуглой кожей, матово блестящей даже в темноте, с шапкой выющихся темных, почти не тронутых сединой волос и темно лиловыми с поволокой глазами округлой формы. Буйная, дикая красота этой женщины так явно бросалась в глаза, что она сама, должно быть, понимала это и пыталась сгладить впечатление при помощи строгих очков в тонкой металлической оправе, которые она носила вместо контактных линз, полного отказа от косметики, невыразительных серых брюк и заправленной в них белой мужской рубашки.

Джо представился, но, прежде чем он успел сказать, что его семья тоже летела на борту рейса 353, Джорджина Дельман неожиданно воскликнула:

– Джо Карпентер! Бог мой, мы только что о вас говорили!

– Обо мне?

Вместо ответа Джорджина схватила Джо за руку и, буквально силой втащив его в прихожую, выложенную полированными мраморными плитами, захлопнула входную дверь изящным движением своего крутого бедра. При этом она ни на мгновение не отрывала от его лица своих изумленных глаз.

– Лиза как раз рассказывала нам о вашей жене и дочках и о том, как неожиданно вы исчезли после несчастья, разом порвав со своей прошлой жизнью и с работой. И вдруг вы сами постучали к нам в дверь! Разве это не удивительно?

– Какая Лиза? – переспросил сбитый с толку Джо. Нет, по крайней мере сегодня вечером маска сухого и трезвого врача практика не могла в полной мере скрыть кипучую и жизнерадостную натуру этой очаровательной женщины. Джорджина Дельман порывисто обняла Джо и поцеловала его в щеку с такой силой, что он невольно покачнулся. Потом, стоя с ним лицом к лицу и ища глазами его взгляд, она спросила едва сдерживая непонятный Джо восторг:

– Вы ведь тоже виделись с ней, правда?

– С кем? С Лизой? – переспросил Джо.

– Нет, не с Лизой – с Розой!

При этих ее словах необъяснимая и непонятная надежда снова ожила в Джо и забилась под черной броней его души, как рыба бьется зимой о ледяной панцирь, сковавший озеро.

– Да, я встретился с ней, но...

– Идемте же со мной! – Снова схватив его за руку, Джорджина потащила

Джо за собой сначала через прихожую, потом – по длинному коридору, ведущему куда то в глубь дома. – Мы засели в кухне, – объясняла она на ходу. – Я, Чарльз и Лиза...

На собраниях "Сострадательных друзей" Джо еще ни разу не встречал убитых горем родителей, которые были бы способны на такую кипучую радость и такое восторженное волнение. И не только не встречал, но даже не слышал о подобном феномене. Как правило, у потерявших детей родителей уходило пять шесть, а иногда и все десять лет только на то, чтобы избавиться от своей глубокой убежденности в том, что это они должны были погибнуть в результате того или иного несчастного случая или скоротечной болезни. Пережив своих детей, такие родители начинали рассматривать свое собственное существование как эгоистичное, греховное, безнравственное и чудовищно несправедливое. То же самое в полной мере относилось и к тем, кто – как Дельманы – потерял взрослого или почти взрослого ребенка. Будь Анжеле тридцать, а ее родителям по шестьдесят с лишним – и тогда мало что изменилось бы. Возраст не играл здесь никакой роли. На любом этапе жизненного пути потеря ребенка является для родителей чем то настолько противоестественным, настолько неправильным, что им бывает очень трудно вновь обрести цель в жизни и увидеть смысл в дальнейшем своем существовании. Даже если им удастся каким то образом смириться со случившимся и начать жить более или менее нормальной

жизнью, настоящее счастье остается практически недоступным для родителей, которых слепая судьба лишила их любимых чад, а "радость", за которую иногда можно принять владеющие ими настроения и чувства, является лишь видимостью и обманом. Так, даже в самую жару тянет прохладной сыростью и влагой от старого колодца, из которого ушла вся вода.

И все же радость Джорджины Дельман казалась Джо искренней и неподдельной. Таща его за собой по коридору к вращающейся на двухсторонних петлях двери кухни, она была по настоящему, беззаботно и бесшабашно счастлива, и Джо не без зависти, но и с упреком подумал, что за прошедший год эта женщина сумела не только полностью оправиться от постигшего ее удара, но и отыскать в жизни новый смысл. В его случае подобное было просто невозможно – Джо знал это совершенно точно, и при мысли об этом его крошечная надежда в последний раз сверкнула под луной и ушла в беспросветную, полную черного отчаяния глубину. Он понял, что Джорджина Дельман либо сошла с ума от горя, либо ее внешность была настолько обманчивой, что он ошибся и не разглядел в ней мелочной, эгоистичной, не способной на глубокие переживания души. Как бы там ни было, ее бьющая в глаза радость неприятно поразила, даже потрясла Джо.

Приглушенный свет в кухне не помешал Джо разглядеть, что, несмотря на внушительные размеры, помещение было довольно уютным. Светлый кленовый паркет дополнялся кленовой же мебелью с рабочими поверхностями из черно коричневого гранита, напоминающего своим цветом неочищенный сахар. В янтарно желтом свете низко расположенных светильников тускло поблескивали на полках медные таганы, развешанные по стенам сковороды и свисающие со специальных крючков сверкающие кухонные принадлежности, отдаленно напоминающие языки замерших в ожидании благовеста церковных колоколов.

Подведя Джо к столику для завтраков, установленному в нише перед террасным окном, Джорджина сказала:

– Чарли! Лиза! Смотрите, кто к нам пришел! Это настоящее чудо, правда?

За окном Джо разглядел задний двор с бассейном, который ярко блестел в свете наружных фонарей. На овальном кухонном столе по эту сторону окна горели три декоративные масляные лампы с плавающими фитилями и высокими, суживающимися вверху стеклами.

Возле стола стоял высокий, привлекательный мужчина с густыми седыми волосами – доктор Чарльз Дельман.

Не выпуская руки Джо, Джорджина приблизилась к мужу и сказала:

– Познакомься, Чарли, это Джо Карпентер. Тот самый Джо Карпентер!

Чарльз поглядел на Джо с легким недоумением, но шагнул вперед и сердечно потряс ему руку.

– Что здесь происходит, сынок? – спросил он.

– Если бы я знал! – в тон ему отозвался Джо.

– Что то странное и удивительное, это как пить дать, – заявил Дельман, и Джо впервые заметил, что, несмотря на кажущееся внешнее спокойствие, он так же взволнован и возбужден, как и его жена.

Потом, сверкнув светлыми волосами, которые казались золотистыми в мягком свете ламп, из за стола поднялась та самая Лиза, о которой говорила Джорджина. Ей было сорок с небольшим лет, и она все еще сохраняла юное и гладкое, как у школьницы, лицо, хотя ее светло голубые глаза повидали не один круг ада.

Эту женщину Джо знал очень хорошо. Ее звали Лиза Пеккатоне, она работала в "Пост" и была журналисткой, как когда то и он. Больше того, Лиза трудилась в том же самом отделе уголовной хроники, но специализировалась на расследованиях самых страшных дел: на деяниях маньяков убийц, растлителей, насильников и психопатов, расчленивших свои жертвы. Порой Джо казалось, что она просто одержима какой то навязчивой идеей, так как ему никак не удавалось понять, что же заставляет ее раз за разом погружаться в самые

мрачные глубины человеческого сердца и писать о реках крови и диком безумии, ища смысл в самых бессмысленных и жестоких человеческих поступках. Репортерская интуиция подсказывала ему, что когда то давно сама Лиза, должно быть, пережила что то очень страшное, и что чудовище, оседлавшее и взнуздавшее ее в раннем детстве, все еще с нею, что оно все еще вонзает в нее острые шпоры и жжет хлыстом, и что она старается справиться с демоном памяти единственным известным ей способом, пытаясь понять то, что невозможно понять в принципе. Лиза Пеккатоне была одним из самых добрых и в то же время – одним из самых резких и принципиальных людей, которых Джо когда либо знал; она была блестящим журналистом, дерзким, бесстрашным, но совестливым и честным, а ее проза была способна подбодрить ангелов и вселить ужас в черные дьявольские души. В свое время Джо восхищался Лизой и считал ее одним из самых лучших своих друзей, однако и от нее он отвернулся без всякого сожаления, когда, последовав в сердце за своей погибшей семьей, оказался на пепелище жизни.

– Джонни, сукин ты сын! – ласково сказала Лиза. – Откуда ты взялся? Ты что, тоже расследуешь это дело, или ты здесь как одно из действующих лиц этой истории?

– Я расследую это дело потому, что я – одно из действующих лиц, – ответил Джо. – Но писать я больше не буду. Я больше не верю в магию печатного слова.

– Я давно уже не особенно верю ни в это, ни во что другое.

– Тогда что ты тут делаешь?

– Мы позвонили ей всего несколько часов назад и попросили приехать, – вмешалась Джорджина.

– Не обижайся, сынок, – вставил свое слово Чарльз, хлопая Джо по плечу. – Просто Лиза – единственный репортер, которого мы знаем достаточно близко и уважаем... как человека.

– Дело в том, что лет десять тому назад Лиза на добровольных началах пришла работать в нашей бесплатной клинике, в которой содержатся дети с ярко выраженной умственной недостаточностью и врожденными уродствами. Она работала по восемь десять часов в неделю, преимущественно – в выходные, но мы видели, как она работала.

Джо этого не знал. Больше того, при всем своем уважении к Лизе, он даже не заподозрил бы, что она способна на такое.

Лиза, в свою очередь, не сумела сдержать неловкой, кривой улыбки.

– Да, Джонни, в свободное от работы время я люблю перевоплощаться в эту мать Терезу. Но не вздумай разболтать об этом в "Пост" – это погубит мою репутацию.

– Я не против немножечко выпить. Никто не хочет вина? У нас есть неплохое "Шардоне". А может быть, "Грин Хиллз" или "Мондави"? – вмешался Чарльз. Джо подумал, что Джорджина заразила его своей неуместной радостью. Можно было подумать, что они собрались здесь, в этот вечер из вечеров, для того, чтобы отпраздновать годовщину катастрофы рейса 353.

– Я не буду, – отказался Джо, чувствуя, что с каждой минутой все меньше и меньше ориентируется в происходящем.

– А я немного выпью, – кивнула Лиза.

– И я тоже, – сказала Джорджина. – Пойду схожу за бокалами.

– Нет, дорогая, лучше посиди здесь с Лизой и Джо, – остановил ее мягким жестом Чарльз. – Я сейчас все приготовлю.

С этими словами он направился в дальний конец погруженной в полумрак кухни, а Джо и обе женщины уселись на стулья возле стола. Желтый свет масляной лампы упал на лицо Джорджины, и Джо заметил, что, хотя глаза ее горят лихорадочным блеском, в них нет ни намек на помешательство.

– Это потрясающе, просто потрясающе! – воскликнула она. – Представляешь, Роза побывала и у него тоже!

Лицо Лизы Пеккатоне было наполовину освещено, наполовину скрывалось в тени.

– Когда это было, Джо? – спросила она.

– Сегодня утром, на кладбище. Она как раз фотографировала могилы Мишель и девочек. Когда я спросил, кто она такая, она ответила, что еще не готова говорить со мной и... ушла.

О том, как развивались события дальше, Джо решил не рассказывать до тех пор, пока не услышит историю Джорджины и Лизы. Меньше всего ему хотелось, чтобы то, что он мог сообщить, наложилось на их откровения и исказило их. Джо хотелось знать объективную картину, пусть и пропущенную через индивидуальное восприятие двух женщин.

– Это не может быть она, – вставила Лиза. – Роза погибла во время катастрофы.

– Это официальная версия.

– Тогда опиши ее.

Джо быстро перечислил внешние приметы Розы Такер, следуя привычной для него и для Лизы полицейской процедуре – рост, цвет кожи, глаз и волос, форма носа и подбородка, однако ему потребовалось гораздо больше времени, чтобы описать чувства, которые он испытывал от одного присутствия этой темнокожей женщины, и исходящий от нее странный магнетизм, который, казалось, был способен изменять все окружающее в соответствии с ее волей.

Рассказывая, Джо внимательно следил за выражением глаз Лизы. Тот глаз, который оставался в тени, по-прежнему был темен и загадочен, но тот, что оказался на свету, выдавал подлинное, глубокое смятение, которое усиливалось по мере того, как Джо описывал внешность и предполагаемый характер доктора Розы Такер. В конце концов Лиза сказала:

– Сколько ее помню, в Роз всегда чувствовалось что-то такое... Искра Божья.

Пришел черед Джо удивляться.

– Ты ее знала?!

– Мы вместе посещали лос-анджелесский университетский колледж, но это было так давно, что не стоит и вспоминать. Главное, в общежитии мы занимали одну комнату и сумели остаться довольно близкими друзьями, несмотря на все эти годы.

– Вот почему Чарли и я решили в первую очередь позвонить Лизе, – вставила Джорджина, которая молча прислушивалась к их разговору и только кивала, когда Джо описывал Розу Такер. – Мы знали, что у нее была подруга, которая летела этим же рейсом, но Чарли вспомнил, что эту подругу тоже звали Розой, лишь среди ночи, спустя несколько часов после того, как живая и невредимая Роза Такер ушла от нас. Мы знали, что это скорее всего одно и то же лицо, но не могли себе представить, как сообщить об этом Лизе.

– Когда Роза была у вас? – быстро спросил Джо.

– Вчера вечером, – ответила Джорджина. – Мы как раз собирались ужинать. Она потребовала у нас обещания, что мы не станем никому рассказывать о том, что она сообщит нам... во всяком случае, до тех пор, пока она не посетит хотя бы еще несколько семей погибших. Но Лиза... в последний год она выглядела совершенно подавленной и мрачной, да к тому же она и Роза были близкими подругами, поэтому мы решили, что никому не причиним вреда, если пригласим ее к себе и расскажем о том, что тут произошло.

– Я здесь не как репортер, – вставила Лиза.

– Ты не можешь не быть репортером, – отозвался Джо.

– Роза дала нам это... – продолжила Джорджина, доставая из кармана рубашки фотографию и кладя ее на стол перед Джо. На снимке была запечатлена могила Анжелы Дельман.

– Что вы видите здесь, Джо? – спросила Джорджина и выжидательно посмотрела на него, ярко сверкнув глазами.

– Я думаю, следует поставить вопрос по-другому. Что вы здесь видите?

Где-то в глубине полутемной кухни загремел посудой Чарльз Дельман. Джо отчетливо слышал, как он открывает полки, выдвигает ящики и перебирает их позвякивающее содержимое, разыскивая штопор.

– Мы уже рассказали Лизе, – ответила Джорджина и бросила взгляд в дальний конец комнаты. – Потерпите немного, Джо, сейчас вернется Чарли, и я все вам расскажу.

– Это чертовски странная история, Джонни, – заявила Лиза. – И, признаться откровенно, я еще не знаю, как мне быть с тем, что я узнала. Единственное, что я могу сказать наверняка, – это то, что все это здорово меня пугает.

– Пугает? – удивленно переспросила Джорджина. – Лиза, дорогая, почему?!

– Ты сам поймешь, – сказала Лиза, обращаясь к Джо, и он заметил, что эта женщина, отличавшаяся завидным мужеством и умевшая быть стойкой, как камень, дрожит, как тростинка на ветру. – Единственное, что я должна тебе сказать, это то, что Чарльз и Джорджина – одни из самых трезвых и здравомыслящих людей, которых я когда либо встречала. Постарайся не забыть об этом, когда они начнут свой рассказ.

Джорджина взяла со стола фотографию и посмотрела на нее таким взглядом, словно хотела не просто запечатлеть изображение в памяти, а сделать его составной частью своего физического естества, оставив фотобумагу девственно чистой. Покосившись на нее и чуть слышно вздохнув, Лиза сказала:

– У меня тоже есть что добавить к этой в высшей степени странной истории. Ровно год назад я была в Лос Анджелесском международном аэропорту, ожидая приземления самолета, на котором летела Роза Такер.

При этих словах Джорджина оторвала взгляд от снимка.

– Ты ничего не говорила нам об этом, – заметила она с легким удивлением, но без тени упрека.

– Я как раз собиралась, – призналась Лиза, – но тут как раз Джо позвонил в дверь, и я не успела.

Из дальнего угла кухни донеслось негромкое "хлоп!" упрямой пробки, покидающей горлышко винной бутылки, и Чарльз Дельман довольно крикнул.

– Почему я не видел тебя в аэропорту? – спросил Джо.

– Потому что я старалась держаться в тени. Я развывалась между Роз и... собственным страхом.

– Но ты приехала туда для того, чтобы встретиться с ней, не так ли?

– Роз позвонила мне из Нью Йорка и попросила приехать в аэропорт вместе с Билетом Хэннетом.

Хэннет был тем самым знаменитым фоторепортером, чьи снимки природных и техногенных катастроф украшали собой стены приемной в редакции "Пост".

Джо внимательно посмотрел на Лизу и увидел тревогу в ее светло голубых глазах.

– Роз очень нужно было встретиться с репортером, а я была единственной, кого она знала и кому могла доверять.

– Чарли! – позвала мужа Джорджина. – Иди сюда! Тебе обязательно нужно это услышать.

– Я слышу, слышу! – отозвался из темноты Чарльз Дельман. – Сейчас. Разолью и приду...

– Роз также продиктовала мне шесть фамилий. Она хотела, чтобы я разыскала их и привела в аэропорт, – сказала Лиза. – Это были ее старые друзья. У меня было слишком мало времени, так что я сумела разыскать только пятерых, но никто из них не отказался поехать со мной. Роз нужны были свидетели.

– Свидетели чего? – быстро спросил Джо. Он был весь внимание.

– Этого я не знаю. В разговоре по телефону Роз была очень сдержанна. Я чувствовала, что она по настоящему взволнована, но вместе с тем она боялась. Роз сказала только, что везет с собой нечто такое, что изменит всех нас самым решительным образом и навсегда. И не только нас, но и весь мир.

– Изменит мир? – переспросил Джо, не скрывая своего скептицизма. – В наши дни это обещает любой политик с более или менее привлекательной программой и развитыми способностями к лицедейству.

– Но в данном случае Роза была совершенно права! – с горячностью перебила его Джорджина, снова протягивая Джо фотографию, и в глазах ее засверкали с трудом

сдерживаемые слезы радости и непонятного восторга. – Это же настоящее чудо!

Джо подумал, что, подобно Алисе из Страны Чудес, он уже давно провалился в кроличью нору, но в отличие от сказочной героини даже не заметил, как и когда это произошло. Только теперь он начал обращать внимание на то, что все окружающее с каждой минутой становится все более странным и каким то сюрреалистическим. Стараясь вернуть себе ощущение реальности, Джо стал смотреть на лампы на столе, но пламя в них вдруг подпрыгнуло и потянулось в сужающееся вверху стекло, хотя никакого сквозняка он не чувствовал. Проворные, как саламандры, отблески огня забегали по стенам, по столешнице, по скрытой в тени половине лица Лизы, и, когда она тоже поглядела на лампу, оба ее глаза стали похожи на стоящие низко над горизонтом две желтых луны.

Но пламя быстро успокоилось, и Лиза сказала:

– Да, конечно, это звучало несколько мелодраматично, но из Роз никогда не вышел бы артист или притворщик. Кроме того, я знаю, что на протяжении семи последних лет она действительно работала над чем то очень важным. Короче, я ей поверила.

Дверь, ведущая в коридор, закрылась с характерным звуком. Чарльз Дельман вышел из кухни, не сказав ни слова ни жене, ни гостям.

– Чарли? – окликнула его Джорджина, приподнимаясь со стула, и добавила растерянно: – Куда же он? Мне так хотелось, чтобы он сам услышал твой рассказ.

– Так вот, Джо... – продолжала Лиза. – Когда за несколько часов до вылета рейса 353 я разговаривала с Роз по телефону, она сказала, что ее ищут, но те, кто ее преследует, меньше всего ожидают, что она направится в Лос Анджелес. На случай, если они все таки ее вычислят и будут поджидать в аэропорту, она и просила нас подъехать к самолету, чтобы мы могли окружить ее, как только она выйдет, защитив тем самым от ее таинственных врагов, которые дорого бы дали за то, чтобы заставить ее молчать. Роз обещала, что выложит мне всю историю прямо там же, в аэропорту.

– Кто за ней гнался? Кто эти таинственные враги? – уточнил Джо.

Джорджина как раз собиралась отправиться на поиски Чарльза, но интерес к рассказу Лизы пересилил, и она осталась.

– Роз имела в виду людей, на которых она работала, – пояснила Лиза.

– "Текнолоджик Инкорпорейтед", – промолвил Джо, и Лиза поглядела на него с уважением.

– Ты, как я погляжу, времени даром не терял.

– Да, я пытался кое в чем разобраться, – рассеянно откликнулся Джо, перебирая в уме самые разные возможности, одна невероятнее другой.

– Надо же, ты, я и Роз – мы все оказались связаны друг с другом. Правду говорят, что мир тесен!

Джо, которому причиняла мучительную боль мысль о том, что где то есть люди, способные убить триста девятнадцать ни в чем не повинных пассажиров, чтобы расправиться с триста двадцатым, сказал:

– Неужели ты думаешь, что они уничтожили самолет только для того, чтобы заставить замолчать Розу Такер?

Лиза ответила не сразу. Некоторое время она смотрела за окно, на подсвеченный голубой бассейн, потом снова повернулась к Джо.

– В тот вечер я была в этом уверена, но потом... Следствие не обнаружило никаких следов взрывного устройства. Не было похоже и на то, что самолет сбили с земли с помощью ракеты. Насколько я помню, настоящая причина катастрофы так и не была установлена, но лично я склонна считать, что имели место некоторые технические неполадки, на которые наложилась ошибка экипажа.

– Так нам, по крайней мере, объявили.

– Мне приходилось иметь дело с Национальной комиссией безопасности перевозок, Джо. Не в связи с этой катастрофой, а по другим, более общим поводам. Там работают очень чистые и честные люди, и у каждого за плечами – годы безупречной и не самой легкой

службы. Ни о какой коррупции не может быть и речи – можешь мне поверить. Пожалуй, это единственный наш государственный орган, который стоит над политикой.

– Но мне показалось, Роза считает себя виноватой в том, что случилось с самолетом, – вставила Джорджина. – Я бы сказала – она почти уверена в том, что "Боинг" разбился из-за нее. Из-за того, что она была на борту.

– Но почему тогда вы так хорошо к ней относитесь, если она, пусть косвенно, виновна в смерти вашей дочери? – резко спросил Джо. – Что в ней такого чудесного?

Джорджина улыбнулась Джо такой же улыбкой, какой она встретила – и очаровала – его, когда он только вошел. Джо, однако, никак не мог сориентироваться во множестве противоречивых и не до конца понятных ему фактов, и поэтому даже эта безмятежная и счастливая улыбка вызвала у него внутреннюю тревогу и неосознанный протест. Она казалась ему совершенно неуместной и пугала – совсем как улыбка клоуна, невзначай встреченного глухой полночью на туманной и темной аллее.

– Вы хотите знать почему, Джо? – спросил "клоун", продолжая улыбаться. – Потому что Роза способна положить конец миру, каким мы его знаем.

Джо в отчаянии повернулся к Лизе:

– Скажи, кто такая, наконец, эта твоя Роза Такер? Чем она занималась в "Текнолоджик"?

– Чем конкретно она занималась, я не знаю. Но Роза – специалист по генной инженерии. Блестящий, талантливейший специалист.

– Насколько я поняла, она специализировалась в области рекомбинации ДНК, – подсказала Джорджина, снова поднося к глазам Джо фотографию, словно надеясь, что так он скорее поймет связь между могильным камнем и генетикой.

– Возможно, – кивнула Лиза. – Мне, во всяком случае, эти подробности были неизвестны. Насколько я поняла, Роз как раз и собиралась посвятить меня во все детали своей работы, но так и не долетела до Лос-Анджелеса. Теперь, впрочем, я о многом догадываюсь. Роз многое объяснила Джорджине и Чарльзу, когда побывала у них вчера, но я просто не знаю, как в такое можно поверить.

Джо про себя удивился странной постановке вопроса. Ему почему-то казалось, что перед Лизой уже не стоит дилемма – верить или нет тому, что она узнала. Судя по всему, вопрос – как верить, волновал ее гораздо больше.

– Что это за компания – "Текнолоджик"? – спросил он. – Я имею в виду – на самом деле...

Лиза тонко улыбнулась.

– У тебя всегда был хороший нюх, Джонни, – ласково сказала она. – И годичный отпуск нисколько не притупил твоего обоняния. Судя по некоторым туманным намекам и оговоркам, которые Роза иногда – не чаще, впрочем, чем один или два раза в год, – допускала, я пришла к заключению, что здесь мы имеем дело с уникальным для капиталистического мира явлением: с компанией, которая не может прогореть.

– Не может прогореть? – переспросила Джорджина.

– Да, – кивнула Лиза, – не может, потому что за ее спиной стоит богатый и щедрый партнер, покрывающий все издержки и незапланированные потери.

– Военные? – напрямик спросил Джо.

– Или какая-то другая правительственная организация с поистине бездонными карманами. По некоторым намекам Роз я поняла, что проект, над которым она работала, финансировался более чем щедро, так как только размер исследовательского и резервного фондов исчислялся сотнями миллионов долларов. Основной же капитал составляет, наверное, миллиарды и миллиарды.

Откуда-то сверху донесся звук выстрела.

Ошибиться было невозможно, хотя выстрел прозвучал приглушенно.

Все трое одновременно вскочили из-за стола и замерли в тревоге. Только Джорджина произнесла слабым голосом:

– Чарли?..

Должно быть, потому, что он только недавно побывал в Кальвер Сити у Боба и Клариссы Ваданс, Джо сразу подумал о женщине без лица, которая нагой сидела в садовом кресле и держала в руках нацеленный в живот кухонный нож.

Эхо выстрела затихло, и в доме наступила грозная тишина, какая бывает, наверное, только после атомного взрыва, когда ничто не шевелится и лишь потоки невидимой, неосязаемой и смертоносной радиации затопляют окрестности, убивая все живое.

– Чарли! – крикнула Джорджина в тревоге и вскочила, собираясь броситься на помощь мужу, но Джо схватил ее за плечо и удержал на месте.

– Нет, подождите. Я схожу... Лучше позвоните в "Службу спасения", а я схожу.

– Джонни... – прошептала Лиза.

– Я знаю, что это такое, – сказал Джо достаточно резко, чтобы положить конец спорам и сомнениям.

В глубине души он еще надеялся, что ошибся и что все, происшедшее где-то в глубине дома, не имеет никакого отношения к судьбе Норы Ваданс, но ему хотелось подстраховаться на случай, если он вдруг окажется прав. Джо не мог допустить, чтобы Джорджина первой нашла мужа. Строго говоря, ей вообще не следовало видеть это – ни сейчас, ни потом.

– Я знаю, в чем дело, – твердо повторил Джо. – Позвоните по 911.

С этими словами он решительно пересек кухню и толкнул вращающуюся дверь, за которой начинался ведущий в прихожую коридор.

Электрический светильник в форме подсвечника тревожно мигал, то тускнея, то снова вспыхивая, как в одном старом фильме про Синг Синг "Синг Синг – известная тюрьма штата Нью-Йорк, существует с 1830 года", когда гонец с помилованием от губернатора прибывает слишком поздно и обвиняемого уже поджаривают на электрическом стуле.

В прихожей Джо подбежал к лестнице на второй этаж, но остановился, поставив ногу на первую ступеньку. Он вдруг испугался того, что он мог увидеть наверху.

По лестнице он все же поднялся, но совсем не так быстро, как того требовали обстоятельства. Шагая со ступеньки на ступеньку, Джо мучительно размышлял над возможными причинами происшествия. Существование таинственных бактерий, вызывающих в человеке непреодолимую тягу расставаться с жизнью, казалось ему такой же чушью, как и все параноические умопостроения душевнобольных людей, считавших мэра города управляемым роботом и веривших, что злые инопланетяне следят за каждым их шагом. Чего Джо никак не мог понять, так это того, как за какие-нибудь две минуты Чарльз Дельман успел перейти от состояния, близкого к эйфории, к отчаянию столь глубокому, что оно могло убить его. Как, собственно, и Нора Ваданс, которая ни с того ни с сего прервала свой завтрак и, бросив дочитанный до половины комикс, побежала на задний двор, чтобы совершить хакари перед объективом видеокамеры, не оставив близким даже записки, которая могла бы объяснить ее невероятный поступок.

Если Джо не ошибся относительно природы выстрела, слабый шанс на то, что Дельман еще жив, все еще оставался. Может быть, одной пули оказалось недостаточно, может быть, его еще можно спасти...

Возможность спасти чью-нибудь жизнь – особенно после того, как столько чужих жизней проскользнули между его пальцев, словно мелкий песок пляжа, – заставила Джо позабыть о страхе и ринуться вверх по лестнице со всей возможной скоростью. Остаток пути он преодолел за считанные секунды, прыгая через две ступеньки.

Оказавшись в коридоре верхнего этажа, Джо бросил быстрый взгляд на закрытые двери гостевых спален и, не увидев нигде света, побежал вперед. И сразу его внимание привлекла полуоткрытая дверь в дальнем конце коридора, из-за которой пробивалась наружу полоска зловещего красноватого света.

Дверь, которую заметил Джо, вела не прямо в хозяйские апартаменты, а в небольшую отдельную прихожую, из которой можно было попасть в кабинет, в спальню и в туалет. Свет горел не в прихожей, а в спальне, и Джо, широко распахнув еще одну дверь, ворвался в

просторную, слабо освещенную комнату с высоким потолком.

Спальня Дельманов была обставлена современной, под цвет светлой кости, мебелью. Изящные, покрытые бледно зеленой эмалью вазы и горшки эпохи династии Сун на стеклянных полках словно парили в воздухе, подчеркивая общее впечатление мира и покоя.

Чарльз Дельман лежал, вытянувшись, на узкой китайской кровати, а поперек его груди был брошен помповый "моссберг" двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой. Ствол дробовика был достаточно коротким, и Чарльз, сжав его зубами, без труда дотянулся до спускового крючка.

Даже при здешнем скудном освещении Джо ясно видел, что он мертв.

Машинально Джо перевел взгляд на ночной столик, где стоял светильник с витой ножкой и зеленовато серым матовым абажуром. Свет, который он давал, казался красным потому, что абажур был залит кровью.

...Примерно десять месяцев назад, также субботним вечером, Джо отправился в городской морг, чтобы закончить почти готовый репортаж. В морге его сразу же окружили трупы – голые и в мешках, на столах и на каталках, – которые терпеливо ждали, пока патологоанатомы закончат очередное вскрытие и займутся ими. Джо тоже ждал, и неожиданно им овладело совершенно иррациональное убеждение, что эти мертвые тела – все мертвые тела – принадлежат его жене и дочерям.

Он как будто попал на съемки научно фантастического фильма о клонировании биологических объектов. Во всяком случае, вокруг себя он видел только мертвую Мишель, повторенную бесчисленное количество раз, а из камер холодильника, где, несомненно, хранились другие трупы, до него вдруг донеслись приглушенные стальными дверями голоса его девочек, звавших папу и умолявших выпустить их отсюда, отвести обратно в мир живых, и Джо испытал почти непереносимое желание заткнуть уши, а тут еще совсем рядом с ним помощник coronera расстегнул "молнию" на эвакомешке, и он увидел бескровное, словно заиндевевшее лицо мертвой женщины, на котором ярко, словно раздавленная на снегу ягода клубники, выделялись накрашенные губы. В следующее мгновение вместо незнакомого лица перед ним появились лица Мишель, Крисси и Нины, а в ее незрячих голубых глазах отразилось его собственное нарастающее безумие.

Это было уже выше его сил. Бросив все, Джо пулей выскочат из морга и в тот же день принес Цезарю Сантосу заявление об уходе.

Вот почему сейчас он малодушно отвернулся от мертвого Чарльза Дельмана. Джо очень боялся увидеть любимые лица вместо того, что осталось от головы врача.

Потом его внимание привлекло странное мокрое шипение, словно Дельман пытался вдохнуть воздух своим изуродованным ртом. Не сразу Джо понял, что слышит свое собственное хриплое дыхание.

На ночной тумбочке рядом со светильником ярко мерцал зеленый циферблат электронных часов. Электроника словно взбесилась: цифры на табло менялись с лихорадочной поспешностью, и Джо заметил, что будильник отсчитывает время в обратном порядке и показывает полдень прошедшего дня.

На мгновение его посетила безумная мысль, что часы, несомненно поврежденные шальной дробинкой, на самом деле способны повернуть время вспять. Еще немного, и свинцовые шарики с глухим стуком ссыплются обратно в ствол ружья, страшные раны зарастут плотью, и Чарльз Дельман оживет, а Джо вернется сначала на пляж в Санта Монике, а оттуда волшебным образом перенесется в свою освещенную луной однокомнатную квартирку, откуда он звонил Бет Маккей, и дальше, дальше, дальше в прошлое... На год назад, в то счастливое время, когда борт 353 еще не рухнул на холмы Колорадо, разбудив окрестности грохотом взрыва.

Снизу, из кухни, донесся отчаянный крик, разрушивший волшебный замок его фантазий. Потом еще один, еще более громкий и пронзительный.

Джо показалось, что кричала Лиза. Ему было нелегко поверить, что такая женщина вообще способна испугаться, но услышанный им вопль был воистину исполнен

глубочайшего ужаса.

С тех пор как Джо вышел из кухни, едва ли прошло больше пяти минут. Что могло там случиться за это время?

Рука его непроизвольно потянулась к дробовику Дельмана. Джо был уверен, что в магазине еще остались патроны.

"Нет, – остановил он себя. – Там, где произошло самоубийство, нельзя ничего трогать. Стоит только прикоснуться к оружию, и комната, где произошло самоубийство, превратится в место преступления. Убийства. И главным подозреваемым будет не кто иной, как Джо Карпентер".

Он отдернул руку и оставил ружье лежать на груди Чарльза.

Напряженно прислушиваясь, Джо выскочил из спальни в коридор, куда почти не проникал красноватый свет забрызганного кровью ночника, где царило могильное спокойствие и неподвижные тени стояли словно почетный караул у оружейного лафета с гробом видного военачальника. Не услышав ничего подозрительного, он поспешил к лестнице, над которой, словно застывшие в воздухе капли дождя, сверкали каскады многоярусной хрустальной люстры. На ходу Джо подумал, что огнестрельное оружие в его руках все равно было бы бесполезно – он просто не смог бы выстрелить в живого человека. Да и были ли в доме посторонние? Похоже, что нет. Только он, Джорджина и Лиза. И никого больше. Никого...

Прыгая через ступеньки, Джо побежал вниз по лестнице. На площадке под люстрой – прямо под неподвижным водопадом неестественно вытянутых хрустальных слез – он оступился и, стараясь удержать равновесие, схватился рукой за перила, но его влажная от пота ладонь соскользнула с отполированного деревянного бруса, и Джо лишь чудом не упал и не сломают себе шею.

Только в коридоре первого этажа Джо расслышал за топотом своих собственных ног какую то визгливую, дикую мелодию. Собственно, это была даже не мелодия, а какофония странных, нечеловеческих звуков, однако Джо некогда было раздумывать о том, что это может быть. Всем телом ударившись в дверь кухни, он ввалился внутрь и увидел, как медные кастрюли и таганы приплясывают на полках и как, несильно ударяясь друг о друга и позвякивая, раскачиваются на крюках сковороды, ножи и поварешки.

Кухня по прежнему была освещена так же скупо и скудно, как и тогда, когда он отсюда уходил. Галогеновые светильники под потолком едва тлели, и Джо машинально поискал взглядом панель переключателей, но она так и не попала ему на глаза.

Лиза Пеккатоне стояла у стола в дальнем от входа конце кухни и с силой прижимала к вискам сжатые кулаки, словно ее голова раскалывалась изнутри и она пыталась не дать ей развалиться на части. Свет масляных ламп бил ей в спину, но Джо видел ее лицо достаточно отчетливо. И слышал. Лиза больше не кричала, она лишь негромко жалобно всхлипывала, стонала и произносила какие то не слишком разборчивые слова, которые Джо расшифровал как "О Боже... Боже мой!".

Джорджины Дельман нигде не было видно.

Медный перезвон посуды, напоминающий странную музыку подземных жителей троллей, неожиданно стих, и Джо бросился к Лизе. Краем глаза он заметил на разделочном столе оставленную Чарльзом Дельманом бутылку вина и три хрустальных бокала с вином, которые продолжали чуть подрагивать, играя гранями и рассыпая красные и желтые блики, и Джо мимолетно подумал о том, что могло быть в вине – яд, наркотик или что то другое.

Увидев приближающегося к ней Джо, Лиза отняла руки от головы и раскрыла ладони. Ее пальцы были красными; они мокро блестели, как розовые лепестки в росе, и с них что то капало на пол. Губы Лизы приоткрылись, и неистовый, дикий, уже почти нечеловеческий крик, в котором было гораздо больше отчаяния и муки, чем в любых словах, ударил даже не в уши, а прямо в грудь Джо.

На полу возле разделочного стола лежала, свернувшись в комок, Джорджина Дельман, однако в этой позе неродившегося младенца было нечто такое, что заставляло думать не о

страхе перед жизнью, а о готовности сдаться смерти и вернуться в небытие. Руки ее все еще сжимали рукоять ножа, который, словно стальная пуповина, приковал Джорджину к миру мертвых, губы все еще были широко раскрыты в крике, который она так и не издала, а в потускневших, утративших глубину глазах все еще стояли слезы.

Резкий запах свежей крови потряс Джо до такой степени, что он снова почувствовал, как земля уходит у него из под ног и он начинает проваливаться в пустоту, однако на этот раз ему удалось огромным усилием воли одолеть приступ. Джо слишком хорошо понимал, что стоит ему поддаться слабости, и он уже не сможет помочь ни Лизе, ни себе.

Отвернуться от сжавшегося в комок тела ему не стоило почти никакого труда; много труднее оказалось отступить от края обрыва и не дать себе сорваться в пропасть, в которой растворились бы и здравый смысл, и все его чувства, кроме одного...

Джо шагнул к Лизе, чтобы обнять ее за плечи, утешить, увести ее отсюда, но она уже стояла к нему спиной. Хрустнуло, звякнуло стекло, и Джо нервно вздрогнул, поскольку ему показалось, что кто то пытается вломиться в кухню через окно.

Но это разбилось не окно, а стекла двух масляных ламп, которые Лиза схватила за суживающиеся верхние части, словно это были бутылки. Прежде чем Джо успел ей помешать, она ударила их друг об друга, и из ламп брызнуло во все стороны горящее масло.

Вязкие огненные капли растекались по столешнице и соединялись в небольшие озера, подбираясь к краю стола.

Джо схватил Лизу сзади и попытался оттащить от разгорающегося пламени, но она с неожиданной силой вырвалась и схватила третью лампу.

– Лиза! Нет!!!

Вспыхнул лежащий на столе снимок могилы Анжелы Дельман, и Джо увидел, как мрамор и бронза памятника корчатся в огне, точно сухие листья.

Лиза осторожно сняла с лампы стекло и наклонила ее так, что масло с плавающим в нем горящим фитилем потекло ей прямо на платье.

Джо стоял неподвижно. Ужас парализовал его.

Масло окатило Лизу от груди до ног, но горящий фитиль отскочил от лифа ее платья и, скользнув по талии, погас в складках юбки.

Горящее масло с шипением и треском закапало со стола на пол.

Джо слегка пришел в себя и снова потянулся к Лизе, но она оттолкнула его и, наклонившись вперед, набрала полные пригоршни жидкого огня. Выпрямляясь, Лиза резким движением плеснула пламя себе на грудь. Пропитанный маслом перед ее платьем моментально вспыхнул, огонь с ревом рванулся к потолку, и в этом шуме потонул отчаянный крик Джо, который едва успел отдернуть руки.

– Нет!!!

Лиза не кричала, хотя Джо слышал, что на гибель подруги она сумела отреагировать. Теперь она даже не стонала и не всхлипывала. С абсолютным, ледяным спокойствием она подняла вверх ладони, в каждой из которых было по огненному шару, и на мгновение стала похожа на древнюю богиню охоты Диану с огненными лунами в руках. Потом Джо увидел, как Лиза прижала огонь к лицу и к волосам.

Не выдержав, он попятился от охваченной огнем фигуры. Кошмарное зрелище опалило ему самую душу, и Джо бежал от жуткого запаха горелого мяса, бежал от нераскрытой тайны, на которую он возлагал такие надежды, но на втором же шаге налетел на какой то шкафчик и остановился.

Лиза каким то чудом все еще держалась на ногах и была совершенно спокойна, словно стояла под теплым летним дождем. Охватившее ее пламя отражалось в каждой из секций террасного окна, и от этого в кухне стало светло, как в доменной печи. Джо увидел, как Лиза медленно поворачивается к нему, словно для того, чтобы взглянуть на него сквозь закрывавшую ее лицо огненную вуаль, но, к счастью для себя, он не смог рассмотреть ее лица.

Страх продолжал сковывать его по рукам и ногам, но какое то шестое чувство

подсказало Джо, что следующим должен погибнуть он, и не от огня, который уже всюду плясал по кленовому паркету под его ногами, а от своей собственной руки. Джо был почему-то уверен, что его смерть также должна быть обставлена достаточно экстравагантно и принадлежать к тому же ряду, что и харакири, самосожжение и выстрел из ружья в рот. Микроб самоубийства еще не проник в него, но Джо не сомневался, что и он не избежит этой странной болезни и что она поразит его в тот самый момент, когда мертвая Лиза рухнет на пол рядом со своей подругой. Все это Джо понимал, но по-прежнему не мог сдвинуться с места. Его ноги словно приросли к полу.

Лиза, оказавшаяся уже в самом центре вращающегося огненного вихря, отбрасывала во все стороны пляшущие блики пламени и фантастические тени, которые металась по стенам и посуде, карабкались по полкам и кишели под потолком. Некоторые были тени как тени, но другие представляли собой крупные хлопья жирной и черной сажи.

Пронзительный визг кухонной пожарной сигнализации сломал его оцепенение и вывел Джо из ступора. Очнувшись, он побежал прочь из этого огненного ада, населенного сажевыми фантомами и серыми призраками теней, а вслед ему смотрели со стен безгубые и безглазые лики медных сковородок, горевших оранжевым огнем, и стреляли острыми розовыми стрелами хрустальные бокалы с вином.

Протаранив кухонную дверь, Джо помчался по коридору и выбежал в прихожую. Все это время его не оставляло чувство, что за ним по пятам летит, мчится что-то гораздо более опасное, чем огонь и сигналы пожарной тревоги, как будто какой-то невидимый убийца все время оставался в кухне и теперь гнался за последней, ускользающей от него жертвой, чтобы умертвить ее каким-нибудь изысканным способом. Хватаясь за ручку входной двери, Джо был почти готов к тому, что ему на плечо вот-вот опустится чья-то тяжелая рука – опустится, развернет и поставит лицом к лицу с улыбающимся убийцей.

Но сзади его настигли не чужая рука и даже не порыв раскаленного воздуха, а какое-то шипящее, холодное дыхание, от которого волосы на затылке Джо встали дыбом. В следующее мгновение он почувствовал, как темнеет в глазах, а позвоночник пронзает словно тонкой ледяной иглой.

В панике Джо даже не понял, как открыл дверь, как выскочил из дома и сбежал с крыльца, стараясь избавиться от ощущения холода, оставить его позади. В себя он пришел только на каменной дорожке между невысокими живыми изгородями, по которой бежал с резвостью испуганного зайца, но только у магнолий, из глянцевиной листвы которых выглядывали крупные цветы, похожие на розовые лица крошечных обезьян, Джо позволил себе обернуться. Никто и ничто его не преследовало.

Улица, на которой он оказался, была пустынна и тиха, если не считать приглушенного завывания пожарных сирен, доносившегося из дома Дельманов. Ни машин, ни людей, вышедших полюбоваться поздним августовским вечером, поблизости не оказалось. Жители ближайших домов тоже еще не успели всполошиться, возможно, потому, что в этом районе Хенкок парка земельные участки были достаточно большими, а дома – весьма дорогими, массивными, с толстыми многослойными стенами, сквозь которые не проникали ни жар, ни холод, ни шум, ни крики, ни пронзительное верещание пожарной тревоги. Даже одиночный выстрел мог быть воспринят здесь как хлопок дверцы автомобиля или выхлоп припозднившегося грузовика.

Сначала Джо собирался дождаться прибытия пожарных или полиции, но вовремя сообразил, что вряд ли сумеет достаточно убедительно и внятно рассказать представителям властей о том, что произошло в доме за какие-нибудь пять-шесть ужасных минут. События, в которых он принимал непосредственное участие, – начиная с выстрела в себя Чарльза Дельмана и заканчивая моментом, когда Лиза подожгла свое облитое маслом платье, – самому Джо казались не то горячечным бредом, не то продолжительной галлюцинацией, в даже теперь, когда все было более или менее позади, он не мог воспринимать случившееся иначе, чем просто новые эпизоды кошмарного сна, в который превратилась его жизнь. А ведь ему предстояло убедить полицейских в том, что это было на самом деле!

Пожар, несомненно, уничтожит все следы и улики, подтверждающие самоубийство, но Джо знал, что полиция в любом случае задержит его для допроса. Сначала как свидетеля, а потом – как подозреваемого в совершении тройного убийства. И копов нельзя будет обвинить ни в тупости, ни в предвзятости, поскольку перед ними предстанет в высшей степени подозрительный субъект с явными признаками начинающегося психического расстройства. Да и что еще они могут подумать о человеке с больным, отсутствующим взглядом, о безработном, живущем в обшарпанной однокомнатной конуре над гаражом и прячущем в багажнике машины конверт с двадцатью тысячами долларов? Да ничего. При любом раскладе обстоятельства и его психологическое состояние не позволили бы копам поверить в его историю, даже если бы она нисколько не выходила за рамки здравого смысла.

И прежде чем Джо сумеет доказать свою невиновность, люди из "Текнолоджик" доберутся до него. Они уже пытались пристрелить его только потому, что подозревали, что Роза Такер сказала ему нечто такое, чего ему ни в коем случае не полагалось знать, а сейчас он знал гораздо больше (правда,

Джо пока не имел никакого понятия о том, что же ему с этим знанием делать). Учитывая бесспорные связи упомянутой корпорации с высшим эшелоном правительственных и военных кругов, Джо мог без труда предсказать свою дальнейшую судьбу. Скорее всего для производства предварительного следствия он попадет в тюрьму, а там его "случайно" убьют во время тщательно спланированной ссоры с другими заключенными, которым будет щедро заплачено за его смерть. Даже если он переживет тюрьму, то после освобождения ничто не помешает врагам Джо Карпентера выследить его и ликвидировать при первой же подходящей возможности.

Напрягая волю, чтобы снова не побежать и не привлечь к себе внимания, Джо пересек улицу и подошел к стоящей у обочины "Хонде".

Стекла в кухне Дельманов со звоном лопнули, и пронзительный, захлебывающийся визг пожарной сигнализации стал гораздо слышнее. Оглянувшись на звук, Джо увидел рвущееся из за дома пламя. Ламповое масло оказалось почти таким же эффективным, как бензин, и в прихожей, хорошо видимой через распахнутую входную дверь, которую Джо, убегая, оставил открытой, уже появились первые яркие язычки пламени, жадно лизавшие стены и мебель.

Джо сел в машину и плотно захлопнул дверцу.

Правая рука его была в крови, но Джо знал, что это не его кровь.

Тем не менее он вздрогнул и, открыв консоль между сиденьями, выхватил оттуда несколько гигиенических салфеток и принялся с яростью вытирать руку. Использованные салфетки Джо убрал в испачканный маслом пакет из под чизбургеров.

"Улика", – подумал он, хотя и не чувствовал себя виноватым; во всяком случае, никакого преступления он не совершал. Впрочем, разве можно сказать наверняка, если весь мир встал с ног на голову? Ложь выдавала себя за правду, правда обратилась в ложь, факты были похожи на выдумку, невозможное стало возможным, а невинность означала вину.

Порывшись в кармане, Джо выудил оттуда ключи зажигания и завел двигатель

Сквозь разбитое стекло задней дверцы он слышал теперь не только многоголосый визг пожарной сигнализации, включившейся теперь по всему дому, но и испуганные возгласы соседей, тревожно переключавшихся в ночи.

Полагаясь на то, что все их внимание будет привлечено пожаром и что никто из них не заметит его машины, Джо включил фары и съехал с обочины на проезжую часть.

Старинный особняк в георгианском стиле напоминают теперь не то мрачную обитель огнедышащих драконов, переползающих из комнаты в комнату и выпускающих из смрадных пастей струи коптящего пламени, не то погребальный костер, а раздавшиеся вдали пожарные и полицейские сирены звучали словно как голоса безутешных духов.

Джо дал газ и растворился в ночи. Со всех сторон его окружал незнакомый и враждебный мир, нисколько не напоминавший то светлое и счастливое место, в котором он родился и прожил больше тридцати лет.

Часть третья Нулевая точка

Глава 9

Пламя августовских костров, такое же желтое, как свет выдолбленных из тыкв светильников в канун Дня Всех Святых, но вовсе не спокойное, ровное, а буйное, непостоянное, живое, рвущееся к небу из выкопанных в песке очагов, могло даже сошедшего с небес святого сделать похожим на участника языческой оргии.

На участке побережья, на котором разрешалось жечь костры, их горело никак не меньше десяти. Возле одних чинно сидели большие семьи, возле других толпились и галдели шумные, непоседливые подростки, возле третьих серьезные студенты колледжей обсуждали мировые проблемы.

Джо медленно шел вдоль берега, пробираясь между кострами. Этот участок пляжа нравился ему больше других, и именно сюда он чаще всего приезжал, когда ему необходимо было посидеть и успокоиться, но обычно Джо старался не приближаться к кострам.

Он только что миновал одно шумное сборище, где босые парочки танцевали вокруг огня под старые мелодии "Бич Бойз", и приближался к другому костру, возле которого дюжины полторы подростков, как зачарованные, слушали коренастого и крепкого мужчину с гривой длинных, светлых, как будто седых, волос, который, умело пользуясь своим звучным и сильным голосом, рассказывал захватывающую историю о призраках и духах.

События сегодняшнего дня настолько изменили Джо внутренне, что теперь он воспринимал окружающий мир так, словно смотрел на него сквозь волшебные очки, выигранные им в пустынной лотерее у участников таинственного ночного карнавала, кочующих с одной темной аллеи на другую под негромкий шепот обутых в мягкую резину похоронных дрог и предлагающих всем встречным очки, обладающие способностью не просто приближать или отдалять окружающий мир, а открывать в нем новые, неведомые измерения и загадочные глубины – темные, холодные, внушающие одновременно и страх, и благоговейный трепет.

Танцоры у костра, который Джо только что прошел, были одеты только в купальные костюмы, и, когда они взмахивали руками, как крыльями, или хватали пальцами воздух, когда раскачивались из стороны в сторону, трясли бедрами и плечами, отблески огня играли на их гладкой молодой коже, делая ее бронзово-золотистой. Их беззаботные и радостные восклицания все еще достигали его слуха, и Джо неожиданно подумал о том, как странно, в сущности, устроен мир. С одной стороны, каждый человек на берегу – и вообще на Земле, – несомненно, был личностью или, вернее сказать, индивидуальностью, но одновременно каждый оставался марионеткой, управляемой невидимым мастером кукловодом, который, дергая за тонкие невидимые нити, вынуждал их поднимать свои изящные ручки в ритуальных жестах радости. Это он, скрываясь в недостигаемой вышине, заставляет весело подмигивать стеклянные глаза; это он растягивает деревянные губы в улыбках, поразительно похожих на настоящие; это его голосом – голосом непревзойденного чревовещателя – люди то смеются, то плачут, то выкрикивают проклятья. Но самое страшное, что все это делается с единственной целью – обмануть Джо и заставить его поверить, будто он живет в гостеприимном и уютном мире, достойном всяческого восхищения.

Затем он миновал костер, вокруг которого собралось не то десять, не то двадцать молодых людей в плавках. Сброшенные пробковые жилеты блестели в темноте, как кипы тюленьих шкур, груды загарпуненных угрей или какие-нибудь другие дары моря. Вогнутые в песок доски для серфинга напоминали древний Стоунхендж, отбрасывая на пляж длинные и странные тени. В воздухе буквально пахло тестостероном "Тестостерон – мужской половой гормон", уровень которого в этой компании был настолько высок, что молодые люди были

ничуть не оживлены, а скорее оглушены им. Их движения, во всяком случае, казались неестественно замедленными, словно все они были сомнамбулами, с головой ушедшими в мир сладостных мужских фантазий.

Танцоры, рассказчик со своими слушателями, серфингисты и все, мимо кого проходил Джо, косились на него со сдержанной настороженностью, и игра воображения была здесь вовсе ни при чем. Разумеется, они старательно прятали взгляды и наблюдали за ним исподтишка, но Джо отчетливо ощущал на себе их внимание.

И он вовсе не удивился бы, если бы все они работали на "Текнолоджик" или на того, кто субсидировал эту таинственную корпорацию.

С другой стороны, несмотря на свою растущую подозрительность и обостренную параноическую мнительность, Джо вполне отдавал себе отчет в том, какая мрачная аура его окружает. Она была соткана не столько из его прошлых бед, сколько из того, что он совсем недавно пережил в доме Дельманов, и отдыхающие – мирные и беззаботные люди – не могли ее не почувствовать. Испытанный им ужас все еще проступал в чертах лица Джо, в тусклых глазах утонули отчаяние и растерянность, а нервные, резкие движения свидетельствовали о том, что страх и ярость еще не до конца покинули его. В бредущем мимо призраке отдыхающие угадывали больного, измученного человека, а все они были в достаточной степени городскими жителями, чтобы знать, насколько опасными бывают загнанные в угол, затравленные люди.

Дальше по берегу Джо обнаружил еще один костер, вокруг которого сидели примерно двадцать молодых парней и девушек. И те и другие были наголо обриты, одеты в небесно голубые свободные туники и белые теннисные туфли, и у каждого поблескивала в левом ухе золотая сережка. Мужчины были безбороды, а женщины не пользовались никакой косметикой, но и те и другие были настолько привлекательны внешне и носили свои странные одеяния с таким шиком, что Джо моментально окрестил их Культом Золотой Молодежи с Беверли Хиллз.

Возле этого костра он рискнул задержаться на несколько минут, однако вторжение явно постороннего человека несколько не смутило медитативного спокойствия юношей и девушек, в молчании созерцавших игру огня. Когда же его наконец заметили и несколько взглядов обратилось к нему, Джо не почувствовал в них ни страха, ни отвращения перед тем, что они могли прочесть по его лицу. Их глаза – все без исключения – напомнили ему спокойные стоячие озера, в которых он в свою очередь разглядел понимание, показавшееся ему унижительным, и доброту, которая лежала на самой поверхности, словно лунный свет на воде. Впрочем, вполне возможно, что Джо видел только то, что хотел видеть.

В руке он все еще держал пакет из "Макдональдса", в котором, помимо оберток от двух чизбургеров и стаканчика из под колы, лежали окровавленные салфетки "Клинекс". Улики. Размахнувшись, Джо швырнул бумажный пакет в костер и некоторое время следил за тем, как пакет вспыхнул, почернел и рассыпался. Никто из членов культа так и не произнес ни единого слова.

Отправившись дальше вдоль берега, Джо ненадолго задумался о том, в чем могут видеть смысл жизни эти бритоголовые. Ему почему то казалось, что в безумном кружении современной, подчас невыносимой в своей тяжести жизни эти верующие – юноши и девушки в голубых одеждах – сумели отыскать истину и достичь просветления, которое наполняло их существование глубоким и важным смыслом. Но каким? Какая истина открылась им под звуки мантр и молений? Спросить об этом напрямую Джо не решился, так как боялся, что в ответ услышит еще один вариант все той же старой песни, исполненной печали, тоскливого стремления к недостижимому и попыток выдать желаемое за действительное, на которых столь многие возводили здание своей надежды и веры.

Удалившись ярдов на сто от последнего костра, Джо оказался на том участке пляжа, где властвовала ночь. Здесь он подошел к воде и, наклонившись над фосфоресцирующими в темноте волнами, стал мыть руки, окуная их в прохладную соленую воду и натирая мелким влажным песком, чтобы с его помощью уничтожить последние следы крови, которые могли

остаться в складках кожи, на костяшках пальцев и под ногтями.

В последний раз сполоснув руки, он шагнул вперед и вошел в море, даже не потрудившись снять кроссовки или закатать джинсы. Сделав еще несколько шагов, он миновал зону несильного прибоя и остановился только тогда, когда черная вода достигла колен.

Ласковые волны были украшены светящимися гребешками тончайшей пены. Ночь выдалась ясная, к тому же над горизонтом уже давно поднялась яркая луна, но Джо никак не мог разглядеть океан, который – черный, холодный и грозный – мерно качался в ста ярдах впереди. Лишенный таким образом умиротворяющего, исцеляющего душу зрелища, ради которого он и приехал на пляж, Джо сосредоточился на бьющихся о его колени волнах и на чуть слышном, низком ворчании, которое издавала, натываясь на препятствие, великая водяная машина. Эти вечные ритмы, эти бессмысленные песни и бесконечно повторяющиеся движения утешали и гипнотизировали его, помогая думать о покое, помогая представить себе покой, который рождается из безразличия.

Джо очень старался не возвращаться в мыслях к тому, что произошло в усадьбе Дельманов. Эти события не имели, да и не могли иметь никакого рационального объяснения, и даже думать о них было бесполезно, ибо понять их все равно было нельзя.

Больше всего огорчало Джо то, что он не чувствовал никакого особенного горя и почти никакой печали в связи с гибелью Дельманов и Лизы. На собраниях "Сострадательных друзей" Джо узнал, что в период, следующий непосредственно за потерей ребенка, родители – об этом они сами и сообщали – очень часто оказывались не способными в полной мере сострадать чужому горю. Когда телевидение передавало сообщения об авариях на дорогах, о пожарах в гостиницах и жилых домах или о зверских убийствах, такие родители сидели перед экранами совершенно спокойно и с полным равнодушием взирали на все эти ужасы. Больше того: музыка, которая когда то трогала буквально до слез, или искусство, которое захватывало и увлекало, больше не вызывали никаких эмоций, и это было вполне закономерно.

Некоторые родители преодолевали подобную потерю чувствительности в течение первых года двух; у других период адаптации занимал от пяти до десяти лет; третьи навсегда оставались холодными и бесчувственными.

Дельманы показались ему неплохими людьми, но Джо тут же возразил себе, сказав, что он их почти не знал.

Другое дело – Лиза. Она была его другом, а теперь она умерла. Ну и что? В свой срок – кто раньше, кто позже – умереть должен каждый. Твои дети. Женщина, которую ты любил. Все.

Собственная черствость неожиданно испугала Джо. И не просто испугала. Он почувствовал сильнейшее отвращение к себе. Но, несмотря на это, он по-прежнему не мог заставить себя принять близко к сердцу чужую беду. Только своя собственная боль оставалась для него важной.

Он и к океану то пришел лишь затем, чтобы добиться с его помощью полного безразличия к собственным потерям – того самого безразличия, которое он уже давно чувствовал в отношении чужих утрат. Лишь иногда – очень редко – Джо задумывался, в какое чудовище он превратится, когда смерти Мишель, Крисси и Нины потеряют для него всякое значение. И, стоя по колено в горько соленой океанской воде, он впервые понял, что полное безразличие принесет ему не столько внутренний покой, сколько безграничную способность к бесконечному злу.

* * *

Оживленная бензоколонка со станцией технического обслуживания и круглосуточным магазинчиком, в котором продавались всякие необходимые мелочи, располагалась всего в трех кварталах от мотеля, в котором остановился Джо. Один раз он уже проезжал мимо нее и

сразу заметил, что платные телефонные будки находятся снаружи, у стены туалетной комнаты. Под фонарями в конических колпаках, висевшими вдоль карниза крыши, вились крупные белые, мохнатые, как снежинки, ночные бабочки, и по чистой оштукатуренной стене метались их неправдоподобно большие тени.

Джо так и не решился аннулировать кредитную карточку своей телефонной компании. С ее помощью он рассчитывал сделать несколько междугородних звонков, но звонить из мотеля было небезопасно.

В первую очередь ему необходимо было переговорить с Барбарой Кристмэн – руководителем экспертной группы Национального управления безопасности перевозок, которая занималась обстоятельствами гибели рейса 353. На Западном побережье было начало двенадцатого ночи, но в Вашингтоне уже пробило два. В этот поздний час нечего было и думать о том, чтобы застать Кристмэн на рабочем месте, и, даже если бы Джо дозвонился до дежурного по НУБП, тот вряд ли сообщил бы ее домашний телефон.

Несмотря на это, Джо разыскал в справочнике общий номер НУБП и позвонил. Установленная в НУБП новейшая телефонная система предоставляла Джо самые широкие возможности: например, он мог наговорить на пленку сообщение как для руководства Управления и старших следователей, так и для любого из рядовых служащих. Для этого ему достаточно было ввести первый инициал и первые четыре буквы фамилии того служащего, с которым он хотел говорить, и система автоматически связывала его с абонентом или с записывающим устройством.

Джо так и поступил. Он был очень аккуратен, вводя буквы "Б" и "К Р И С", однако вместо гудка услышал записанный на пленку голос, который сообщил, что абонента с таким именем не существует. Думая, что ошибся, Джо повторил операцию, но с тем же результатом.

Либо Барбара Кристмэн больше не работала в НУБП, либо сбой дала новейшая телефонная система.

Несмотря на то, что руководителем группы экспертов на месте любой аварии мог быть только старший следователь, работающий в штаб квартире НУБП в Вашингтоне, сама группа немедленного реагирования часто комплектовалась специалистами из отделений управления, разбросанных по всей стране. Местные подразделения НУБП находились в Анкоридже, Атланте, Чикаго, Денвере, Форт Уорте, Лос Анджелесе, Майами, Канзас Сити, Нью Йорке и Сизтле. В редакционном компьютере Джо отыскал полный или почти полный список экспертной группы, но ему по прежнему не было ничего известно о том, к какому из местных отделов относился тот или иной специалист.

Место падения самолета находилось на расстоянии сотни с небольшим миль к югу от Денвера, поэтому логично было предположить, что хотя бы несколько человек были вызваны из Денверского отделения НУБП. В списке, которым располагал Джо, было одиннадцать фамилий, и он набрал номер справочной телефонной службы Денвера.

В результате из одиннадцати человек осталось только трое. Очевидно, остальные либо жили не в Денвере, либо их домашние телефоны не были зарегистрированы.

Безостановочное и беспорядочное движение то увеличивающихся, то уменьшающихся теней по белой стене раздражало Джо, бредило его память, напоминая что то знакомое и важное. Чем дольше он глядел на этот призрачный хоровод, тем сильнее становилась его уверенность, что ускользающее воспоминание имеет огромное значение. Попытавшись сосредоточиться, Джо пристально вгляделся в пляску нечетких, расплывчатых теней, но так и не вспомнил ничего важного.

Несмотря на то что в Денвере было уже далеко за полночь, Джо немедленно позвонил по всем трем номерам, которые ему удалось раздобыть.

Первый человек, которого он решился побеспокоить, был специалистом метеорологом, оценивавшим предшествующую крушению обстановку для выявления возможных неблагоприятных погодных факторов. В его доме Джо наткнулся на автоответчик. Сообщения он оставлять не стал и тут же позвонил второму члену группы, ответственному за поиск и анализ металлических обломков. Очевидно, звонок поднял того с постели, так как

означенный специалист крайне недовольно пробурчал в трубку что то неразборчивое. Помочь Джо он отказался, и только третий человек, которому позвонил Джо, дал ему необходимые сведения о Барбаре Кристмэн.

Звали его Марио Оливерри. Во время расследования обстоятельств гибели рейса 353 он возглавлял подразделение группы, занимавшееся человеческим фактором и искавшим следы, которые указывали бы на возможные ошибки экипажа или наземных служб слежения.

Даже несмотря на поздний час, звонок постороннего человека не рассердил и не насторожил Оливерри. Разговаривал он, во всяком случае, приветливо и сразу бросился убеждать Джо, что является ночной птицей и никогда не ложится раньше часа ночи.

– Но вы должны понять, мистер Карпентер, – добавил он твердо, – что я не имею права разговаривать с репортерами о подробностях расследований, которые ведет НУБП. Все, что подлежит публикации, попадает в официальные отчеты, и я не могу и не хочу ничего добавлять к этому от себя.

– Я не поэтому звоню, мистер Оливерри, – ответил на это Джо. – Дело в том, что мне никак не удастся связаться с одним из ваших старших следователей, а поговорить с ней мне нужно срочно. Я надеялся, что вы подскажете мне, как это можно сделать. Разумеется, я звонил в вашу головную контору в Вашингтоне, но там, должно быть, что то случилось с телефонами. Во всяком случае, мне не удалось оставить для нее сообщение.

– Для нее, вы сказали? В настоящее время у нас нет старших следователей женщин. Все шестеро – мужчины.

– А Барбара Кристмэн?

– Ах вот вы о ком! – воскликнул Оливерри. – Конечно... Но она уже несколько месяцев как вышла в отставку.

– У вас есть ее телефон?

Оливерри немного поколебался.

– Боюсь, что нет, мистер Карпентер.

– Может быть, вы знаете, в каком районе Вашингтона она живет? Или, быть может, в пригороде? Если бы я знал, где ее искать, мне не пришлось бы вас беспокоить, и...

– Я слышал, что она вернулась домой, в Колорадо, – сказал Оливерри. – Барбара начинала в Денверском отделении НУБП уйму лет назад, потом перевелась в Вашингтон и постепенно дошла до должности старшего следователя.

– Значит, она сейчас в Денвере?

Оливерри снова помолчал, прежде чем ответить, словно ему в силу каких то причин не хотелось говорить о Барбаре Кристмэн.

– Насколько мне известно, – сказал он наконец, – она живет в Колорадо Спрингс. Это в семидесяти милях к югу от Денвера.

"И менее чем в сорока милях от того места, где рухнул на землю гибнущий "Боинг", – подумал Джо.

– Значит, сейчас она в Колорадо Спрингс? – уточнил он.

– Этого я не знаю.

– Но если она замужем, то телефон может быть зарегистрирован на имя мужа.

– Вот уже несколько лет как она разведена. Скажите, мистер Карпентер, это не...

Оливерри так долго молчал, что Джо в конце концов не выдержал и, дунув в трубку, осторожно окликнул его:

– Алло?..

– Ваш интерес, мистер Карпентер, он случайно не имеет ли отношения к катастрофе триста пятьдесят третьего рейса "Нэшн Уайд"?

– Да, имеет. Это случилось ровно год назад.

Оливерри снова замолчал, и надолго, так что Джо пришлось спросить самому:

– Скажите, Марио, в этой катастрофе было что то необычное?

– Как я уже сказал, мистер, существует официальный отчет НУБП.

– Я спрашивал вас не об этом.

На линии установилась такая глубокая тишина, словно Джо разговаривал не с Денвером, а с обратной стороной луны.

– Алло, мистер Оливерри?

– Мне нечего сказать вам, мистер Карпентер, но если я чтонибудь вспомню... Как мне тогда связаться с вами?

Вместо того чтобы объяснять Оливерри свои обстоятельства, Джо сказал напрямик:

– Выслушайте меня, сэр. Если вы – человек честный, то, попытаюсь связаться со мной, вы тем самым подвергнете себя опасности. Существует группа... нехороших людей, которые могут заинтересоваться и вами, если им станет известно о нашем разговоре.

– Каких людей?

Не обратив внимания на вопрос, Джо продолжил:

– Если у вас есть какие то подозрения или догадки – что то, что вы могли бы мне сообщить, – не спешите. Подумайте как следует. Я свяжусь с вами через день или через два.

С этими словами Джо повесил трубку и огляделся.

Ночные мотыльки все так же мельтешили под лампой. Казалось, их стало еще больше, но все новые и новые насекомые пикировали в конус света от лампы и бились крыльями о горячее стекло. "Бабочки, летящие на огонь", – всплыло в голове Джо расхожее клише.

Но воспоминание о чем то важном продолжало ускользать от него.

Повернувшись к автомату, Джо набрал номер телефонной справочной службы Колорадо Спрингс, и девушка оператор сразу дала ему номер Барбары Кристмэн.

Барбара взяла трубку на втором звонке. Голос ее не показался Джо ни сонным, ни встревоженным, и он решил, что отвечать на поздние звонки – это профессиональная привычка оперативных сотрудников НУБП, а может быть, старшим следователям, побывавшим на местах десятков воздушных катастроф и многое повидавшим, не давали уснуть воспоминания.

Представившись, Джо сообщил Барбаре Кристмэн, что год назад его семья была на борту разбившегося в Колорадо рейса 353, и намекнул, что является действующим журналистом, сотрудником "Лос Анджелес пост".

Барбара ответила не сразу. В ее молчании, как и в молчании Оливерри, была холодная отчужденность лунного камня. Потом она неожиданно спросила:

– Вы здесь?

– Что? – не понял Джо.

– Откуда вы звоните? Из Колорадо Спрингс?

– Нет. Из Лос Анджелеса.

– Вот как... – отозвалась Барбара Кристмэн, и Джо почудился сопровождавший ее слова легкий вздох сожаления.

– Мисс Кристмэн, – быстро сказал он, – у меня есть несколько вопросов, касающихся обстоятельств гибели рейса 353, и я хотел бы...

– Одну минуточку, – перебила его женщина. – Я знаю, мистер Карпентер, какое горе вы пережили, и сочувствую вам. Не хочу сказать, что я способна до конца понять глубину ваших страданий, но мне известно, что люди, потерявшие своих близких во время катастрофы, часто не могут примириться со своей потерей. К сожалению, я не могу сказать вам ничего такого, что помогло бы вам как то справиться с вашей бедой или...

– Я позвонил вам не для того, чтобы искать утешения, мисс Кристмэн, – в свою очередь перебил ее Джо. – Я хочу знать, что случилось с этим самолетом на самом деле!

В глубине души он рассчитывал хотя бы отчасти смутить Барбару Кристмэн своим резким заявлением, но уже в следующую секунду Джо стало ясно, что его расчет не оправдался.

– Для людей в вашем положении, мистер Карпентер, довольно характерно искать утешения в версиях о возможном заговоре или террористическом акте, потому что иначе гибель родных начинает казаться бессмысленной, случайной, вдвойне несправедливой. Некоторые родственники даже обвиняют наше управление в том, что мы якобы покрываем

случаи некомпетентности или преступной халатности летного состава, что мы находимся на содержании у Ассоциации пилотов гражданской авиации, что мы, наконец, скрываем улики, свидетельствующие о том, что экипаж в момент катастрофы был пьян или находился под воздействием наркотиков. В вашем случае это был просто несчастный случай, мистер Карпентер, но я не стану убеждать вас в этом сейчас. По телефону сделать это невозможно, и сколько бы времени я ни потратила, я скорее всего еще сильнее подстегну вашу фантазию. Поверьте, я действительно вам сочувствую, но, чтобы успокоиться, вам необходимо обратиться не ко мне, а к психоаналитику.

И, прежде чем Джо успел что то сказать, Барбара Кристмэн дала отбой.

Джо тут же набрал ее номер снова, но она так и не взяла трубку, хотя он дал ровно сорок звонков.

На полпути к "Хонде" Джо неожиданно остановился и, обернувшись назад, снова поглядел на белую стену станции, по которой словно чудовища, пробирающиеся сквозь молочно белый туман ночных кошмаров, беззвучно скользили неправдоподобно большие, искаженные, расплывчатые тени бабочек.

Бабочки летели к огню... к огню, острые язычки которого трепетали за стеклом трех масляных ламп.

Джо хорошо помнил, как пламя прыгнуло в узкие горловины ламповых стекол, как по углам кухни Дельманов шарахнулись тени и желтый свет заиграл на серьезном и сосредоточенном лице Лизы. Тогда он решил, что пламя потревожил шальной сквозняк, хотя воздух в кухне был неподвижен. Теперь же, оглядываясь назад, Джо вдруг подумал, что три огненные змейки, рванувшиеся вверх с такой прытью, словно они стремились вовсе оторваться от фитилей, указывают на что то важное и значительное.

Нет, определенно, в этом происшествии был какой то смысл.

Некоторое время Джо наблюдал за мотыльками, но представлял себе только три горящих фитиля; он стоял возле станции обслуживания, но видел вокруг только светлую кухонную мебель и медную посуду на полках и стеллажах.

Но догадка так и не осенила его, не поднялась из глубины сознания, подобно трем огненным язычкам. Как Джо ни старался, он не мог облечь в слова истину, которую подсознательно знал.

Наконец Джо вздохнул и вернулся к машине. После напряженного, богатого событиями дня он чувствовал себя изможденным и разбитым. Пока он не отдохнет, он не сможет полагаться ни на разум, ни на интуицию.

* * *

Подоткнув под голову поролоновую подушку, Джо лежал на кровати в комнате мотеля и медленно жевал шоколадный батончик, купленный им в магазине при бензоколонке. На душе у него лежал тяжелый камень, и он поглощал лакомство совершенно механически, не чувствуя никакого вкуса. Только когда он положил в рот последний кусок шоколада, рот его неожиданно наполнился медным привкусом крови, как будто он прикусил язык.

Язык, однако, оказался совершенно ни при чем; просто на Джо снова навалилось хорошо ему знакомое ощущение вины. Прошел еще один день, а он по прежнему был жив. Больше того, он так и не сделал ничего, что могло бы оправдать его существование.

Если не считать лунного света, лившегося в комнату сквозь открытую балконную дверь, и зеленых цифр на экране электрического будильника, крошечный номер мотеля был погружен во тьму. Джо лежал с открытыми глазами и пристально смотрел на потолочный светильник тарелку, который был едва различим в темноте, да и то только потому, что на его стеклянную поверхность лег легкий, как изморозь, отблеск лунного сияния. Порой ему начинало казаться, что серебристая тарелка медленно плывет под потолком, словно пришелец из царства духов, но на самом деле это сказывались напряжение и усталость.

Сначала Джо подумал о трех бокалах "Шардоне", которые он видел на столике в кухне

Дельманов. Нет, вино здесь было ни при чем. Конечно, Чарльз мог попробовать его еще до того, как разлил по бокалам, но Джорджина и Лиза так и не прикоснулись к своим порциям – в этом он был совершенно уверен.

Мысли беспорядочно носились у него в голове, словно мошकारа, ищущая в темноте хоть какойнибудь источник света.

На мгновение Джо подумал о том, как хорошо было бы позвонить сейчас в Виргинию и побеседовать с Бет Маккей, но сразу отверг эту мысль. Его враги уже давно могли поставить телефон матери Мишель на прослушивание, и, если бы он позвонил, выследить его не составило бы им никакого труда. Кроме того, Джо не хотелось рассказывать Генри и Бет о том, что случилось с ним за сегодняшний день, начиная с момента, когда он заметил за собой слежку, – это могло подвергнуть опасности и их жизни.

В конце концов, побежденный усталостью и убаюканный мерным, как стук материнского сердца, рокотом близкого прибора, Джо провалился в неглубокий, тревожный сон, все еще гадая, как получилось, что он сумел бежать из дома Дельманов, не наложив на себя руки.

Прошло совсем немного времени, и Джо снова открыл глаза. Он лежал на боку, и зеленые цифры на табло будильника напомнили ему взбесившиеся часы в забрызганной кровью спальне Чарльза Дельмана. Только там цифры часто часто мигали и шли в обратном направлении, причем шли гораздо быстрее, чем текло реальное время. Помнится, за каждую вспышку они возвращались в прошлое минут на десять...

Тогда Джо подумают, что часы, наверное, были повреждены шальным кусочком свинца. Теперь, когда его мозг был наполовину погружен в сон, ему казалось, что странное поведение часов объяснялось совершенно иными причинами, гораздо более важными и таинственными.

Часы и масляные лампы... Мигающие цифры и таинственный сквозняк.

Между ними должна быть связь!

Важная связь!..

Вот только какая именно?..

Потом сон снова овладел им, он спал крепко, но задолго до рассвета тревога снова разбудила Джо. В общей сложности он проспал три с половиной часа, но после года, состоявшего из наполненных болью дней и таких же беспокойных ночей, даже эта малая толика нормального сна освежила его.

Приняв душ, Джо вернулся в комнату, чтобы одеться. Натягивая джинсы и майку, он не отрывал взгляда от будильника, но озарение, так и не пришедшее к нему во сне, по прежнему избегало его.

* * *

Океан еще ждал рассвета, а Джо уже мчался в лос анжелесский аэропорт. Из мотеля он позвонил и заказал себе билет до Денвера и обратно. Билет был на сегодня, а время он рассчитал так, чтобы вернуться в Лос Анджелес к шести вечера и встретиться в уэствудской кофейне с обладательницей низкого хрипловатого голоса, которую он называл Деми.

На пути к посадочным воротам, за которыми уже ждал его самолет, Джо заметил у стойки регистрации пассажиров на Хьюстон двух молодых людей в длинных голубых одеждах. Их чисто выбритые головы, золотые сережки в ушах и белые теннисные туфли свидетельствовали, что они принадлежали к той же секте, с членами которой Джо столкнулся на побережье несколько часов назад.

Один из юношей был чернокожим, второй – белым. Оба держали в руках сумки с портативными компьютерами НЭК, а когда темный юноша посмотрел на часы, Джо показалось, что это – золотой "Роллкс". Иными словами, в чем бы ни заключались их религиозные убеждения, оба явно не давали обета жить в бедности и не имели ничего общего с воспевателями "Харе Кришны", кроме разве что отдаленного внешнего сходства.

Когда самолет поднялся в воздух и взял курс на Денвер, Джо с удивлением отметил, что

почти не нервничает, хотя за прошедший год это было его первое воздушное путешествие. Поднимаясь по трапу на борт "Боинга", Джо боялся, что в салоне с ним снова может случиться приступ, и он начнет заново переживать падение 353 го, как это с ним не раз бывало в гораздо менее подходящих местах, однако уже через несколько минут полета он почувствовал, что все обойдется.

Нет, он нисколько не боялся еще одной катастрофы. Напротив, если бы ему пришлось погибнуть такой же смертью, какую приняли Мишель и девочки, он был бы только рад. Во всяком случае, все время, пока обреченный самолет неся бы к земле, он оставался бы спокойным и не испытывал страха, потому что такая смерть казалась ему только справедливой. Только так Джо мог надеяться восстановить нарушенное равновесие Вселенной, замкнуть разорванный круг и исправить допущенную судьбой ошибку.

Нет, умереть Джо не боялся. Гораздо больше его страшило то, что он мог узнать от Барбары Кристмэн.

Он был убежден в том, что Барбара не доверяет телефонному аппарату, но может стать более откровенной, если они встретятся один на один, без свидетелей. Джо, во всяком случае, казалось, что он не выдумал то разочарование, которое прозвучало в голосе Барбары Кристмэн, когда она узнала, что журналист Карпентер звонит не из Колорадо Спринге, а из далекого Лос Анджелеса. Кроме того, ее пространная тирада о необоснованной и опасной вере в заговор и необходимости срочно посетить психотерапевта, хоть и была проникнута искренним сочувствием, прозвучала так, словно предназначалась не для Джо, а для кого то третьего.

И если Барбара Кристмэн носила на сердце тяжесть, от которой ей хотелось избавиться, то разгадка тайны рейса 353 могла оказаться гораздо ближе, чем Джо рассчитывал.

Он хотел знать всю правду, должен был знать всю правду, какой бы она ни была, но он боялся этой правды. Если ему станет известно, что не жестокий рок, а люди были виноваты в том, что он потерял свою семью, то безразличие и покорность судьбе – а также покой, который был их естественным следствием и которого Джо так жаждал, – могли навсегда остаться для него несбыточной мечтой. Вот почему путешествие к этой страшной правде было для Джо не восхождением на сияющие голубые вершины, а бесконечным и трудным спуском в пропасть, в которой царили хаос, мрак и смерть.

Отправляясь в аэропорт, Джо прихватил с собой распечатки четырех статей о "Текнолоджик", которые он выудил из компьютера Рэнди Колуэя, однако язык, которым они были написаны, оказался слишком непонятным и сухим. К тому же после трех с половиной часов сна Джо никак не мог заставить себя сосредоточиться на них достаточно надолго. В конце концов он задремал и проспал все два с четвертью часа, пока самолет летел над пустыней Мохаве и Большими Скалистыми горами, однако его сны были наполнены беспорядочными, отрывочными видениями. Перед его мысленным взором возникали, сменяя друг друга, то неясные, призрачные образы людей и желтых масляных ламп, то мерцающие зеленые цифры на табло электрических часов, и порой Джо казалось, что он наконец понял, в чем тут суть, но проснулся он, как и прежде, не имея в своем активе ничего, кроме бесконечных вопросов.

Влажность воздуха в Денвере оказалась необычно высокой; небо хмурилось, а горы на западе были укрыты белесым покрывалом густого утреннего тумана.

Чтобы взять напрокат машину, Джо в дополнение к своим водительским правам пришлось бы предъявить и кредитную карточку. Воспользоваться ею означало самому вывести на свой след тех, кто мог его разыскивать, поэтому в качестве залога Джо решил оставить крупную сумму наличными.

Когда все формальности были соблюдены, Джо получил наконец ключи от машины, но, едва выехав со стоянки, он остановился возле аэропортовского торгового центра. В самолете он не заметил никого подозрительного, однако рисковать ему не хотелось, поэтому Джо тщательно осмотрел автомобиль изнутри и снаружи и даже залез под капот и порылся в багажнике, ища передатчик наподобие того, который кто то спрятал в его "Хонде". Но взятый

напрокат "форд" был чист.

Отъехав от торгового центра, Джо принялся петлять по улицам, поглядывая в зеркало заднего вида, и, лишь убедившись в том, что никто его не преследует, свернул на шоссе Интерстейт 25, которое вело на юг.

Миля за милей ложились под колеса его "Форда", и Джо все сильнее и сильнее давил на педаль газа, пока не превысил установленный для трассы лимит скорости. Это было небезопасно, но Джо слишком боялся не застать Барбару Кристмэн в живых. Он и так уже весь извелся, гадая, какой способ самоубийства она изберет, если что то непредвиденное задержит его в пути.

Глава 10

Оказавшись в Колорадо Спрингс, Джо без труда разыскал адрес Барбары Кристмэн в телефонной книге. Ее похожий на табакерку дом в раннем викторианском стиле оказался весьма миниатюрным и изящным, щедро украшенным искусной резьбой по камню.

Когда Джо позвонил, то еще прежде, чем он успел представиться, вышедшая на крыльцо женщина сказала:

- Вы приехали даже раньше, чем я ожидала.
- Это вы – Барбара Кристмэн?
- Давайте не будем разговаривать на пороге.
- Но вы даже не знаете, кто я...
- Знаю. И все же давайте не будем говорить здесь.
- А где же?
- Это ваша машина стоит у тротуара? – спросила она.
- Да. Я арендовал ее в аэропорту.
- Отгоните ее к перекрестку и ждите.

С этими словами она закрыла дверь прямо перед его носом.

Джо еще немного постоял на крыльце, раздумывая, не позвонить ли ему снова. В конце концов он решил, что Барбара Кристмэн вряд ли попытается сбежать от него.

За перекрестком, в двух кварталах от дома Барбары, он остановил "Форд" напротив школьной игровой площадки. К счастью, в это воскресное утро на снарядах – лестницах, кольцах и качелях – никого не было, иначе ему пришлось бы искать другое место, где его слуха не достигали бы веселые голоса и смех детей.

Выбравшись из машины, Джо посмотрел в ту сторону, откуда приехал. Барбары все еще не было видно.

Он подождал еще немножко, потом взглянул на часы. По тихоокеанскому времени было без десяти десять, по денверскому – на час больше.

Через восемь часов он должен был вернуться в Лос Анджелес, чтобы встретиться с Деми – и с Розой Такер.

Вдоль пустынный улицы прошелестел теплый, по кошачьи вкрадчивый ветерок, словно обшаривавший кроны деревьев в поисках спрятавшихся птиц. Не найдя ни одной, он принялся играть листвой стоявших поблизости берез, стволы которых напоминали белоснежные одеяния певчих из церковного хора, и внезапно стих. Небо по прежнему оставалось хмурым и пасмурным. На западе клубился спустившийся с гор белый туман, на востоке собирались свинцово серые грозовые тучи, воздух был плотен и тяжел, а все вместе, казалось, предвещало беду. По спине Джо побежали мурашки, и он неожиданно почувствовал себя уязвимым, как мишень на стрельбище, у которой заело опускающий механизм.

На улице, где стояла машина Джо, показался "Шевроле" седан, в котором сидело трое мужчин. Он приближался со стороны, противоположной дому Барбары, и Джо, стараясь двигаться как можно непринужденнее и естественнее, обошел свой "Форд" с пассажирской стороны, используя машину как прикрытие на случай, если по нему вдруг начнут стрелять,

но "Шевроле" промчался мимо, а мужчины даже не посмотрели в его сторону.

Примерно через минуту Барбара Кристмэн подъехала к нему в изумрудно зеленом "Форде Эксплорере". От нее чуть чуть пахло отбеливателем и стиральным порошком, и Джо подумал, что перед его приходом она, наверное, занималась стиркой.

– Где вы видели мою фотографию, мисс Кристмэн? – спросил Джо, уже сидя в машине Барбары.

– Я ее не видела, – отозвалась она, поворачивая от школы на юг. – И зови меня Барбарой, Джо. Меня все так называют, и я к этому привыкла.

– Хорошо... Барбара. И все равно я не понимаю, как вы меня узнали.

– Ну, во первых, незнакомые мужчины не поднимались на эти ступени вот уже Бог знает сколько времени. Кроме того, когда вчера ты звонил мне во второй раз, ты дал звонков тридцать...

– Сорок. Я считал.

– Вот видишь!.. Даже самый настойчивый человек сдался бы примерно после двух десятков, и я поняла, что ты не просто очень настойчивый, ты хуже... Одержимый. Поэтому я предположила, что вскоре ты появишься в наших краях собственной персоной, и не ошиблась.

На вид Барбаре Кристмэн нельзя было дать больше пятидесяти. Одета она была в кроссовки "Рокпорт", вылинявшие джинсы и темно голубую с искрой блузку из ткани "шамбр", а ее густые с проседью волосы выглядели так, словно она давно не пользовалась услугами стилиста по прическам, но зато регулярно посещала хорошего парикмахера. Загорелая, с широким открытым лицом, Барбара выглядела вполне честным и заслуживающим доверия человеком, чему в немалой степени способствовал ее прямой, направленный прямо в глаза собеседнику взгляд. Джо она сразу понравилась благодаря исходящему от нее ощущению внутренней силы и уверенности в себе.

– Кого вы боитесь, Барбара?

– Я их не знаю.

– Когданибудь я все равно до всего докопаюсь, – предупредил Джо.

– Я говорю только правду, Джо. Я не знаю, кто они такие, но они потянули за такие рычаги и нажали да такие кнопки, на которые, как мне казалось, вообще нельзя нажимать.

– И все для того, чтобы Управление безопасности перевозок кое что подправило в отчете о результатах вашего расследования?

– Нет. Управление, слава Богу, стоит как стояло – насмерть. Во всяком случае, я так думаю. Но эти люди... они сумели сделать так, что самые важные доказательства исчезли.

– Какие доказательства?

Затормозив на красный сигнал светофора, Барбара спросила:

– Послушай, Джо, что в конце концов заставило тебя вернуться к этой истории? Ведь прошел целый год. Что показалось тебе подозрительным?

– Да, в общем то, ничего, – ответил Джо, пожимая плечами. – Все выглядело вполне правдоподобно, но только до тех пор, пока я не повстречал человека, который каким то образом сумел уцелеть во время катастрофы.

Барбара посмотрела на него так, словно Джо вдруг заговорил на каком то неведомом языке.

– Я имею в виду Розу Такер, – пояснил Джо.

В ореховых глазах Барбары не отразилось ничего, кроме искреннего удивления.

– Кто это – Роза Такер? – спросила она.

– Она была на борту рейса 353. Вчера была годовщина, и я встретил эту женщину на кладбище, возле могилы моей жены и дочерей.

– Это невозможно. В катастрофе никто не спасся. Не мог спастись.

– Ее имя есть в списках пассажиров.

Барбара, на мгновение потеряв дар речи, молча уставилась на него.

– И еще я узнал, что за ней охотятся какие то опасные и весьма решительные люди, –

добавил Джо. — Теперь они выслеживают и меня тоже. Возможно, это те самые люди, которые украли ваши доказательства.

Сзади загудел автомобильный сигнал. Пока они разговаривали, светофор успел переключиться на зеленый.

Отъехав от перекрестка, Барбара протянула руку к приборной доске и уменьшила обороты кондиционера, словно ей вдруг стало холодно.

— Никто не мог выжить, — настаивала она. — Это была действительно страшная катастрофа, а не удар по касательной с отскоком, когда в зависимости от угла падения и множества других факторов появляется слабенький шанс, что кто то сумеет спастись. Тот "Боинг" падал почти вертикально вниз и шел носом к земле. В момент столкновения с землей он развил огромную скорость.

— Носом к земле? — удивился Джо. — Мне всегда казалось, что он кувыркался в воздухе, постепенно разваливаясь на части, и в конце концов...

— Ты что, не читал никаких газетных сообщений?

Джо покачал головой.

— Я не мог. Я только представлял...

— Это был не обычный удар с отскоком, как в большинстве случаев, — повторила Барбара. — Самолет врезался в землю под очень большим углом, почти как в 1994 году в Хоупвелле. От "Боинга 737", который шел на Питсбург, не осталось буквально ничего, он как будто... испарился. Прости за подробности, Джо, но те, кто был на борту рейса 353, оказались все равно что в эпицентре атомного взрыва. Очень мощного взрыва.

— Но ведь были же останки, которые вы так и не смогли идентифицировать!

— Там было почти нечего идентифицировать. В подобных случаях последствия бывают... намного страшнее, чем ты можешь себе представить. Страшнее, чем ты способен представить, Джо, поверь мне.

Джо вспомнил три крошечных гробика, в которых лежали останки его семьи. Воспоминание было таким сильным и таким болезненным, что его сердце сжалось в крошечный комок и стало тверже камня, тверже стали.

Когда в конце концов Джо снова смог говорить, он произнес:

— Было несколько пассажиров, останков которых эксперты патологоанатомы не нашли. Я это имел в виду. Эти люди, они, по видимому... просто перестали существовать, исчезли.

— В одно мгновение, — мрачно подтвердила Барбара, сворачивая на шоссе No 115 и направляясь строго на юг, где небеса были серо стального цвета.

— Но, может быть. Роза Такер не распалась на молекулы, как другие! Может быть, она исчезла именно потому, что уцелела? Возможно, она как то выбралась из под обломков и пошла за помощью?

— Пошла за помощью?!!

— Женщина, которую я встретил на кладбище, не была ни искалечена, ни обожжена. У меня сложилось такое впечатление, что она вообще вышла из этой... серьезной переделки без единой царапины.

Барбара сурово покачала головой.

— Она лжет, Джо. Это абсолютно ясно. Ее наверняка не было на борту, так что можешь быть уверен: она задумала какую то гнусность.

— Я ей верю.

— Почему!?

— Потому что я кое что видел.

— Что, например?

— Пожалуй, я лучше не буду рассказывать об этом, Барбара, потому что тогда вы тоже можете оказаться в опасности, а я этого не хочу. Я и приехал то к вам только потому, что мне больше не к кому было обратиться, и боюсь, что я уже втравил вас в беду.

После недолгого молчания Барбара сказала:

— Должно быть, ты видел нечто совершенно удивительное, если поверил, что в этой

мясорубке можно было уцелеть.

– Гораздо более удивительное, чем вы в состоянии представить.

– И все же я не могу в это поверить, – без тени упрямства, но с глубоким внутренним убеждением промолвила Барбара.

– Вот и хорошо, – кивнул Джо. – Так будет безопаснее.

Они уже давно выехали из пригородов Колорадо Спрингс, и теперь по обеим сторонам дороги тянулись фермерские поля и пастбища. С каждой милей местность приобретала все более провинциальный, сельский вид. Плодородные равнины на востоке понемногу повышались, превращаясь в засушливые, безводные пустоши; на западе поля и перелески тянулись до самых подножий холмов, еще до половины скрытых серым туманом.

– Мы едем в какое то определенное место, не так ли? – спросил Джо.

– Я хочу, чтобы ты как можно лучше понял то, что я собираюсь тебе рассказать. – Барбара на мгновение оторвала взгляд от дороги, и в ее глазах Джо увидел доброту и материнскую заботу. – Как ты думаешь, тебе это будет по силам?

– Мы едем... туда?

– Да. Но если ты думаешь, что не выдержишь...

Закрыв глаза, Джо попытался справиться с нарастающим страхом. Уши его заполнил пронзительный вой самолетных турбин, и он чуть было не заткнул их руками.

Место катастрофы располагалось в тридцати с небольшим милях к юго западу от Колорадо Спрингс.

Барбара Кристмэн везла его туда, где ударившийся о землю "Боинг" разбился вдребезги, словно драгоценный кубок из тончайшего стекла, и развеял по зеленому полю прах людей, которые еще мгновение назад были живыми.

– Только если ты справишься... – участливо повторила Барбара.

Джо почувствовал, как его сердце сжимается еще сильнее и превращается в черную дыру, из которой не может вырваться даже свет.

"Эксплорер" начал сбавлять скорость. Барбара собиралась остановиться на обочине.

Джо открыл глаза. Даже просеянный сквозь грозовые облака свет казался ему чересчур ярким. В мозгу его продолжали надсадно реветь двигатели самолета, и он пожалел, что не оглох в детстве.

– Нет, – сказал он. – Не надо останавливаться. Со мной все будет нормально, обещаю. Я потерял все, и хуже мне уже не будет. Ни от чего.

* * *

Свернув с магистрального шоссе на второстепенную дорогу с твердым покрытием, они проехали по ней совсем немного, после чего Барбара снова повернула – на этот раз на грунтовую дорогу, обсаженную высокими пирамидальными тополями, напоминавшими тянущиеся к небу языки зеленого огня. Дорога вела на запад, и тополя вскоре сменились лиственницами и березами, а те, в свою очередь, уступили место серебристым пихтам. Дорога становилась все уже, а лес подступал к ней все ближе, так что казалось, будто "Эксплорер" несется между отвесными стенами глубокого ущелья, готовыми вот вот сомкнуться и отрезать двоих людей от серого пасмурного неба.

Еще через несколько миль грунтовая дорога стала петлять, и на ней появились рытвины, корни и довольно глубокие ухабы. Потом – словно усталый, заблудившийся путник – она вдруг покрылась одеялом травы и устроилась на отдых в густой тени ветвей.

Барбара остановила машину и, выключив мотор, сказала:

– Отсюда пойдем пешком. Осталось всего полмили, да и подлесок здесь не особенно густой.

Разумеется, этот лес был далеко не таким дремучим и диким, как еловые, пихтовые и лиственничные леса на склонах западных холмов, все еще одетых густым покровом тумана, однако и он находился так далеко от цивилизации, что царившая в нем торжественная

тишина делала его похожим на собор в перерыве между службами. Нарушали лесное безмолвие лишь треск ломающихся сучков и негромкий шорох опавших иголок под ногами, но эта почти молитвенная тишина действовала на Джо едва ли не сильнее, чем навязчивый вой воображаемых самолетных моторов. Ему казалось, что покой и беззвучие леса наполнены ожиданием каких-то сверхъестественных и неприятных событий.

Стараясь не отставать, Джо торопился следом за Барбарой, уверенно лавировавшей между похожими на колонны стволами высоких деревьев, кроны которых сплетались так плотно, что почти не пропускали дневного света, и на земле, словно под сводами монастыря, лежала густая тень. В воздухе сильно и прямо пахло нагретой смолой, поганками и перегноем, но с каждым шагом, приближавшим его к цели, Джо чувствовал все более сильный озноб, как будто его тело заполнялось промозглым и сырым туманом, какой бывает только зимой. Сначала на лбу его проступила холодная испарина, потом по коже головы побежали мурашки, затылок словно коснулся ледяной сквозняк, а вдоль позвоночника побежали струйки талой воды. Солнце поднималось все выше, но Джо становилось все холоднее.

Наконец впереди, между сомкнутыми стволами последних лиственниц, проглянуло открытое пространство, но это не обрадовало Джо. Несмотря на то что в лесу он едва не задыхался от клаустрофобии, ему больше не хотелось поскорее выйти из под защиты леса. Как бы сильно ни подавляли его низкие и мрачные своды зеленого дворца, то, что поджидало его на лугу, было во сто крат страшнее.

С трудом подавив волнение и страх, Джо нашел в себе силы выйти следом за Барбарой на лесную опушку, где начинался луг. Луг едва заметно для глаз поднимался в гору и ярдах в шестиста к западу от того места, где они вышли из леса, упирался в лесистый склон холма; с севера на юг ширина луга была примерно ярдов триста.

Со дня катастрофы прошел год и еще один день, но над пустым лугом все еще витало нечто неуловимо печальное.

Тающий снег и обильные весенние дожди размыли перепаханную, обожженную почву, которая проросла густой молодой травой, но ни она, ни желтые полевые цветы не в состоянии были залечить самую большую из нанесенных земле ран – овальную воронку размером примерно девяносто на шестьдесят ярдов с неровными, рваными краями. Этот чудовищный кратер находился в северо-восточной части луга чуть выше по склону, и Джо не видел, насколько он глубок, но ему казалось, что он, несомненно, достигает самой преисподней.

– Место падения, – негромко подсказала Барбара Кристмэн.

Вместе они пошли к тому месту, где семьсот пятьдесят тысяч фунтов стали и пластика с воем обрушились с ночного неба на незащитную землю, но Джо сначала отстал от своей спутницы, а потом и вовсе остановился. Как и это поле, его душа была смята и перепахана болью и горем.

Заметив, что Джо стоит на месте, Барбара вернулась к нему и без лишних слов взяла его под руку. Джо прижался к ней, и вместе они медленно пошагали дальше.

Когда они приблизились к месту падения самолета еще на несколько ярдов, он увидел обожженные, голые деревья вдоль северного края луга, которые послужили фоном для помещенной в "Пост" фотографии. Несколько сосен полностью лишились своих иголок, а их ветки обуглились и напоминали культы инвалидов. Штук двадцать осин – в таком же состоянии – были словно нарисованы углем на сером пергаменте небес.

Они остановились на краю воронки, и Джо увидел, что ее крутые стены в некоторых местах уходят вниз на высоту двухэтажного дома. Кое где они поросли пучками жесткой травы, но дно кратера, сплошь состоящее из острых серых камней, лишь слегка прикрытых тонким слоем размытой земли и прошлогодних листьев, которые нанес сюда ветер, было голым и страшным.

– Самолет врезался в землю с такой силой, – сказала Барбара, – что выворотил всю почву, которая скапливалась здесь веками, до самого скального основания, и даже раздробил

верхний слой базальта.

Джо был потрясен масштабами катастрофы. Стараясь прийти в себя, он поднял голову и некоторое время бездумно смотрел на пасмурное небо, стараясь сделать хотя бы поток воздуха.

Из туманной дымки на западе неожиданно вынырнул орел. Распластав широкие крылья, он заскользил над долиной с запада на восток. Его полет был бесшумен, грациозен и настолько прям, что можно было подумать, будто он следует вдоль нарисованной на карте параллели. На фоне пасмурного светло серого неба орел казался таким же черным, как ворон Эдгара По, однако стоило птице оказаться под свинцово синей, закипавшей дождем тучей, как ее силуэт побледнел, и она стала похожа на ангела или духа.

Джо провожал орла взглядом до тех пор, пока он не скрылся из вида.

– До наземной станции слежения в Гудленде, в ста семидесяти милях к востоку от Колорадо Спрингс, рейс 353 шел точно по маршруту и не сообщал ни о каких неполадках или других проблемах, – сказала Барбара. – Но к моменту катастрофы самолет отклонился от курса на двадцать восемь миль.

* * *

Не выпуская руки Джо, продолжая поддерживать его, словно он был глубоким стариком или инвалидом, Барбара медленно повела его вокруг воронки, на ходу пересказывая все, что ей было известно о погибшем "Боинге" начиная с момента его вылета и заканчивая падением.

Рейс 353 вылетел в Лос Анджелес из международного аэропорта Кеннеди в Нью Йорке. Как правило, для подобных трансконтинентальных перелетов использовался другой воздушный коридор, пролегающий гораздо южнее, однако на юге бушевали грозы, метеостанция в Мидуэсте рассылала штормовые предупреждения, и для рейса 353 был выбран иной маршрут. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что встречные ветры в северном воздушном коридоре были гораздо слабее, чем в южном, что обеспечивало значительное сокращение полетного времени и экономию горючего. Руководствуясь этими соображениями, диспетчерско навигационная служба "Нэшн Уайд Эйр" направила "Боинг" в воздушный коридор No 146.

Вылетев из аэропорта Кеннеди лишь с четырехминутным опозданием, самолет сразу набрал огромную высоту и лег на курс, проходивший над северной частью Пенсильвании, Кливлендом, южным побережьем озера Эри и южным Мичиганом. Промежуточные посадки полетным расписанием не предусматривались. Пройдя южнее Чикаго, "Боинг" пересек Миссисипи в районе Давенпорта и оказался в Айове. Над Небраской, в зоне ответственности наземной станции контроля за воздухом в Линкольне, рейс 353 получил легкую коррекцию курса и пошел прямо на ближайшую станцию в Гудленде, расположенную в северо западной части Канзаса.

Один из "черных ящиков", предназначенный для регистрации полетных данных и найденный на месте катастрофы, зафиксировал, что после пролета станции в Гудленде пилот – в полном соответствии с рекомендациями наземной службы – снова откорректировал курс, и самолет направился к следующей станции слежения – в Блю Меса, Колорадо, однако примерно на расстоянии ста десяти миль от Гудленда что то пошло не так. Не потеряв ни высоты, ни скорости, "Боинг" начал отклоняться от предписанного курса на юго запад, так что в конце концов ошибка достала семи градусов.

На протяжении двух минут ничего больше не происходило; затем самолет совершил неожиданный поворот на три градуса, как будто пилот заметил ошибку и начал выправлять курс, однако всего через четыре секунды он совершил такой же внезапный разворот на четыре градуса в обратном направлении.

Анализ более чем трех десятков параметров, зафиксированных первым "черным ящиком", как будто бы подтверждал, что эти неожиданные изменения курса либо были

проявлением так называемого рыскания, либо привели к нему. Огромный хвост самолета заносило то влево, то вправо; нос тоже поворачивается то вправо, то влево, и "Боинг" завертелся в воздухе, словно автомобиль, резко затормозивший на обледенелой постоной. Исследование полученной регистрирующими приборами информации показало также, что пилот, возможно, пытался справиться с рысканием при помощи руля направления, что не имело никакого смысла, так как рыскание в большинстве случаев начиналось именно вследствие самопроизвольных, хаотических движений последнего. Кроме того, пилоты гражданских авиалиний старались не пользоваться рулем направления, поскольку резкий поворот вызывал сильные боковые ускорения, способные сбить с ног стоящего человека, разбросать по салону напитки и еду и ввергнуть пассажиров в состояние паники.

Командир экипажа Делрой Блейн и его пилот Виктор Санторелли были настоящими ветеранами: каждый из них налетал тысячи часов и имел за плечами больше двадцати лет летного стажа. В случае любого самопроизвольного изменения курса они, несомненно, попытались бы воспользоваться элеронами, обеспечивавшими плавный разворот с незначительным боковым креном. К рулю направления такой опытный экипаж прибег бы только в самом крайнем случае – при остановке двигателя во время взлета или при сильном боковом ветре во время посадки.

"Черный ящик" показал, что через восемь секунд после первого резкого рывка в сторону курс "Боинга" снова изменился самым необъяснимым образом. Нос самолета отклонился на три градуса влево, а через две секунды последовал еще более быстрый разворот на семь градусов вправо. При этом оба двигателя работали нормально и не имели никакого отношения ни к рысканию, ни к последующей катастрофе.

Когда нос самолета потянуло влево, правое крыло разворачивающегося самолета неизбежно должно было начать двигаться с большей скоростью, что привело к набору им высоты и крену. Задрывшееся вверх правое крыло с силой отжало левую плоскость вниз, и за последующие фатальные двадцать две секунды бортовой крен увеличился до ста сорока шести градусов, а угол падения достиг восьмидесяти четырех градусов.

За этот неправдоподобно короткий промежуток времени "Боинг" совершил переворот через крыло и перешел из режима горизонтального полета к почти вертикальному падению.

Опытные пилоты, какими были Блейн и Санторелли, сумели бы справиться с рысканием еще до того, как самолет перевернулся в воздухе, да и после этого у них еще был шанс спасти машину. Эксперты дознаватели предлагали десятки различных вариантов развития событий, однако никто из них не мог объяснить, почему командир экипажа не повернул штурвал вправо и не воспользовался элеронами, чтобы выровнять накренившийся самолет. Возможно, этому помешал случайный сбой бустерной гидравлики, который по роковому стечению обстоятельств свел на нет усилия летчиков, а потом было уже поздно. "Боинг" устремился к земле, причем оба его двигателя продолжали работать, увеличивая и без того колоссальную скорость свободного падения. Машина не просто упала на луг, она врезалась в него, расплескав слежавшуюся почву с такой легкостью, словно это была вода, так что от удара о залегающий под нею базальт лопасти турбин фирмы "Пратт и Уитни" лопнули, как будто были сделаны не из крепчайшей стали, а из пробки. Грохот взрыва был таким, что он разбудил всех птиц на расстоянии десятков миль и был слышен даже у отрогов далекого Пайкс пика.

* * *

Обойдя воронку по краю, Барбара и Джо остановились на противоположной ее стороне. Теперь их лица были обращены к черно синим, словно надкрылья жукелицы, грозным тучам на востоке, но ворчание близкой грозы беспокоило и пугало их в гораздо меньшей степени, чем единственный громовой удар, сотрясший округу год назад.

Через три часа после катастрофы дежурная группа Национального управления безопасности перевозок уже вылетела из вашингтонского аэропорта на реактивном

"Гольфстриме", предоставленном Федеральным управлением гражданской авиации. Полиция и пожарные службы округа Пуэбло, прибывшие на место катастрофы, довольно быстро установили, что ни один человек не уцелел во взрыве, и оцепили место падения "Боинга", чтобы никто из посторонних не мог повредить останки и улики, которые могли бы помочь экспертам в определении причин гибели рейса 353.

К рассвету экспертная группа немедленного реагирования прибыла в административный центр округа Пуэбло, который был гораздо ближе к месту крушения, чем Колорадо Спрингс. Здесь их встретили служащие Федерального управления гражданской авиации, которые уже разыскали оба "черных ящика", один из которых являлся автоматическим регистратором полетных данных, а второй записывал все разговоры между командиром экипажа и вторым пилотом. Оба устройства были сильно помяты, но продолжали подавать сигналы, благодаря которым их можно было разыскать даже в ночной темноте, довольно далеко от места гибели "Боинга", куда их отбросило взрывом.

– "Черные ящики" погрузили в "Гольфстрим" и отправили обратно в Вашингтон, в нашу лабораторию, – пояснила Барбара. – Толстые стальные кожухи приборов оказались сильно деформированы, даже пробиты в нескольких местах, но мы надеялись, что информация на записывающих устройствах сохранилась и ее можно будет извлечь.

В Пуэбло группа немедленного реагирования, к которой присоединились сотрудники местного отдела НУБП, пересела на вездеходы и в сопровождении представителей властей двинулась к месту гибели "Боинга" для первого, поверхностного осмотра района катастрофы. Оцепленный участок начинался от шоссе No115, на котором стояли в ожидании полицейские, пожарные машины, машины "Скорой помощи", серые седаны федеральных и местных агентств и специальных служб, "труповозки" коронерской службы, а также десятки легковушек и пикапов, принадлежащие искренне обеспокоенным местным жителям или любопытствующим зевакам.

– Подобное столпотворение почти всегда сопровождает любую авиакатастрофу, которая происходит в мало мальски населенном районе страны, – прибавила Барбара с грустью. – Повсюду натыкаешься на фургоны телевизионщиков со спутниковыми "тарелками" на крышах или на репортеров, которые начинают десятками осаждать нас, когда видят наши машины. В тот раз они тоже потребовали сделать заявление, но нам еще нечего было сказать, поэтому мы не стали задерживаться на шоссе и проследовали прямо сюда...

Голос ее неожиданно надломился, и Барбара замолчала, засунув руки в карманы джинсов. Ветра не было, и ни одна пчела не оживляла басовитым гудением редкую россыпь желтых полевых цветов. Близкие деревья стояли неподвижно и тихо, словно монахи, давшие обет молчания.

Оторвав взгляд от низких грозовых облаков, изредка разражавшихся сдавленным, гортанным рычанием, Джо посмотрел на воронку, на самом дне которой под слоем битого камня было похоронено воспоминание о громовом эхе давнего взрыва.

– Со мной все в порядке, – промолвил он спокойно, хотя слова давались ему с трудом. – Рассказывайте дальше, Барбара. Я должен знать, как это все было.

Почти полминуты Барбара собиралась с мыслями, видимо решая, как много она может ему открыть. Наконец она сказала:

– Когда прибываешь на место катастрофы, первое впечатление всегда одно и то же. Запах... Этот жуткий запах невозможно забыть, Джо. Даже за сто лет. При некоторых условиях горят даже современные термостойкие пластики и негорючие пластмассы на фенольной основе, а тут еще топливо, вонь от горящего винила, изоляции и паленой резины... не говоря уже о запахе горелого мяса и органических отходов из сливных цистерн бытовой системы. Из туалетов, попросту говоря...

Джо заставил себя снова заглянуть в яму, ибо знал, что ему нужно будет уйти с этого места не ослабленным и уничтоженным, а накопившим достаточно сил, чтобы искать справедливость вопреки всему, и в первую очередь – вопреки неограниченному могуществу его предполагаемых врагов.

– Обычно, – продолжала Барбара, – даже после самых страшных катастроф остаются достаточно большие обломки, глядя на которые можно представить самолет таким, каким он когда то был. Например, крыло, часть фюзеляжа или хвостовое оперение... Иногда, в зависимости от угла падения, на месте катастрофы можно найти отломившийся целиком нос или почти не поврежденную кабину.

– Но в данном случае все было не так? – спросил Джо.

– Да, – решительно кивнула Барбара. – Обломки были словно пропущены через мясорубку. Все, что уцелело, оказалось настолько деформировано, перекручено, смято, что с первого взгляда невозможно было определить даже тип самолета. На виду оставалось слишком мало обломков, и нам показалось, что это не мог быть "Боинг"... И все же он весь был тут; просто самый большой обломок был не больше автомобильной дверцы. Единственным, что я сумела опознать с первого взгляда, оказалась часть турбины и встроенное пассажирское сиденье. Все остальное разбросало по всему луку и даже рассеяло в лесу, на холмах к северу и западу.

– Скажите, Барбара, в вашей практике это было самое серьезное крушение? – спросил Джо.

– Пожалуй, ничего более страшного я действительно не видела. Сравниться с этой катастрофой могут, пожалуй, только две... Об одной я уже упоминала – я имею в виду трагедию в Хоупвелле в 1994 году, когда разбился самолет компании "Ю. Эс. Эйр", следовавший рейсом 427 на Питсбург. В тот раз не я была старшим следователем, но на месте катастрофы мне побывать довелось.

– А... тела? В каком состоянии были тела к моменту, когда вы добрались сюда из Пуэбло?

– Джо, послушай...

– Вы сказали, что никто не мог уцелеть. Почему вы так уверены в этом, Барбара?

– Не знаю, стоит ли мне объяснять тебе почему... – тихо ответила она и отвернулась, когда Джо попытался встретиться с ней взглядом. – Картины, которые я видела... они потом являются во сне, терзают сердце и душу.

– В каком состоянии были тела? – не сдавался Джо.

Барбара обеими руками отвела назад свои седые волосы и, отрицательно покачав головой, с самым решительным видом спрятала руки в карманы.

Джо набрал в грудь побольше воздуха, выдохнул судорожным рывком и повторил свой вопрос:

– Я хочу знать, что стало с людьми, Барбара. Это очень важно, и каждая деталь может помочь мне разобраться в... во всем этом. Даже если я не узнаю от вас ничего важного, эти... картины, как вы их назвали, помогут моему гневу не остыть, а гнев мне очень и очень нужен. Он дает мне силы и решимость идти до конца.

– Неповрежденных тел не было, – с ледяным спокойствием ответила Барбара, не глядя на него.

– Совсем не было? – не поверил Джо.

– Ни одного целого тела.

– Скольких человек из трехсот тридцати сумели в конце концов опознать ваши специалисты? По зубам, по частицам тканей, по каким то другим признакам, которые могли бы подтвердить, что такой то и такой то действительно погиб в этом адском котле?

Голос Барбары оставался ровным, лишенным всяческих эмоций, но ответ прозвучал так тихо, что Джо едва расслышал его.

– Я думаю, чуть больше сотни.

– Остальные были раздавлены, разорваны, обожжены, – сказал Джо, намеренно раня себя этими жестокими словами.

– Гораздо хуже, – поправила его Барбара. – В момент удара происходит взрыв и высвобождается такая колоссальная энергия, что большинство останков органического происхождения вообще перестают быть похожи на части человеческих тел. В данном случае

из за разлитой крови и разлагающихся останков риск инфекционного заболевания был настолько велик, что нам пришлось переодеться в биозащитные костюмы. Несмотря на опасность, каждый, самый ничтожный, обломочек необходимо было вывезти из зоны падения, зарегистрировать и передать для исследования специалистам и экспертам, поэтому для того, чтобы защитить наших сотрудников, нам пришлось установить на бетонке возле шоссе целых четыре дезинфекционные станции. Большинство останков и обломков прошли через них, прежде чем попали в специальный ангар в аэропорту Пуэбло.

С жестокостью, которая, по его мнению, должна была доказать ему самому, что горе никогда не заслонит и не погасит его гнева до тех пор, пока он не завершит своего собственного расследования, Джо сказал:

– Как я понял, и самолет, и люди выглядели так, словно их пропустили через камнедробилку. Так?

– Достаточно, Джо. Если ты узнаешь больше, это ничем тебе не поможет.

На лугу стояла абсолютная тишина. Можно было подумать, что они двое находятся в начальной точке Творения, откуда в момент Начального Взрыва божественные силы устремились к дальним пределам Вселенной, оставив здесь только немую, безвоздушную пустоту.

* * *

Несколько крупных пчел, разморенных августовской жарой – бессильной, впрочем, победить приступы холода, охватывавшие Джо изнутри, – выбрались наконец из своих затерянных в лесу гнезд и лениво перелетали от одного маслянисто желтого цветка к другому, двигаясь так, словно они вдруг стали действующими персонажами своих собственных коллективных грез о сборе сладкого нектара. Во всяком случае, никакого жужжания, производимого этими апатичными лакомками, Джо не слышал.

– И почему же вышел из строя руль поворота? Почему самолет начал рыскать и в конце концов сорвался в пике? – спросил он. – Из за отказа гидросистемы?

– Ты и в самом деле не читал никаких отчетов? – снова удивилась Барбара.

– Я не мог.

– Возможность того, что в гибели рейса 353 виноваты взрыв бомбы, погода, попадание в инверсионный след другого самолета и тому подобные причины, рассматривалась, но от этих версий мы отказались почти сразу. Наши технические эксперты, специалисты по авиационному оборудованию – а только в этом расследовании их участвовало двадцать девять человек, – восемь месяцев подряд изучали в Пуэбло обломки, но так и не сумели уверенно назвать истинную причину гибели "Боинга". Они подозревали то одно, то другое – например, неполадки в демпферах рыскания или разгерметизацию отсека электроники. Одно время эксперты всерьез подозревали поломку рамы крепления двигателя, потом отказались от этой теории в пользу аварии реверса тяги, однако ни одно из их подозрений так и не подтвердилось, и никакой причины, о которой можно было бы объявить официально, с полной уверенностью, наши техники так и не нашли.

– Насколько это было необычно?

– Достаточно необычно. Как правило, мы находим причину, но бывают и исключения. Впрочем, я могу припомнить только два таких случая: один раз мы потерпели неудачу в Хоупвелле в 1994 году. Про этот случай я уже говорила. Второй раз был в 1991 м, когда "Боинг 737" упал на посадочной полосе в аэропорту Колорадо Спрингс. Тогда тоже никто не спасся. В общем, бывают случаи, когда даже мы бессильны.

Джо, слушавший ее с напряженным вниманием, сразу обратил внимание на слова Барбары о том, что эксперты не нашли никакой причины, о которой можно было бы объявить официально. Он хотел спросить об этом, но тут его осенило.

– Марио Оливерри сказал мне, что вы досрочно подали в отставку. Это случилось примерно семь месяцев тому назад.

– Марио... Хороший парень. В этом расследовании он возглавлял подразделение, занимавшееся человеческим фактором.

– Но, если техническая группа продолжала копаться в обломках самолета на протяжении восьми месяцев после катастрофы, это означает... что вы не возглавляли расследование до конца, хотя оно начиналось под вашим руководством.

– Я сама бросила это дело, – призналась Барбара. – Уход в отставку казался мне наилучшим и самым простым выходом, особенно после того, как пропали вещественные доказательства и от дела стало дурно пахнуть. Я пыталась поднять шум, но на меня стали давить, и хотя поначалу я старалась как то держаться... Я не могла и не хотела участвовать в мошенничестве, но мне не хватило храбрости вынести сор из избы. Поэтому я и ушла. Конечно, было бы правильнее остаться и продолжать бороться, но они нашли способ заткнуть мне рот. Жестокий и действенный способ. Они взяли заложника...

– Заложника? Вашего ребенка?

– Да, моего сына Денни. Ему уже двадцать три, и он, конечно, уже давно не ребенок, но если я когданибудь его потеряю...

Барбара не договорила, но Джо и так знал, что она могла сказать.

– Вашему сыну угрожали?

Барбара смотрела на гигантскую воронку перед собой, но видела скорее всего не последствия давней трагедии, а признаки надвигающейся беды, которая могла случиться с ней, – бесспорные приметы своей личной катастрофы, которая затрагивала не триста тридцать, а всего одну жизнь, но не казалась от этого менее важной.

– Это случилось через две недели после гибели "Боинга", – глухо сказала она. – Я как раз была в Сан Франциско, где когда то жил Делрой Блейн, командир рейса 353. Мы занимались очень подробным и глубоким исследованием его биографии и окружения, надеясь найти хоть что то, что могло указывать на возможность, подчеркиваю – всего лишь возможность – каких то достаточно серьезных психических проблем и отклонений.

– Вы чтонибудь нашли?

– Ровным счетом ничего. Это был не человек – камень. Но то, что случилось со мной во Фриско, не имело к этому расследованию никакого отношения. Дело было в том, что как раз в это время я почти решилась сделать достоянием гласности историю с пропажей нашей главной улики. Во Фриско я жила в отеле, и вот в два тридцать утра кто то включил лампу на моем ночном столике и направил мне в лицо пистолет...

* * *

За годы, проведенные в постоянном ожидании срочного вызова по сети оповещения НУБП, Барбара Кристмэн привыкла просыпаться мгновенно. Щелчок выключателя и упавший на лицо свет заставили ее пробудиться так же быстро, как и по звонку телефона. Через считанные секунды она уже была способна сообщать четко и ясно.

При виде постороннего человека у своей кровати она могла бы закричать, но шок от его неожиданного появления был таким сильным, что Барбара не только не могла говорить, но даже дышала с трудом.

Человеку с пистолетом было на вид около сорока лет. Первое, что заметила Барбара, оказалось, однако, не оружие в его руке, а большие и печальные, как у старой гончей, глаза с оттянутыми вниз уголками; крупный нос, красный цвет которого свидетельствовал о пристрастии к крепким напиткам, и полный чувственный рот. Толстые губы мужчины смыкались неплотно, словно он постоянно держал их наготове для очередного удовольствия: для сигареты, стаканчика виски, пирожного или женской груди. Голос у него был негромким и сочувственным, как у сотрудника похоронного бюро, но без всяких признаков характерной для этих последних елейной сладкоречивости, да и говорил он сугубо по делу, не отвлекаясь на несущественные детали.

В первую очередь он сообщил Барбаре, что пистолет заряжен и снабжен

высокоэффективным глушителем, и уверил ее, что, если она попытается сопротивляться или звать на помощь, он одним выстрелом вышибет ей мозги, ничуть не беспокоясь о том, что кто то может услышать выстрел.

Барбара хотела спросить, кто он такой и что ему нужно, но незванный гость только приложил палец к своим чувственным губам и с осторожностью опустил на краешек ее кровати.

Во первых, сказал киллер, он ничего не имеет против мисс Кристмэн лично, и ему было бы очень неприятно, если бы она своими действиями вынудила его прибегнуть к оружию. Кроме того, добавил он, в случае, если старшее должностное лицо, ответственное за расследование обстоятельств гибели рейса 353, будет найдено убитым, это вызовет ненужные вопросы и может послужить поводом для нездоровой шумихи.

А по словам этого жуткого человека, его хозяева наниматели очень хотели бы обойтись без осложнений – особенно в связи с этим делом.

Тут Барбара осознала, что все это время в комнате находился и второй человек. Он стоял по другую сторону ее кровати – в самом темном углу возле двери в ванную комнату – и почти не шевелился.

Этот мужчина был лет на десять моложе, чем похожий на старую собаку наемный убийца. Гладкая розовая кожа и голубые, как у мальчика из церковного хора, глаза придавали его лицу ангельски невинное выражение, которое портила лишь беспокойная, напряженная улыбка, которая появлялась и исчезала с такой же быстротой, с какой змея выбрасывает из пасти свое раздвоенное жало.

Человек с пистолетом стащил с Барбары одеяло и довольно вежливо попросил ее встать, мотивировав это тем, что ему и его спутнику необходимо кое что объяснить ей и они хотели бы знать наверняка, что во время беседы она будет предельно внимательна и не пропустит ни одного слова, так как от этого зависит жизнь множества людей.

Барбаре не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться. Как была, в пижаме, она встала возле кровати, а молодой мужчина выдвинул из за стола стул с высокой спинкой и поставил его в ногах кровати. Повинуясь следующей команде толстогубого, Барбара покорно села на стул.

Некоторое время она раздумывала о том, как эти двое проникли к ней в гостиничный номер, так как перед тем, как лечь спать, она не только тщательно заперла входную дверь, но и накинула на нее цепочку. Потом Барбара увидела, что дверь между ее номером и соседним – открывавшаяся в тех случаях, когда приезжий постоялец желал снять многоквартирный номер, – распахнута настежь, однако это ни на дюйм не продвинуло ее к разгадке тайны. Она была совершенно уверена, что и эта дверь была надежно заперта на собачку с ее стороны.

Молодой тем временем достал моток липкой ленты и ножницы и ловко прикрутил запястья Барбары к подлокотникам стула, намотав ленту в несколько слоев. Барбара очень боялась оказаться связанной и беспомощной, однако сопротивляться не посмела, будучи совершенно уверена, что человек с печальными глазами охотничьей собаки незамедлительно приведет в исполнение свою угрозу и расстреляет ее в упор. При этом она машинально отметила, что даже обещание "вышибить ей мозги" он произнес с удовольствием, словно одну за другой отправлял себе в рот сладкие карамели.

Когда молодой мужчина отрезал от мотка шестидюймовый кусок пластыря и, плотно заклеив ей рот, закрепил кляп на месте, дважды обернув липкую ленту вокруг ее головы, Барбара запаниковала, но усилием воли справилась с собой. В конце концов, нос ей оставили свободным, и она могла дышать, а если бы эти двое прокрались в ее комнату, чтобы убить ее, то она скорее всего уже давно была бы мертва.

Закончив свое дело, человек со змеиной улыбкой отступил обратно в свой темный угол, а красноносый убийца с чувственным ртом уселся на кровати прямо напротив Барбары, так что между их коленями оставалось всего несколько дюймов. Положив пистолет на вмятую простыню, он достал из кармана куртки какой то предмет, и Барбара узнала выкидной нож. В следующее мгновение из рукоятки выскочило острое блестящее лезвие, и Барбара едва не

потеряла над собой контроль. Дыхание ее стало неглубоким, судорожным и частым, а поскольку дышать она могла только носом, каждый ее вздох сопровождался негромким свистом, который, казалось, забавлял сидевшего напротив нее человека.

Улыбнувшись ей своими полными губами, он плотоядно облизнулся и, опустив руку в другой карман куртки, достал оттуда небольшую головку сыра "Гауда". Содрав при помощи ножа целлофановую упаковку, он зацепил блестящим лезвием красную восковую оболочку, не позволявшую сыру засохнуть или расплавиться, и ловко снял ее.

Потом он стал нарезать сыр тоненькими кусочками и есть их прямо с ножа. Беспреданно двигая своими враз повлажневшими губами, он одновременно ел и говорил, и Барбара узнала, что ему известно, где живет и где работает ее сын Денни. В подтверждение своих слов он назвал оба адреса.

Он знал также, что Денни женился тринадцать месяцев, девять дней и – тут убийца поглядел на часы – пятнадцать часов назад. Ему было достоверно известно, что жена Денни Ребекка находится на шестом месяце беременности и что первого ребенка – девочку – счастливая молодая пара собирается назвать Фелицией.

Чтобы предотвратить крупные неприятности, которые могли неожиданно нежданно постигнуть Денни и его жену, Барбара должна была признать общепринятую версию того, что случилось с "черным ящиком", записывавшим все разговоры в кабине погибшего лайнера, – версию, которую она неоднократно отвергала в разговоре с коллегами и которую всерьез намеревалась оспорить в официальном порядке. При этом как бы само собой подразумевалось, что Барбара должна забыть о том, что она слышала на извлеченной из "черного ящика" магнитной пленке.

В случае, если она продолжит свои попытки докопаться до правды или попытается сообщить о своих сомнениях газетам, телевидению или широкой общественности, Денни и Ребекка исчезнут – это губастый обещал ей твердо. В подвале одной частной усадьбы, надежно звукоизолированном и специально оборудованном для проведения допросов третьей степени, Денни прикуют наручниками к стене, подтянут ему веки скотчем так, чтобы он не мог закрыть глаза, и заставят смотреть, как человек с чувственными губами и его коллеги медленно, не спеша убивают Ребекку и ее нерожденное дитя.

Потом они начнут отрезать пальцы на руках самому Денни. По одному в день, с использованием самых современных хирургических методов, чтобы предотвратить заражение и смерть от болевого шока или кровотечения. Денни, таким образом, будет оставаться в сознании и не умрет, хотя с каждым днем от него будет оставаться все меньше и меньше. На одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый дни они отрежут ему уши и язык.

По словам толстогубого, программа подобного "деликатного" хирургического вмешательства была рассчитана на целый месяц.

И каждый день, ампутируя у Денни ту или иную часть, тот или иной орган, они будут говорить ему, что отпустят его к матери, не причинив никакого дальнейшего вреда, если только она согласится участвовать в заговоре молчания, который, в конце концов, послужит высшим национальным интересам, так как имеет непосредственное отношение к важнейшим оборонным программам.

Отправив в рот очередной ломтик сыра, губастый тут же оговорился, что нарисованная им картина может не соответствовать действительности в некоторых деталях, однако в том, что все происходящее замыкается на интересы безопасности государства, он уверен на сто процентов, хотя и не представляет, каким образом сведения, которыми владеет Барбара, способны подорвать обороноспособность Соединенных Штатов. С другой стороны, заметил он, в той части своего повествования, в которой упоминалось о том, что, согласившись на сотрудничество, мисс Кристмэн сумеет избавить сына от окончательной разборки на части, он, возможно, слегка погрешил против истины, так как, разгласив однажды известные ей факты – а именно это и должно было привести Денни в означенный подвал, – Барбара вряд ли сумеет спасти ситуацию, заявив, например, что все сказанное ею ранее – выдумка. Таким образом, сын все равно будет для нее потерян, но даже в этом случае они намерены до конца

поддерживать его жизнь, единственно для того, чтобы Денни не переставал гадать, за что упрямая и жестокая мать обрекла его на нечеловеческие муки. Под конец, наполовину или полностью сойдя с ума от боли, Денни проклянет ее самым страшным проклятием и будет умолять Бога, чтобы его мать гнила в самом глубоком аду до самого Страшного суда.

Продолжая отрезать ломтики "Гауды" и подавать их самому себе на кончике опасного, острого ножа, толстогубый гурман заверил Барбару, что ни полиция, ни головастые – или считающиеся таковыми – ребята из ФБР, ни могущественная армия Соединенных Штатов не смогут надежно обеспечивать безопасность Денни и Ребекки до скончания веков. По его словам, он работал на организацию такую могущественную и обладающую такими безграничными возможностями, что ей по силам было сговориться, обойти, а то и нажать на любое учреждение или агентство федерального или местного подчинения.

Потом губастый попросил Барбару кивнуть, если она верит сказанному.

Барбара поверила ему сразу и без малейших колебаний. Безоговорочно. Этот сладострастный голос, который буквально смаковал каждую произнесенную угрозу так, словно слова могли иметь вкус и остроту, был голосом человека безгранично самоуверенного и крайне гордящегося своей принадлежностью к могущественной тайной организации, которая, кроме всего прочего, платила ему очень большую зарплату, дополняемую разными льготами, так что в старости этот губастый любитель сыра мог рассчитывать на самые щедрые пенсионные выплаты, установленные для гражданских служащих. Впрочем, Барбара искренне надеялась, что до старости он не доживет и его розоволицый напарник – тоже.

Закончив, губастый спросил, согласна ли Барбара сотрудничать.

Она снова кивнула без малейшего колебания и совершенно искренне, хотя чувство вины и унижение были почти непереносимыми. Да, она согласна молчать. Конечно. Безусловно.

Разглядывая бледный ломтик сыра, обмякший на кончике ножа, как наколотая на острогу рыба, губастый заявил, что обязан сделать все возможное, чтобы гарантировать ее честное и добровольное сотрудничество. Ему хотелось бы, чтобы Барбара никогда не испытывала желания нарушить данное слово. Поэтому, сказал он, прежде чем уйти из отеля, он и его партнер выберут наугад одного из служащих или постояльцев – первого, кто попадется им по пути, – и застрелят его тремя выстрелами в упор. Две пули в грудь, одна – в лоб.

Потрясенная Барбара попыталась показать, что в этом нет никакой необходимости, что она согласна, согласна на все, однако губы ее были надежно заклеены липкой лентой, а руки – прикручены к стулу, поэтому единственное, на что она оказалась способна, это на приглушенное, жалобное мычание без слов. Она не хотела, чтобы на ее совести была смерть постороннего человека. Страшным ночным гостям не было никакой необходимости проводить эту жуткую демонстрацию серьезности своих намерений, ведь она же поверила им, поверила без колебаний!

Но все было тщетно. Не отрывая от ее лица своих скорбных глаз, губастый медленно доел сыр. Его пристальный взгляд, казалось, лишал ее сил и энергии, но отвернуться Барбара не могла.

Прожевав последний ломтик "Гауды", убийца вытер нож о простыню, потом сложил его и убрал в карман. Облизывая губы и цыкая, чтобы извлечь застрявшие в щелях между зубами последние крошки лакомства, он собрал с кровати разрезанный целлофан и кусочки красного воска и, поднявшись с кровати, выбросил мусор в корзину возле стола.

Его молодой напарник, который за все время не проронил ни слова, выступил из темного угла. Тонкая, нетерпеливая улыбка голодной змеи больше не трепетала тенью на его лице, а застыла в уголках рта, как гипсовая маска.

Барбара все еще пыталась протестовать против убийства ни в чем не повинного человека, когда мужчина с печальными глазами подошел к ней сзади и с силой ударил по шее ребром ладони.

Перед глазами Барбары вспыхнули яркие фиолетовые искры. Обмякнув, она

почувствовала, что падает куда то вместе со стулом, но сознание покинуло ее еще до того, как Барбара ударилась головой о покрытый тонким ковром пол.

На протяжении, наверное, минут двадцати ей мерещились отрезанные пальцы, каждый из которых был тщательно упакован, словно сыр, в красную оболочку. На креветочно розовых лицах появлялись хрупкие зубастые улыбки, которые тотчас же рассыпались, точно порванные жемчужные ожерелья, и мелкие белые зубы, подсакивая, катились по полу, но в темноте между влажными губами уже вырастали новые, а по детски невинные глаза подмигивали и брызгали искрами голубого света. Были в ее видениях и печальные собачьи глаза – черные, блестящие и цепкие, как пиявки, в которых Барбара видела не свое собственное отражение, а искаженное беззвучным криком лицо Денни с вырванными кровоточащими ноздрями.

Когда Барбара пришла в себя, она снова сидела, свесившись вперед, на стуле, который кто то поставил вертикально. Очевидно, один из двоих убийц в последний момент сжалился над ней.

Запястья ее были прикручены к подлокотникам таким образом, что, приложив определенные усилия, она могла бы освободить руки. Меньше чем через десять минут борьбы Барбаре удалось выдернуть правую руку и размотать клейкую ленту с левой. С помощью своих собственных маникюрных ножниц она перерезала ленту, обмотанную вокруг головы. С осторожностью отделив пластырь, залепивший рот, она с удивлением обнаружила, что он почти не повредил кожу.

Едва освободившись и вернув себе способность говорить, Барбара бросилась к телефону, но замерла на месте с трубкой в руке, так и не набрав номер. Она просто не знала, кому ей можно позвонить, поэтому, слегка поколебавшись, опустила трубку на рычаги.

Не было никакого смысла уведомлять ночного дежурного, что кому то из гостей или служащих отеля угрожает опасность. Если губастый действительно собирался привести в исполнение свою угрозу и убить первого встречного, то он, без сомнения, успел сделать все, что хотел. Судя по всему, он и его напарник покинули гостиницу по меньшей мере тридцать минут назад.

Морщась от тупой, пульсирующей боли в шее, Барбара подошла к двери, соединявшей ее номер с соседним, и открыла ее, чтобы исследовать замок. Оказалось, что с наружной стороны он был закрыт декоративной латунной панелью, которую удерживали несколько шурупов. Сняв ее, злоумышленники получали доступ непосредственно к механизму замка, так что открыть его не составляло труда.

Сияющая латунь выглядела достаточно новой, и Барбара подумала, что панель скорее всего была установлена незадолго до того, как она зарегистрировалась в гостинице. Губастый и его напарник сделали это либо самостоятельно, либо при посредничестве сотрудника инженерной службы гостиницы. Клерка регистратора же они либо подкупили, либо запугали, и он поселил ее в номер, на который ему было указано.

Барбара никогда особенно не любила спиртное, но сейчас она ринулась к мини бару и достала оттуда две порционных бутылочки водки и бутылку охлажденного апельсинового сока. Руки ее дрожали так сильно, что, наливая в стакан сок она чуть не опрокинула всю смесь себе на колени. Наконец все было готово, и Барбара, залпом проглотив первый коктейль, тут же откупорила вторую бутылочку водки, снова смешала с соком, но сделала только один глоток. Выпитое подкатило к горлу, и Барбара едва успела добежать до туалета, прежде чем ее вывернуло наизнанку.

После визита страшных ночных гостей она чувствовала себя так, словно с ног до головы вывалилась в грязи. До рассвета оставался еще час, и Барбара отправилась в душ. Раздевшись, она пустила горячую воду и так долго скребла и терла себя мочалкой, что покрасневшую кожу начало немилосердно щипать.

Менять гостиницу было, разумеется, бессмысленно. Барбара знала, что враги найдут ее где угодно, но оставаться в этом номере было выше ее сил. Поэтому она быстро собрала вещи и, как только рассвело, спустилась вниз, чтобы оплатить счет.

Просторный, богато украшенный вестибюль был битком набит полицейскими в форме и детективами в штатском. От потрясенного кассира Барбара узнала, что примерно в три часа ночи молодой коридорный был застрелен неизвестным преступником в служебном переходе недалеко от ресторанной кухни. Две пули попали несчастному в грудь, одна размозжила голову, но тело обнаружили не сразу, поскольку, как выяснилось, выстрелов не слышала ни одна живая душа.

В страшной спешке, словно чья то грубая рука подталкивала ее в спину, Барбара выписалась из отеля и на такси отправилась в другой.

День вставал безоблачный и ясный. Знаменитый сан францискский туман отступал через акваторию залива и скрывался между базальтовыми столбами за Золотыми Воротами, которых, впрочем, из окон ее нового номера почти не было видно.

По образованию Барбара была инженером гражданской авиации; кроме того, она закончила курсы пилотов профессионалов и получила ученую степень мастера делового администрирования в Колумбийском университете. Всю жизнь она работала не покладая рук и не щадя себя, чтобы стать одним из старших сотрудников Национального управления безопасности перевозок. Когда семнадцать лет назад от Барбары ушел муж, она воспитала Денни одна, и воспитала хорошо. Теперь же все, что она имела и чего достигла в жизни, оказалось в руках гурмана с чувственными губами, который смял все это и отправил в мусорную корзину вместе с ненужными обертками от сыра.

Отменив все назначенные ранее встречи, Барбара повесила на дверь гостиничного номера табличку "Не беспокоить", задернула шторы и свернулась калачиком в постели. Страх, от которого ее всю трясло, превратился в такое же глубокое горе, и несколько часов она проплакала, жалея убитого коридорного, которого даже не знала по имени, жалея себя, ибо теперь у нее не осталось никаких иллюзий и ни капли самоуважения, и жалея Денни с Ребеккой и их еще не родившуюся дочь Фелицию, жизни которых, казалось, теперь будут вечно подвешены на тоненькой тоненькой нити. Немало слез пролила Барбара и по погибшим пассажирам рейса 353, но пуще всего она оплакивала поправленную справедливость и убитую надежду.

* * *

Неожиданный порыв ветра со стоном пронесся над лугом, небрежно играя пожухлыми осиновыми листьями, – совсем как дьявол в преисподней, который перебирает и отбрасывает попавшие в его тенета души.

– Я не дам вам этого сделать! – решительно сказал Джо. – Я не позволю вам рассказывать мне, что было записано на пленке, извлеченной из "черного ящика", если из за этого ваши близкие могут попасть в руки таких людей.

– Это не тебе решать, Джо.

– Кому же еще, черт побери?

– Когда ты позвонил мне из Лос Анджелеса, я разыграла комедию, потому что мне приходится быть осторожной. Не исключено, что мой телефон постоянно прослушивается и каждое слово записывается на пленку. Но, откровенно говоря, я в этом сомневаюсь. Мне кажется, что им нет никакой нужды прослушивать мои разговоры, потому что они уверены, что я и так буду молчать.

– Но если есть хоть малейшая возможность...

– И еще: я абсолютно уверена, что за мной не следят – филеров я бы уже давно заметила. После того как я досрочно вышла в отставку, продала дом в Вифезде¹ и вернулась обратно в Колорадо Спрингс, они наверняка сбросили меня со счетов. Они сломали меня в первый же час, и им это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Мне вы не кажетесь сломленной, – заметил Джо.

Барбара благодарно положила руку ему на плечо.

¹ Вифезда или Бетесда – фешенебельный район в при городе Вашингтона.

– Я оправи́лась... до некоторой степени. Так что, если они не следили за тобой...
– Не следили. Я оторвался от них вчера. Никто не видел, что я поехал в аэропорт, и не знает, куда я отправился.

– Тогда существует очень большая вероятность того, что никто не знает, что я здесь, с тобой, и никто не подслушает того, что я сейчас расскажу... Единственное, о чем я тебя попрошу, это никогда и никому не говорить, что ты узнал все это от меня.

– Я никогда бы не поступил так по отношению к вам, Барбара, и все же мне кажется, что вы сильно рискуете, – не мог успокоиться Джо.

– У меня были месяцы, чтобы обдумать все как следует. За это время я успела до какой-то степени сжиться с моим нынешним положением и с моими собственными кошмарами, рождающимися из него. А положение, честно сказать, незавидное... Мне даже кажется, что эти люди подозревают, будто я могла кое-что открыть Денни, чтобы он знал, какой опасности подвергается, и был настороже.

– А вы...

– Я ни словечка ему не сказала. Да и что бы за жизнь была у него и Ребекки, если бы Денни обо всем знал?

– Во всяком случае, нормальной такую жизнь не назовешь.

– Дело в том, Джо, – медленно сказала Барбара, – что теперь наши жизни, жизни Денни, Ребекки, Фелиции и моя, будут висеть на волоске до тех пор, пока эта история остается в секрете. Нам... мне остается только надеяться, что кто-нибудь посторонний взорвет этот зловещий заговор молчания, сделает тайну достоянием гласности, и тогда тот злосчастный кусочек информации, который стал мне известен, потеряет всякое значение.

Грозовые облака были теперь не только на востоке. Подобно армаде зловещих космических кораблей в фантастическом боевике о каких-нибудь звездных войнах, они возникали прямо над их головами, бесшумно приближаясь к лугу под прикрытием завесы плотного тумана.

– Если же этого так и не случится, – продолжала Барбара, – то, даже если я буду крепко держать рот на замке, через год или два эти люди решат, что настала пора понадежнее спрятать все концы. К этому времени гибель рейса 353 будет прочно забыта, и никто не свяжет с ней мою внезапную смерть, смерть Денни, Ребекки... Во всяком случае, серьезные подозрения вряд ли возникнут. Эти люди, кем бы они ни были... они всегда сумеют подстраховаться, устроив нам автомобильную аварию или пожар с человеческими жертвами. Им ничего не стоит инсценировать грабеж с убийством или самоубийство...

Джо вздрогнул, живо представив себе, как огненным факелом сгорала странно спокойная Лиза, как скорчилась на полу мертвая Джорджина, как вытянулся на кровати Чарльз Дельман. Спорить с Барбарой он не мог. Похоже, ее страшная догадка была верна.

* * *

В небе, готовом рычать и огрызаться электрическим огнем, клубились черные облака, напоминавшие жуткие безглазые лица фантастических существ с широко разинутыми пастьми, в которых закипала с трудом сдерживаемая ярость.

Делая свой первый шаг к гибельному или спасительному откровению, Барбара сказала Джо:

– "Черные ящики" – один с регистрирующей аппаратурой, другой с магнитофоном, записывавшим разговоры экипажа, – прибыли в Вашингтон нашим самолетом и попали в лабораторию примерно в три часа дня по восточному времени...

– Пока вы здесь занимались расследованием на месте? – уточнил Джо.

– Да, – кивнула Барбара. – Мин Тран, наш инженер электронщик, и несколько его коллег вскрыли записывающий голоса прибор "Фэйрчайлд". Грубо говоря, это магнитофон размером с коробку для ботинок, заключенный в стальной кожух толщиной три восьмых дюйма. Разумеется, они действовали предельно осторожно, используя специальную пилу, так

как этот "черный ящик" сильно пострадал. Сила удара была такова, что кожух стал на четыре дюйма короче – сверхпрочная сталь смялась, как картон, а один угол даже слегка разошелся.

– И после этого он все еще работал?

– Конечно, нет. Магнитофон оказался разбит вдребезги, однако конструкция "фэйрчайлда" такова, что внутри большого кожуха помещается так называемый запоминающий модуль, который фактически представляет собой кассету с магнитным носителем информации. Он тоже оказался изуродован: в стальной оболочке кассеты образовались трещины и внутрь проникло какое то количество влаги, но, к счастью, пленка пострадала не сильно. Ее предстояло высушить и обработать, однако на это не потребовалось много времени, так что вскоре Мин и несколько его товарищей собрались в изолированной сурдокамере, чтобы прослушать пленку с самого начала, так как катастрофе предшествовало почти три часа обычных разговоров между пилотами.

– Почему они не начали с последних минут перед падением? – спросят Джо.

– При расследовании обстоятельств гибели самолета важно знать все, так как любое случайное замечание, касающееся каких то мелких проблем, имевших место гораздо раньше, но не показавшихся пилотам важными, может помочь нам лучше разобраться в том, что мы слышим непосредственно перед тем, как машина начинает падать.

Поднявшийся над лугом теплый ветер стал наконец достаточно сильным, чтобы пробудить от летаргической спячки сонных пчел и шмелей, которые прекратили неспешные полеты от цветка к цветку и, негодуяще жужжа, отступили под его напором, вернувшись в лес, в свои безопасные дупла и подземные галереи.

– Иногда, – продолжала Барбара, – пленка с записью переговоров по бортовой связи оказывается никуда не годной, и использовать ее из за низкого качества записи практически невозможно. Бывает, попадает старая пленка, которая начала "сыпаться"; бывает так, что виноват неисправный или устаревший микрофон, который пилот вынужден держать в руках; порой вмешивается чрезмерно сильная вибрация, а иногда записывающая головка магнитофона оказывается изношенной, дающей слишком сильные искажения.

– А я то думал, что эти приборы проверяют перед каждым вылетом и каждую неделю заменяют части, подверженные наиболее быстрому износу! – удивился Джа. – Ведь если это так важно, то...

– Посуди сам: из огромного количества самолетов падает и разбивается ничтожный процент, причем в большинстве случаев мы способны разобраться в причинах катастрофы даже без помощи "черного ящика". Существует также проблема увеличения расходов на обслуживание машин, да и каждая задержка с вылетом обходится авиакомпаниям в круглую сумму. Ну и, конечно, коммерческая авиация – как и всякое человеческое изобретение – подвержена всем человеческим порокам, таким, как нерадивость, ограниченность, халатность и так далее. Вот поэтому она так далека от нарисованного тобой идеала.

– Очко в вашу пользу, – вставил Джо.

– В нашем случае были и хорошие, и плохие моменты. И Блейн, и Санторелли имели головные переговорные устройства с вынесенными на штативах микрофонами, что само по себе уже неплохо. Кроме того, на потолке кабины был смонтирован микрофон общего назначения, благодаря которому мы получили для исследования третий канал записи. С другой стороны, пленка "Фэйрчайлда" была далеко не новой. Она перезаписывалась уже несколько раз, и ее состояние оставляло желать лучшего, однако самым скверным было то, что попавшая на пленку влага, каким бы ни были ее состав и происхождение, вызвала очаговую коррозию магнитного записывающего слоя...

Говоря это, Барбара достала из заднего кармана джинсов сложенный листок бумаги, но отдавать его Джо не спешила.

– Прослушав пленку, – заговорила она после недолгой паузы, – Мин Тран и его товарищи убедились, что, хотя большая часть записи слышна довольно отчетливо, в некоторых местах скрип и статика позволяют разобрать не больше одного слова из пяти.

– А как насчет последних минут? – вырвалось у Джо.

– Этот участок пленки пострадал сильнее всего, поэтому решено было подвергнуть ее дополнительной обработке, после которой – с помощью системы частотных фильтров и компьютерного моделирования – можно было попытаться хотя бы частично восстановить запись. Брюс Лейскрот, начальник нашего Общего отдела, который тоже слышал эту пленку, позвонил мне в Пуэбло в семь пятнадцать по восточному времени, чтобы сообщить, в каком состоянии она находится. Они собирались возобновить работу только утром, и это было не самое приятное известие.

Высоко в небе снова появился орел, летящий с востока. На фоне разросшихся, набухших дождем подбрюший черных грозовых туч он снова показался Джо светлым почти до прозрачности. Могучая птица летела величественно и прямо, словно неимоверная ярость надвигающейся бури нисколько ее не страшила.

– Собственно говоря, весь тот день дался мне очень нелегко, – вздохнула Барбара. – Сначала мы вызвали из Денвера несколько трейлеров рефрижераторов, чтобы собрать в них все человеческие останки. По правилам это полагается делать в первую очередь, и только потом можно приступить к обломкам машины. Кроме того, прошло обязательное координационное собрание, которое тоже никогда не бывает спокойным, поскольку все заинтересованные стороны – авиакомпания, представитель авиационного завода, производители турбин, Ассоциация гражданских пилотов и многие, многие другие – все стараются использовать расследование в своих интересах. Такова человеческая природа, вернее – часть ее, но далеко не самая привлекательная часть! Старшему следователю приходится вести себя достаточно дипломатично и в то же время не отступать от правды ни на йоту, потому что только от него зависит, будет ли расследование по настоящему беспристрастным.

– Кроме того, там были и журналисты, – подсказал Джо, поскольку Барбара не захотела или не решилась открыто обвинить его бывших коллег.

– О, журналисты были повсюду, – подтвердила Барбара. – К тому же накануне ночью я проспала не больше трех часов, прежде чем меня вызвали из дома срочным звонком, и мне не удалось даже подремать, пока мы летели в Пуэбло. Словом, когда незадолго до полуночи я наконец добралась до постели, мне уже ни до чего не было дела. Ходячий труп, да и только! Я заснула как убитая, не зная, что Мин Тран в Вашингтоне продолжает работу над пленкой...

– Это тот самый инженер, который вскрывал "черный ящик"?

Глядя на сложенный бумажный листок, который она продолжала вертеть в руках, Барбара медленно кивнула.

– Я немного расскажу тебе о нем, и тогда тебе станет понятно, что он был за человек и почему он поступил так, а не иначе. Во всяком случае, у тебя будет меньше вопросов. Мин Тран происходил из семьи вьетнамцев, которые пережили падение Сайгона и ужасы коммунистического режима. Из страны они бежали на жалкой лодчонке, но в Южно Китайском море на них напали тайские пираты, от которых они отбились с огромным трудом, а потом тайфун едва не потопил их сампан¹. Мину Трану тогда было всего десять лет; он рано узнал, что жизнь – это борьба, и был готов приложить все силы, чтобы не просто выжить, а добиться благополучия и процветания.

– У меня есть... были знакомые вьетнамские иммигранты, – вставил Джо. – Я знаю, это своя, особая культура... Во всяком случае, их трудовая этика способна загнать в гроб ломовую лошадь.

– Совершенно верно. Так вот... Служащие управления в абсолютном большинстве – это преданные своей работе люди. В тот вечер они разошлись по домам только в семь – в начале восьмого, а Мин вообще никуда не ушел. Наскоро поужинав тем, что ему удалось извлечь из торговых автоматов, он остался, чтобы очистить пленку и поработать над записью последних минут. Ему нужно было отцифровать звук, загрузить в компьютер и попытаться удалить помехи и прочие посторонние шумы, оставив только голоса пилотов и те звуки, которые в

¹ Сампан (китайск. – саньпань) – небольшое деревянное плоскодонное судно. Используется для передвижения по рекам и в прибрежных водах.

действительности раздавались в кабине. Статическое шипение обладает простой и легко различимой структурой, так что компьютер удалил его быстро. Выносные микрофоны переговорных устройств подавали на ленту достаточно сильный сигнал, поэтому Мину Трану удалось отфильтровать голоса пилотов от постороннего шума, но то, что он услышал, было довольно необычным. И очень, очень странным...

С этими словами Барбара вручила Джо сложенную бумагу. Он взял ее, но разворачивать не стал, все еще боясь того, что он может там прочесть.

— Короче, без десяти четыре утра по вашингтонскому времени и без десяти два по времени Пуэбло Мин позвонил мне в гостиницу. Прежде чем ложиться, я предупредила операторов гостиничного коммутатора, чтобы они не пропускали ко мне никаких звонков — мне очень нужно было выспаться, но Мин сумел как то уломать дежурного оператора. Он прокрутил мне запись... часть записи, и мы обсудили ее. Я всегда держу при себе кассетный диктофон, поскольку привыкла сама записывать все совещания и встречи и готовить расшифровки, поэтому я поднесла его к трубке и получила свою собственную и довольно качественную копию того, что сумел услышать Мин. Да и ждать, пока он отправит со специальным курьером полностью очищенную пленку, мне не хотелось. Как только Мин повесил трубку, я села за стол, чтобы прослушать последние десять двенадцать минут записи. Потом я достала свой блокнот и сделала собственноручную расшифровку того, что говорили пилоты, потому что иногда, когда читаешь написанное, одни и те же слова могут представлять в другом свете. Глаз может заметить очень тонкие нюансы, на которые не реагирует слух.

Теперь Джо знал, что именно он держал в руках. Судя по толщине, здесь был не один лист бумаги, а как минимум три.

— Мин позвонил мне первой. Он собирался позвонить также Брюсу Лейскроту, председателю и вице председателю НУБП и, кажется, всем остальным членам руководства управления, чтобы каждый из них мог лично ознакомиться с содержанием пленки. Конечно, обычно так не делается, но ситуация действительно была беспрецедентной. Лично я уверена, что Мин дозвонился по крайней мере до одного из этих людей, хотя все они отрицают, что разговаривали с ним. Наверняка мы уже никогда этого не узнаем, потому что в лаборатории неожиданно начался пожар, и Мин Тран погиб. Это случилось через два с небольшим часа после того, как он позвонил мне в Пуэбло.

— Господи Иисусе!..

— Пожар был очень сильным, Джо. Неправдоподобно сильным.

* * *

Непонятное беспокойство внезапно овладело Джо. Оглядывая лес, подступавший к лугу со всех сторон, он высматривал в глубокой тени под деревьями бледные лица спрятавшихся наблюдателей, но так никого и не увидел. Когда они с Барбарой только приехали сюда, ему показалось, что это довольно безлюдный и пустынный район, однако сейчас он чувствовал себя так, словно стоял на оживленном перекрестке в Лос Анджелесе.

— И оригинал пленки из "черного ящика", конечно же, сгорел во время пожара в лаборатории, — догадался Джо.

— Дотла, — подтвердила Барбара. — Превратился в золу, исчез без следа, испарился.

— А что случилось с компьютером, который обрабатывал отцифрованный звук?

— Оплавленная куча деталей. Спасти информацию оказалось абсолютно невозможно.

— Но ваша копия все еще при вас?

Барбара покачала головой.

— Я оставила кассету в номере гостиницы, когда пошла завтракать. Содержание пленки было слишком взрывоопасным, и я не собиралась немедленно обсуждать его с участниками группы. Решать, как и когда обнародовать то, что было записано на пленке, приходилось с большой осторожностью, да и то сначала необходимо было тщательно и всесторонне

проанализировать ее.

– Почему с осторожностью?

– Пилот погиб, но на карту были поставлены его доброе имя и профессиональные качества. Если бы его обвинили в трагедии, семье Блейна не поздоровилось бы, и поэтому, прежде чем высказывать свое мнение, мы должны были быть абсолютно уверены. Стоило нам объявить, что капитан Блейн совершил фатальную ошибку, приведшую к катастрофе, и против него были бы возбуждены дела по обвинению в преступной небрежности, повлекшей гибель людей. Сумма ущерба в таких случаях исчисляется десятками... да что там десятками – сотнями миллионов долларов! Вот почему я решила ни в коем случае не спешить с выводами, а для начала пригласить к себе в комнату Марио, чтобы прослушать пленку вдвоем.

– Марио Оливерри? – уточнил Джо, имея в виду сотрудника Денверского отдела НУБП, с которым он разговаривал вчера вечером и который сообщил ему, что Барбара Кристмэн вернулась в Колорадо Спрингс.

– Да. Он возглавлял подразделение, занимавшееся человеческим фактором, поэтому в тот момент его мнение было для меня особенно важным. Но во время завтрака нам сообщили о пожаре в лаборатории и о гибели бедняги Мина Трана, так что, когда мы с Марио в конце концов попали в мой номер, я обнаружила, что кассета, на которую я производила запись, абсолютно чистая.

– Похищена и заменена, – предположил Джо.

– Скорее всего – просто стерта на моем же собственном диктофоне. Должно быть, Мин кому то сказал, что я делала запись с телефона.

– Уже тогда вы должны были догадаться, – заметил Джо, и Барбара кивнула.

– Да. Я поняла, что что то не так. Стало ясно, что от этой истории дурно пахнет и кто то пытается замести следы.

Джо поглядел на нее. Волосы Барбары были такими же белыми, как и голова пролетевшего в небе орла, но до этого момента она казалась ему значительно моложе своих пятидесяти лет. Теперь же она вдруг стала выглядеть намного старше.

– Вы понимали, что что то не так, но до конца не верили, – сказал он. – Почему?

– Не знаю. Всю свою жизнь я отдала управлению. Я гордилась, что работаю в этой организации, и до сих пор горжусь. Наши сотрудники, Джо, чертовски хорошие и честные люди!

– Вы рассказали Марио, что было на пленке?

– Да.

– И как он отреагировал?

– Марио был потрясен. Наверное, он все таки не поверил.

– Вы показывали ему сделанную вами расшифровку?

Барбара немного помолчала, потом Джо услышал ее негромкое, но твердое "нет".

– Почему?

– Мне было не до этого.

– Вы никому не доверяли?

– Пожалуй. Пожар в лаборатории был слишком сильным... Я уверена, что не обошлось без какой нибудь горючей жидкости.

– Значит – поджог? – уточнил Джо.

– Никто так ничего и не заподозрил. – Барбара сокрушенно вздохнула. – Кроме меня. Лично я вообще не поверила официальному расследованию причин этого пожара.

– А посмертное вскрытие Мина Трана что нибудь дало? Если он был убит, а пожар устроили для того, чтобы скрыть следы, то...

– Если Мин был убит, то по тому, что осталось от его тела, это просто невозможно было определить. Фактически труп оказался кремирован... Мин был очень славным парнем, Джо. Славным и честным. Он любил свою работу, потому что верил, что она способна предотвратить новые катастрофы и спасти многие жизни, и я ненавижу этих людей – кем бы

они ни были, как бы высоко ни стояли!

Ниже по склону – неподалеку от того места, где Джо и Барбара вышли из леса, – среди светлых стволов лиственниц промелькнула какая то плотная, серо коричневая тень, едва заметная в лиловом лесном полумраке.

Джо задержал дыхание и прищурился, но так и не смог определить, что же он все таки увидел.

– Я думаю, это был олень, – сказала Барбара почти равнодушно, хотя в первое мгновение она тоже вздрогнула.

– А если нет?

– Тогда мы оба можем считать себя покойниками вне зависимости от того, успеем мы довести наш разговор до конца или разбежимся сейчас, – ответила она ровным голосом, который лишний раз свидетельствовал о том, что мир, в котором Барбара жила со времени гибели рейса 353, был мрачным, безрадостным, наполненным навязчивым, постоянно возвращающимся страхом за собственную жизнь и за судьбу близких.

– Неужели тот факт, что ваша пленка тоже оказалась стертой, не возбудил ничьих подозрений? – спросил Джо.

– Нет. Все считали, что я просто устала. Три часа сна в ночь катастрофы и еще три следующей ночью, когда Мин разбудил меня своим звонком, – неудивительно, что у бедной Барбары глазки были красными и слезились! Меня убеждали, что, когда я сидела, раз за разом прослушивая пленку, я в конце концов довела себя до того, что нажала не на ту кнопку и сама стерла кассету... – Ее лицо исказила саркастическая гримаса. – Как видишь, все очень просто!

– А не могло ли это случиться на самом деле? – осторожно осведомился Джо.

– Не могло, – отрезала Барбара. – Ни при каких обстоятельствах.

Джо развернул листы бумаги, которых действительно оказалось три, но пока не прочитал из них ни слова.

– Почему вам не поверили, когда вы рассказали, что было на пленке? Ведь это были ваши коллеги, друзья... Они знали, что вы – человек серьезный, ответственный и не стали бы выдумывать.

– Может быть, некоторые и поверили бы, но желание не верить оказалось сильнее. Одни приписывали происшедшее моей усталости, другие – те, кому было известно, что непосредственно перед катастрофой я несколько недель промучилась воспалением среднего уха, совершенно меня измучившим, – сваливали все на болезнь и истощение. Ну и, конечно, были один или два человека, которые просто меня недолюбливали, но кто из нас может похвастаться, что является всеобщим любимцем? Не знаю... Во всяком случае – не я. Для этого я была слишком энергична, слишком уверена в себе, слишком жестко умела отстаивать свое мнение. Но никакого значения это уже не имело. Только пленка могла послужить бесспорным доказательством моей правоты, а пленки не было.

– Так вы не рассказали своим коллегам, что сделали подробную, слово в слово, расшифровку самых важных фрагментов записи?

– Нет. Я приберегала это напоследок. Мне казалось, что о существовании расшифровки можно будет упомянуть только тогда, когда для этого наступит благоприятный момент. Например, если бы расследование обнаружило какие то новые улики или доказательства, которые как то совпали бы с тем, что было на сгоревшей пленке, вот тогда я могла бы предъявить свои записи – но не раньше.

– То есть ваша расшифровка сама по себе не являлась настоящим, полноценным доказательством?

– Не являлась тогда, не является и сейчас, – хмуро подтвердила Барбара. – Конечно, это лучше, чем ничего; лучше, чем воспоминания старой, невыспавшейся бабы, но я чувствовала, что мне просто необходимо что то еще. А потом эти два подонка прощались ко мне в номер отеля во Фриско, и все закончилось... После их визита я была уже не боец.

Из леса на востоке – в той стороне, где луг понижался, – один за другим выскочили два

олени: самец и важенка. Быстро перебежав открытое пространство, они скрылись в зарослях к северу, и Джо почувствовал, как по спине его ползет холодок недоброго предчувствия.

Странная тень, неуловимое движение, которое он заметил несколькими минутами раньше, мгновенно вспомнились ему. Конечно, это могли быть те же самые олени, но из того, с какой поспешностью эта парочка выскочила из под защиты деревьев на открытое место, Джо заключил, что что то или кто то спугнул их.

Интересно, подумал он, остаются ли в мире хоть один уголок, в котором он все еще мог чувствовать себя в безопасности? Ответ на этот вопрос пришел еще быстрее, чем он успел мысленно облечь его в слова.

Нет такого уголка. Нигде.

И никогда не будет.

* * *

— Кого из членов руководства Национального управления вы подозреваете? — спросил Джо. — Кому позвонил Мин после вас? Ведь именно этот человек скорее всего приказал ему никому больше не сообщать о содержании пленки, а сам организовал убийство, пожар и изъятие всех вещественных доказательств.

— Он мог позвонить любому. Все они были его прямые начальники, и Мин обязан был подчиняться их приказам. Мне очень хочется думать, что это был не Лейскрот, потому что Брюс — настоящий трудяга. Он начинал с самого низа, как и все мы, и сумел пробиться наверх исключительно благодаря своим способностям и трудолюбию. С другой стороны, пятеро членов руководящей комиссии управления назначаются президентом на пятилетний срок, и их кандидатуры утверждаются сенатом.

— "Парашютисты" с политического олимпа?

— Не совсем так. Подавляющее большинство членов руководства управления всегда были ответственными и честными людьми, которые старались изо всех сил. Некоторые из них оказались настоящей находкой для конторы, иных мы просто терпели, но лишь изредка среди них попадаются действительно никуда не годные люди или попросту продажные шкуры.

— А что вы можете сказать о действующих председателе и вице председателе? По вашим словам, Мин Тран собирался позвонить именно им, если, конечно, раньше он не созвонился с Лейскротом.

— Пожалуй, эти двое действительно не совсем те, кого вы, журналисты, называете "образцовыми слугами общества". В настоящее время главой управления является Максина Вульс. Она адвокат, молодой и чертовски честолюбивый, с непомерными политическими амбициями к тому же. Единственное, в чем она доилась замечательных успехов, это в умении избегать конфликтов с сильными мира сего. Если хочешь знать мое мнение, то вероятность того, что Максина замещана в этом, невелика. Процента два, не больше.

— А вице председатель?

— Хантер Паркмен обеспечивает, так сказать, политическое покровительство. Он из очень богатой семьи, такой богатой, что, строго говоря, эта должность нужна ему как собаке пятая нога, но ему нравится быть назначенцем президента и щеголять на светских вечеринках своей осведомленностью о подробностях очередной нашумевшей катастрофы. Он мог бы участвовать в том, что произошло, с вероятностью пятнадцать процентов.

Все это время Джо продолжал рассматривать заросли, из которых выскочили олени, но так и не заметил среди деревьев никакого движения. Далеко на востоке первая молния золотой веной обвила свинцовый мускул грозы и погасла. Джо мысленно отсчитал секунды и, услышав глухое ворчание грома, быстро перевел время в расстояние. По его подсчетам получалось, что ливень находится на расстоянии пяти или шести миль от луга.

— Я дала тебе ксерокопию расшифровки, которую я сделала той ночью. Оригинал я спрятала, хотя одному Богу известно — зачем. Все равно я никогда не смогу им

воспользоваться.

Джо разрывался между гневом и страхом, которые вызывало в нем то, что ему предстояло прочесть. Он чувствовал, что диалог между командиром экипажа Блейном и вторым пилотом Санторелли поможет ему открыть для себя новые измерения ужаса, который испытали перед смертью его жена и девочки. Наконец ему удалось сосредоточить свое внимание на первой странице пугающего его документа. Барбара заглядывала через его плечо, и он стал водить пальцем по строчкам, чтобы она видела, где он читает.

(Шорох: второй пилот Санторелли возвращается на свое место из уборной. Его первая реплика зафиксирована верхним микрофоном кабины, после чего С. надел переговорное устройство.)

САНТОРЕЛЛИ: Вот только долетим до Лос Анджелеса, и я съем столько... (неразборчиво), потом еще пюре из нуга, табболи, лебне с тертым сыром и тарелочку кибби. Буду есть, пока не лопну. Ты знаешь этот армянский ресторанчик? Пожалуй, это самое лучшее место, где можно попробовать кавказскую кухню. Ты любишь кавказскую кухню?

(Пауза 3 секунды.)

САНТОРЕЛЛИ: Рой? Что происходит?

(Пауза 2 секунды.)

САНТОРЕЛЛИ: Что за... В чем дело, Рой?! Ты отключат автопилот?

БЛЕЙН: Одного из них зовут доктор Луис Блом.

САНТОРЕЛЛИ: Что? О чем ты говоришь?

БЛЕЙН: Второго зовут доктор Кейт Рамлок.

САНТОРЕЛЛИ: (С явной озабоченностью в голосе.) Что это показывает старик Мак Дуб? Ты работал с ГБК, Рой?...

Здесь Джо остановился, чтобы выяснить, что означают непонятные ему термины, и Барбара объяснила:

– Семьсот сорок седьмые "Боинги" четырехсотой модификации используют цифровую электронику, поэтому главное место на панели управления перед каждым пилотом занимают шесть самых больших катодных экранов, на которых высвечивается полетная информация. "Старик Мак Дуб" на жаргоне летчиков – это не что иное, как МКДБ – многофункциональный контрольно дисплейный блок. Экранные блоки связаны между собой, так что если один из пилотов вводит какие то изменения в программу полета, то на экране напарника они тоже отображаются. Основным узлом управления самолетом является ГБК – главный бортовой компьютер "Хонейвелл Сперри", в который пилоты при помощи клавиатуры МКДБ загружают полетный план и посадочную схему. Все отклонения от курса и корректировки полетного плана, сделанные экипажем уже после того, как самолет оторвался от земли, также вводятся в ГБК через контрольно дисплейный блок.

– Значит, Санторелли вернулся из туалета и увидел, что в его отсутствие Блейн изменил полетный план, верно? В этом есть что то необычное?

– Все зависит от погодных условий, вихревых токов воздуха, появления в зоне следования непредвиденных помех, предупреждений наземных станций и аэропортов.

– Но они находились на половине пути от одного побережья до другого, и погода была хорошей. При этом, как я понял, летчиками не было отмечено никаких помех, никаких опасных погодных условий, никаких летательных аппаратов в их воздушном коридоре. Было ли изменение полетного плана необычным в таких условиях?

Барбара кивнула.

– Да, Санторелли, несомненно, удивился, почему командир изменил полетный план, ведь все выглядело хорошо. Но лично мне кажется, что озабоченность, которая звучит в его голосе, объясняется скорее тем, что Блейн не отвечает на его вопросы, и тем, что он увидел на экране МКДБ. Очевидно, это было такое изменение полетного плана, которое показалось Санторелли бессмысленным.

– Какое, например?

– Как я уже говорила, они отклонились от курса на семь градусов.

– А Санторелли не мог почувствовать этот поворот, находясь в уборной?
– Самолет начал отклоняться от курса вскоре после того, как Санторелли покинул кабину, но это отклонение было постепенным и сопровождалось только очень легким креном. Санторелли мог что-то почувствовать, но, не видя приборов, он вряд ли предполагал, что отклонение столь велико.

– А кто эти два доктора – Блом и Рамлок?

– Понятия не имею. Но читай дальше. Стенограмма становится все более странной.

БЛЕЙН: Они делают мне больно.

САНТОРЕЛЛИ: Что случилось, командир?

БЛЕЙН: Они мучают меня.

САНТОРЕЛЛИ: Эй, что с тобой?

БЛЕЙН: Скажи им, пусть перестанут. Скажи им!!!

– В этом месте голос Блейна изменился, – подсказала Барбара. – Он с самого начала звучал странно, но после того, как он говорит: "...пусть перестанут", он начинает дрожать. В нем появляется какая-то детскость, незащищенность, что ли, как будто он... Нет, ему не больно, но он как будто сильно расстроен или близок к отчаянию.

САНТОРЕЛЛИ: Капитан... Рой! Давай я поведу.

БЛЕЙН: Мы записываем?

САНТОРЕЛЛИ: Что?

БЛЕЙН: Заставь их перестать делать мне больно!

САНТОРЕЛЛИ (обеспокоенно): Сейчас все будет...

БЛЕЙН: Мы записываем?

САНТОРЕЛЛИ: Сейчас все будет хорошо. Давай...

(Слышится тупой удар, напоминающий удар кулаком. Кто-то, предположительно С., всхрипывает. Еще один удар. С. замолкает.)

БЛЕЙН: Мы записываем?

На востоке гром сыграл свою увертюру на литаврах и тимпанах, и Джо спросил:

– Блейн оглушил своего пилота кулаком?

– Кулаком или каким-то тупым тяжелым предметом, который он мог достать из своей полетной сумки, спрятать под креслом, пока Санторелли отсутствовал, и держать наготове.

– Это предполагает преднамеренные действия. Но какого черта?!

– Я думаю, он попал ему по лицу, так как Санторелли вырубился почти сразу. Десять-двенадцать секунд он молчит, потом... – Она указала на расшифровку и прочла вслух: – "Слышится стон Санторелли".

– Боже мой! – вырвалось у Джо.

– В этом месте голос Блейна на пленке перестает дрожать и истерические нотки пропадают. Теперь в нем слышатся такие ожесточение и злоба, что волосы встают дыбом. Вот смотри...

БЛЕЙН: Заставь их прекратить, иначе, когда у меня будет возможность... когда у меня будет возможность, я их всех убью. Всех! Я хочу это сделать и сделаю! Я убью всех и буду только рад этому.

Лист бумаги в руках Джо задрожал.

Он подумал о пассажирах рейса 353, которые в это время мирно дремали в креслах, читали, работали на компьютерах, листали журналы и комиксы, вязали, смотрели кино, спокойно строили планы на будущее, совершенно не подозревая об ужасных событиях, которые происходили в пилотской кабине. Может быть, его Нина в эти минуты сидела у окна, любовалась звездами или облаками, пока Мишель и Крисси играли в "Поймай рыбу" или "Старую деву" (Джо помнил, что они всегда брали с собой в путешествия карты или наборы детских настольных игр). Потом Джо подумал, что снова мучает себя. Это у него получалось совсем неплохо, поскольку какая-то часть его была уверена, что он заслуживает самой изощренной пытки.

Но сейчас он должен был победить в себе эту слабость. Прогнав от себя горестные

мысли, Джо спросил:

– Но что случилось с Блейном? Может быть, он так наглотался наркотиков, что повредился в уме?

– Нет, это исключено!

– Почему?

– При любом расследовании задача номер один – найти останки пилотов, чтобы провести тест на наркотики и алкоголь. В данном случае это потребовало некоторого времени... – Барбара неопределенно махнула рукой в сторону обожженных страшным огнем лиственниц и осин. – Большинство органических останков было раскидано взрывом среди деревьев к северу и западу на расстояние больше сотни ярдов от места падения.

Джо почувствовал, как у него дрожат колени и темнеет перед глазами. Непроницаемый мрак сгустился по краям его поля зрения, и вскоре ему начало казаться, что он глядит на мир сквозь длинный черный тоннель. Стараясь, чтобы Барбара не заметила его состояния, Джо чуть не до крови прикусил язык и задышал редко и глубоко.

Барбара засунула руки в карманы и, наподдав ногой случайный камешек так, что он, описав в воздухе дугу, упал на дно воронки, спросила:

– Тебе обязательно нужно все это знать, Джо?

– Да.

Она вздохнула.

– Мы нашли часть кисти, которая, как мы полагали, принадлежала Блейну. Опознать ее можно было только по полурасплавленному обручальному кольцу, которое прикипело к фаланге пальца. Кольцо было довольно необычной формы... Кроме того, на кисти сохранились кое какие ткани, по которым мы и определили...

– Отпечатки пальцев?

– Нет, конечно. Кисть была сильно обожжена. Нам повезло, что отец Блейна еще жив. Он дал свою кровь, и лаборатория ВВС, которая осуществляет идентификацию останков военных летчиков на основе сравнительного анализа ДНК, сумела подтвердить, что мы нашли кисть именно Блейна.

– Этот тест надежен?

– На сто процентов. Поэтому мы незамедлительно отправили все образцы к токсикологам на анализ. И в останках Блейна, и в останках Санторелли обнаружили следы этилового спирта, однако они были связаны с начавшимся разложением, ведь кисть Блейна пролежала среди вон тех деревьев почти семьдесят два часа, прежде чем мы нашли ее, а останки Санторелли – почти четыре дня. Процесс разложения уже зашел довольно далеко, и появление какого то количества этанола было неизбежно, но, если не считать этого, все тесты на алкоголь и наркотики дали отрицательные результаты. Оба пилота были трезвы и не принимали никаких наркосодержащих лекарственных средств.

Джо мысленно попытался сопоставить выводы токсикологов с бессмысленными речами командира экипажа. Одно явно не вязалось с другим.

– Какие есть еще возможности? Может быть, инсульт? Поражение головного мозга?

– Это маловероятно, – пожала плечами Барбара. – Во всяком случае, когда я прослушивала пленку, мне так не показалось. Речь Блейна была достаточно четкой, а язык не заплетался, так что, каким бы странным ни казалось то, что он говорит, слова его звучали ясно, а предложения казались достаточно связными. Ни перестановок, ни внесмысловых слов в них нет.

– Тогда в чем тут может быть дело?! – разочарованно воскликнул Джо. – Нервный срыв, психоз, галлюцинации?...

Разочарование, прозвучавшее в голосе Барбары, было ничуть не слабей, чем у Джо.

– Откуда тут взяться неврозу и психической болезни?! Командир Делрой Блейн был образцом выдержки, психической устойчивости и уравновешенности. С ним порой было нелегко иметь дело, и все же, как я уже говорила, это был не человек – кремень.

– Значит, не такой уж кремень.

– У него была абсолютно здоровая, уравновешенная психика, – продолжала настаивать Барбара. – Он прошел все специальные тесты авиакомпании без сучка без задоринки; был преданным мужем и хорошим отцом. По вероисповеданию Делрой Блейн был мормоном, причем активно посещал церковь; он никогда не пил, не курил, не употреблял наркотиков и не играл в карты. Нет, Джо, ты не найдешь буквально ни одного человека, который замечал в его поведении какие то отклонения. По всем свидетельствам, он был не просто хорошим, уравновешенным человеком – он был счастливым человеком, Джо!

В вышине снова сверкнула трепещущая молния, и тяжелые колеса грома прокатились по стальным колеям туч на востоке.

На расшифровке Барбара показала Джо момент, когда самолет совершил первый внезапный поворот на три градуса, предшествовавший неконтролируемому рысканию.

– Вот здесь Санторелли застонал, но он еще не до конца пришел в сознание. И как раз перед маневром командир Блейн сказал: "Вот потеха!" На пленке были и другие звуки: звяканье и шум падения мелких незакрепленных предметов, которые сбросило на пол резкое боковое ускорение.

"Вот потеха!"

Джо тупо смотрел на бумагу, не в силах отвести взгляд от этих коротеньких слов.

Барбара протянула руку и перевернула страницу за него.

– Через три секунды лайнер повернулся на четыре градуса в обратную сторону, однако теперь к звяканью и клацанью мелких предметов добавились другие шумы: низкое глухое дребезжание обшивки и тупой стук. Командир Блейн в это время смеялся.

– Смеялся? – недоверчиво и с недоумением переспросил Джо. – Он должен был погибнуть вместе с остальными, и он смеялся?

– Это не был безумный смех, как ты, должно быть, подумал. Это был обычный веселый смех... веселый и довольный. Можно было подумать, что Блейн искренне радуется своим... тому, что он сделал.

"Вот потеха!"

Через восемь секунд после первого резкого изменения курса самолет снова повернул на три градуса влево, после чего – буквально через две секунды – последовал бросок на семь градусов вправо. Совершая первый маневр, Блейн еще смеялся, потом он просто сказал: "Ух ты!!!"

– Именно в эти секунды правое крыло стало набирать высоту, отжимая левое вниз, – продолжала комментировать расшифровку Барбара. – Лайнер совершил переворот через левое крыло на сто сорок шесть градусов и понесся к земле под углом восемьдесят четыре градуса. Почти отвесно.

– Они были обречены.

– Да, это была серьезная беда, но положение оставалось не безнадежным. Пилоты еще могли выровнять машину, ведь до земли оставалось почти двадцать тысяч футов – вполне достаточно для маневра.

Джо, не читавший никаких газетных отчетов о катастрофе и не смотревший никаких телевизионных репортажей, всегда представлял себе пожар на борту и наполняющий салон удушливый дым. Некоторое время назад – когда ему стало ясно, что пассажиры гибнущего лайнера были избавлены хотя бы от страха сгореть заживо, – он начал надеяться, что долгое падение с небес на землю было для его жены и дочерей не таким страшным, как он воображал себе во время своих приступов. Теперь Джо гадал, что было для них страшнее: дым в салоне и мгновенное осознание своей неминуемой и печальной судьбы или же чистый воздух и тщетная надежда на то, что пилотам в самый последний момент удастся что то предпринять.

В расшифровке было отмечено, что в определенный момент в кабине зазвучали тревожные звонки, высокий тон альтиметра, сигнализирующего об опасной потере высоты, и записанный на магнитофон голос, периодически восклицавший: "Опасность столкновения!", поскольку "Боинг" пикировал вниз, пересекая расположенные ниже воздушные коридоры.

– Что это такое – "погремушка"? – спросил Джо.

– Громкий гремющий звук, который сопровождает включение автомата тряски штурвала. Неподготовленного человека он может, пожалуй, даже напугать, но зато на него просто невозможно не обратить внимания. Он предупреждает пилотов о том, что машина утратила подъемную силу и может произойти сваливание. Кроме того, штурвал начинает неприятно вибрировать, побуждая пилота к немедленным действиям.

Джо снова вернулся к расшифровке и обнаружил, что второй пилот Санторелли, влекомый рукой жестокой судьбы, которая вот вот должна была расплющить его о землю, неожиданно перестал стонать и пришел в себя. Возможно, он увидел облака, стремительно проносящиеся за стеклами кабины, а может быть, "Боинг" уже опустился ниже облачного слоя, и за ветровым стеклом появилась, увеличиваясь на глазах, панорама ночного Колорадо, раскрашенная во все оттенки серого – от пыльно жемчужного до угольно черного, – с золотисто желтым заревом Пуэбло на южной оконечности штата. Не исключено, что помогла ему очнуться и какофония тревожных сигналов, а тревожные цифры, мелькающие на шести экранах МКДБ, сказали опытному пилоту все, что ему необходимо было знать. И он прошептал: "Господи Иисусе!"

– Он говорил в нос, и его голос был хриплым, булькающим, – подсказала Барбара. – Должно быть, Блейн сломал ему хрящ.

Даже читая написанные Барбарой слова, Джо, как наяву, слышал голос Виктора Санторелли, чувствовал его страх и его отчаянное желание жить.

САНТОРЕЛЛИ: Господи Иисусе! Нет, Господи, нет!!!

БЛЕЙН (смеется): Уа а а а! Вот и мы! Вот и мы, доктор Рамлок и доктор Блом! У у у у!!!

САНТОРЕЛЛИ: На себя! Штурвал на себя!!!

БЛЕЙН (смеется): Уа а а а! (Смеется.) Мы записываем?

САНТОРЕЛЛИ: На себя, штурвал на себя и вверх! Вытягивай!!!

(С. часто, с присвистом дышит. Время от времени он кричит, как будто сражается с чем то или с кем то, возможно с Блейном, но скорее всего он пытается справиться с управлением. Дыхания Блейна на пленке не зафиксировано.)

САНТОРЕЛЛИ: Черт! Черт побери!..

БЛЕЙН: Мы записываем?

– Почему он все время спрашивает, записывается ли их разговор? – озадаченно спросил Джо.

Барбара покачала головой:

– Не знаю.

– Сколько времени он работает пилотом?

– Больше двадцати лет.

– Следовательно, он знает, что все, что происходит в кабине, постоянно записывается "черным ящиком"?

– Должен знать... Да, знает. Но не кажется ли тебе, что он немного не в своем уме?

Джо быстро прочитал последние слова летчиков.

САНТОРЕЛЛИ: Ручку на себя, черт!..

БЛЕЙН: Ух ты! Оп па!

САНТОРЕЛЛИ: Матерь Божья!..

БЛЕЙН: О, да а...

САНТОРЕЛЛИ: Нет!

БЛЕЙН (в детском восторге.): Ух ты ы!!!

САНТОРЕЛЛИ: Сьюзен...

БЛЕЙН: Гляди! Ща ка ак...

(С. начинает громко кричать.)

БЛЕЙН: Здорово!..

(Крик С. слышен на протяжении трех с половиной секунд, до самого конца записи,

которая была прервана падением самолета.)

(Конец.)

Ветер пронесся по траве на лугу. Небо набухло близким дождем. Природа, похоже, была намерена устроить влажную уборку.

Джо медленно сложил три листка бумаги и засунул их в карман куртки.

Некоторое время он просто не мог произнести ни слова.

Далекая вспышка молнии обожгла ему глаза. Грянул гром, и тучи, как по команде, пришли в движение.

Наконец, глядя на дно воронки, Джо сказал:

– Последним словом Санторелли было имя...

– Сьюзен.

– Кто она?

– Его жена.

– Я так и подумал...

В самом конце – никаких обращений к Богу, никаких надежд на божественное милосердие. Одна только покорность и принятие своей судьбы. И еще имя... Имя, произнесенное с любовью, с сожалением, со смертной тоской и... с надеждой. Последним, что промелькнуло перед мысленным взором гибнущего летчика, была не жестокая земля, не последующий вечный мрак, а дорогое, любимое лицо.

Джо снова почувствовал, что не может говорить.

Глава 11

Они отошли от глубокой воронки в земле, и Барбара Кристмэн повела Джо вверх по склону. Ярдах в двадцати от группы обожженных, мертвых осин на северном краю луга она остановилась и сказала:

– Где то здесь они и стояли, если я правильно запомнила. Но что это должно значить?

Когда вскоре после катастрофы Барбара Кристмэн прибыла на этот перепаханный, изуродованный, опаленный огнем луг, то среди мелких и мельчайших обломков единственным признаком того, что здесь разбился именно авиалайнер, были кусок самолетной турбины и три пассажирских кресла, которые каким то чудом почти не пострадали. Во всяком случае, их Барбара узнала с первого взгляда.

– Эти три кресла были соединены друг с другом? – спросил Джо.

– Да.

– И они стояли вертикально?

– Да. К чему ты ведешь?

– Могли бы вы определить, из какой части самолета были эти кресла?

– Джо...

– Из какой части самолета, Барбара? – терпеливо повторил Джо.

– Вряд ли из первого класса и не из бизнес класса верхней палубы, потому что там установлены сдвоенные кресла. Центральный ряд в экономическом классе имеет четыре кресла в ширину, поэтому эти три кресла относятся либо к левому, либо к правому ряду экономического класса.

– Они были повреждены?

– Конечно.

– Очень сильно?

– Как ни странно – не очень.

– А следы огня?

– Не везде.

– А где именно? В каких местах?

– погоди, Джо, дай ка вспомнить... Честно говоря, сейчас мне кажется, что на них было всего несколько небольших подпалин и пятен сажи.

– Ну а обивка, Барбара? Не была ли она совершенно целой?

Широкое лицо Барбары помрачнело.

– Джо, – строго сказала она. – В этой катастрофе никто не уцелел.

– В каком состоянии была обивка? – настаивал Джо, и Барбара сдалась.

– Ну, мне помнится, она была слегка разорвана. Ничего серьезного

– На ней была кровь?

– Я не помню.

– Тел на сиденьях не было?

– Нет.

– А частей тел?

– Нет.

– Привязные ремни сохранились?

– Этого я не помню. Наверное – да.

– Но если ремни сохранились и если в момент удара они были пристегнуты...

– Это смешно, Джо!

– Мишель и девочки летели экономическим классом, – сказал он.

Барбара прикусила губу и отвернулась. Некоторое время она смотрела куда то в сторону, потом промолвила тихо, почти ласково:

– Джо, твоих родных не было на этих сиденьях.

– Я знаю это, – уверил он ее. – Я знаю.

Но как же он хотел этого!..

Барбара снова посмотрела на него.

– Они умерли, – сказал Джо. – Насовсем. Я не питаю никаких надежд, Барбара.

– Значит, ты имеешь в виду эту Розу Такер?

– Если я сумею узнать, где было ее место в самолете, и если оно было либо с левой, либо с правой стороны в экономическом классе, то это будет доказательством!

– Доказательством чего?

– Того, что она говорила правду...

– Слабенькое доказательство... – с сомнением заметила Барбара, но Джо ее не слушал.

– Доказательством того, что она осталась в живых!

Барбара снова покачала головой.

– Вы не встречались с Розой, – с легким упреком сказал Джо. – И никогда не видели ее. Она – не какаянибудь пустышка, обманщица. В ней чувствуется сила... внутренняя сила.

Налетевший ветер принес с собой резкий запах озона – тот самый запах, который предшествует моменту, когда расшитый молниями занавес туч поднимается и на сцену выходит дождь.

Голосом, в котором звучали одновременно и сочувствие, и ласка, и отчаяние, Барбара сказала:

– Они падали с высоты четырех миль, Джо, падали почти отвесно, носом вниз, и Роза Такер была внутри этого чертова самолета, который взорвался, словно тонна тротила...

– Я вполне это понимаю.

– Господь свидетель, Джо, я вовсе не хочу лишний раз причинять тебе боль, но... Ты понимаешь? И после всего, что я тебе рассказала, продолжаешь верить?.. Эта Роза Такер оказалась в эпицентре взрыва огромной разрушительной силы. Он превратил крепчайший гранит в пыль, в пар! Экипаж и другие пассажиры... их плоть в считанные доли секунды была буквально начисто сорвана с костей, словно их кипятили неделю. Людей буквально разорвало, разметало, раздробило на части; даже кости и те ломались, как зубочистки. Пока самолет еще продолжал вспахивать землю, мельчайшие капли керосина, рассеянные в воздухе, как утренний туман, взорвались. Огонь был везде, Джо. Это были гейзеры огня, реки огня, целые океаны бушующего пламени, от которого невозможно было укрыться, так что я очень сомневаюсь, что твоя Роза

Такер сумела невесомо опуститься на землю, словно пух одуванчика, и пройти

невредимой сквозь этот огненный ад.

Джо посмотрел сначала на небо, потом – на землю под ногами и подумал, что земля кажется гораздо светлее облаков.

– Если вы когда нибудь видели кадры, снятые в городах и поселках, разрушенных торнадо, – медленно начал он, – то вы, несомненно, обратили внимание, что, хотя все дома и постройки превратились в мусор, который можно спокойно просеивать через дуршлаг, в самом центре оставленной ураганом пустыни стоит один совершенно целый или почти неповрежденный дом.

– Это явление природы, каприз, флуктуация погоды, – согласилась Барбара. – Но в нашем случае, Джо, действуют неумолимые законы физики, которые не знают исключений, и главный из них – закон земного притяжения. Физика не подвержена случайностям и капризам. Если бы весь этот твой город падал с высоты четырех миль, то в нем не осталось бы ни одного целого дома.

– Родные и близкие погибших... Роза показала им что то такое, что подбодрило их, вновь пробудило их интерес к жизни.

– Что же это было?

– Я не знаю, Барбара. Я должен увидеть это сам, и я хочу, чтобы она мне показала то же, что и им. Но дело не в этом... Дело в том, что все они поверили Розе, когда она сказала, что была на борту этого самолета. И это не просто вера... – добавил он, вспоминая сияющие глаза Джорджины Дельман. – Это глубокая убежденность!

– Тогда она мошенница, которая не знает себе равных ни в наглости, ни в силе убеждения.

Джо только пожал плечами в ответ.

В нескольких милях от них двузубый камертон сверкающей молнии задрожал, завибрировал, запел и разорвал темноту штормовых туч. С востока к лугу неумолимо подступала стена дождя.

– Ты не производишь впечатления глубоко религиозного человека, – продолжала Барбара. – Во всяком случае, мне почему то так кажется.

– Это так, – согласился Джо. – Мишель каждую неделю водила девочек в воскресную школу и в церковь, но я не ходил с ними. Пожалуй, это было единственным, в чем я не принимаю участия.

– Ты относишься к религии враждебно?

– Совсем нет. Просто она мне неинтересна. Я всегда был равнодушен к Богу ровно настолько, насколько, как мне казалось, Он был равнодушен ко мне. Но после катастрофы... после гибели Мишель и девочек я сделал только один шаг на пути своего духовного развития – шаг от безразличия к неверию. На мой взгляд, представления о милостивом, милосердном Боге просто невозможно как то увязать с тем, что случилось с пассажирами этого самолета... и со всеми теми, кто проведет остаток своей жизни, тоскуя по ним.

– Если ты такой атеист, то почему ты так упорствуешь? Что заставляет тебя верить в это чудо?

– Я не говорил, что Роза Такер спаслась чудом.

– Будь я проклята, если знаю, что еще это могло быть! Никто, кроме самого Господа Всемогущего и специальной бригады нескораемых ангелов, не смог бы вытащить ее из этого ада целой и невредимой, – с ноткой сарказма в голосе парировала Барбара.

– Я не настаиваю на божественной версии ее спасения. Существует другое объяснение, гораздо более неправдоподобное и удивительное на первый взгляд и в то же время вполне логичное и реальное.

– Спасение было невозможно! Невероятно! – продолжала стоять на своем Барбара.

– Невозможно? – Джо хмыкнул. – В таком случае и то, что случилось с командиром Блейном тоже невозможно, поскольку необъяснимо.

Глядя прямо в глаза Джо, Барбара напрягала свой рациональный, сугубо практический ум в поисках подходящего ответа, но так и не нашла, что возразить. Тогда она сказала:

– Если ты вообще ни во что не веришь, тогда чего ты ждешь от Розы Такер? Ты сказал, что она сумела подбодрить других родственников, вдохнуть в них новую жизнь. Не кажется ли тебе, что все, что она способна дать, скорее всего имеет духовную природу?

– Не обязательно.

– А что еще это может быть?

– Этого я не знаю.

– "Нечто гораздо более неправдоподобное и удивительное", – теперь уже с явным раздражением процитировала Барбара его слова, – "...и в то же время – логичное".

Джо отвернулся и стал смотреть на деревья вдоль северной границы поля. Неожиданно он заметил, что среди опаленных огнем осин стоит одно одетое в листву дерево. Вместо гладкого, бледного ствола у него была настоящая, чешуйчатая кора черного цвета, которая так красиво смотрится осенью, в контрасте с ярко золотыми и красными осенними листьями.

– Нечто гораздо более неправдоподобное и удивительное, – согласился он.

Похожий на лестницу зигзаг молнии сверкнул совсем близко, на мгновение соединив небо и землю, и рокочущий гром, постепенно нарастая, запрыгал вниз, словно по ступенькам.

– Пойдем, пожалуй, – предложила Барбара. – Все равно нам здесь больше нечего делать.

Джо послушно побрел за ней вниз по склону, но возле воронки снова задержался.

Посещая собрания "Сострадательных друзей", он не раз слышал, как остальные говорят о так называемой нулевой точке. Для многих из них момент гибели ребенка действительно становился нулевой точкой, от которой они начинали заново отсчитывать свои жизни, как будто трагедия в мгновение ока переставила их внутренние часы на ноль часов ноль минут. Именно в это мгновение пыльная картонная коробка с надеждами и мечтаниями, которая когда то казалась сказочным сундуком, полным сокровищ, переворачивалась кверху дном, и все ее содержимое вываливалось в пропасть, оставляя человека одного, без всяких упований и видов на будущее. За один прыжок секундной стрелки радужное будущее из королевства чудесных возможностей и редкостных удач превращалось в тусклый мир докучливых обязанностей, и лишь прошлое – невозвратимое прошлое – представлялось единственным подходящим убежищем для кровоточащей души.

Сам Джо прожил в нулевой точке больше года, не принадлежа ни прошлому, ни будущему, от которых его отрезала боль. Все это время он как будто плавал в цистерне с жидким азотом, заморозившим все его желания и мысли, и только горе жгло сердце каленым железом.

Теперь он стоял в другой нулевой точке – в пространственной нулевой точке, в которой смерть настигла его жену и дочерей. Джо отчаянно хотелось вернуть их, и на протяжении года это неисполнимое желание мучило его толь в толь как орел, терзавший печень Прометея, но только теперь у него появилось еще одно стремление. Джо жаждал справедливости, которая хоть и не в силах была сделать безвременную гибель его родных менее ужасной, но зато могла наполнить смыслом его собственную смерть.

Он должен был выбраться из своей морозильной камеры, служившей ему убежищем, вытряхнуть лед из сердца и вен и сражаться, сражаться до тех пор, пока не отыщет правду, как бы глубоко она ни была похоронена. Ради этого, ради своих погибших женщин, он был готов сжигать дворцы и повергать в прах империи и не колеблясь разрушил бы мир, если бы возникла такая необходимость!

Теперь Джо понимал разницу между справедливостью и простой местью. Настоящая справедливость не принесет ему ни облегчения, ни ощущения триумфа – она лишь поможет ему сдвинуться с нулевой точки и, завершив свою миссию, умереть с миром.

* * *

Трепещущие отблески убийственно ярких молний, во множестве рассыпаемых грозным

штормовым небом, проникали сквозь густые кроны деревьев, беспорядочно носились между стволами и прыгали по земле, словно тысячи летучих призраков, а свирепые раскаты грома и вой ветра в верхушках лиственниц и елей напоминали Джо неумолчный шорох бесчисленных крыльев ночных демонов.

Как только он и Барбара добрались до "Эксплорера", стоявшего там, где они его оставили – на траве в конце грунтовой дороги, на лес с громким и грозным шелестом обрушился ливень. Прежде чем они, торопясь, забились в салон, дождь успел украсить их лица и волосы чистыми алмазными каплями, а голубая блузка Барбары потемнела на плечах и стала темно фиолетовой.

Они так и не узнали, что выгнало оленей из леса, но Джо был почти уверен, что виновато в этом было какое то другое животное. Пока они бежали через лес, стараясь опередить дождь, он чувствовал поблизости одно лишь молчаливое, настороженное присутствие диких тварей, и никаких признаков гораздо более опасного зверя – человека.

Несмотря на эту внутреннюю убежденность, разум продолжал подсказывать Джо, что колоннада сомкнутых стволов вокруг них могла бы обеспечить убийцам идеальное место для засады. Каждая вершина могла оказаться наблюдательным пунктом для снайпера, каждый ствол – укрытием, каждый куст – стрелковой ячейкой.

Пока Барбара заводила мотор и разворачивалась, чтобы вернуться той же дорогой, напряжение не оставляло Джо. Он внимательно осматривал ближайшие заросли, каждую секунду ожидая звука выстрела или грохота автоматной очереди.

Когда они наконец добрались до асфальтированной дороги, Джо слегка расслабился и спросил:

- А эти два человека, которых упоминал командир Блейн...
- Доктор Блом и доктор Рамлок.
- Да. Вы не пытались выяснить, кто они такие? Разыскать их?..
- Когда я была в Сан Франциско, мне пришлось очень подробно изучать биографию Делроя Блейна. Как ты понимаешь, мы искали следы каких то личных проблем, которые хотя бы теоретически могли привести к нервному срыву, поэтому я спрашивала его родных и друзей, не приходилось ли им когда либо слышать эти имена. Но никто не сообщил ничего такого, что помогло бы мне хотя бы напасть на след.

- А вы проверяли личные бумаги Блейна, записные и телефонные книжки? Может быть, он вел дневник?

- Конечно, проверяли, но и там ничего не было. Врач семьи Блейнов сказал, что не знает ни одного специалиста, который носил бы фамилию Блом или Рамлок и никогда не рекомендовал этих людей своим пациентам. Я успела выяснить, что ни в самом Сан Франциско, ни в его окрестностях нет ни одного терапевта, психиатра или психоаналитика с такой фамилией. На этом мои поиски закончились, потому что вскоре меня разбудили в моем номере двое подонков, ткнули в лицо пистолет и приказали забыть обо всем.

* * *

Барбара хранила напряженное молчание до тех пор, пока они не выехали на магистраль, которая казалась покрытой серым жемчугом из за множества плясавших по ней дождевых капель. Лоб ее был озабоченно нахмурен, но – Джо чувствовал это – вовсе не потому, что на мокрой дороге она вынуждена была сосредоточиться на управлении.

Молнии отсверкали, гром отгремел, и вся ярость бури воплотилась в ветре и дожде. Сидя на переднем сиденье "Эксплорера", Джо прислушивался к монотонным мягким ударам "дворников", сновавших по лобовому стеклу, и к сильным щелчкам крупных капель дождя. Сначала эта беспорядочная барабанная дробь вызывала в нем раздражение, но постепенно ему стало казаться, что он начинает улавливать за нею скрытую мелодию дождевых струй.

Барбара, казалось, тоже прислушивалась к ритму дождя, но ее слова свидетельствовали о том, что Джо ошибся. Очевидно, все это время она обдумывала все известные ей

обстоятельства и вдруг набрела на любопытный факт, который проглядела раньше.

– Я припоминаю одну любопытную вещь, – сказала она. – Но...

Джо молча ждал продолжения.

– Но мне не хотелось бы поддерживать тебя в твоих невероятных заблуждениях.

– Заблуждениях?

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Ну, в этой твоей уверенности, что кто то мог уцелеть после катастрофы.

– Поддержите меня, Барбара, – сказал он. – За последний год меня мало кто поддерживал.

Барбара еще немного поколебалась, затем покорно вздохнула.

– Недалеко отсюда есть одна ферма. Когда произошла катастрофа, ее владелец уже спал – люди, которые работают на земле, рано ложатся спать, особенно в этих местах. Его разбудил взрыв, а потом... потом кто то постучал в его дверь.

– Кто?

– На следующий день фермер позвонил окружному шерифу, а шериф помог ему связаться с нашим штабом, но нам это показалось неважным.

– Кто постучался к нему в дом глухой ночью?

– Свидетель, – сказала Барбара.

– Свидетель катастрофы?

– Предположительно...

Она снова бросила на Джо быстрый взгляд и опять сосредоточилась на мокром полотне дороги.

Учитывая все, что рассказал ей Джо, это воспоминание, похоже, начинало беспокоить Барбару все сильнее и сильнее. Джо, во всяком случае, увидел в зеркале заднего вида, что она прищурила глаза, как будто стараясь пристальнее взглянуть... нет, не в дождевую плену, которая колыхалась перед самым капотом, ограничивая видимость до нескольких ярдов, а в прошлое, в отдаленное прошлое, в котором было столько непонятного и страшного. Губы Барбары сжались в тонкую ниточку; она словно спорила с собой – говорить ей дальше или промолчать.

– Свидетель катастрофы, – повторил Джо.

– Честно говоря, – сказала Барбара, – я не помню, почему она пришла именно на эту ферму и что ей было нужно.

– Ей?! – Джо так и подскочил на сиденье.

– Да. Женщине, которая утверждала, что видела падающий самолет.

– Вы хотели сказать что то еще, Барбара, – поторопил Джо.

– Да. Это была темнокожая женщина.

Джо поперхнулся воздухом, который вдохнул. С трудом выдохнув, он спросил:

– Она... она назвала свое имя?

– Я не знаю.

– Если назвала, то фермер должен его помнить.

* * *

У поворота на ферму стояли два высоких белых столба, поддерживавших вывеску, на которой – красивыми зелеными буквами по белому фону – значило: "Ранчо "МЕЛОЧИ ЖИЗНИ", а под ними, шрифтом поменьше, были написаны имена владельцев: "Джефф и Мерси Илинг". Ворота были открыты.

Вдоль бетонированной подъездной дороги тянулись беленые изгороди, разделявшие территорию ранчо на небольшие участки пастбища. Ближе к усадьбе Джо и Барбара увидели обширный паддок, несколько тренировочных рингов и обсаженные зеленью аккуратные конюшни.

– В прошлом году я так и не выбралась, чтобы съездить сюда самой,

– сказала Барбара, – но один из моих сотрудников побывал здесь и привез мне соответствующий рапорт. Теперь я припоминаю, что это не ферма, а коневодческое ранчо. Здесь разводят и дрессируют четвертьмильных лошадей "Четвертьмильная, или ковбойская лошадь – специализированная порода верховых лошадей, способных развивать на коротких дистанциях скорость около 70 км/ч. Предназначаются для ковбоев, но часть их готовят и для выступлений на ипподромах" и, по моему, еще лошадей для выездки типа арабских. Эти последние идут на продажу.

На выгонах и пастбищах, где колышущуюся траву то вздымал ветер, то прибивал к земле дождь, не видно было ни одной лошади; паддок и тренировочные ринги тоже выглядели покинутыми, но верхние половины дверей конюшенных боксов были открыты, и оттуда с опаской выглядывали лошадиные головы. Большинство лошадей были довольно светлыми или в яблоках, но некоторые были такой темной масти, что в полутьме стойл их почти невозможно было разглядеть.

Сам дом, стоящий в окружении молодых стройных осин, показался Джо большим и довольно красивым. Он был обшит досками и выкрашен белой краской, на которой красиво выделялись зеленые ставни и оконные переплеты; парадное крыльцо вело на широкую застекленную террасу (такой большой террасы Джо еще никогда не видел), а просвечивающие сквозь грозовую мглу окна выглядели дружелюбно и гостеприимно.

Барбара остановила машину на повороте подъездной дорожки, и они с Джо, ежась от дождя, который стал заметно холоднее, бросились к крытому крыльцу.

Входная дверь открывалась внутрь, и когда Джо толкнул ее, то услышал уютный, домашний скрип петель и вздох старой пневматической пружины. Почему эти звуки показались ему приятными, он и сам бы не мог сказать; должно быть, в них было что то, что ассоциировалось с неспешным течением счастливых, ничем не омраченных лет, с душевным покоем, мудростью и несуетным принятием неизбежного (и пружинам тоже свойственно со временем стареть), а вовсе не с упадком, безразличием и запущенностью.

На террасе стояла белая плетеная мебель с зелеными подушками на сиденьях, а из горшков на кованых металлических подставках свисали почти до самого пола длинные листья декоративного папоротника. Дверь в дом была распахнута, и на пороге стоял, прислонившись к косяку, пожилой мужчина лет шестидесяти с небольшим, одетый в черный прорезиненный плащ. Его загорелое, обветренное лицо было равномерно прорезано глубокими морщинами и напоминало старую, изрядно послужившую седельную кожу. Светло голубые глаза его были, однако, совсем молодыми и смотрели на вошедших приветливо и спокойно.

– Добрый день, – сказал мужчина, слегка повышая голос, чтобы его можно было расслышать за стуком барабанивших по крыше дождевых капель. – Хорошая погода для уток.

– И для рыб, – поддакнула Барбара, отряхиваясь. – Жаль только, мы не рыбы. Здравствуйте. Это вы – мистер Илинг?

– Мистер Илинг вроде бы как я, – сказал, выступая из за его спины второй мужчина, также в черном дождевике.

Он был на шесть дюймов выше и лет на двадцать моложе старика, шутившего над погодой, однако жизнь, проведенная в седле – на жарком солнце, на сухом резком ветру и на морозе, – уже наложила свой отпечаток на его твердые, мужественные, хотя и слегка вытянутые черты, благословив их выражением легкой усталости, свидетельствующим о большом жизненном опыте и мудрости человека, прожившего жизнь в единении с полудикой природой.

Барбара представилась первой, сказав, что работает в Национальном управлении безопасности перевозок. Джо она представила как своего помощника.

– Вас все еще интересует тот случай? – спросил Илинг без особого, впрочем, любопытства.

– К сожалению, мы так и не сумели прийти к определенному заключению, – пояснила Барбара. – А закрывать дело, не докопавшись до причин, у нас не принято. Собственно

говоря, к вам мы приехали, чтобы расспросить о женщине, которая к вам тогда приходила.

– Да, я ее помню.

– Не могли бы вы ее описать? – спросил Джо.

– Махонькая такая... На вид ей лет сорок. Мне она понравилась.

– Темнокожая?

– Да, черная, но не совсем. Еще какая то кровь в ней течет точно. Может быть, мексиканская, может, индейская, а скорее всего – китайская. Или вьетнамская.

Джо припомнил, что разрез глаз Розы Такер тоже напомнил ему что то восточное.

– Она назвала вам свое имя? – спросил он.

– Может быть. – Джефф Илинг пожал плечами. – Но я уже не помню.

– Через сколько времени после падения самолета она появилась здесь, у вас? – Это спросила уже Барбара.

– Довольно скоро. – Илинг переложил из руки в руку кожаную сумку, похожую на докторский саквояж. – Мы с Мерси проснулись, когда самолет еще падал. Еще до взрыва то есть. Шумело то погромче, чем обычно шумят самолеты в наших местах, должно быть, поэтому мы почти сразу поняли, что случилась авария. Я успел даже выбраться из постели, а Мерси включила свет. Помнится, я сказал: "О Боже!" или что то в этом роде, и тут мы услышали взрыв. Совсем такой, как в карьерах, когда породу взрывают, только намного сильнее. Даже дом слегка тряхнуло да стекла задребезжали...

Мужчина постарше неловко переступил с ноги на ногу, и Илинг повернулся к нему.

– Как она, Нед?

– Ничего хорошего, – проворчал тот. – Сказать по чести, совсем плохо.

Джефф Илинг поглядел сквозь залитое дождем стекло террасы на подъездную дорожку и нахмурился.

– Где же, черт возьми, док? Куда он запропастился?

С этими словами он провел ладонью по лицу. Отчего оно, похоже, стало еще длиннее.

– Если мы не вовремя... – начала Барбара.

– У нас заболела кобыла, но я могу уделить вам минуточку, – сказал Илинг, возвращаясь к ночи катастрофы. – В общем, Мерси стала звонить в спасательную службу округа, а я побыстрее оделся, завел пикап и погнал по главной дороге на юг – искать место, где мог грохнуться самолет. Я думал, может быть, там помощь кому то нужна, ведь бывают всякие случаи... Пожар то был виден издали, – не сам огонь, конечно, а зарево, но, пока я сориентировался насчет расстояния, пока подъехал, там уже стояла машина шерифа, которая перекрыла поворот с магистрали на бетонку, а прямо следом за мной подъехала еще одна. Они ждали пожарных и поисковиков, а мне сказали, что дело серьезное и что неподготовленные добровольцы им не нужны. Так что я развернулся и поехал домой.

– Сколько времени отняла ваша поездка? – спросил Джо.

– Вряд ли больше сорока пяти минут. Потом мы с Мерси еще с полчаса просидели в кухне, пили кофе без кофеина с мороженым, слушали новости по радио и решали, стоит ли снова ложиться, когда к нам постучали.

– Следовательно, эта женщина появилась примерно через час с четвертью после катастрофы? – подсчитал Джо.

– Да, где то так.

Громкий шум ливня и шелест листвы кланяющихся ветру осин заглушали все посторонние звуки, поэтому никто из четверых не услышал шума автомобильного мотора и не заметил мчащийся к ранчо джип "Чероки", пока он не оказался перед самым крыльцом и не развернулся. Включенные фары машины рассекали жемчужную кольчугу дождя, словно два серебряных меча.

– Слава Богу! – воскликнул Нед, натягивая на голову капюшон и распахивая дверь на улицу, отозвавшуюся уже знакомой Джо уютной домашней песней.

– Доктор Шелли приехал, – объяснил Джефф Илинг. – Вы извините, но мне нужно помочь ему с кобылой. Расспросите пока Мерси, она все равно знает об этой женщине

больше меня. Проходите вон туда, она у меня сегодня на кухне хозяйничает...

* * *

Светлые, с легкой сединой волосы Мерси Илинг были аккуратно убраны вверх и заколоты тремя заколками в форме бабочек. Она действительно колдовала на кухне возле плиты, выпекая свежие, хрустящие печенья, и несколько выющихся прядей все же выбились из ее прически и спиралями свешивались к покрасневшим щекам.

Быстро вытерев руки сначала о фартук, затем – более тщательно – о посудное полотенце, Мерси пригласила Джо и Барбару за кухонный стол и уговорила их выпить по чашечке кофе. Как и следовало ожидать, кроме кофе, на застеленном чистой полотняной скатертью столе тут же появилась огромная тарелка свежих, еще горячих печений.

Задняя дверь, за которой виднелось небольшое крытое крыльцо, была распахнута настежь, но, несмотря на это, шум дождя звучал здесь приглушенно, напоминая барабанный бой, который иногда сопровождает движущуюся по шоссе похоронную процессию. Воздух в кухне был сухим и теплым, и в нем витали аппетитные запахи овсяной муки, шоколада и жареного арахиса.

Кофе оказался очень хорошим, но печенье было еще вкуснее.

На стене возле холодильника висел религиозный календарь с картинками. Августу месяцу соответствовало изображение Христа, который беседовал на берегу моря с рыбаками Симоном и Андреем, увещевая их оставить сети и последовать за Ним, чтобы стать ловцами душ человеческих.

Джо чувствовал себя здесь так, словно, свернув с наезженной, раз и навсегда определенной дороги, он вдруг очутился совершенно в ином измерении, разительно отличавшемся от всего, к чему он привык. Из холодного и враждебного окружения, в котором Джо прожил целый год, он шагнул в нормальный человеческий мир с его маленькими ежедневными проблемами и преходящими трудностями, с его небольшими, но приятными заботами и простой наивной верой в правильность и справедливость всего сущего.

Проверяя попеременно то одну, то другую духовку, в которых на противнях подрумянивались очередные порции бисквитов, Мерси вспоминала ночь катастрофы.

– ...Нет, – сказала она, качая головой. – Ее звали не Роза. Рейчел Томас, по моему, она так сказала.

Джо мысленно отметил, что инициалы все равно совпадали. Может быть, Роза Такер уже поняла, что "Боинг" был уничтожен ее врагами, и предпочитала, чтобы ее считали мертвой. То, что выдуманные инициалы совпадали с настоящими, возможно, помогало Розе не забыть имя, которым она назвалась, постучавшись в ворота ранчо "Мелочи жизни".

– Она ехала из Колорадо Спрингс в Пуэбло, когда прямо над собой увидела падающий самолет, – рассказывала Мерси. – Бедняжка так напугалась, что нажала на тормоза, и машину занесло. Слава Богу, что ремни безопасности были пристегнуты! В общем, машина свалилась с насыпи и перевернулась.

– Она была ранена? – быстро спросила Барбара.

Ловко раскладывая сформованные кусочки густого теста по намаасленному противню, Мерси покачала головой.

– Нет, нисколько. Здесь у нас не очень высокая насыпь, так что она была жива и здорова, только изрядно испугалась. Рейчел испачкала платье землей и травой, но сама ничуть не пострадала. Дрожала она просто как листок на ветру, но ее не ранило. Мне было так жаль бедняжку, она была такая миленькая!

– Сначала она сказала, что была свидетельницей, – многозначительно заметила Барбара, обращаясь больше к Джо, чем к Мерси.

– Мне кажется, Рейчел ничего не придумала, – ответила ей хозяйка. – Уж конечно, она видела этот самолет и была напугана просто до смерти. Я же видела, как она дрожала. Просто зуб на зуб не попадал...

Одна из духовок издала негромкий звуковой сигнал. Мерси надела на руку самодельную варежку из толстой ткани в несколько слоев и, открыв дверцу, достала из печи противень, полный румяных и ароматных печений.

– Эта женщина пришла к вам за помощью? – спросила Барбара.

Опустив горячий металлический противень на проволочную подставку, чтобы он остужался, Мерси вытерла со лба проступившую испарину.

– Она хотела вызвать такси из Пуэбло, но я сказала ей, что они ни за что не поедут в такую даль.

– А она не спрашивала, как можно вызвать аварийный тягач, чтобы вытащить ее машину из кювета? – осведомился Джо.

– Рейчел думала, что ночью ей вряд ли удастся чего либо добиться от этих аварийщиков. Наверное, она хотела утром вернуться сюда с водителем тягача.

– Что она стала делать, когда узнала, что вызвать такси практически невозможно? – спросила Барбара.

– Да ничего, – пожала плечами Мерси, засовывая в духовку очередной противень. – Я сама отвезла их в Пуэбло, только и всего.

– Прямо в Пуэбло? – уточнила Барбара.

– Ну, Джеффу приходится вставать очень рано, потому что он ухаживает за лошадьми. Я то в этом смысле посвободнее, да и до Пуэбло здесь рукой подать – всего то час езды, особенно если давить на газ так, как я. – Мерси негромко рассмеялась и закрыла духовку

– Все равно, это было чрезвычайно любезно с вашей стороны, – вставил Джо.

– Да что вы, ничего особенного! Господь хотел, чтобы мы все были добрыми самаритянами. Для этого мы и являемся на эту землю: если видишь, что человек в беде, значит, надо ему помочь. К тому же Рейчел показалась мне очень милой и сердобольной. Всю дорогу до Пуэбло она только и делала, что говорила об этих бедных людях, которые разбились в самолете, и так волновалась, словно это она была виновата в том, что случилось. Подумать только, ведь она видела его на протяжении всего нескольких секунд! Но постойте, о чем это я?... Ах да! В общем, съездить в Пуэбло было совсем нетрудно, гораздо труднее было возвращаться назад, потому что дорога оказалась забита полицейскими и санитарными машинами. Да и зевак там тоже хватало. Не люблю я этих типов, откровенно говоря. Они все стояли вдоль дороги возле своих машин и пикапов, и лица у них были такими, словно они очень хотели увидеть кровь или трупы. От таких у меня прямо мурашки по коже! Но, наверное, правильно говорят, что беда может выявить в людях и самое хорошее, и самое плохое.

– А пока вы ехали в Пуэбло, Роза... Рейчел не показывала вам место, где ее машина съехала с дороги? – спросил Джо.

– Она, бедняжка, слишком перевозноновалась, да еще и темно было, хоть глаз выколи, а мы не могли останавливаться через каждые полмили, чтобы искать, где оно валяется, это железо. Так бедная девочка до самого утра не попала бы в постельку.

Запищал таймер другой духовки, и Мерси, надев рукавицу и наклонившись над дверцей, сказала:

– Она выглядела такой измотанной, такой сонной – что ей были все тягачи и буксиры! Ей хотелось только одного – скорее попасть домой, в свою маленькую кроватку.

Джо покачал головой. Он был совершенно уверен, что никакой свалившейся машины не существовало в природе. Каким то образом уцелев в катастрофе, Роза Такер покинула превратившийся в пылающий ад луг и, ослепленная резкой сменой света и тьмы, которая бушевала в ночном лесу, буквально на ощупь стала пробираться между деревьями. Потрясенная, напуганная, она все же предпочла рискнуть – и, возможно, погибнуть от голода или сломать шею, свалившись в какую нибудь яму, – лишь бы уйти от места гибели "Боинга" как можно дальше, пока кто нибудь ее не обнаружил. Должно быть. Роза сразу догадалась, что самолет и пассажиры погибли из за нее, и бежала даже от спасателей, потому что среди них могли оказаться ее могущественные враги. К счастью, ей повезло, и, поднявшись на

гребень холма, она увидела внизу уютные и гостеприимные огни ранчо "Мелочи жизни".

Отставив в сторону опустевшую кофейную чашку, Барбара спросила:

– Скажите, Мерси, где вы высадили эту женщину? Могли бы вы вспомнить адрес?

Наполовину выдвинув противень из духовки, Мерси окинула печенья критическим взглядом.

– Она не называла мне адрес, просто показывала, куда сворачивать, пока мы не подъехали к дому.

"Несомненно, – подумал Джо, – Роза выбрала первый попавшийся дом, который показался ей достаточно солидным". То, что она могла знать кого-нибудь в Пуэбло, казалось ему маловероятным.

– Вы видели, как она вошла внутрь? – спросил он на всякий случай.

– Я хотела дождаться, пока Рейчел откроет дверь и войдет, но она поблагодарила меня и сказала, что да благословит, мол, меня Господь и что мне лучше поскорей возвращаться.

– Вы могли бы снова найти это место?

Решив, что печенью, пожалуй, следует подрумяниться еще немного, Мерси быстрым движением задвинула противень в духовку и закрыла дверцу.

– Конечно, – легко согласилась она. – Хороший, дорогой дом, да и стоит он в таком живописном зеленом районе. Но это не дом Рейчел; он принадлежит ее партнеру по медицинской практике. Разве я не сказала вам, что она работала в Пуэбло врачом?

– Значит, вы не видели, как она в дом вошла? – продолжал настаивать Джо, который был совершенно убежден, что Роза, дождавшись, пока Мерси исчезнет из виду, отправилась в противоположную сторону и постаралась уехать из Пуэбло как можно скорее.

Лицо Мерси, еще сильнее раскрасневшееся от жара духовок, было сплошь покрыто мелкими бисеринками пота, и она промокнула их бумажным полотенцем, оторванным от висевшего поблизости рулона.

– Нет, конечно. Я уже говорила, что высадила их перед домом, и они пошли по дорожке к дверям.

– Они?!

– Рейчел и девочка – маленькая, сонная, милая крошка. Это дочь партнера Рейчел.

Барбара удивленно вздрогнула и быстро посмотрела на Джо, потом снова повернулась к Мерси.

– Так с нею был ребенок?

– Девочка, настоящий маленький ангелочек. Она очень устала и хотела спать, но совсем не капризничала.

Джо тем временем вспомнил, что Мерси и раньше употребляла множественное число, но тогда он не обратил на это внимания, отнесся за счет особенностей простонародной речи. Теперь он досадовал на себя за то, что едва не пропустил что-то очень важное.

– Вы имеете в виду, что с Розой... с Рейчел был ребенок?

– Разве я не сказала? – простодушно удивилась Мерси, глядя на их недоуменные лица. – Год назад, когда к нам приезжал молодой человек из вашего отдела по безопасности полетов, я все ему рассказала и о Рейчел, и о маленькой девочке, которая с ней была.

Поглядев на Джо, Барбара медленно сказала:

– Я этого не знала. Хорошо еще, что я вообще вспомнила про ранчо и про мистера Илинга...

Но Джо не слышал ее. В душе у него все перевернулось и пришло в движение, словно какое-то старое маховое колесо, намертво прижавшееся к оси, неожиданно стронулось с места и стало набирать обороты.

Мерси, не подозревая о том, какое действие возымели на Джо ее последние слова, снова наклонилась к духовке.

– Сколько лет было девочке? – спросил он охрипшим неожиданно голосом.

– Четыре или пять, не больше, – ответила Мерси, не глядя на него.

Предчувствие словно молния пронзило Джо, и он поспешно закрыл глаза, ослепленный

этим ярким светом, но даже сквозь багровую темноту за ширмой опущенных век он продолжал видеть десятки самых невероятных возможностей, которые и пугали, и манили его.

– Не могли бы вы... описать ее?

– Маленькая, ладненькая девочка, совсем как куколка и прелестная, как бутон цветка, но в этом возрасте все дети очень милы, разве нет?

Джо открыл глаза и, увидев, что Барбара смотрит на него в упор, прочел в ее взгляде жалость и предостережение.

– Будь осторожен, Джо, – тихо сказала она. – Пустая надежда может жестоко обмануть.

Мерси, ничего не заметив, водрузила на проволочную подставку еще один противень, полный золотистых бисквитов.

– Какого цвета были у нее волосы?

– Светленькие, чуть выющиеся.

Еще не успев осознать, что он делает, Джо вскочил на ноги и шагнул к Мерси, которая деревянной лопаточкой снимала готовые печенья с остывшего противня и складывала их на тарелку.

– А какого цвета были у этой девочки глаза? – негромким, но напряженным голосом спросил Джо.

– Ну, этого я, пожалуй, не вспомню.

– Постарайтесь. Пожалуйста...

– Голубые, наверное, – подумав, сказала Мерси и поддела лопаточкой очередное печенье.

– Наверное?

– Она же была блондиночка.

Джо взял из рук удивленной Мерси лопаточку и отложил в сторону.

– Посмотрите на меня. Мерси. Это очень важно.

– Спокойнее, Джо! – снова предупредила его Барбара. – Держи себя в руках.

Джо знал, что она права. Безразличие было его единственной броней, его единственной защитой от жгучей, невыносимой боли. Оно было с ним постоянно, потому что только в нем Джо мог черпать утешение. Надежда представлялась ему птицей, которая в конце концов всегда вырывается из рук и улетает навсегда; светом, который обязательно гаснет; бременем, способным раздавить, когда уже нет сил его нести. Однако сейчас Джо чувствовал внутри напугавшую его самого безрассудную готовность взвалить на себя это бремя, ступить в полосу неверного, дрожащего света и тянуться, тянуться за сверкающими в вышине белыми крыльями.

– Мерси, – сказал он, – не у всех блондинок бывают голубые глаза, верно?

Завороженная его неожиданным пылом и силой чувств, Мерси Илинг повернулась и встала лицом к лицу с Джо.

– Ну... наверное, – согласилась она.

– У некоторых ведь бывают зеленые глаза?

– Точно.

– А если как следует подумать, то я уверен – вы вспомните, что встречали блондинок и с карими глазами.

– Наверное, но немного.

– Но все таки встречали, – настаивал Джо, в котором снова вскипело предчувствие. Его сердце вело себя совсем как норовистая лошадь, которая брыкается и бьет подкованными сталью копытами.

– Так вы уверены, что у этой маленькой девочки были голубые глаза? – спросил он.

– Нет, не уверена.

– Могли они оказаться серыми?

– Не знаю. – Мерси пожала плечами и бросила едва заметный вопросительный взгляд в сторону Барбары, но та ничего не сказала.

– Постарайтесь вспомнить.

На этот раз глаза Мерси устремились куда то в пространство, словно она старалась оживить в памяти полустершиеся образы, однако после секундного размышления она отрицательно покачала головой.

– Я не могу точно сказать. Может быть, и серые, а может – нет.

– Посмотрите на меня, Мерси. Какие у меня глаза?

Она посмотрела.

– Они серые, – с нажимом сказал Джо.

– Да, – неуверенно согласилась Мерси.

– Серые, но необычного оттенка.

– Да.

– С легкой примесью лилового.

– Пожалуй.

– Не вспомните ли вы, не такими ли были глаза у той девочки?

К этому моменту Мерси уже догадалась, какого ответа от нее ждут, хотя и не могла понять – почему. Она была доброй женщиной, и ее инстинктивным желанием было сделать ему приятное. Немного поколебавшись, она сказала:

– Честное слово, я не могу сказать наверняка.

Джо почувствовал, как внутри у него все холодеет, но сердце его продолжало биться с прежней силой и частотой, не желая расстаться с тщетной уже надеждой. Стараясь говорить спокойно, он положил руки на плечи Мерси и сказал:

– Постарайтесь представить себе лицо девочки. Закройте глаза и постарайтесь думать только о ней.

Она закрыла глаза.

– Ну? – с новым нетерпением спросил Джо. – Вы видите? На левой щеке, почти возле самого уха? Видите родинку?

Веки Мерси слегка вздрогнули: она искренне старалась подстегнуть свою память.

– Это скорее родимое пятнышко, а не родинка. Она совершенно плоская и не выступает над кожей. В форме полумесяца.

После долгих колебаний Мерси покачала головой.

– Может быть, у нее и была такая метка... Я просто не помню.

– А улыбку? Улыбку вы помните? Озорную, слегка кривоватую? Когда она улыбалась, у нее слегка приподнимался левый уголок губ.

– Насколько я помню, девочка совсем не улыбалась. Она была очень сонной... и слегка ошеломленной. И конечно, она очень устала, лапочка.

Джо лихорадочно порывался в памяти, не в силах припомнить ничего такого, что могло бы пробудить память Мерси Илинг. Он мог бы часами потчевать ее самыми подробными рассказами о непринужденной грации и врожденном очаровании своей дочери, о ее веселом, неунывающем нраве, о ее музыкальном смехе, который звучал колокольчиком всякий раз, когда ей удавалась какая нибудь проделка. Он мог бы долго описывать ее высокий выпуклый лоб, медно золотой оттенок бровей и ресниц, задорно вздернутый носик, изящно вырезанные уши, напоминающие самые изысканные раковины; не смог бы Джо умолчать и о пытливом блеске любопытных глаз, о глубоких замечаниях, свидетельствующих о не по годам развитом уме, а также о выражении хрупкости и затаенной внутренней силы на ее хорошеньком личике, которое не раз заставляло его сердце сжиматься от нежности, когда он смотрел на спящую дочь.

Но все это были субъективные впечатления, и, сколь подробны бы они ни были, сколькими деталями ни изобиловали бы, они все равно не могли навести Мерси на ответы, которые ему хотелось получить.

Он убрал руки с ее плеч.

Мерси открыла глаза и покачала головой.

Джо схватил со стола деревянную лопаточку, которую он взял у нее минутой раньше.

Снова положил. Он просто не знал, что ему делать дальше.

– Мне очень жаль, – сказала Мерси.

– Ничего ничего, просто я подумал... Я надеялся... Не знаю. Я сам не знаю, на что я надеялся.

Самообман никогда не удавался Джо. Он казался ему похожим на старый, скверно сидящий костюм со множеством прорех, сквозь которые проглядывает голое тело. Мерси Илинг еще могла обмануться, поскольку она сама этого хотела, но самого себя Джо обмануть не мог, и сквозь плохо скроенную ложь ему была хорошо видна беспощадная правда: он отлично знал, что он думал и на что надеялся. То, что с ним сейчас произошло, было лишь очередным проявлением поискового стереотипа, только теперь он не преследовал никого между стеллажами магазина, не высматривал воображаемую Мишель сквозь витрину супермаркета, не кидался к школьной ограде в надежде разглядеть Крисси среди толпы других девчушек, но все равно это была та же самая, застарелая и запущенная болезнь, которая гнездилась в самом его сердце. Одного упоминания об этой таинственной девочке, возраст и цвет волос которой по чистой случайности совпали с приметами его дочери, оказалось вполне достаточно, чтобы Джо, позабыв о логике и фактах, снова ринулся в безнадежную погоню за миражом.

– Мне очень жаль, Джо, – снова повторила Мерси Илинг, почувствовав, как стремительно изменилось его настроение. – Глаза, родинка, улыбка... во мне просто ничего не шевельнулось. Но я вспомнила ее имя. Рейчел называла девочку Ниной.

За его спиной Барбара встала так резко, что опрокинула стул.

Глава 12

Вода в водосточной трубе у заднего крыльца журчала и бурлила словно десятки возбужденных, сердитых голосов, которые – то гортанно рыча, то переходя на шепот, – выкрикивали ругательства и угрозы на неведомых языках.

Джо почувствовал, что у него подгибаются ноги, и схватился обеими руками за мокрые перила. Ветер, задувавший под козырек крыльца, швырял капли дождя прямо ему в лицо, но Джо не замечал ни холода, ни текущей по щекам воды.

Отвечая на его невысказанный вопрос, Барбара указала рукой на юго запад.

– Катастрофа произошла вон в той стороне.

– Как далеко?

– Наверное, в полумиле, если по прямой, – подсказала Мерси, стоявшая на пороге, теребя в руках фартук. – Или чуть дальше.

Роза Такер прошла через горящий луг и попала в лес, в котором огонь быстро погас, потому что прошлое лето выдалось сырым и дождливым. Напрягая зрение, чтобы разглядеть хоть что нибудь в темноте, она пробиралась сквозь редкий подлесок, стараясь держаться оленьих троп и травянистых полей, шагать по которым было не в пример легче, но даже там ползучие растения и некошенные травы обвивали ей ноги и затрудняли шаг. И почти всю дорогу – прежде чем Роза перевалила через цепь холмов – ей пришлось идти в гору и вести за собой, а скорее нести на руках маленькую девочку по имени Нина. Полмили по прямой, но если учесть рельеф местности и топографию извилистых оленьих троп, то ее путь мог оказаться втрое или даже вчетверо длиннее.

– Полторы две мили пешком, – задумчиво проговорил Джо.

– Невозможно, – упрямо тряхнув головой, сказала Барбара.

– Очень даже возможно. Она могла это сделать.

– Я не об этом. – Барбара повернулась к Мерси. – Миссис Илинг, вы оказали нам огромную помощь, действительно огромную, но... Могу я попросить вас оставить нас с партнером наедине на несколько минут? Нам надо обсудить одну важную проблему.

– Конечно, конечно, я все понимаю. Сколько хотите... – ответила Мерси и скрылась в кухне. Судя по всему, она была крайне заинтригована, но воспитание не позволяло ей

спросить, в чем дело. Уходя, она даже закрыла за собой дверь и оставила Барбару и Джо одних под навесом крыльца.

– Всего полторы мили...

– Да. По горизонтали – полторы мили, – согласилась Барбара и, шагнув вперед, положила руку на плечо Джо. – Но не забудь про те четыре мили, которые они падали вертикально, почти отвесно. Вот что я считаю невозможным, Джо.

Джо и сам мысленно сражался с той же самой проблемой. Чтобы допустить возможность того, что кто то мог уцелеть после такой жуткой катастрофы, требовалась вера сродни религиозной, а он отринул ее и по выбору, и по необходимости. Чтобы поверить в высшие силы, Джо должен был сначала увидеть смысл в страдании как первоосновы человеческого бытия, а он не мог этого сделать, как ни старался. С другой стороны, если предположить, что чудесное спасение Розы Такер явилось прямым следствием тех исследований и экспериментов, которыми она занималась в "Текнолоджик", и что человечеству вполне по силам безграничные, почти божественные возможности (Садрах спасает Садраха из печи огненной, а Лазарь поднимает Лазаря из могилы), то и это потребовало бы веры в то, что уже сам человеческий дух обладает необыкновенными и непредставимыми качествами... Такими, например, как Доброта и Созидательный Гений. Увы, за четырнадцать лет работы обозревателем уголовной хроники Джо узнал людей слишком хорошо, чтобы теперь преклонить колени пред алтарем первой Церкви Человека Богоравного. Он лучше – и, главное, нагляднее – многих представлял себе все новейшие "достижения" человечества и был уверен, что единственное, в чем человек проявил достойные восхищения упорство и смекалку, так это в совершении самых грязных, бесчестных, жестоких поступков, с неизбежностью подготавливавших его вечное проклятие. Лишь немногие люди – если таковые вообще существовали – способны были заслужить спасение.

Не опуская руки с его плеча, Барбара сказала сурово, но и с материнской заботой в голосе:

– Сначала ты хотел, чтобы я поверила в спасение Розы Такер. Теперь ты настаиваешь, что в этом аду уцелели двое. Нет, Джо, я сама ходила по этой бойне, я видела лужи крови и дымящиеся обломки, и я знаю, что существует всего один шанс из миллиарда, что кто то ушел с места катастрофы на своих ногах.

– Мне этого достаточно.

– Даже не из миллиарда – из сотен тысяч миллиардов, из триллионов, квадриллионов...

– Я это понимаю.

– Таким образом, шанса, что в катастрофе уцелели двое, не существует вообще! Это бесконечно малая, исчезающая величина, которую...

– Я многого не рассказал вам, – перебил ее Джо. – И большую часть из этого я никогда не расскажу, чтобы не подвергать вас опасности. Только одно... Роза Такер была крупным ученым. И на протяжении шести или семи последних лет она работала над каким то очень важным секретным проектом, который финансировался правительством или военными...

– Что это был за проект?

– Я не знаю. Но, прежде чем подняться на борт рейса 353 в Нью Йорке, Роза позвонила в Лос Анджелес своей близкой подруге репортеру и договорилась о том, чтобы та нашла нескольких надежных свидетелей и встретила ее в аэропорту. Роза Такер собиралась дать своей подруге сенсационное интервью, а в предварительном разговоре по телефону она намекнула, что везет с собой нечто такое, что изменит мир решительно и навсегда.

Барбара пристально всматривалась в его лицо, словно пытаясь определить, не шутит ли он. "Разве можно всерьез верить, что что то в состоянии изменить весь мир за одну ночь?" – говорили ее глаза, и Джо хорошо ее понимал. Барбара была женщиной рациональной до мозга костей; она была до такой степени привержена законам физики, механики и логики, что повлиять на ее точку зрения могли одни только факты, доказанные и подтвержденные факты. Весь жизненный опыт Барбары подсказывал ей, что правильное решение можно

найти только тогда, когда двигаешься медленно и осторожно, а все встретившееся подвергаешь тщательному и всестороннему анализу. Ее путь к окончательному результату неизменно состоял из бессчетного количества маленьких, но выверенных шажочков и шажков, каждый из которых тщательно рассчитывался и многократно проверялся. Будучи сначала сотрудником, а потом – старшим следователем Национального управления безопасности перевозок, Барбара привыкла иметь дело с головоломками, состоящими и в буквальном, и в переносном смысле из десятков и сотен тысяч фрагментов, и зачастую эти головоломки оказывались гораздо более сложными, чем те, с которыми сталкивались в своей работе полицейские детективы из отделов по расследованию убийств. И хотя в своей профессиональной деятельности Барбара не отрицала интуиции как таковой, она все же продолжала считать, что скрытые причины, руководившие поступками пилотов или вызвавшие сбой в работе оборудования, можно раскрыть только с помощью неспешного, методичного, упорного труда, и потому ее отношение к чудесам и озарениям было окрашено изрядной долей скептицизма.

Джо понял это по выражению ее глаз, поскольку работа журналиста – а журналистам порой приходилось предпринимать собственные расследования – была сродни тому, чем занималась Барбара Кристмэн.

– Во что ты хочешь, чтобы я поверила? – продолжала наседавать Барбара. – В то, что, когда самолет перевернулся и понесся к земле, Роза Такер достала из сумочки пластиковую бутылочку распылитель с новым таинственным снадобьем, которое делает человека неуязвимым, – наподобие крема от загара – и быстро обрызгала себя с ног до головы?

Джо едва не рассмеялся. Он не смеялся вот уже сто лет.

– Конечно, нет, Барбара, что вы!

– Тогда что там было?

– Не знаю. Чтонибудь.

– Звучит как большое ничто.

– Что то было, Барбара, я уверен, – настаивал Джо.

Теперь, когда отгремел гром и погасли огненные молнии, серо стальные тучи, столпившиеся на небосводе, казались ему почти красивыми.

Вдали, по прежнему укутанные туманом, темнели молчаливые и загадочные холмы – те самые, через которые в ту страшную ночь шла чудом уцелевшая Роза Такер.

Порывистый ветер заставлял кланяться и сгибаться осины и тополя, а над полегшей травой пастбищ кружились серые полотнища дождя, как будто ветер отплясывал тарантеллу.

Джо снова обрел надежду и теперь чувствовал себя почти хорошо. Да нет, что там – он просто превосходно себя чувствовал, но в этом крылась и опасность. Стремительный триумфальный взлет и несколько мгновений пребывания на вершине всегда оказывались слишком короткими, а после них начиналось такое же быстрое падение, завершавшееся ударом о землю – ударом тем более жестоким, чем выше ты взлетел.

Но никогда не иметь надежды было, наверное, стократ хуже.

Ожидание и вера в чудо переполняли Джо.

Одновременно он был напуган.

– Что то было... – повторил он.

* * *

Оторвавшись от перил, Джо прислушался к своим ощущениям. Ноги больше не подгибались, и он вытер мокрые ладони о джинсы. Воду с лица Джо вытер рукавом своей спортивной куртки.

– Каким то образом она спаслась, – упрямо повторил он, повернувшись к Барбаре. – Спаслась и прошла эти полторы мили до ранчо. Полторы мили за час с четвертью – это нормально, если учесть, что она шла в темноте и имела на своем попечении маленького ребенка, которого наверняка пришлось нести большую часть пути.

– Я очень не хочу быть той булавкой, которая испортит твой воздушный шар, Джо, но...
– Тогда не будьте ею.
– ...Но есть одна вещь, над которой тебе следует подумать как следует.
– Я слушаю.
Барбара поколебалась, но все таки решилась высказать свои сомнения вслух.
– Допустим – заметь, я говорю "допустим", – в катастрофе действительно кто то уцелел.
Допустим, эта женщина на самом деле была на борту рейса 353 и ее имя – Роза Такер.
Джеффу и Мерси она представилась как Рейчел Томас...
– Ну и что?
– Тогда почему она назвала настоящее имя девочки – Нина?
– Эти люди... они охотятся за Розой, не за Ниной. Нина им не нужна.
– Если они узнают, что Роза спасла девочку при помощи того самого гипотетического эликсира жизни, который она изобрела и который везла, чтобы предъявить на пресс конференции в Лос Анджелесе, тогда, как мне кажется, девочка представляет для них не меньшую опасность, чем сама Роза Такер.
– Возможно, вы правы... Но, откровенно говоря, сейчас мне все равно.
– Я к чему клоню... скорее всего она назвала бы Нину вымышленным именем.
– Не обязательно.
– Не обязательно, – согласилась Барбара. – Но это весьма вероятно.
– Так в чем же разница?
– В том, что Нина – это тоже выдуманное имя.
Джо вздрогнул, как будто кто то ударил его по лицу, и ничего не ответят.
– Может быть, девочку, которая побывала на ранчо, на самом деле зовут Сара, Мери или Дженифер...
– Нет, – твердо сказал Джо.
– Но она же назвала себя Рейчел...
– Если девочку звали по другому, то что заставило Розу Такер назвать ее именем моей дочери? Если это совпадение, то совпадение более чем удивительное.
– На борту рейса 353 могли быть две светловолосые девочки в возрасте до пяти лет.
– И обеих звали Нина? Это же смешно, Барбара!
– Если после катастрофы кто то остался в живых и если одной из уцелевших была маленькая светловолосая девочка, – сказала Барбара, – то тебе следует быть готовым к тому, что это не Нина.
– Я понимаю, – сердито отозвался Джо, которого злило, что Барбара заставила его признать возможность, от которой он старательно бежал. – Я все понимаю!
– Понимаешь?
– Конечно.
– Я беспокоюсь за тебя, Джо, – проговорила Барбара извиняющимся тоном.
– Спасибо, – с сарказмом ответил он.
– Нет, в самом деле. У тебя... душевная травма.
– Со мной все в порядке.
– А мне кажется, что ты уже надломлен и любой пустяк может тебя доконать.
Джо только пожал плечами.
– Посмотри на себя, – настаивала Барбара.
– Сейчас я чувствую себя лучше, чем когда либо. Лучше, чем за весь год.
– Но это может оказаться не Нина, и тогда...
– Это может быть и не Нина, – согласился Джо как можно спокойнее, хотя в душе он уже ненавидел Барбару за это упрямое, не знающее милосердия и пощады стремление настоять на своем. Вместе с тем Джо понимал, что она искренне озабочена его состоянием и что горькое лекарство, которое Барбара так настойчиво пыталась заставить его проглотить, должно было, по ее мнению, спасти его от полного уничтожения и распада в момент, когда все надежды, взлелеянные им вопреки логике и здравому смыслу, в конце концов рухнут. – Я

готов к тому, что это может быть не Нина, – твердо сказал Джо и посмотрел на Барбару. – Ну, теперь вы довольны? Уверяю вас, если дело обернется именно так, то я справлюсь и с этим.

– Ты так говоришь, но это неправда.

– Это правда! – ответил Джо, бросая на собеседницу свирепый взгляд исподлобья.

– Может быть, какаянибудь крошечная частица твоего сердца действительно понимает, что это может оказаться не Нина, но твое сердце сейчас отчаянно стучит, трепещет и переполняется убежденностью, что это именно твоя дочь, и никто иной.

Джо и в самом деле чувствовал, как его глаза начинают лихорадочно блестеть уже не в ожидании – в предвкушении чудесного воссоединения.

Глаза Барбары были, напротив, полны глубокой, почти бесконечной печали и сострадания, и это привело Джо в такую ярость, что он едва не ударил ее.

* * *

Мерси была занята тем, что катала небольшие шарики из смешанного с арахисовым маслом теста. Должно быть, сквозь стекло двери она видела, каким напряженным и эмоциональным был разговор между Джо и Барбарой, и в ее глазах, кроме разгоревшегося с новой силой любопытства, светилось еще и беспокойство. Возможно, она даже уловила несколько слов – дверь была достаточно тонкой.

Но это не помешало Мерси оставаться доброй самаритянкой. Иисус, Симон Петр и Андрей по-прежнему взирали на нее с августовской картинки в календаре, и она была полна желания помочь каждому, кто попал в беду.

– Девочка не сама назвала свое имя, – сказала Мерси. – Это Рейчел представила ее. За все время, пока они были здесь, бедное дитя едва ли сказало два словечка. Она была ни жива ни мертва от усталости и ужасно хотела спать, а тут еще эта неприятность с машиной... Должно быть, бедняжка совсем растерялась... Нет, девочка несколько не пострадала, не волнуйтесь. На ней не было ни царапинки, вот только личико стало совсем белым, что твой свечной воск, да и глазки смотрели так, словно она видела сны наяву, и снился ей какой-то волшебный мир... Это было очень похоже на транс или гипноз, который по телевизору показывают, и я сначала забеспокоилась, но Рейчел сказала, что все в порядке. Она все таки доктор, эта Рейчел, вот я и решила, что ей виднее, и перестала волноваться. И правда, маленькая куколка проспала в машине всю дорогу до Пуэбло, так что к концу поездки она, наверное, уже совсем оправилась.

Скатав из теста очередной шарик, Мерси положила его на противень и слегка прижала большим пальцем. В образовавшуюся впадину она положила три размоченные изюминки.

– Рейчел рассказывала мне, что ездила в Колорадо Спрингс на выходные, чтобы повидать родных, а девочку взяла с собой, потому что ее отец и мать отправились в небольшое путешествие по случаю годовщины свадьбы. Во всяком случае, я так поняла, – добавила Мерси извиняющимся тоном и, взяв с полки плотный пакет из промасленной бумаги, стала укладывать туда готовые румяные печенья, остывавшие на большом блюде. – Ничего странного нет... – сказала она неожиданно и тут же пояснила: – Я имею в виду, что черный доктор и белый доктор вместе держат практику. И что черная женщина разъезжает с белым ребенком – тоже. В наших краях это никакая не редкость. Я думаю, все это означает, что мир наконец-то становится не таким жестоким и более терпимым.

Наполнив пакет, она дважды перегнула его горловину и вручила Барбаре.

– Спасибо, Мерси.

Мерси кивнула и несколько церемонно обратилась к Джо:

– Мне очень жаль, что я не сумела помочь вам, сэр.

– Вы очень нам помогли, – заверил ее Джо. – Огромное вам спасибо. И за печенье тоже.

Мерси слегка смутилась и посмотрела в кухонное окно, которое выходило не на задворки, а находилось на боковой стене дома. Сквозь залитое водой стекло была видна одна из многочисленных конюшен.

– Даже одно печенье может подбодрить человека, правда? – спросила она. – Но мне бы очень хотелось, чтобы сегодня я могла сделать для Джеффа что-то большее, чем торчать на кухне и возиться с тестом и противнями. Он очень любит эту кобылу.

Бросив взгляд на религиозный календарь, Джо осмелился наконец задать вопрос, который вот уже некоторое время вертелся у него на языке.

– Скажите, Мерси, как вам удастся не утратить веры? Как?! Ведь вы живете в мире, где столько жестокости и несправедливости, где самолеты падают с небес, а любимые лошади вдруг умирают ни с того ни с сего?

Вопрос, заданный с неожиданной для него самой горячностью, казалось, несколько не смутил и не обидел Мерси.

– Не знаю, – просто ответила она, слегка пожимая плечами. – Вы правы: иногда действительно приходится нелегко. Когда-то я сильно горевала, что мы с Джеффом не можем иметь детей: у меня был выкидыш за выкидышем, и ничто не помогало... ну а потом я просто сдалась. Даже сейчас такое порой накатывает, что хочется завывать на луну, но чаще просто лежишь и не можешь уснуть, и все думаешь, думаешь... И вот недавно мне пришло в голову, что в жизни есть не только печаль, но и радость, потому что этот мир – просто место, которое мы проходим на пути к чему-то лучшему. Если каждый из нас может жить вечно, то все, что происходит с нами здесь и сейчас, не должно иметь большого значения.

Джо был слегка разочарован ее словами. Он надеялся на более интересный ответ – на откровение, на озарение, на сермяжную правду, на что-то, во что он и сам мог бы поверить.

– Больная лошадь имеет для Джеффа огромное значение, – сказал он. – И для вас тоже, потому что она так много значит для него. Как же так, Мерси?..

Взяв из кастрюли еще один кусок теста, быстро превратившийся под ее ловкими руками в бледную, как зимняя луна, крошечную планету, Мерси улыбнулась его словам, словно он был неразумным ребенком.

– Если бы я знала ответ, Джо, то я была бы не Мерси Илинг, а была бы я самим Господом Богом. Но, поверьте, если бы кто-то и предложил мне эту должность, я бы отказалась.

– Почему? – поинтересовался Джо.

– Да потому что Богу бывает еще грустнее, чем нам, особенно когда Он смотрит на нас, на детей своих неразумных. Он-то знает, на что мы способны, но что Он видит? Он видит, как мы тратим себя на пустяки, видит, как мы жестоки друг к другу, видит нашу ложь, ненависть, зависть, жадность и сребролюбие. Мы видим только те мерзости, которые творятся с нами и вокруг нас, но Он-то видит все сразу. И поверьте, Джо, оттуда, откуда Он взирает на нас, открывается очень печальная картина!

Она положила маленький шарик на противень и, прижав его пальцем, украсила сверху крупной изюминкой, а Джо вдруг подумал, какое это удовольствие для будущего печенья: ждать пока тебя поджарят и съедят, чтобы и ты мог поднять кому-то настроение.

* * *

Многоместный "Чероки" ветеринара, с задним откидным бортом, все еще стоял на подъездной дорожке перед "Эксплорером" Барбары. На заднем сиденье машины врача лежала поджарая веймарская гончая. Услышав, как Джо и Барбара хлопнули дверцами, пес приподнял благородную, серебристо-серую голову и пристально поглядел на них сквозь заднее стекло джипа.

К тому времени, когда Барбара вставила в замок ключ зажигания и запустила мотор, влажный воздух в салоне уже успел пропитаться запахами их промокшей одежды и хрустящих бисквитов с арахисовым маслом, а остывшее лобовое стекло почти сразу запотело от их дыхания.

– Если это Нина, твоя Нина, – сказала Барбара, дожидаясь, пока двигатель прогреется и обдует стекло горячим воздухом, – тогда где же она была весь этот год?

– С Розой Такер.

– Тогда почему Роза не сообщила тебе, что твоя дочь жива? К чему такая жестокость?

– Это не жестокость. Вы сами ответили на этот вопрос, когда мы разговаривали на заднем крыльце.

– Почему то мне кажется, Джо, что ты прислушиваешься ко мне только тогда, когда это совпадает с твоими желаниями.

– Я думаю, – медленно сказал Джо, – что теперь, поскольку Нина спаслась вместе с Розой Такер – спаслась благодаря Розе Такер, – ее враги не прочь заполучить и Нину тоже. Если бы она отослала девочку ко мне, Нина тоже стала бы объектом охоты. С Розой она в большей безопасности.

Жемчужно серая пленка конденсата медленно отступала к краям ветрового стекла, и Барбара включила "дворники".

Гончая ветеринара, не вставая со своей мягкой лежанки на заднем сиденье, продолжала внимательно наблюдать за ними из джипа. Время от времени глаза собаки вспыхивали янтарно желтым огнем.

– Роза продолжает оберегать ее от преследователей, – повторит Джо. – Вот почему я должен узнать о рейсе 353 абсолютно все, чтобы предать гласности обстоятельства его гибели. Когда все откроется и те подонки, которые это организовали, окажутся на пути в тюрьму или в газовую камеру, тогда Розе Такер больше ничего не будет угрожать и Нина... вернется ко мне.

– Если это твоя Нина, – напомнила ему Барбара.

– Если это она, – согласятся Джо.

Провожаемые подозрительным взглядом собаки, они развернулись в конце подъездной дорожки, обогнув клумбу синих и лиловых дельфиниумов, и медленно двинулись к выезду с ранчо.

– Может быть, стоило попросить Мерси, чтобы она помогла нам найти дом в Пуэбло, где она высадила Розу Такер и девочку? – спросила Барбара.

– Бесполезно, – отозвался Джо. – Я почти уверен, что там мы ничего не узнаем. Роза даже не входила в этот дом. Как только Мерси отъехала, она тут же направилась в противоположную сторону. Думаю, Роза воспользовалась любезностью Мерси, чтобы добраться до ближайшего достаточно крупного городка, где она могла бы, не привлекая к себе внимания, сесть на поезд или арендовать машину. Возможно, Роза даже позвонила в Лос Анджелес своим друзьям, которым она могла доверять. Кстати, сколько человек живет в Пуэбло?

– Откуда я знаю? Тысяч сто.

– Ну что ж, это достаточно большой город. Главное, из него можно выбраться сразу несколькими способами. Возможно, они даже рискнули снова воспользоваться самолетом.

Проезжая мимо конюшен, Джо увидел трех мужчин в черных дождевиках с надвинутыми капюшонами, которые как раз выходили из стойла. Это были Джефф Илинг, Нед и ветеринар. Обе створки голландской двери они оставили открытыми, но никакая лошадь не вышла из бокса следом за ними. Все трое сильно сутулились и наклоняли головы, словно монахи на молитве, однако не нужно было быть ясновидящим, чтобы догадаться, что дождь здесь ни при чем. Тяжесть поражения – вот что пригибало их к земле.

Джо хорошо представлял себе, что за этим последует. Ветеринар, а может быть, сам Джефф Илинг позвонит на живодерню и попросит забрать свою любимую кобылу, чтобы там ее "оприходовали" в соответствии с существующим порядком, а сегодняшний день станет еще одним летним днем в истории ранчо "Мелочи жизни", который его обитатели никогда не смогут забыть. Впрочем, Джо искренне верил, что ни годы, ни тяжелый труд и отсутствие детей не смогли заставить Джеффа и Мерси отдалиться друг от друга, и был уверен, что сегодня вечером они снова будут искать друг у друга утешения и поддержки.

Тучи оставались все такими же угрюмыми и плотными, и темнота даже не думала рассеиваться. Перед тем как вырулить на шоссе, Барбара включила фары и их серебристые лучи пронзили дождливый мрак, словно блестящие фленшерные ножи.

* * *

Лужи на игровой площадке, возле которой Джо оставил свой "Форд", образовали уже целую систему неглубоких озер, которые, наполняясь, сливались друг с другом, постепенно завоевывая все большее пространство. В промытом сером свете, поднимавшемся от рябившей под дождем воды, качающиеся брусья, кольца и качели казались Джо совсем не похожими на гимнастические снаряды, а напоминали некий новый Стоунхендж – капище Нового Века, еще более мрачное и загадочное, чем сложенные из многотонных каменных плит доисторические дольмены равнины Солсбери.

Но, куда бы он ни посмотрел, окружающий мир казался ему совсем не таким, в каком Джо прожил всю свою жизнь. Перемены начались вчера, в тот самый день, когда он отправился на кладбище, и с тех пор все окружающее продолжало меняться со все возрастающей скоростью, как будто Земля, жившая по эйнштейновским законам, вдруг столкнулась с другой вселенной, где все законы, управляющие поведением энергии и материи, были совершенно иными, способными поставить в тупик самых талантливых математиков и физиков.

Джо не мог не признать, что новая, окружившая его реальность была гораздо прекрасней той, которую она сменила, но вместе с тем она внушала ему почти мистический страх. Он знал, что перемена эта была по большей части субъективной, однако это вовсе не значило, что он мог по своему желанию отменить ее или заставить события повернуть вспять. Теперь – особенно после того, как он на собственном опыте убедился, что под самой гладкой, самой плоской поверхностью может скрываться таинственная, никем не измеренная пропасть, – Джо был уверен только в одном: ничто из того, что предшествует смерти, не может быть скучным и простым.

Барбара остановила свой "Эксплорер" возле его арендованного "Форда", в двух кварталах от своего дома.

- Ну что ж, – сказала она, – пожалуй, здесь мы расстанемся.
- Спасибо, Барбара, вы так рисковали из-за меня...
- Пусть тебя это не беспокоит, Джо, слышишь? Я сама так решила.
- Если бы не ваше мужество, Барбара, у меня не было бы ни малейшего шанса разобраться в этой... в этом преступлении. Вы вывели меня на дорогу и указали направление.
- На дорогу к чему? – с легким беспокойством спросила она.
- Не знаю. Может быть – к Нине.

Барбара покачала головой. Она выглядела очень печальной, усталой и испуганной. Потом она провела рукой по лицу, и выражение усталости куда-то пропало, остались только страх и печаль.

– Выслушай меня, Джо, и запомни, что я скажу. И куда бы ты отсюда ни поехал, пусть мой голос постоянно звучит у тебя в голове. Я знаю, что надоела тебе до чертиков, но все равно я повторю еще раз то, что говорила неоднократно на протяжении последних двух часов. Даже если после катастрофы каким-то волшебным образом уцелели два человека, то очень маловероятно, что одним из них была твоя Нина. Не стоит взваливать на себя ответственность за весь мир, и не надо самому себе подрезать сухожилия.

Джо кивнул.

– Обещай мне, – требовательно сказала Барбара.

– Обещаю.

– Ее нет, Джо...

– Может быть.

– Будь к этому готов.

– Постараюсь.

– А теперь тебе пора идти.

Джо открыл дверцу и вышел в дождь.

– Желаю удачи, – сказала Барбара.

– Спасибо.

Он захлопнул дверцу, и Барбара тут же отъехала.

Он уже отпирал свой "Форд", когда впереди скрипнули тормоза. Подняв голову, Джо увидел, что "Эксплорер" возвращается задним ходом. Его красные задние огни горести на мокрой мостовой.

Распахнув дверцу, Барбара выскочила из машины и, шагнув к нему, крепко обняла.

– Ты замечательный человек, Джо Карпентер.

Джо обнял ее в ответ, но слова не шли на ум, и он промолчал. Потом Джо вспомнилось, как сильно ему хотелось ударить ее там, на крыльце, когда она продолжала упрямо настаивать на том, что Нина скорее всего умерла. Теперь ему было стыдно за себя, за свою неожиданную ненависть, а столь откровенное проявление дружеских чувств смутило его еще и потому, что, когда он впервые нажимал на звонок у дверей дома Барбары, он не мог и предположить, что ее поддержка и дружеское участие будут значить для него так много – гораздо больше, чем он мог ожидать.

– Любопытно, как это получилось, – сказала Барбара. – Я узнала тебя всего несколько часов назад, а провожаю словно родного сына.

С этими словами она вернулась в машину и захлопнула дверцу.

Джо забрался в свой "Форд" и, глядя в зеркало заднего вида, следил за тем, как удаляются задние огни "Эксплорера". Наконец Барбара свернула на свою подъездную дорожку и исчезла в гараже.

Мокрые стволы берез на противоположной стороне улицы ярко белели в дождливой темноте, а густой мрак в промежутке между ними напоминал открытые ворота в неведомое и опасное будущее.

* * *

Джо торопился в Денвер и гнал машину, не обращая внимания на ограничение скорости. Одежда его промокла насквозь, и он попеременно включал то "печку", то кондиционер, надеясь просохнуть до приезда в аэропорт.

Ни холода, ни жары он не чувствовал – надежда отыскать Нину полностью владела им.

Несмотря на данное Барбаре обещание, он продолжал считать, что его дочь жива, и это было единственной вещью в новой, измененной реальности, которая казалась ему абсолютно правильной. Нина жива, Нина где-то поблизости, и скоро он увидит ее. Она была его маленьким солнцем, ласкавшим тело и согревавшим душу; она была везде, и, хотя Джо не мог видеть ее саму – как не видны ультрафиолет или инфракрасные лучи, – он замечал, как присутствие Нины освещает весь мир, согревает его и заставляет оживать.

Это новое чувство несколько не напоминало зловещие ощущения, которые частенько заставляли Джо бросаться в погоню за призраками. Тлевшая в его душе надежда превратилась в нечто осязаемое и больше не проскальзывала между пальцами, как дым или туман.

Джо был почти счастлив – точнее, ближе к счастью, чем когда бы то ни было на протяжении года, однако каждый раз, когда его сердце слишком переполнялось радостью, острое чувство вины ставило все на свои места. Даже если он найдет Нину – когда он ее найдет, как позволил себе думать Джо, – ни Крисси, ни Мишель ему уже не вернуть. Они были потеряны для него навсегда, и Джо казалось непростительным эгоизмом радоваться тому, что ему удалось вернуть себе одного близкого человека из троих.

Вместе с тем желание знать правду, которое и привело Джо в Колорадо, несколько не ослабело и почти равнялось лихорадочно жгучему стремлению разыскать свою младшую дочь, которое теперь бушевало в груди Джо с силой, намного превосходящей обычное безумие и обычную одержимость.

В аэропорту Денвера Джо вернул арендованный автомобиль, оплатил счет, а в обмен

получил подписанную им залоговую квитанцию на кредитную карточку. До рейса оставалось еще пятьдесят минут.

Прохаживаясь по залу ожидания, Джо понял, что умирает от голода. Ничего удивительного в этом не было, поскольку, если не считать пары печений и чашки кофе, которыми угостила их Мерси Илинг, он ничего не ел со вчерашнего вечера, когда по пути в дом Норы Ваданс сжевал на ходу два чизбургера и – несколько позднее – шоколадный батончик.

В аэропорту было несколько кафе, и Джо направился к ближайшему из них. Там он заказал двойной сандвич, тарелку картошки фри по французски и бутылку пива.

Никогда еще ветчина не казалась ему такой вкусной. Расправившись с бутербродом, Джо облизал с пальцев майонез и приступил к хрустящей картошке с маринованным укропом, из которого брызгали во все стороны крошечные капельки пахучего сока. Пожалуй, впервые с того, прошлого августа Джо не просто поглощал пищу, а наслаждался ею.

Джо подошел к посадочным воротам, имея в запасе двадцать минут, но тут его внезапно затошнило с такой силой, что он почти бегом бросился к мужскому туалету. Когда он ворвался внутрь и заперся в кабинке, тошнота странным образом прошла, и, вместо того, чтобы скорчиться над унитазом, Джо привалился спиной к запертой дверце и заплакал.

Он не плакал уже несколько месяцев, и ему было непонятно, что заставило его так горько рыдать именно сейчас. Может быть, он плакал от предчувствия счастья и скорой встречи с Ниной, а может быть, потому, что боялся никогда не найти ее или потерять во второй раз. Не исключено, что он заново оплакивал потерю Мишель и Крисси, или же на него так сильно подействовало то, что он узнал о судьбе рейса 353 и его пассажиров.

Скорее всего на него обрушилось все сразу.

Джо понял, что теряет контроль над своими чувствами и эмоции захлестывают его, и приложил все усилия, чтобы совладать с ними. Не много же от него будет толку, если он позволит себе так стремительно переходить от эйфории к отчаянию!

С покрасневшими от слез глазами, но уже вполне владея собой, Джо поднялся на борт самолета, следующего рейсом до Лос Анджелеса в тот самый момент, когда пассажиров в последний раз попросили занять свои места.

Когда "Боинг 737" оторвался от взлетной полосы, сердце Джо застучало так громко, что ему показалось, что сейчас его услышат все пассажиры в салоне. Непроизвольно он вцепился руками в подлокотники кресла, ибо в какое то мгновение ему показалось, что он сейчас упадет головой вперед – упадет и больше не поднимется. Когда головокружение прошло, Джо понял, в чем дело: он отчаянно боялся подниматься в воздух. Во время полета в Денвер он ни капли не трусил, но сейчас его охватил самый настоящий, первобытный ужас, и объяснение этому могло быть только одно. Случись что с самолетом по пути на восток, и Джо только приветствовал бы свою смерть – так велики были его отчаяние и чувство вины перед погибшей семьей, но сейчас, когда "Боинг" взял курс на запад, он не мог позволить себе погибнуть даже в силу нелепой случайности. Теперь у него появилась цель, ради которой он должен был, обязан был жить.

К счастью, страх и острое чувство опасности скоро притупились, но, даже когда самолет набрал расчетную высоту и выровнялся, Джо продолжал нервничать. Он слишком хорошо представлял себе, как один пилот поворачивается к другому и спрашивает: "Мы записываем?.."

* * *

Как Джо ни старался, ему так и не удалось выбросить из головы последние слова Делроя Блейна, поэтому он вытащил из внутреннего кармана куртки три сложенных листка бумаги и развернул их на коленях. Он надеялся, что, просмотрев их еще раз, сможет увидеть что то такое, чего ни он, ни Барбара не заметили. Кроме того, Джо казалось, что ему удастся быстрее оправиться со страхом, если он сумеет чем то занять свой мозг. Правда, стенограмма

последнего разговора погибших летчиков вряд ли для этого подходила, но ничего лучшего у Джо все равно не было.

Рейс, которым летел Джо, был не из самых популярных, и салон самолета был заполнен примерно на две трети. Рядом с Джо, сидевшим возле самого окна, было свободное место, обеспечивавшее ему необходимое уединение, и, попросив стюардессу принести ему ручку и блокнот, он начал заново перечитывать расшифровку.

Бегло проглядев запись, Джо начал читать расшифровку внимательнее, выписывая слова Блейна в блокнот, чтобы не отвлекаться ни на панические реплики Санторелли, ни на сделанные Барбарой пометки, касающиеся пауз и других звуков. Он надеялся, что очищенный от посторонних наслоений монолог командира экипажа поможет ему увидеть новые нюансы, которые в диалоге просто не бросались в глаза.

Когда работа была закончена, Джо убрал расшифровку в карман и стал читать то, что у него получилось.

– Одного из них зовут доктор Луис Блом.

– Второго зовут доктор Кейт Рамлок.

– Мы записываем?

– Они делают мне больно.

– Они мучают меня.

– Заставь их перестать делать мне больно!

– Мы записываем?

– Мы записываем?..

– Заставь их прекратить, иначе, когда у меня будет возможность... когда у меня будет возможность, я их всех убью. Всех! Я хочу это сделать и сделаю! Я убью всех и буду только рад.

– Вот потеха!

– Ух ты!!!

– Уа а а а а! Вот и мы! Вот и мы, доктор Рамлок и доктор Блом! У у у у!!!

– Уа а а а а! Мы записываем?..

– Мы записываем?

– Ух ты! О па!

– О да а...

– Ух ты ы!!!

– Гляди! Ща ка ак...

– Здорово!

Ничего нового Джо так и не увидел, однако некоторые особенности странного монолога Блейна, которые он подметил раньше, стали в этом сокращенном варианте более очевидными. Несомненно, командир экипажа говорил голосом взрослого человека, однако содержание его реплик казалось почти детским.

– Они делают мне больно. Они мучают меня. Скажи им, пусть перестанут. Скажи им!

Пожалуй, ни один взрослый, прося помощи или жалуясь на своих мучителей, не стал бы так строить фразы и пользоваться подобным набором слов.

Его самая длинная реплика, его угроза всех поубивать и радоваться этому тоже была детской, особенно в сочетании с последовавшим: "Вот потеха!"

– Уа а а а а! Вот и мы!.. У у у у!!! Ух ты ы!!! О па!

Блейн воспринимал грозящее ему гибелью падение самолета точь в точь как мальчишка, оказавшийся на мчащейся вниз тележке "американских горок". Барбара утверждала, что в голосе капитана не было страха, и Джо видел, что и в словах его страха было не больше.

– Гляди! Ща ка ак...

Эти слова были произнесены за три с половиной секунды до удара о землю, так что Блейн наверняка видел, как, словно черный мак, раскрывается под ними ночной ландшафт. В последнем его восклицании тоже не было ужаса – одно лишь восхищение и восторг.

– Здорово!..

Джо разглядывал это последнее слово до тех пор, пока его самого не отпустила дрожь страха и он смог размышлять о нем более или менее хладнокровно.

– Здорово!..

До самого конца Блейн реагировал на происходящее как мальчишка, попавший в парк развлечений. По всему было видно, что о пассажирах и об экипаже он заботится не больше, чем жестокий и беспечный подросток, сжигающий на спичке паука или муху.

– Здорово!..

Но даже самый беззаботный и беспечный подросток – настолько эгоистичный, насколько только может быть очень молодой и незрелый человек, – должен был в конце концов испугаться. Хотя бы за себя. Даже самый решительно настроенный самоубийца, прыгнув с балкона высотного здания, обязательно вскрикивает от ужаса или запоздалого сожаления, падая вниз, к мостовой. Но капитан Блейн, наблюдая надвигающееся на него небытие, не проявлял ни малейших признаков беспокойства; напротив, ему это явно нравилось, словно он достоверно и точно знал, что лично ему ничего не грозит.

– Здорово!..

Делрой Блейн – образцовый семьянин, верный муж и отец, верующий мормон. Сострадательный, добрый, справедливый, невозмутимый. Здоровый как бык. Счастливым как черт знает кто. Человек, добившийся в жизни всего, чего хотел.

Анализ на алкоголь и наркотики тоже ничего не дал.

Что же все таки случилось?

– Здорово!..

Джо охватил внезапный приступ бессильного гнева. Он не был направлен против капитана Блейна, который, вне всякого сомнения, тоже оказался жертвой, хотя поначалу Джо в этом сомневался. Нет, это был беспричинный и яростный гнев, который Джо порой испытывал в детстве и юности, гнев, не направленный ни на кого конкретно, и поэтому опасный, как перегретый пар в котле, в котором засорились все клапаны.

Джо не глядя сунул блокнот в карман куртки.

Руки его сами собой сжались в кулаки, и разжать их было уже невозможно. Джо хотелось одного: бить и крушить – безразлично кого или что – до тех пор, пока противник не рухнет бездыханным. Бить, покуда из разбитых пальцев не потечет кровь. Или пока он сам не упадет замертво.

Эти приступы слепой ярости всегда напоминали Джо о его отце.

* * *

Фрэнк Карпентер не был ни скандалистом, ни домашним тираном. Напротив. Голос он повышал только тогда, когда с его губ срывалось радостное или удивленное восклицание. По натуре он был человеком добрым, отзывчивым и оптимистичным, что было довольно странно, если учесть, каким жестоким и незаслуженным испытаниям подвергла его судьба.

В силу именно этого обстоятельства Джо постоянно был в ярости из за него.

Он совершенно не помнил того времени, когда его отец не был безногим калекой.

Левую ногу Фрэнк потерял, когда в его автомобиль на полном ходу врезался пьяный девятнадцатилетний подонок. Джо было тогда всего три года.

Фрэнк и Донна, мать Джо, поженились, не имея за душой ничего, кроме скромной зарплаты и поношенной рабочей одежды. Чтобы сэкономить хоть немного денег, они застраховали свой автомобиль только на случай, если ими будет причинен какой нибудь ущерб другому лицу. У пьяного водителя грузовика не было никаких доходов, поэтому за увечье Фрэнка они не получили никакой компенсации.

Ногу отцу Джо ампутировали чуть выше колена. В те времена еще не существовало легких и удобных протезов, а искусственная нога, способная стигаться в колене, стоила очень дорого. Фрэнку пришлось обходиться костылями, но он не унывал и вскоре научился

так ловко управляться с ними, что частенько шутил насчет участия в марафонском пробеге.

Джо никогда не стыдился отцовского увечья. Для него он был не жалким одноногим человеком со смешной подпрыгивающей походкой, а неистощимым рассказчиком сказок и историй, которые Джо обожал слушать на ночь, неутомимым игроком в "дядюшку Уиггли" и другие замечательные игры и даже терпеливым и внимательным тренером по софтболу.

Первая серьезная драка, в которую Джо ввязался из-за отца, случилась когда, ему было шесть и он учился в первом классе начальной школы. Один из одноклассников Джо, по имени Лес Ольнер, назвал Фрэнка "глупым старым калекой", и Джо не вытерпел. Ольнер был не только известным задирой – он был тяжелее и сильнее Джо, однако ни вес, ни сила, помноженные на репутацию первого хулигана и драчуна, не помогли ему противостоять звериной ярости, которая охватила его щуплого противника. Джо задал Лесу хорошую трепку и уже собирался вырвать противнику глаз, чтобы он на собственной шкуре узнал, каково это – жить с одним здоровым органом вместо положенных двух, но подоспевшие учителя оттащили Джо прежде, чем он успел осуществить свое намерение.

Он не раскаивался тогда и даже теперь вспоминал о своем поступке без сожаления. Вместе с тем Джо никогда не гордился тем, что совершил. Ему было вполне достаточно сознания своей правоты.

Донна знала, как расстроится Фрэнк, если узнает, что сын попал из-за него в беду. Она сама придумала для Джо наказание и сама привела его в исполнение. Вместе с Джо им удалось скрыть от Фрэнка правду.

Так было положено начало тайной жизни Джо – жизни, наполненной тихой яростью и вспышками насилия, которые были не такими уж редкими. Джо рос в постоянной готовности к драке; несколько позднее он уже сам начал искать, кому следует начесать холку за непочтение к отцу, и такие люди, как правило, в конце концов находились. Правда, при всей своей бешеной ярости Джо вел себя достаточно предусмотрительно и всегда выбирал для выяснения отношений с врагом время и место так, чтобы отец ни о чем не узнал.

До аварии Фрэнк работал кровельщиком, но на одной ноге по лестницам не полазишь и по стропилам не попрыгаешь. Жить на государственное пособие по инвалидности ему было противно, однако некоторое время он скрепя сердце получал эти не Бог весть какие деньги, пока ему не пришло в голову использовать свои знания и талант резчика по дереву в качестве главного средства добывать себе хлеб насущный. Он изготавливал шкатулки, табакерки, подставки для настольных ламп и другие замечательные вещи, покрывал их затейливой резьбой или инкрустировал экзотическими породами дерева, а потом отправлял в магазины, которые торговали подобными безделушками. Работы Фрэнка распродавались достаточно хорошо, и вскоре он зарабатывал на несколько долларов больше, чем давало ему государственное пособие по инвалидности, от которого он немедленно отказался.

Донна работала швеей в химчистке, в перечне услуг которой был и мелкий ремонт одежды, и, когда она возвращалась домой, волосы ее были все в мелких кудряшках от постоянной влажности и пахли бензином, нашатырем и другими органическими растворителями. До сих пор, когда Джо входил в такую химчистку, ему достаточно было один раз вдохнуть воздух, чтобы вспомнить мать, представить себе запах ее волос и словно наяву увидеть ее светло карие глаза, которые, как он считал в детстве, были сначала темными, но потом обесцветились и полиняли под действием пара и химикатов.

Но беды семьи Карпентеров, как выяснилось, только начинались. Через два года после того, как он потерял ногу, Фрэнк начал страдать от боли в суставах пальцев, которая со временем перекинулась на запястья. Диагноз был неутешительным – врачи определили прогрессирующий ревматический артрит.

Ревматический артрит и без того считается достаточно тяжелым заболеванием, однако у Фрэнка он развивался с пугающей быстротой. Прошло совсем немного времени, и болезнь поразила сначала шейные позвонки, потом плечи, бедра и единственное оставшееся колено.

Вырезать по дереву Фрэнк больше не мог. Он по-прежнему мог рассчитывать на пособие по инвалидности и другие социальные льготы, однако выплаты были совсем

незначительными, к тому же получение их неизменно сопровождалось бесконечными бюрократическими проволочками и унижениями, на которые чиновники службы социального страхования оказались непомерно щедры.

Существовала и церковная благотворительность, которая стараниями приходского священника была более душевной и не такой унижительной. Фрэнк и Донна были ревностными католиками, и Джо покорно ходил с ними к мессе и причастию, хотя верующего из него так и не получилось.

Через три года после потери ноги Фрэнк оказался прикован к инвалидному креслу.

В те времена бурно развивающаяся медицина еще не знала тех действенных способов лечения острого ревматического артрита, какие появились в последние время – почти через тридцать лет. Ни о бесстероидных противовоспалительных препаратах, ни об инъекциях солей золота, ни о пенициламине тогда еще и слухом не слыхивали, и болезнь отца Джо стремительно превращалась в остеопороз. Хроническое воспаление поражало костную ткань и сухожилия, в то время как мышцы продолжали атрофироваться, а суставы распухали и мучительно ныли. Существовавшие в то время препараты могли только замедлить, но не остановить патологическую деформацию суставов и потерю способности двигаться.

В тринадцать лет Джо уже ежедневно помогал отцу одеваться и купал его, пока мать была на работе. Он не роптал; к своему несказанному удивлению, Джо обнаружил в себе довольно таки значительные запасы нежности и терпения, более или менее уравнивавшие его неостывающую злость на Бога, а эту последнюю Джо щедро расходовал на тех своих одноклассников, которым не посчастливилось попасть ему под горячую руку. Сам Фрэнк довольно долгое время стеснялся того, что ему приходится полагаться на сына в таких интимных вещах, как купание и туалет, однако даже для двоих это была нелегкая задача, и в конце концов отец смирился с помощью. Сын и отец стали еще ближе друг другу.

К тому времени, когда Джо исполнилось шестнадцать, у Фрэнка развился фиброзный анкилоз. Суставы полностью утратили подвижность и распухли, на некоторых из них образовались ревматические узлы. На правом запястье выросла шишка размером с мяч для гольфа, а левый локоть был изуродован опухолью еще большего размера – совсем как софтбольтный мяч, который шестилетний Джо когда то бросал на заднем дворе.

Джо часто казалось, что только его успехи поддерживают жизнь отца, и поэтому он старался изо всех сил и вскоре стал круглым отличником, хотя значительную часть времени у него отнимала работа на полставки в "Макдональдсе". Кроме учебы, он увлекался и футболом и считался лучшим трехчетвертным школьной команды. Успех дался ему нелегко, но всего этого Джо добился без малейшего давления со стороны отца. Им двигала одна лишь любовь.

Летом того же года Джо поступил в боксерскую школу, которую в рамках своей благотворительной спортивной программы открыла Ассоциация молодых христиан. Несмотря на свои шестнадцать лет, он быстро освоил основные приемы, а тренер, которому Джо приглянулся своим бойцовским характером, даже сказал однажды, что у него определенно есть талант к этому виду спорта.

Характер у Джо действительно был, и проявился он в первых же пробных поединках, когда даже после того, как его противник пропускал нокаутирующий удар и повисал на канатах, Джо продолжал работать кулаками в полную силу. Каждый раз его приходилось буквально оттащить от беззащитных соперников, для которых бокс был только спортом, одной из разновидностей активного отдыха. Для него же это была разрядка, способ истратить, выпустить наружу скопившиеся в душе горечь и гнев. Джо вовсе не стремился причинить боль кому то конкретному, но он причинял боль, и впоследствии ему запретили выступать на ринге.

Ревматический артрит Фрэнка тем временем осложнился хроническим перикардитом, приведшим к вирусной инфекции околосердечной сумки. Сердце не выдержало и остановилось.

Фрэнк умер за два дня до того, как Джо исполнилось восемнадцать лет.

Вскоре после похорон отца Джо, поглотив изрядное количество пива, пришел в церковь поздно вечером, когда внутри никого не было. Он испачкал заранее припасенной черной краской все четырнадцать кальварий¹, опрокинул гипсовую статую Девы Марии и расколотил штук двадцать красных стекол в красивом резном поставце, в который молящиеся вставляли свечи.

Возможно, он нанес бы церкви еще больший ущерб, если бы не охватившее его ощущение тщетности любых усилий. Джо не мог научить Бога ни состраданию, ни жалости, как не мог выразить свою боль с достаточной силой, чтобы его услышали за непроницаемой стеной, отделяющей от этого мира мир иной. Если, конечно, загробный мир вообще существовал.

Тогда, опустившись на переднюю скамейку, он заплакал.

Впрочем, плакал Джо недолго – не более минуты, – так как ему неожиданно пришло в голову, что заплакать в церкви – значит признаться в своем бессилии перед Ним. Как ни смешно, но тогда Джо казалось особенно важным, чтобы никто не заподозрил его в том, что он смирился с жестокостью законов, которые управляют миром.

Торопясь, он покинул церковь, и никто никогда не обвинил Джо в том, что акт вандализма в отношении церковного имущества – его рук дело. Впрочем, никакой вины он за собой все равно не чувствовал, но, как и раньше, поступком своим не гордился.

Некоторое время Джо вел себя как безумный, но потом пришло время отправляться в колледж. Там он почти не выделялся, так как добрая половина студентов, опьяненных молодостью и свободой, тоже вела себя довольно буйно.

Мать Джо умерла три года спустя в возрасте сорока семи лет. Причиной этого был рак легких, поразивший лимфатическую систему. Донна никогда не курила, как не курил и Фрэнк, так что виноваты в ее смерти были скорее всего ядовитые пары бензина и других растворителей, которые она вдыхала в химчистке на протяжении многих и многих лет. Усталость и одиночество, несомненно, тоже сделали свое дело, так что для Донны смерть стала избавлением от страданий.

В ночь ее смерти Джо сидел рядом с ее больничной койкой, то и дело меняя холодные компрессы на воспаленном горячем лбу или кладя в пересохший от жара рот матери кусочки колотого льда, когда она просила об этом. Донна была в сознании, однако время от времени она принималась бессвязно бормотать что то, вспоминая о вечеринке "Рыцарей Колумба" ""Рыцари Колумба" – консервативная католическая общественная организация в США" с угощением и танцами, на которую Фрэнк водил ее, когда Джо было всего два года – за десять месяцев до аварии и ампутации. На вечере был настоящий оркестр из восемнадцати музыкантов, которые играли настоящую танцевальную музыку, а не модный в те времена рок н ролл, и они с Фрэнком, хотя и были самоучками, прилично исполнили и фокстрот, и свинг, и ча ча ча – должно быть, потому, что заранее знали каждое движение друг друга.

Господи, как беззаботно они смеялись и веселились тогда! В сетке под потолком были подвешены десятки, нет, сотни красных и белых воздушных шаров; каждый столик был украшен белым пластиковым подсвечником в форме лебедя, а толстая стеариновая свеча была окружена мелкими красными хризантемами; на десерт подавали мороженое, уложенное в сахарные мороженицы, также в форме лебедей.

Это была настоящая ночь лебедей, и Фрэнк, медленно и плавно скользя по начищенному паркету – точь в точь как величавая птица по глади пруда, крепко прижимал Донну к себе и шептал ей на ухо, что она – самая красивая женщина на балу и что он любит, любит ее еще больше, чем прежде.

Вращающаяся зеркальная сфера разбрасывала по стенам брызги радужного света, воздушные шары из опущенной сетки плавно слетали вниз, а сахарный лебедь имел привкус миндаля. Донне было двадцать восемь лет, и память об этом вечере она пронесла через всю

¹ Кальварий – в католичестве – картины на стенах церкви, изображающие страдания Христа на крестном пути.

жизнь. И вот теперь, в свой смертный час, она вспомнила тот вечер, как будто, кроме него, в ее жизни не было ничего радостного или счастливого.

Похоронами матери Джо занималась та же самая церковь, которую он осквернил три года назад. Кальварии были тщательно отреставрированы, а новая статуя Девы Марии с одобрением взирала на ряды целеньких красных окошек в поставце.

На следующий день после похорон Джо отвел душу в ближайшем баре, где он учинил настоящее побоище. В драке ему сломали нос, но его противнику досталось еще больше.

Он продолжал чудить до тех пор, пока не встретил Мишель.

В день их первого свидания, когда Джо провожал ее домой, Мишель сказала, что в нем есть что то необузданное, дикое. Поначалу Джо воспринял это как комплимент, но Мишель быстро дала ему понять, что гордиться этим могут лишь круглый идиот, подросток в период полового созревания или же самец шимпанзе в зоопарке.

Впоследствии, действуя чаще своим собственным примером, нежели уговорами и увещеваниями, Мишель научила его всему, что должно было определить, сформировать его будущую жизнь, и со временем Джо многое понял. Он понял, что любить стоит, даже несмотря на страх потерять любимого человека. Что ненависть губит самого ненавидящего. Что счастье и печаль зависят от выбора, который делает сам человек, а не имеют никакого отношения к тому, как лягут брошенные рукой судьбы кости. Что мир и покой можно обрести, только приняв то, что не в человеческих силах изменить. Что общение с друзьями и семья делают жизнь полнокровной и что цель существования каждого человека – это любовь, самопожертвование и забота о других.

За шесть дней до свадьбы Джо отправился в ту самую церковь, в которой провожал в последний путь отца и мать. Подсчитав приблизительный размер ущерба, который он нанес церковному имуществу несколько лет назад, он украдкой затолкал в ящик для пожертвований несколько столларовых купюр и быстро вышел.

Этот поступок Джо совершил вовсе не потому, что в нем пробудилась совесть, и не потому, что он стал верующим человеком. Он сделал это ради Мишель, которой, впрочем, он так никогда и не рассказал ни о разгроме, который учинил здесь в юности, ни о последующем возмещении убытков.

С того момента, считал Джо, и началась его настоящая жизнь – началась, чтобы закончиться на уединенном лугу в Колорадо.

* * *

Зато теперь он был не одинок в этом мире. Где то ждала его Нина – ждала, чтобы папа отыскал ее и забрал домой.

Мысль об этом была для Джо чем то вроде целительного бальзама. Благодаря ей он сумел даже умерить пламя бушевавшего в его груди гнева, понимая, что сможет достичь успеха, только если будет полностью владеть собой и своими чувствами.

Ненависть и гнев способны погубить ненавидящего.

В данном случае его самого.

Джо было отчаянно стыдно, что он так быстро забыл все то, чему в свое время научила его Мишель. Вслед за самолетом, с ревом врезавшимся в гранит, он тоже рухнул с небес на грешную землю – с тех самых небес, на которые Мишель подняла его своей любовью, – и оказался по горло в трясине отчаяния, которая засасывала его все глубже и глубже. Но его падение затронуло не только его самого; этим он словно предал и саму Мишель, которая приложила столько сил, чтобы сделать из него человека, и память о ней. Теперь Джо ясно понимал это, и ощущение собственной вины обрушилось на него с такой силой, словно он изменил Мишель с другой женщиной.

И вот теперь Нина – точная копия своей матери – подарила Джо возможность не только спасти ее, но и обрести самого себя, вновь став таким, каким он был до катастрофы. И Джо знал, что приложит все силы, чтобы стать человеком, который был бы достоин быть ее

отцом.

Наину Нину мы искали, Наину Нину потеряли...

Медленно листая свой потертый альбом дорогих образов и воспоминаний, Джо постепенно успокаивался. Вскоре он смог расслабиться настолько, что его сжатые в кулаки ладони разжались и спокойно легли на колени.

За оставшийся до посадки час Джо успел прочитать две распечатки из "Пост", которые касались таинственной "Текнолоджик Инк.". Во второй из них он наткнулся на абзац, который потряс его. Оказывается, тридцать девять процентов уставного капитала "Текнолоджик" – самый большой пакет – принадлежали фирме "Неллор и сын" – швейцарской холдинговой компании, которую отличал довольно широкий спектр интересов. В частности, она занималась фармакологией, медицинскими исследованиями, изданием медицинской специальной литературы и издательским делом вообще, а также производством кинофильмов и телевизионных программ.

Фирма "Неллор и сын" считалась основным детищем Гортон Неллора и его сына Эндрю; в нее была вложена большая часть их семейного капитала, превышавшая, по некоторым оценкам, четыре миллиарда долларов.

Сам Неллор старший был хорошо известен Джо. Разумеется, он никогда не был швейцарцем – он был американцем, который одним из первых понял все выгоды оффшорных компаний. Именно Гортон Неллор основал двадцать лет назад газету "Лос Анджелес пост" и продолжал владеть ею по сию пору.

Некоторое время Джо как бы ощупывал новые факты, точь в точь как резчик натуралист вертит в руках найденный им причудливый корень или сучок, стараясь представить, на что он больше похож и что из него может выйти. И точно так же, как в куске сырого дерева таится нечто, что только и ждет, когда рука мастера отсечет все лишнее и явит миру хрупкую балетную танцовщицу или лесное чудище, так и в этой информации скрывалось что то очень важное, и вся разница заключалась в том, что вместо резцов и стамесок Джо необходимо было воспользоваться своим умом, интуицией и журналистской смекалкой.

Гортон Неллор вкладывал свои средства достаточно широко, поэтому в том, что он одновременно владел и газетой, и контрольным пакетом акций "Текнолоджик", не было на первый взгляд ничего особенного. Возможно, это было просто совпадением.

Существовала, правда, небольшая разница. Являясь владельцем газеты, Неллор не был обычным издателем, которого интересует только доход. Через своего сына он осуществлял контроль над редакционной политикой и содержанием репортажей, и многие главные редакторы чувствовали твердую руку владельца на пульсе газеты, хотя напрямую он никогда не давил.

Другое дело – "Текнолоджик". Джо почему то казалось, что в дела этой корпорации Неллор не особенно стремится вникать, хотя находящееся в его собственности количество акций и давало ему такую возможность. Возможно, отец и сын не имели даже четкого представления о повседневной деятельности корпорации, в которую они вложили такие значительные средства. Для них "Текнолоджик" была лишь способом выгодного помещения капитала, и до тех пор, пока она приносила им высокие проценты, Неллоры не собирались использовать свои права и вмешиваться в управление загадочной – и грозной – компанией.

И если все действительно обстояло именно так, как думал Джо, то сам Гортон Неллор мог и не знать об исследованиях, которые вели Роза Такер и ее коллеги. Следовательно, его причастность к гибели рейса 353 оставалась под большим вопросом.

Потом Джо припомнил свой разговор с Дэном Шейверсом, обозревателем деловой рубрики "Пост", в то, как он охарактеризовал сотрудников "Текнолоджик". "Похоже, они считают себя чем то вроде королей бизнеса, – сказал Дэн, – однако на деле они ничем не лучше нас. Им тоже приходится прислушиваться к большому боссу – к тому, Кому Все Должны Подчиняться".

Прислушиваться к тому, кому все должны подчиняться... Это значит – к Гортону Неллору. Вспоминая свою беседу с бизнес обозревателем, Джо догадался, что тот принял его

за человека осведомленного. Увы, только теперь Джо понял, что на самом деле означали слова Шейверса: Неллор диктовал свои условия "Текнолоджик" точно так же, как он контролировал "Пост".

Джо даже вспомнил фразу, вскользь брошенную Лизой Пеккатоне у Дельманов, когда она говорила о работе Розы Такер в "Текнолоджик". "Ты, я и Роз – мы все оказались связаны друг с другом. Правду говорят, что мир тесен!" – так, кажется, она тогда сказала, и Джо решил, что она имеет в виду гибель рейса 353, после которой их жизни так резко изменились и так тесно переплелись. Теперь же ему казалось, что Лиза намекала на тот факт, что все трое работали на одного и того же человека.

Сам Джо никогда не встречал Гортон Неллора, который в последние годы вел жизнь настоящего затворника, но его внешность была знакома ему по многочисленным фотографиям. Шестидесятилетний миллиардер был сед, круглолиц и обладал приятными, хотя и несколько размытыми чертами, напоминавшими Джо сдобную булочку, на которой шутник пекарь при помощи глазури и сахарной пудры нарисовал лицо доброго дедушки.

Иными словами, Гортон Неллор вовсе не был похож на безжалостного, хладнокровного убийцу. Больше того, он пользовался репутацией щедрого филантропа и мецената, по определению, не способного прибегать к услугам наемных убийц и ни в коей мере не склонного смотреть сквозь пальцы на преступления своих служащих, пусть даже они совершаются ради сохранения или расширения его империи.

Впрочем, Джо знал и то, что люди тем и отличаются от яблок и апельсинов, что, какой бы красивой ни была кожа, мякоть может оказаться гнилой или горькой на вкус.

Решив придерживаться фактов, Джо сделал для себя первые выводы: и он, и Мишель когда то работали на того же человека, что и те, другие люди, которые преследовали Розу Такер и которым – не установленным пока способом – удалось уничтожить "Боинг" с тремя сотнями пассажиров на борту. И деньги, которые на протяжении нескольких лет поддерживали семью Карпентеров, поступали из того же источника, что и суммы, что пошли на организацию их убийства.

Реакция Джо на эту дикую ситуацию была настолько сложной, что ему никак не удавалось в ней разобраться, и он блуждал в дремучих потемках, не в силах решить что то хотя бы в общих чертах.

Он чувствовал себя так, словно проглотил живого кальмара вместе со щупальцами, и теперь эта омерзительная скользкая тварь копошится у него в желудке, вызывая резкие приступы тошноты.

Последние полчаса полета Джо сидел неподвижно, глядя в иллюминатор самолета, но едва ли видел, как пустынные и безжизненные холмы уступают место пригородам Лос Анджелеса. Он очнулся только тогда, когда лайнер пошел на посадку, и был весьма этим удивлен. Почему то ему казалось, что этот перелет будет продолжаться гораздо дольше.

Когда "Боинг" отбуксировали к причалу и подсоединили к нему "гармошки" посадочных галерей, по которым пассажиры попадали из салона в зал аэропорта, Джо сверился с наручными часами и, произведя в уме несложный подсчет, выяснил, что если он отправится в Уэствуд немедленно, то прибудет на место встречи за полчаса до условленного времени. Это вполне его устраивало. Джо уже давно решил понаблюдать за кофейней из какого нибудь подходящего укрытия – из машины на противоположной стороне улицы или из открытого кафе где нибудь поблизости, чтобы, основываясь на результатах этих наблюдений, либо пойти на контакт с Деми, либо незаметно исчезнуть. Впрочем, он уже почти наверняка знал, что даже опасность не сможет его остановить. Джо просто должен был встретиться с женщиной, которая одна могла вывести его к Розе Такер и дальше – к Нине.

Он давно решил, что на Деми в случае чего можно будет положиться. Похоже, она была близкой подругой Розы Такер, так как именно ее телефонный номер Роза решила использовать для связи. Но, как бы там ни было, Джо не был расположен доверять кому бы то ни было без всяких оговорок.

В конце концов, именно Роза Такер – пусть и с самыми лучшими намерениями –

удерживала девочку при себе на протяжении года, не позволяя Джо встретиться с ней, хотя, возможно, эта мера была вынужденной: люди из "Текнолоджик" могли похитить или убить Нину. Гораздо больше настораживало Джо то обстоятельство, что Роза даже не попыталась сообщить ему о том, что его дочь жива, и все это время он пребывал в уверенности, что Нина погибла вместе с Мишель и Крисси, хотя это было не так. Из-за этого Джо порой начинало казаться, что по каким-то ведомым ей одной причинам Роза Такер вовсе не собирается возвращать ему его малышку.

Никому не доверяй!

Поднявшись с кресла, Джо направился к выходу из самолета и вдруг заметил впереди мужчину в белой рубашке, светлых брюках и белой широкополой панаме, который, покидая свое место в одном из рядов, вдруг обернулся и бросил на него быстрый взгляд. На вид ему было около пятидесяти, но коренастая фигура и широкие плечи свидетельствовали о незаурядной физической силе. Густая грива длинных светлых волос – особенно в сочетании с широкополой шляпой – делала его похожим на постаревшую рок-звезду.

Джо сразу понял, что где-то он уже видел этого человека.

Поначалу он решил, что мистер Панама действительно принадлежит к числу знаменитостей местного значения, скажем, является солистом популярного оркестра или характерным актером из телепостановки, однако ему потребовалось совсем немного времени, чтобы прийти к заключению, что мужчину, который показался ему знакомым, он видел не на сцене и не на экране, а где-то в другом месте, причем совсем недавно и при других, гораздо более важных обстоятельствах.

На краткий миг встретившись с Джо взглядом, мистер Панама сразу отвернулся и, выбравшись в проход между креслами, зашагал к выходу из салона. Как и Джо, он не был обременен ручной кладью, словно совершал непродолжительное, однодневное путешествие или короткую деловую поездку.

В проходе их разделяло около десятка пассажиров, и Джо вдруг испугался, что потеряет неизвестного из виду до того как вспомнит, где и когда они встречались. Подобраться ближе к нему и не привлечь при этом к себе внимание не представлялось возможным, и Джо, скрипнув зубами, заставил себя идти не торопясь, как все. Меньше всего ему хотелось, чтобы человек в белом понял, что его заметили.

Белая панама была самой примечательной чертой внешнего облика мужчины, и Джо порылся в памяти, пытаясь вспомнить, где он мог видеть этот запоминающийся головной убор. Когда это ничего не дало, он попробовал представить себе лицо мужчины отдельно от шляпы, сконцентрировавшись в первую очередь на его длинных – седых или просто очень светлых – волосах. Тут же перед его мысленным взором возникли одетые в голубые туники бритые сектанты с ночного пляжа, но Джо никак не мог взять в толк, при чем тут они. Непроизвольная ассоциация казалась ему совершенно абсурдной, во всяком случае, никакой логики он здесь не видел.

Лишь вспомнив костер, вокруг которого молча стояли и сидели сектанты – тот самый костер, в пламя которого он швырнул промасленный пакет с салфетками, на которых осталась кровь Чарли Дельмана, – Джо подумал о других кострах: о том, вокруг которого танцевали молодые юноши и девушки в купальных костюмах, о костре, который развели сексуально озабоченные серфингисты, и еще об одном... О костре, рядом с которым полтора десятка человек зачарованно внимали коренастому и крепкому мужчине с вдохновенным лицом, звучным голосом и гривой светлых волос, рассказывавшему волшебную историю о привидениях и духах.

Джо не ошибся. Это был тот самый рассказчик.

Никаких сомнений быть не могло.

Джо знал также, что их пути – вчера вечером и сегодня, сейчас, – пересеклись отнюдь не случайно. Все, буквально все казалось ему взаимосвязанным в этом мире заговоров и страшных секретов.

Должно быть, люди из "Текнолоджик" следили за ним на протяжении уже нескольких

месяцев, терпеливо дожидаясь, пока Роза Такер попытается встретиться с ним, и субботнее утро на пляже Санта Моника, когда он по чистой случайности обнаружил присутствие соглядатаев, было, по всей видимости, отнюдь не первым днем слежки. У врагов Джо было достаточно времени, чтобы изучить все его привычки и все его маршруты, которых, впрочем, было совсем немного. В большинстве случаев Джо покидал свою убогую квартирку над гаражом только для того, чтобы заправиться в ближайшей закусочной парой чашек черного кофе, съездить на кладбище или на пляж, где он пытался разделить с океаном вселенское равнодушие.

После того как он вырубил Уоллеса Блика, обшарил белый фургон и целым и невредимым покинул кладбище, люди из "Текнолоджик" потеряли его след. Видимо, они с самого начала слишком надеялись на передатчик, который Джо обнаружил и швырнул в кузов проходящего мимо мусоровоза. В редакции "Пост" они чуть было не накрыли его, но он ускользнул за считанные секунды до их появления.

После этого им не оставалось ничего иного, как наблюдать за его квартирой, за кладбищем и за пляжами и надеяться, что где то он рано или поздно появится. И он оправдал их ожидания. Разумеется, группа, которая собралась у костра послушать занимательные истории, состояла из обычных граждан, но вот вдохновенный светловолосый рассказчик был личностью во всех отношениях неординарной.

Значит, люди из "Текнолоджик" снова сели ему на хвост вчера вечером, причем довольно плотно. Они проследили его до телефонной будки на заправочной станции, откуда он звонил в Денвер Марио Оливерри и Барбаре в Колорадо Спринте. Потом они проводили его до мотеля.

Они могли прикончить его там. Тихо и без лишнего шума. Его могли застрелить во сне или предварительно разбудив для выяснения кое каких подробностей. Они могли накачать его наркотиками, чтобы он умер от передозировки. Они могли даже инсценировать самоубийство.

Но его не убили, хотя на кладбище – в горячке преследования – лысый коротышка или его напарник выпустили вслед Джо несколько пуль. Люди из "Текнолоджик" не торопились убивать его, все еще надеясь, что он вторично выведет их на Розу Марию Такер и тогда они накроют обоих.

Если нарисованный им сценарий правилен, размышлял Джо, значит, они пока не знают, что он побывал дома у Дельманов. Если бы его врагам было известно, свидетелем каких событий – пусть даже не понимая всего их значения – он стал, они скорее всего поспешили бы избавиться от него. "На всякий пожарный случай", как любят выражаться секретные агенты в кино.

Ночью они наверняка поставили ему в машину новый передатчик и, держась на почтительном расстоянии, чтобы он не мог их обнаружить, проследили его до самого аэропорта. Потом – до Денвера, а может быть...

Господи Иисусе!

Кто выгнал из леса оленей?

Джо почувствовал себя самонадеянным и беспечным дураком, хотя в глубине души он знал, что предпринял все возможные меры предосторожности. В конце концов, он имел дело с профессионалами, и не с одним или двумя, а с целой бригадой, в распоряжении которых были и новейшие технические средства, и неограниченные финансовые возможности. Они играли в эти игры каждый день, он же не играл никогда.

И все же с каждым днем, с каждым часом Джо играл все лучше. У него вдруг появился могущественный стимул, какого не было у них.

Мистер Панама тем временем дошел до дверей салона и исчез в длинной кишке переходной галереи.

Джо очень боялся потерять своего преследователя из виду, однако предпринимать ничего не стал. Ему было очень важно, чтобы его противник не знал, что обнаружен. Кроме того, Барбаре Кристмэн грозила смертельная опасность, и Джо решил, что должен

предупредить ее как можно скорее.

Со скучающим выражением лица он добрел до выхода вместе с другими пассажирами. Только в галерее гармошке, которая была намного шире прохода между креслами в салоне, Джо получил возможность обогнать остальных людей, не привлекая к себе внимания и не показывая своей тревоги или беспокойства. Правда, торопясь оказаться в зале прилета, он от волнения задержал дыхание и осознал это только тогда, когда, заметив впереди белую панаму, с шумом выдохнул воздух. К счастью, на него никто не обернулся.

В огромном зале лос анджелесского аэропорта было многолюдно и оживленно. Ряды кресел у посадочных ворот были полны пассажиров, прилетавших на выходные и теперь возвращающихся домой. Все они беспечно болтали, смеялись, спорили, задумчиво дремали, медленно прохаживались из стороны в сторону, спешили на регистрацию, переходили из кафе в бар или флиртовали. Новоприбывшие устремлялись в главный вестибюль, к выходам на автостоянку или к стоянке такси.

Среди них были и одиночки, и влюбленные парочки, и целые семьи; белые, чернокожие, азиаты, латиноамериканцы и даже четверо самоанцев в шляпах с круглой плоской тульей и загнутыми вверх полями – не особенно рослых, но казавшихся много выше окружающих благодаря своей особенной стати и манере держаться. Джо видел множество прекрасных женщин с глазами цвета терна и гибких, как тростник; видел женщин в сапфировых, алых и бирюзовых сари, видел женщин в обтягивающих джинсах и в черных чадрах, закрывающих все, кроме глаз. Он видел мужчин в строгих деловых костюмах, в шортах, в ярких рубашках поло; видел четырех евреев хасидов, споривших (без излишнего, впрочем, ожесточения) над самым таинственным – почти мистическим – документом всех времен и народов: картой шоссе-ных дорог Лос Анджелеса; видел подтянутых офицеров в форме, хихикающих детишек, древних стариков в креслах каталках и даже пару арабских шейхов в бурнусе и развевающихся белых джелябах, каждый с предшествующим отрядом мрачных телохранителей и сопровождаемый почтительно семенящими следом придворными, однако больше всего в этой толпе было туристов – розовых, словно ошпаренных жарким солнцем, и источающих запахи лосьонов, кремов от и для загара, и только что прилетевших, бледнолицых и светлокожих, насквозь пропитанных сырыми туманами более северных и прохладных краев. Сквозь это то людское море безмятежно и величественно – словно маленькая лодочка, сорванная бурей, но странно спокойная среди мятущихся волн и течений – плыла хорошо заметная белая панاما, но Джо было уже не до нее. Он ощущал себя словно на сцене, где разыгрывается какое то массовое действо, и все люди, заполнившие собой просторный зал лос анджелесского международного аэропорта, казались ему даже не статистами, а главными действующими лицами криминальной драмы – агентами "Текнолджик" или какой нибудь другой сверхсекретной, неведомой организации, которые собрались здесь, чтобы незаметно наблюдать за ним, чтобы контролировать и направлять каждый его шаг, чтобы снимать его скрытыми камерами, спрятанными в пуговицах, кошельках и пряжках ремней, и ждать – ждать с надеждой и вожделением, пока начальство даст санкцию пристрелить его на месте.

Никогда еще Джо не чувствовал себя в толпе так одиноко.

Страшась того, что может произойти или уже происходит с Барбарой, и в то же время стараясь не выпускать из поля зрения белую панаму, Джо отправился разыскивать телефон автомат.

Часть четвертая Бледное сияние

Глава 13

Платный телефон автомат – один из четырех, прилепившихся к стене в зале

аэропорта, – был заключен в небольшую полусферу из звукопоглощающего пластика, которая почти не давала ощущения уединенности. Набирая номер Барбары в Колорадо Спрингс, Джо с силой стиснул зубы, как будто таким образом можно было отсечь шум многочисленной толпы, мешавший ему сосредоточиться. Ему необходимо было обдумать, что он скажет Барбаре, но ни времени, ни возможности посидеть в тишине, чтобы сострять подходящую речь, у него не было, поэтому Джо решил положиться на экспромт, хотя и боялся, что может невзначай ляпнуть что то такое, что подвергнет Барбару еще большей опасности.

Даже если вчера вечером ее телефон не прослушивался, то сегодня положение наверняка изменилось. Задача Джо состояла, таким образом, в том, чтобы, во первых, предупредить ее об опасности и, во вторых, убедить слухачей в том, что Барбара продолжает хранить молчание, которое одно способно было гарантировать безопасность и неприкосновенность ее сына.

Прислушиваясь к длинным гудкам в трубке, Джо поискал взглядом белую панаму. Наблюдатель занял позицию много дальше, на противоположной стороне главного зала аэропорта; стоя у дверей сувенирной лавки и нервно поправляя широкие поля своей шляпы, он разговаривал о чем то со смуглым усачом мексиканской наружности, одетым в бежевые брюки, зеленую рубашку в мелкую белую полоску и синюю бейсболку с эмблемой "Доджерс".

Скрываясь за толпой пассажиров, Джо сделал вид, что рассматривает большое электронное табло с расписанием, в то время как двое мужчин притворялись – не слишком, впрочем, убедительно, – будто они не смотрят на Джо. Их небрежность объяснялась, по видимому, чрезмерной уверенностью в себе. Может быть, они и отдавали Джо должное, ибо он уже проявил себя достаточно изобретательной и хитрой дичью, однако в их глазах он оставался презренным репортеришкой, человеком сугубо гражданским, которому не под силу тягаться с обученными профессионалами.

Конечно, Джо не считал себя гениальным шпионом, способным отделаться от целой бригады филеров, однако он был почти уверен, что сумеет показать преследователям пару трюков, которых они от него совершенно не ожидают. В конце концов, даже кошка, защищающая котят, становится смертельно опасным зверем, способным справиться с любым превосходящим ее по силе и размерам противником, а Джо руководила сейчас не только любовь к дочери, но и жажда справедливости, которая была непонятна и чужда этим людям, всю свою жизнь вращавшимся в мире, где этика поведения зависела от ситуации, а мораль подменялась удобствами момента.

Барбара взяла трубку на пятом звонке, как раз тогда, когда Джо начал уже отчаиваться.

– Это Джо Карпентер, – сказал он.

– Привет, Джо. Я как раз...

Но, прежде чем она успела произнести что то такое, что могло бы подсказать неизвестным слушателям, до какой степени Барбара была откровенна, он решительно перебил ее.

– Послушайте, Барбара, – начал он, – я хотел еще раз поблагодарить вас за то, что вы показали мне место катастрофы. Вы были правы: мне это нелегко далось, но я должен был побывать там и увидеть все своими глазами, чтобы в конце концов успокоиться и смириться. Извините, если я рассердил вас своими постоянными вопросами о том, что случилось с самолетом на самом деле, – должно быть, я просто был немного не в себе. Дело в том, что в последнее время со мной произошло, гм м... несколько странных вещей, вот мое воображение и сорвалось с цепи. Вы были совершенно правы, когда сказали, что если факты лежат на поверхности, то в большинстве случаев искать в них тайный смысл бесполезно, но поймите и меня: нелегко смириться с тем, что потерял семью из за обыкновенной глупой случайности – из за поломки аппаратуры, человеческой ошибки или каприза погоды. Это настолько несправедливо и горько, что невольно начинаешь думать о чьей то злой воле, о диверсии... просто потому, что твои родные были тебе слишком дороги. Надеюсь, вы

понимаете?... Очень трудно поверить, что Бог может допустить нечто подобное, поэтому поневоле начинаешь искать виноватых, хотя на самом деле это просто судьба... Помните, вы сказали, что в жизни преступники устраивают авиакатастрофы гораздо реже, чем в кино? Вы просто не представляете, как вы мне помогли! Я впервые взглянул на ситуацию трезво и понял, что для того, чтобы как то смириться с происшедшим, мне необходимо накрепко усвоить, что подобные вещи время от времени случаются и что я не должен никого винить. Жизнь вообще штука опасная, и Бог действительно иногда допускает гибель невинных и смерть детей. Это же просто, Барбара, так просто, что мне нелегко было в это поверить!

Закончив свою маленькую речь, Джо облизал пересохшие губы и напрягся, ожидая, что ответит на это Барбара. Поняла ли она скрытый в его словах подтекст? Не сделает ли она роковой ошибки?

— Надеюсь, вы в конце концов обретете покой, Джо, — ответила Барбара после непродолжительной паузы. — Поверьте, я искренне желаю вам этого. Вам потребовались все ваши силы, чтобы поехать со мной туда, где произошла эта трагедия, но еще больше мужества вам понадобится, чтобы понять, что никто в этом не виноват. Во всяком случае, до тех пор, пока вы будете думать, что сможете возложить вину за случившееся на кого то конкретного, на кого то, кого вы могли бы притянуть к ответу... Вы хотите отомстить, Джо, а ненависть еще никого не исцелила. Даже если бы у вас было кому мстить...

Она поняла. Одного того, что Барбара обращалась к нему на "вы", хотя все утро они общались не так официально, было для Джо более чем достаточно.

Закрыв глаза, Джо попытался справиться с волнением и собраться.

— Видите ли... — начал он. — Мы живем в такие беспокойные времена, что в заговор поверить легче, чем в несчастливое стечение обстоятельств.

— И легче, чем взглянуть правде в глаза, Джо. На самом деле вы вините не экипаж и не механиков аэродромной службы, не служащих аэронавигационной станции и не рабочих, построивших самолет, — вы спорите с судьбой, с Богом, а это по меньшей мере бессмысленно.

— Да, — согласился Джо, постаравшись придать своему голосу как можно больше смирения и покорности. — Этот спор выиграть невозможно.

Седой в панаме и фанат "Доджерсов" у витрины сувенирной лавки закончили свой разговор и расстались. Светловолосый рассказчик ушел, а мексиканец остался.

— Нам не дано знать — почему, — продолжала Барбара. — Мы должны просто верить, что ничто в мире не происходит без причин. Если научиться принимать это как факт, тогда будет легче справиться с остальным. Вы неплохой человек, Джо, очень неплохой, и, на мой взгляд, вы не заслужили этой муки. Я буду молиться за вас.

— Спасибо, Барбара, спасибо за все.

— Удачи вам, Джо.

Он чуть было не пожелал ей удачи в ответ, но вовремя прикусил язык, сообразив, что эти слова могут насторожить подслушивающих. Вместо этого он сказал просто:

— До свидания.

Джо повесил трубку. Сердце его трепетало, как зависший возле цветка колибри.

Отправившись в Колорадо и постучавшись в дверь дома Барбары Кристмэн, Джо подверг величайшей опасности ее собственную жизнь, жизни ее сына, снохи и внуки, хотя и не мог предвидеть подобных последствий своего визита. Теперь Джо не мог знать, случится ли с Барбарой что либо или же все обойдется, но все равно чувствовал себя виноватым.

С другой стороны, благодаря этой поездке он узнал, что его Нина чудесным образом спаслась, и готов был взять на себя моральную ответственность за сотни чужих смертей в обмен на надежду когда нибудь увидеть ее вновь.

Эта мысль была поистине чудовищной, и Джо хорошо осознавал это. Он поставил жизнь своей дочери выше жизней десятков и сотен посторонних ему людей, но он ничего не мог с собой поделать. Ради того, чтобы спасти Нину, Джо не колеблясь убил бы, особенно если бы его вынудили. Он убил бы любого, кто оказался между ним и дочерью, убил без

зазрения совести и не остановился, если бы ему пришлось убивать еще и еще.

Не было ли это неразрешимой дилеммой, стоящей перед человеком, который, будучи животным общественным, от века стремился к тому, чтобы быть частицей общества, служить ему и быть защищенным им, но, оказавшись перед лицом смертельной опасности, начинал руководствоваться исключительно личными интересами и интересами своих близких? А Джо, несмотря ни на что, все еще ощущал себя человеком; во всяком случае, он был раним как человеческое существо и столь же легко уязвим.

Отойдя от телефонов, Джо зашагал к выходу из зала аэропорта. Только у лестницы эскалатора он позволил себе обернуться.

Мексиканец следовал за ним на почтительном расстоянии; его ничем не примечательное лицо и стандартная одежда служили прекрасной маскировкой. В толпе он, во всяком случае, выделялся не больше, чем одна цветная ниточка в пестром восточном ковре.

Спустившись на первый этаж терминала, Джо не оглядываясь зашагал к дверям. Он не знал, следует ли за ним мексиканец или он уже передал "объект" другому агенту, как это сделал седой мистер Панама. Учитывая неограниченные возможности "Текнолоджик" и тех, кто стоял за спиной этой корпорации, последнее было наиболее вероятным. Скорее всего аэропорт кишел их людьми, так что о том, чтобы оторваться от слежки здесь, нечего было и думать.

До встречи с Деми, которая, как он надеялся, отведет его к Розе Такер, оставался ровно час. Джо понимал, что если ему помешают встретиться с ней сегодня, то снова установить контакт с Розой – или с кемнибудь из ее друзей – ему удастся не скоро. Скорее всего – никогда. Но и подвергать опасности Розу – и Нину – он не имел права.

Часы у него на руке тикали громко, как старинные настенные ходики.

* * *

Нечистые пятна копоти и водяные потеки на бетонных стенах подземной стоянки походили на изуродованные смертной мукой человеческие лица, которые, словно на таблицах Роршаха "Роршах, Герман – швейцарский психиатр и психолог, создал психодиагностический тест в виде серии графических рисунков", на глазах превращались в морды неведомых диких зверей и кошмарные, неземные ландшафты, а шум моторов нескольких машин в соседних боксах или на других уровнях отражался от стен этой гигантской рукотворной пещеры как рычание запертого где то в подземелье Гренделя "Грендель мифическое чудовище, убитое Беовульфом".

"Хонда" Джо стояла там же, где он ее оставил.

Большинство машин в гараже были обыкновенными легковушками, но Джо обнаружил поблизости три фургона, которые, хотя и не были белыми, вполне могли служить наблюдательными пунктами, а также старенький микроавтобус марки "Фольксваген", окна которого были тщательно зашторены, и доставочный грузовичок, переоборудованный под дом на колесах.

Ему достаточно было увидеть их один раз, чтобы больше не оборачиваться.

Открыв багажник "Хонды" и загоразивая его своим телом от взглядов наблюдателей, Джо быстро проверил гнездо запасного колеса, в котором перед отъездом в Колорадо оставил все свои деньги, за исключением двух тысяч долларов, которые он взял с собой.

Деньги оказались на месте, хотя Джо очень боялся, что их уже не будет. Облегченно вздохнув, он быстро засунул плотный банковский конверт за пояс джинсов, искренне надеясь, что наблюдатели ничего не заметят. В багажнике лежал и небольшой чемоданчик с нехитрым набором белья, и некоторое время Джо раздумывал, не перенести ли его на переднее сиденье, но потом отказался от этой мысли. Если бы он сделал это, филеры "Текнолоджик" скорее всего не поверили бы небольшому представлению, которое Джо для них приготовил.

Усевшись на водительское место, он вытащил из за пояса конверт и, достав пачки

стодолларовых купюр, рассовал их по карманам своей вельветовой спортивной куртки. Сложенный конверт он убрал в консоль между передними сиденьями.

Когда Джо выехал со своего места и повел машину к выезду, ни один из подозрительных фургонов не тронулся с места, чтобы последовать за ним, но это уже не могло обмануть Джо. Он знал, что преследователям торопиться некуда. Еще один передатчик, умело спрятанный, должно быть, где то в стальных кишках его "Хонды", исправно посылал свой сигнал, по которому они могли следить за ним с расстояния нескольких миль.

Поднявшись на три уровня, Джо оказался на поверхности земли. Здесь, у выезда со стоянки, он пристроился в очередь к одной из контрольных будок, чтобы расплатиться. Очередь двигалась медленно, и каждый раз после того, как ему удавалось проехать несколько дюймов, Джо бросал взгляд в зеркало заднего вида, но лишь тогда, когда он наконец достиг окошка кассира, позади появился переделанный под дом на колесах грузовичок пикап.

От "Хонды" его отделяло шесть других машин.

* * *

По пути из аэропорта Джо старательно держался в пределах разрешенной скорости и не предпринимал никаких попыток проскочить перекресток на желтый сигнал светофора. Меньше всего ему хотелось увеличивать дистанцию между собой и преследователями, да еще так, чтобы они это заметили.

Выбирая наземные улицы и пренебрегая скоростными эстакадами, он продвигался к западной окраине города. За окнами "Хонды" тянулись оживленные торговые и деловые кварталы, которые раньше назывались бы "ремесленными", и Джо внимательно высматривал вывеску предприятия, которое отвечало бы его задумке.

День снова выдался ясный и солнечный, и радужные блики света играли на полукруглых участках ветрового стекла, с грехом пополам расчищенных "дворниками". Чтобы лучше видеть, Джо попытался промыть стекло еще раз, но в бачке нехотят закончатся мыльный раствор, а вылезать Джо не хотелось. В результате он едва не проехал магазин подержанных автомобилей, который попался ему по дороге.

Воскресенье было самым подходящим днем для торговли, и ворота заведения "Джем Фиттих – продажа автомобилей" были распахнуты настежь, хотя обычно перед каждой машиной их открывали и закрывали. Сообразив, что это как раз то, что ему нужно, Джо проехал еще полквартала и притормозил у правой обочины.

Он остановился перед мастерской по ремонту коробок передач, разместившейся в домишке настолько ветхом, что со стороны могло показаться, будто эти мятые листы гофрированного железа и облезлые бетонные блоки были принесены неведомо откуда и составлены в некоем прихотливом подобии порядка вовсе не рукой человека, а капризной силой урагана. К счастью, мастерская была закрыта; Джо совсем не хотелось чтобы какой нибудь механик, движимый христианским милосердием, пришел к нему на помощь.

Выключив двигатель, он выбрался из машины.

Пикапа с кузовом, переоборудованным под дом на колесах, пока еще не было видно.

Обойдя машину спереди, Джо с самым озабоченным видом открыл капот.

"Хонда" больше ничем не могла ему помочь. Джо был уверен, что на сей раз специалисты из "Текнолоджик" как следует потрудились, чтобы спрятать передатчик понадежнее, так что для того, чтобы найти его, ему понадобились бы часы. Ехать на "Хонде" в Уэствуд значило самому вывести врагов к Розе Такер и подвергнуть опасности жизни ее, Нины и свою собственную. Не мог Джо и просто бросить машину на этой грязной улице, потому что тогда преследователи сразу поняли бы, что раскрыты.

Ему необходимо было избавиться от "Хонды" наиболее простым и естественным способом – так, чтобы это выглядело как настоящая серьезная поломка, а не как уловка, призванная сбить филеров со следа. Если вывернуть свечи или снять крышку прерывателя

распределителя, то те, кто за ним следует, в конце концов поднимут капот и увидят, что их провели.

И тогда Барбара Кристмэн и ее родные окажутся в еще большей опасности, чем раньше. Агенты "Текнолоджик Инк." сразу догадываются, что Джо опознал светловолосого обладателя белой панамы еще в самолете и что все сказанное им в телефонном разговоре с Барбарой предназначалось только для того, чтобы отвести от нее опасность и представить дело так, будто она не открыла ему ничего важного, в то время как на самом деле она рассказала ему все. И тогда жизнь Барбары и его собственная жизнь не будут стоять и ломаного гроша.

Немного поколебавшись, Джо отсоединил блок управления зажиганием, но вынимать его не стал, а оставил свободно болтаться в кожухе, так что при поверхностном осмотре догадаться, что он отключен, было практически невозможно. Только через некоторое время, осмотрев машину самым тщательным образом, его преследователи смогли бы обнаружить неисправность, однако и это почти ничего не означало бы, поскольку блок управления зажиганием мог разболтаться и сам по себе. Любое же их сомнение, пусть даже самое слабое, было только на пользу Джо и Барбаре.

Пикап с жилым модулем не торопясь обогнал "Хонду" и покатил дальше по улице. Джо заметил его краем глаза и мгновенно узнал, но посмотреть вслед не решился.

Еще минуту или две он старательно изображал из себя автолюбителя, который решительно не понимает, что случилось с его машиной. Он подергивал разные проводки, проверял уровень масла, поправлял патрубки, теребил контакты; он разве что в затылке не чесал, всем своим видом показывая, как он озадачен. Наконец, оставив капот поднятым, Джо вернулся за руль и попытался запустить двигатель, но, как и следовало ожидать, все усилия были напрасны.

Краем глаза он видел, что пикап свернул в конце следующего квартала и остановился на неширокой площадке перед зданием, на дверях которого болталась бросающаяся в глаза вывеска с логотипом агентства недвижимости и словом "продается".

Выбравшись из "Хонды", Джо еще с минуту постоял перед капотом, на чем свет стоит кляня "проклятое железо" на случай, если его прослушивают при помощи направленных микрофонов. Потом он как бы в сердцах сплюнул и с грохотом закрыл крышку капота. Поглядев с озабоченным видом на свои наручные часы, он некоторое время неуверенно озирался по сторонам, потом снова поднес к глазам часы и громко выругался.

Меньше чем через минуту Джо уже шагал в ту сторону, откуда приехал. Остановившись перед воротами автомагазина, он, для пущего эффекта, нерешительно потоптался на тротуаре и прошел прямо в офис.

Над двором магазина Джема Фиттиха колыхались пересекающиеся гирлянды белых, красных и желтых флажков и пластиковых вымпелов, изрядно выцветших на солнце. Ветер слегка раскачивал их, отчего флажки хлопали, словно крылья целой стаи ворон, собиравшихся вволю попировать над трупами трех десятков машин, некоторые из которых почти не отличались от куч железного лома. Впрочем, среди них Джо заметил несколько неплохо сохранившихся экземпляров.

Офис разместился в небольшом сборном домике, выкрашенном в веселый желтый цвет. Карнизы и наличники были обведены блестящей красной краской. Сквозь выходящее во двор широкое панорамное окно Джо разглядел хозяина или продавца, который, забросив на стол обутые в мягкие мокасины ноги, сидел в снятом с какого-то автомобиля кресле и смотрел телевизор.

Еще на крыльце Джо расслышал доносящуюся из динамиков скороговорку популярного спортивного обозревателя, который, по обыкновению, эмоционально комментировал бейсбольный матч.

Желтенький офис Джема Фиттиха представляют собой одну большую комнату. Дверь в дальнем углу вела в туалет (она была полуоткрыта, и Джо видел за ней миниатюрную раковину и душевую кабинку), а вся обстановка состояла из двух столов, четырех стульев упомянутого кресла и металлической картотеки с выдвигаемыми ящиками. Мебель была

достаточно дешевой, но содержалась в полном порядке, а пол был чисто выметен, и Джо, рассчитывавший увидеть здесь пыль, грязь, нищету и отчаяние, которые подходили для его плана гораздо больше, даже почувствовал легкое разочарование.

Заметив клиента, продавец – приветливый, рыжеватый, одетый в бежевые шорты и желтую свободную рубашку – сбросил ноги со стола и, встав навстречу Джо, протянул ему руку для пожатия.

– Добро пожаловать, сэр, – поздоровался он. – Извините, я не слышал, как вы подъехали. Меня зовут Джем Фиттих.

– Джо Карпентер, – представился Джо, пожимая протянутую руку. – Мне нужна машина.

– В таком случае вы обратились по адресу, – отозвался рыжий Фиттих и потянулся к телевизору, чтобы убавить звук.

– Ничего, ничего, пусть работает, – остановил его Джо, снова подумав о направленных микрофонах.

– Если вы болельщик, то лучше вам этого не видеть, – пожаловался Джем. – Похоже, нашим сегодня основательно надерут задницу!

Облезлые стены мастерской, возле которой Джо оставил свою "Хонду", загораживали ему обзор, и он не видел стоянки перед выставленным на продажу зданием, где припарковался преследовавший его пикап. Несмотря на это, Джо был почти уверен, что микрофоны преследователей направлены сейчас на панорамное окно офиса, и был не прочь немного осложнить работу своим врагам, которые навряд ли могли уловить смысл их разговора за ревом трибун и гневными тирадами комментатора.

Сделав незаметный шаг в сторону, чтобы, разговаривая с Фиттихом видеть двор магазина и улицу за ним, Джо спросил;

– Сколько стоит ваша самая дешевая тачка? Из тех, что на ходу, разумеется...

– Как только вы познакомитесь с моими ценами, мистер Карпентер, вы увидите, что сможете получить приличный товар за вполне приемлемую сумму. Я...

– Договорились, – быстро сказал Джо, доставая из кармана пачку стодолларовых банкнот. – Я куплю самую дешевую машину, которая найдется у вас на стоянке, но сначала я хотел бы ее испытать. Всю сумму я внесу наличными и не потребую от вас никаких гарантий.

Вид стодолларовых купюр произвел на Фиттиха должное впечатление.

– Пожалуй, у меня есть то, что вам нужно, – сказал он. – Если, конечно, вы не имеете ничего против японских машин. Например, я могу предложить вам вполне приличный "Субару" – он довольно старый и прошел уже немало миль, но я его подремонтировал, так что развалится он еще не скоро. Разумеется, кондиционера там нет, но зато есть радио и...

– Сколько?

– Ну, с учетом стоимости ремонта, я оценил бы ее в две сто пятьдесят, но вам отдам за тысячу девятьсот семьдесят. Эта машина...

Откровенно говоря, Джо рассчитывал, что машина обойдется ему несколько дешевле, но времени оставалось все меньше и меньше; к тому же у него была к Фиттиху еще одна просьба, так что торговаться он не стал.

– Беру, – сказал он, перебив продавца на полуслове.

После долгого, жаркого и не слишком удачного дня торговец железными мустангами положительно разрывался между радостью от выгодной сделки и некоторой тревогой, которую вызвала в нем легкость, с какой клиент согласился на явно завышенную цену, даже не взглянув на товар. Почувствовав, что дело нечисто, он спросил с явным беспокойством:

– Вы не хотите даже попробовать ее, сэр?

– Именно это я и собираюсь сделать, – кивнул Джо, отсчитывая две тысячи долларов и кладя их на стол перед Фиттихом. – Только я поеду один.

На противоположной стороне улицы появился прохожий, который шел как раз с той стороны, где стоял подозрительный пикап. Дойдя до автобусной остановки, он остановился в

тени под навесом, но на скамейку садиться не стал, потому что в этом случае припаркованные перед офисом машины, выставленные на продажу, заслонили бы от него панорамное окно офиса.

– Вы поедете один? – озадаченно переспросил Фиттих.

– Здесь – две тысячи долларов, – сказал Джо, пододвигая к нему стопку банкнот. – Вы сами сказали, что готовы уступить мне машину за эту сумму.

С этими словами он достал из бумажника водительскую лицензию и протянул ее Фиттиху.

– Я вижу, у вас есть ксерокс. Вот, можете сделать копию...

Мужчина на остановке был одет в рубашку с короткими рукавами и простые хлопчатобумажные брюки. В руках он ничего не держал и, следовательно, вряд ли был вооружен мощным подслушивающим устройством направленного действия. Скорее всего его послали выяснить, что подделывает "объект".

Фиттих перехватил взгляд Джо и тихо сказал:

– Хотелось бы мне знать, во что я вляпался...

Джо встретился с ним глазами и покачал головой.

– Ни во что, – твердо сказал он. – Абсолютно ни во что. Вы делаете свой бизнес, только и всего.

– Тогда почему вас так заинтересовал тот тип на остановке?

– С чего вы взяли, что он меня заинтересовал? По моему, это просто прохожий.

Но Фиттиху было совсем не просто обвести вокруг пальца.

– Если я правильно понимаю ваши намерения, – медленно сказал он, – то это называется покупкой, тем более что в залог вы оставляете полную стоимость машины. Значит, и оформить все это я должен соответственно. Для подобных случаев предусмотрена стандартная форма, которую я обязан заполнить; кроме того, существует такая вещь, как торговый сбор и формальная процедура регистрации.

– Но я просто беру машину, чтобы проверить ее на ходу прежде чем покупать, – возразил Джо и бросил взгляд на часы. Времени оставалось совсем мало, и ему даже не нужно было притворяться, будто он спешит.

– Хорошо, мистер Фиттих, давайте говорить коротко и по деловому, потому что я очень тороплюсь. Эта сделка будет для вас гораздо выгоднее, чем простая продажа, и я сейчас объясню почему. Возьмите эти деньги и уберите в ящик. О том, что я вам их дал, посторонним знать вовсе не обязательно. Что касается меня, то я сейчас пойду, сяду в "Субару" и поеду на нем туда куда мне нужно, – это, кстати, совсем недалеко. Разумеется, я мог бы воспользоваться для этого своей собственной машиной, но на ней установлено сигнальное устройство, а я не хочу, чтобы за мной следили. Вашу машину я оставлю гденибудь в безопасном месте и не позднее завтрашнего утра перезвоню вам, чтобы сообщить, где она находится, после чего вы можете спокойно ее забрать. Как видите, речь идет не о покупке, а только об аренде. Вы сдаете мне напрокат ваш самый дешевый автомобиль и получаете за это две тысячи долларов наличными. Самое худшее, что может случиться, это то, что я не позвоню. В этом случае у вас останутся деньги, а "Субару" можете списать как украденный.

Фиттих продолжал вертеть в руках водительскую лицензию Джо.

– А что я скажу, если ктонибудь начнет интересоваться, почему я отпустил вас обкатывать машину одного, пусть даже у меня осталась копия вашей лицензии?

– Скажете, что парень показался вам заслуживающим доверия, – быстро отозвался Джо, который заранее обдумал этот вопрос. – Скажете, что лицензия была настоящая, с фотографией; к тому же вы не могли бросить магазин, потому что ждали клиента, который заходил к вам утром и пообещал купить лучший кусок железа на колесах, какой только найдется у вас на площадке.

– Вы, похоже, все предусмотрели, – согласился продавец, и Джо неожиданно заметил, что улыбчивый и беспечный парень, каким он был в самом начале, исчез. Перед Джо стоял

теперь другой Джем Фиттих – более жесткий, суровый и... неприятный. – Хорошо, – кивнул он и, шагнув к ксероксу, включил его.

Несмотря на это, Джо чувствовал, что Фиттих еще ее принял окончательного решения.

– Даже если сюда кто то придет и начнет задавать вам вопросы, – заметил он как бы между прочим, – эти люди ничего не смогут вам сделать. Да, откровенно говоря, я не думаю, чтобы они стали с этим возиться.

– Вы продаете наркотики? – напрямик спросил Фиттих.

– Нет.

– Дело в том, что я ненавижу торговцев наркотиками.

– Я тоже.

– Они губят наших детей, губят то, что осталось от нашей страны.

– Не могу не согласиться.

– Не то чтобы от нее много осталось... – заключил Фиттих и зорко глянул за окно, на человека на остановке. – Это полицейский?

– Не совсем.

– Дело в том, что я сочувствую полиции. Копам нынче приходится работать не покладая рук, чтобы поддерживать закон и порядок, тем более что мы сами выбираем преступников на руководящие посты в городском управлении и даже выше.

Джо покачал головой:

– Это не те копы, которых мы все знаем.

Фиттих немного подумал, потом сказал:

– Что ж, по крайней мере, это был честный ответ.

– Я стараюсь быть с вами предельно откровенным, – парировал Джо, – но я спешу. Они, должно быть, считают, что я пришел к вам, чтобы нанять механика или вызвать буксировщик. Если вы дадите мне ваш "Субару" – давайте сейчас, пока они не опомнились и не сообразили, в чем дело.

Фиттих снова бросил взгляд за окно, на человека на остановке.

– Это правительственная организация?

– Да, – кивнул Джо. – Во всяком случае – формально.

– Знаете, почему проблема с наркотиками становится все острее? – неожиданно спросил Фиттих. – Потому что половине нынешних политиков было щедро заплачено за то, чтобы они не вмешивались. По чести сказать, я думаю, что среди них полно людей, которые сами употребляют эту дрянь. Поэтому им на все плевать.

На этот раз Джо промолчал, боясь испортить дело неправильной репликой, так как не знал, чем именно досадили Фиттиху власти предрежащие. Одно неверное слово могло превратить Джо из его единомышленника во врага.

Не переставая хмуриться, Фиттих сделал копию водительской лицензии Джо и вернул документ владельцу. Джо спрятал ламинированную карточку в бумажник и вопросительно посмотрел на торговца.

Фиттих уже стоял за столом и разглядывал лежащие перед ним деньги. Похоже, он раздумывал, стоит ли ему помогать этому странному типу, который заявлял, что не является торговцем наркотиками, и в то же время скрывался от какой то правительственной организации. Заработать неприятности Фиттих вряд ли боялся; гораздо больше его волновал моральный аспект проблемы. Наконец трудная борьба завершилась, и он сгреб доллары в ящик.

Из другого ящика Фиттих достал ключи и вручил их клиенту.

– Где стоит этот ваш "Болид"? – уточнил Джо.

– "Субару", – с легкой обидой поправил Фиттих, указывая на упомянутый автомобиль через окно, и добавил: – Имейте в виду, примерно через полчаса мне придется позвонить в полицию и сказать, что у меня угнали одну из моих машин. Просто, чтобы подстраховаться.

– Я понимаю. Надеюсь, к этому времени я уже буду там, куда мне нужно попасть.

– Да не беспокойтесь вы, все равно ее даже искать никто не будет. Можете кататься на

ней целую неделю, и ни один коп вас не остановит.

– Завтра я позвоню вам и укажу, где я ее оставил.

– Надеюсь... Мистер Карпентер! – окликнул его Фиттих, когда Джо был уже у дверей.

– Да? – Джо остановился на пороге.

– Вы верите в конец света?

– Простите, не понял...

Новый Джем Фиттих, сбросивший личину веселого и приветливого парня, был не просто жестче и суровее прежнего. В его глазах появилось какое то странное выражение, и Джо показалось, что они исполнены не то чтобы гнева, а какой то задумчивой печали, которая едва не испугала его.

– Я спросил, верите ли вы в то, что еще при нас миру придет конец и что мы своими собственными глазами увидим гибель того свинарника, в который мы превратили Землю? Верите ли вы, что в один прекрасный день весь наш мир исчезнет, как старый, траченный молью ковер, который кто то свернул и убрал в кладовку?

– Я думаю, что когда то это должно случиться, – осторожно отозвался Джо.

– Не когда то – скоро. И гораздо скорее, чем нам хотелось бы. Разве вы не видите, что все вокруг встало с ног на голову, что хорошее и дурное поменялось местами, а мы... мы уже почти не понимаем, в чем разница между добром и злом?

– Пожалуй...

– Неужели вам не случается неожиданно просыпаться среди ночи от ощущения близкой и грозной опасности, которая надвигается на нас, словно волна в сотню миль высотой; волна, которая темнее ночи и холоднее льда; волна, которая уже нависла над нами и вот вот обрушится, чтобы смыть нас и наш мир?

– Да, – негромко, задумчиво сказал Джо. – Вы правы, именно ночью это чаще всего и бывает...

Черная волна, подобно цунами обрушивавшаяся на Джо по ночам, имела исключительно личную природу, но он не стал об этом распространяться. Достаточно было того, что стена горя и боли вставала над ним достаточно высоко, весомо, зримо, чтобы заслонить от него свет звезд и не дать разглядеть будущее, и порой Джо мечтал быть погребенным ею.

Он чувствовал, что Фиттих, охваченный какой то своей печалью и глубокой меланхолией, тоже мечтает о конце света, означавшем для него и конец его личных страданий, но это открытие не только не успокоило, но, напротив, встревожило Джо. Ожидание грядущей всемирной катастрофы было не только внесоциальным, но и, строго говоря, не слишком нормальным явлением; это была болезнь, от которой Джо только только начал оправляться, однако повсеместное ее распространение заставляло его бояться за пораженное ею общество.

– Непонятные времена, странные... – сказал Фиттих, пожимая плечами, сказал точно таким же тоном, каким некоторое время назад Джо говорил Барбаре о "беспокойных временах". – Сказать по правде, иногда они меня просто пугают.

С этими словами он вернулся к своему креслу и, закинув ноги на стол, вновь обратил свое внимание на экран телевизора.

– Ладно, вам, наверное, пора... – бросил он.

Джо молча спустился с невысокого крыльца и зашагал к желтенькому "Субару". Несмотря на жару, по его спине пробежал холодок.

Мужчина на остановке стоял уже у края проезжей части и нетерпеливо поглядывал то вправо, то влево, совсем как человек, с нетерпением ожидающий автобуса.

Двигатель "Субару" завелся сразу, что называется – с пол оборота, но Джо был достаточно опытным водителем, чтобы уловить издаваемое им неприятное дребезжание. Руль тоже слегка вибрировал в руках, обивка сидений вытерлась и полиняла, а едкий запах скипидара и других чистящих средств не в силах был заглушить застарелую табачную вонь, вьющуюся за многие годы в пластик и застиранные половички.

Даже не взглянув на мужчину на автобусной остановке, Джо вырулил со двора и, свернув направо, проехал мимо своей замершей на обочине "Хонды".

Пикап с переоборудованным кузовом все еще стоял на площадке перед выставленным на продажу зданием.

Проехав до конца квартала, Джо оказался на перекрестке. Здесь он слегка притормозил и, убедившись, что ни слева, ни справа нет машин, с силой нажал на акселератор.

В зеркало заднего вида ему было хорошо видно, как человек с автобусной остановки со всех ног бежит к пикапу, который уже выбирался на улицу. Без передатчика, который остался в "Хонде", его враги вынуждены были держаться в пределах прямой видимости, чтобы снова не потерять его след, хотя при этом они и рисковали засветиться.

Джо фыркнул. За кого, в конце концов, они его принимают? За дурака, что ли?

Миля через четыре Джо удалось оторваться от погони, проехав через оживленный перекресток за мгновение до того, как желтый свет сменился красным. Преследовавший его водитель попробовал проделать то же самое, но ему помешали другие машины, устремившиеся на перекресток справа и слева, и даже сквозь надсадное завывание и стук дряхлого двигателя "Субару" Джо услышал пронзительный визг тормозов пикапа, едва не врезавшегося в вылетевший сбоку грузовик.

* * *

Спустя двадцать минут Джо бросил "Субару" на Хильгарде стрит возле университетского городка – настолько далеко от места, назначенного Деми, насколько осмелился, – и пошел дальше пешком. Ему хотелось броситься бежать, но это означало привлечь к себе внимание, и Джо совладал с собой. Так он дошел до бульвара Уэствуд.

Еще совсем недавно район Уэствуд Вилледж был островком спокойствия и тишины среди бурного городского моря, а его задумчивая красота способна была очаровать любого. Он служил также настоящей Меккой для театралов и любителей хорошо и модно одеться, а его малоэтажная архитектура способна была дать сто очков вперед любому деловому району Большого Лос Анджелеса. По сторонам зеленых, засаженных деревьями улиц выстроились магазины модной одежды, популярные картинные галереи, процветающие театры, ставившие современные и острые драмы и комедии, и самые известные кинотеатры. Иными словами, это было идеальное место, где можно было получить удовольствие, показать себя и заодно поглазеть на других.

К несчастью, благополучие и процветание оказались недолговечны и слишком хрупки, чтобы успешно противостоять ветрам перемен. Настали смутные времена. Напуганные беспорядками власти страдали острым комплексом вины и были склонны рассматривать любые антиобщественные поступки и преступления как законную форму социального протеста и глас народный. В результате Уэствуд Вилледж наводнили бродяги и прочие темные личности; несовершеннолетние хулиганы сбивались в банды; торговля наркотиками процветала, а проституция приобрела почти легальный статус. Разборки между бандитскими группировками и дележ "охотничьей территории" уже несколько раз заканчивались стрельбой, и большинство людей, которые когда то любили проводить здесь свободное время, в конце концов решили, что район становится чересчур оживленным и что приехать сюда – значит подвергнуть себя нешуточной опасности.

В последние пару лет Уэствуд предпринимал отчаянные попытки вернуть себе прежний статус. На улицах стало поспокойнее, однако многие галереи и магазинчики успели закрыться, а их помещения стояли пустыми, поскольку желающих делать здесь бизнес находилось немного. Атмосфера тревоги и нестабильности никак не желала рассеиваться, и это служило лишним доказательством того, что цивилизацию, которая возрастает со скоростью кораллового рифа и уничтожается с пугающей быстротой и легкостью (порой, как выяснилось, достаточно одних лишь благих намерений), нельзя возродить за одну ночь, какие бы титанические усилия ни прилагала полиция, выдворяя с улиц наркоманов и

проституток.

Кофейня для гурманов, несомненно, была реликтом того, старого, Уэствуда, но в ней, к удивлению Джо, оказалось довольно многолюдно. Из открытых дверей доносились экзотические ароматы кофе, сваренного по самым разным рецептам, и голос одинокой гитары, выводящий какую-то медитативную мелодию, состоявшую всего из нескольких повторяющихся аккордов. Несмотря на это, музыка не только успокаивала, но и ласкала слух.

Поначалу Джо собирался исследовать место встречи, понаблюдать за ним хотя бы с противоположной стороны улицы, но теперь у него уже не оставалось на это времени. В две минуты седьмого он встал у дверей кофейни – справа от выхода, как и было условлено, – и стал ждать, пока к нему подойдут.

За шумом улицы и гитарным перебором Джо неожиданно услышал странное металлическое позвякивание, которое моментально насторожило его, хотя он и не мог объяснить почему. Вздвогнув, Джо нервно огляделся по сторонам, пытаясь обнаружить источник звуков.

Прямо над дверью кофейни он обнаружил ветряной колокол – подвижное сооружение почти из трех десятков ложек, отличавшихся друг от друга как размером, так и материалом, из которого они были сделаны. Ложки были искусно соединены друг с другом проволокой так, что, раскачиваясь на ветру, они мелодично позвякивали друг о друга.

В этом, казалось, не было ничего страшного, но память, подобно озорному товарищу детских игр, все звала, все дразнила Джо из бесчисленных потайных уголков прошлого, похожего на запущенный, испещренный пятнами света и теней сад. Двигаясь на этот зов, Джо неожиданно вспомнил кухню в доме Дельманов, вспомнил медную посуду на полках и на крюках, вспомнил развешанные по стенам сверкающие половники, лопаточки, щипчики.

Когда, услышав отчаянный крик Лизы, он спустился из спальни Чарльза, то еще в коридоре до его слуха донесся негромкий и немзыкальный перезвон металлической кухонной утвари, и, ворвавшись в кухню, Джо увидел, как приплясывают на полках кастрюли, а сковороды раскачиваются из стороны в сторону, словно маятники.

К тому моменту, когда он заметил на полу труп Джорджины, посуда уже успокоилась, а Джо был не в том состоянии, чтобы задумываться, что, собственно заставило двигаться эти неодушевленные предметы. Теперь, вспоминая тот страшный вечер, он был готов поклясться, что пол и стены дома оставались неподвижными, а Лиза и Джорджина находились слишком далеко, в дальнем конце сильно вытянутого помещения кухни, да они и не могли бы заставить кастрюли на полках подпрыгивать, сталкиваясь друг с другом.

Землетрясение исключалось; правда, несильные подземные толчки в Калифорнии никогда не были редкостью, но о них, как правило, обязательно писали в газетах или говорили по радио. Правда, Джо уже давно не слушал радио и не смотрел телевизор, но он не сомневался, что так или иначе узнал бы о землетрясении либо в самолете, либо в аэропорту.

Почему то ему казалось, что загадка странного поведения посуды очень важна, что она стоит в одном ряду со взбесившимися цифрами на табло электрического будильника и неожиданным прыжком пламени за стеклами масляных ламп, и чем больше Джо об этом раздумывал, тем сильнее становилось его ощущение, что разгадка близка и что скорлупа его неведения уже начинает трескаться под мощными ударами инстинктивного прозрения.

Затаив дыхание, Джо попытался сосредоточиться и выудить из хаоса фактов и наблюдений то общее, что связывало вместе все три загадки, но сразу почувствовал, как озарение отступает обратно в глубины подсознания. В отчаянии он попытался уловить это ускользающее знание, но тщетно – оно увернулось от его протянутых рук и ушло, чтобы неожиданно негаданно всплыть в другом месте и в другой раз.

Возможно, разочарованно подумал Джо, что ни одно из этих событий не имело никакой тайной подоплеки. Подумаешь, испорченные часы, случайный сквозняк, легкое дребезжание посуды! Если смотреть на мир сквозь призму острой паранойи – а именно так он смотрел на все окружающее в последние два дня, то каждый упавший с дерева лист, каждый вздох ветра и каждая шевельнувшаяся тень могут показаться исполненными самого зловещего смысла,

которого в них на самом деле нет. Впрочем, на сей раз Джо был не сторонним наблюдателем, не репортером, описывающим события, которые его не касаются, а жертвой, главным действующим лицом, поэтому ему, возможно, не следовало слишком полагаться на свой журналистский инстинкт, который заставлял его драматизировать самые обыкновенные события и придавать огромное значение этим мелким, хотя и странным деталям.

Пока Джо размышлял подобным образом, мимо него прокатился на роликовых коньках рослый темнокожий подросток в шортах и белой майке с эмблемой Лос Анджелесского университета. Занятый своими мыслями, Джо не обращал на него никакого внимания, пока роллер не развернулся и, остановившись прямо перед ним, не сунул ему прямо в руки сотовый телефонный аппарат.

– Вот, вам это понадобится, – сказал подросток низким басом, который в пятидесятые годы был бы настоящей находкой для любой группы стиля ду вап.

Прежде чем Джо успел что либо ответить, роллер укатил, отталкиваясь от асфальта сильными голенастыми ногами.

Телефон в руках Джо загудел.

Оглядевшись по сторонам, Джо попытался определить место, откуда за ним наблюдают, но ему так и не бросилось в глаза ничего подозрительного.

Телефон издал еще один курлыкающий гудок, и Джо поднес аппарат к уху.

– Алло?

– Назовите ваше имя.

– Джо Карпентер.

– Кого вы ждете?

– Я не знаю ее имени.

– Как вы зовете ее?

– Деми.

– Пройдите полтора квартала на юг. Там поверните направо и идите прямо, пока не упретесь в книжный магазин. Магазин будет открыт. Внутри найдите секцию биографических изданий.

Звонивший дал отбой, и Джо с легким сожалением подумал, что ему, пожалуй, так и не удастся выпить кофе в заведении для гурманов.

* * *

Согласно расписанию, нанесенному посредством трафарета на стеклянные двери книжного магазина, по воскресеньям он работал до шести часов. Наручные часы Джо показывали четверть седьмого. Сквозь высокие витрины он хорошо видел, что светящиеся панели подсветки на прилавках и стеллажах в передней части торгового зала уже погашены и только в глубине еще мерцал свет. Дверь, однако, оказалась не заперта.

Когда Джо вошел в зал и огляделся, то увидел за стойкой кассы одного из служащих магазина. Это был худой и жилистый, как жокей, негр лет тридцати пяти – сорока. Его костлявое лицо украшали усы и жидкая козлиная бородка, а на носу красовались очки в роговой оправе. Линзы очков были такими толстыми, что глаза негра казались огромными и черными – точь в точь как у главного дознавателя инквизитора в кошмарном сне про средневековье.

– Секция биографий, будьте добры... – обратился к нему Джо, чувствуя, как во рту у него пересохло от волнения.

Выступив из за стойки, негр молча указал рукой в глубь помещения, где за темными стеллажами еще горел свет.

Шагая по лабиринту между книжными полками, Джо услышал, как негр возится с засовом на входной двери магазина, запирая ее.

В проходе секции биографических изданий стоял еще один негр. Его массивная фигура выглядела так, словно была целиком высечена из эбенового дерева, а лицо хранило

безмятежное, как у Будды, выражение, однако что то подсказало Джо, что этот человек умеет в зависимости от обстоятельств либо идти вперед, сокрушая все на своем пути, либо стоять насмерть.

– Руки на стену, ноги расставить! – властно скомандовал негр, и Джо сразу понял, что имеет дело с полицейским или, по крайней мере, с бывшим полицейским. Послушно повернувшись лицом к стеллажу, он пошире расставил ноги и уперся руками в полку, глядя на корешки выставленных здесь книг. Один толстый том почему то сразу привлек его внимание. Это была биография Генри Джеймса, писателя.

Генри Джеймс...

По какой то причине даже это имя показалось Джо исполненным тайного смысла, но он сразу оборвал себя, подумав, что все окружающее и в особенности фамилия давно умершего писателя – только кажется значительным, на деле не являясь таковым.

Негр тем временем с профессиональной ловкостью обыскал его, проверяя, по всей видимости, отсутствие оружия или замаскированного передатчика. Не найдя ничего подозрительного, он сказал:

– Покажите мне какое нибудь удостоверение личности.

Отвернувшись от стеллажей, Джо достал из кармана бумажник и показал копу свою водительскую лицензию. Тот внимательно поглядел сначала на лицо Джо, потом на фотографию, прочитал описание примет, сравнил их с приметами стоявшего перед ним человека и только потом вернул документ.

– Подойдите к кассиру.

– Что? – переспросил Джо.

– К человеку, который вас впустил.

Жилистый негр с козлиной бородкой ждал возле входной двери. Увидев выходящего из за стеллажей Джо, он отодвинул засов и отпер дверь.

– Телефон все еще при вас? – спросил он.

Джо молча протянул ему аппарат.

– Нет, оставьте его у себя, – сказал кассир. – Вон там, у обочины, стоит черный "Мустанг". Ключи торчат в зажигании. Доедете до бульвара Уилшир и свернете на запад. Вам позвонят.

Он открыл дверь, и Джо посмотрел на автомобиль.

– Чей это? – спросил он.

Глаза за толстыми, как донышки бутылок, линзами очков уставились на него так, словно он был бактерией на предметном стекле микроскопа.

– Какая разница – чей?

– В самом деле, никакой...

Джо вышел из магазина, сел в "Мустанг" и запустил мотор.

Доехав до бульвара, Джо повернул направо, как ему было указано. Черный "Мустанг" был ровесником "Субару", но мотор его работал намного лучше, а в салоне было чище, да и пахло здесь не скипидаром, а мятным лосьоном после бритья.

Вскоре после того, как Джо проехал под эстакадой сан диэгского шоссе, сотовый телефон снова зазвонил.

– Слушаю, – сказал Джо в трубку и услышал в ответ уже знакомый ему голос, который направил его в книжный магазин.

– Вы должны доехать до Санта Моники, остановиться на побережье и ждать дальнейших указаний, – объяснил голос. – Я вам позвоню.

– Хорошо.

– По дороге нигде не останавливайтесь. Вам ясно?

– Вполне.

– Если вы остановитесь, мы сразу об этом узнаем.

Эти люди – союзники или друзья Деми и Розы – были поблизости и "вели" его, прячась в потоке движения либо впереди, либо позади "Мустанга", а может быть, и там и там

одновременно. Но Джо не собирался их высматривать.

– И не пытайтесь воспользоваться аппаратом, чтобы позвонить кому то еще, – предостерег голос. – Это тоже станет нам известно.

– Я понял.

– Кстати, ответьте мне на один вопрос. Машина, на которой вы сейчас едете... почему вы спросили, чья она?

– Меня разыскивают какие то темные личности, – ответил Джо. – Я уверен, что это очень опасные люди, и если они меня схватят... Словом, мне не хотелось бы, чтобы невинные люди попали в беду из за того, что я воспользовался их машиной.

– Весь мир попал в беду, парень. В большую беду. Разве ты этого до сих пор не понял? – спросил голос и отключился.

Джо смотрел на дорогу и думал, что, за исключением, быть может, бывшего полицейского из книжного магазина, люди, которые прятали Розу Такер, оставались любителями с весьма ограниченными возможностями, особенно если сравнивать их с натасканными головорезами из "Текнолджик", в распоряжении которых, кроме самого современного полицейского оборудования, были еще и миллионы Гортон Неллора. Вместе с тем они, бесспорно, были любителями серьезными и вдумчивыми, способными быстро учиться и обладающими недюжинными способностями к игре, в которую они ввязались.

* * *

Джо только что въехал в Санта Монику, и океан был еще довольно далеко впереди, когда перед его мысленным взором неожиданно возник переплет книги с вытисненным золотом именем – "Генри Джеймс".

Генри Джеймс.

Ну и что?..

В памяти Джо само собой всплыло название самой знаменитой повести этого писателя – "Поворот винта". В любом списке самых популярных художественных произведений о духах и призраках эта повесть неизменно занимала одно из мест в первой десятке.

О духах...

Похоже, непонятное поведение пламени масляных ламп, бешеное мигание цифр на табло часов и странные танцы кухонной утвари были все таки связаны между собой, и чем подробнее Джо вспоминал эти поразившие его картины, тем проще ему было почувствовать за ними какую то сверхъестественную движущую силу, хотя он и допускал, что воображение снова может его подвести, заставив принять желаемое за действительность.

Но детали, вспоминаясь ему одна за другой, лишь подтверждали начинавшую формироваться у него в голове теорию. Взять хотя бы мигающий светильник в прихожей, который он заметил, когда спешил на звук выстрела в спальню Чарльза Дельмана. За последовавшими жуткими событиями он напрочь позабыл эту маленькую подробность, и только теперь вспомнил, а она, в свою очередь, заставила его подумать о многочисленных фильмах и телепостановках, в которых так или иначе фигурировали спиритические сеансы и разговоры с духами. Конечно, массовая голливудская продукция не могла служить надежным справочным пособием по изучению законов потустороннего мира, однако и там пламя свечей металось, факелы принимались коптить, а электрический свет мигал именно в тот момент, когда дверь между мирами начинала тихонько приоткрываться.

Значит, духи?...

Абсурд.

Даже хуже, чем абсурд. Это чистой воды безумие!

Духов не бывает.

Но услужливая память тут же напомнила Джо о том, что произошло за мгновение до того, как он пулей вылетел из дома Дельманов.

Подгоняемый пронзительным воем пожарной сигнализации Джо промчался по

коридору и, выскочив в длинную прихожую, со всех ног ринулся к выходу. Его рука уже легла на ручку двери, когда сзади его с шипением настиг пронизывающий холод, от которого встали дыбом волосы на затылке и заledenел позвоночник. В следующее мгновение Джо оказался уже на крыльце. Как он открыл дверь, Джо не помнил.

Поначалу это воспоминание тоже казалось ему значительным – во всяком случае, оно оставалось таковым, пока Джо был склонен видеть в нем глубокий смысл, – однако природный скептицизм постепенно взял свое, и инцидент у дверей начал представляться в ином свете. Да, действительно, если в эти минуты он вообще способен был чувствовать что то кроме страха, то это скорее всего был бы жар, а отнюдь не пронизывающий холод. Да, оглядываясь назад, Джо признавал, что этот холод вовсе не был похож на страх, который ему не раз доводилось испытывать в последние два дня: он не охватят его изнутри, не растекался по коже, а кольнул в спину как сосулька, – нет, как стальной кинжал, долго хранившийся в криостате, как спица, как игла, вонзившаяся в позвоночник. Вместе с тем все это было чисто субъективным впечатлением, описанием того, что он чувствовал, а не выверенным и непредвзятым суждением журналиста, описывающего реальное явление. В те мгновения Джо пребывал в состоянии паники и мог почувствовать множество любопытных и странных вещей, но все они были скорее всего просто нормальной физиологической реакцией организма на стресс. Тот факт, что он не помнил, как открыл дверь и спустился с крыльца, тоже можно было объяснить паникой, стрессовой ситуацией и пробуждением могучего первобытного инстинкта самосохранения, который заставил Джо действовать не раздумывая.

Нет, духи, пожалуй, здесь ни при чем.

Покойся в мире, Генри Джеймс...

Джо продолжал ехать по улочкам Санта Моники, и, по мере того как он приближался к побережью, его вера в сверхъестественное слабела, вновь уступая место логике и здравому смыслу.

Несмотря на это, предположение, что в доме Дельманов действовали сверхъестественные силы, казалось ему не лишенным рационального зерна. Почему то Джо казалось, что когда рано или поздно он найдет объяснение всему происшедшему, то факты выстроятся в логические цепочки в соответствии с принципами, которые в другое время он назвал бы бредовыми и которые имели право на существование, только если допустить, что сверхъестественное существует. Тем не менее он не сомневался, что совсем скоро у него в руках будет стройная, подкреплённая доказательствами и в то же время – невероятная теория, которая будет столь же логична и правдоподобна, как и скрупулезно выверенная проза Генри Джеймса.

Игла... Ледяная игла, которая легко пронзила кость и достигла нервных волокон позвоночного столба. Холодная острая игла, которая быстро ввела внутрь что то холодное и исчезла...

Почувствовала ли Нора Ваданс этот укол за мгновение до того, как встать из за стола и выйти на задний двор с ножом в руках?

Почувствовали ли эту странную инъекцию Чарльз и Джорджина Дельманы?

А Лиза?..

А капитан Делрой Блейн? Ощутил ли он укол в позвоночник, прежде чем отключил автопилот, нокаутировал своего второго пилота и хладнокровно направил самолет носом в землю?

Нет, разумеется, это не призрак, но нечто столь же страшное и злобное, как извергнутый преисподней дух трижды проклятого существа, которое вернулось на землю, чтобы мстить живым... Нечто похожее на призрак.

* * *

Когда до побережья оставалось всего два квартала, сотовый телефон зазвонил в третий раз.

– Поворачивайте направо на прибрежное шоссе и двигайтесь прямо, пока мы не вызовем вас снова, – сказал голос.

Сворачивая, Джо бросил взгляд за окно. Солнечный свет над океаном постепенно сгущался, становясь все более желтым, как лимонный соус на сковороде.

В Малибу телефон снова зазвонил. Джо было приказано свернуть на боковую дорогу, ведущую к "Приморскому Санта Фе" – небольшому ресторану, стоящему на высоком обрывистом берегу над заливом.

– Телефон оставьте на пассажирском сиденье, а машину поручите служителю на стоянке. Он знает, кто вы такой. Столик зарезервирован на ваше имя.

Огромный ресторан напоминал глинобитное индейское пуэбло, целиком перенесенное сюда откуда нибудь из пустынных районов Нью Мексико. Его двери и оконные наличники были выкрашены светло бирюзовой краской, а дорожки вымощены красными глиняными плитками. Сходство с жилищем индейцев усиливали мясистые кактусы, прекрасно чувствовавшие себя на клумбах с подушкой из мелкой белой гальки, и два куста эрики, из плотной и темной листвы которой выглядывали россыпи мелких белых цветов.

Служитель на автостоянке оказался в высшей степени представительным мексиканцем, способным дать сто очков вперед любой латиноамериканской кинозвезде прошлого и настоящего. Особенно хорош был обжигающий, трагически мрачный взгляд его черных как угли глаз, который он, несомненно, отрабатывал перед зеркалом на случай, если ему вдруг представится возможность блеснуть перед камерой. Как и предупредил голос по телефону, служитель был в курсе; во всяком случае, никакой квитанции за "Мустанг" Джо от него не дождался.

Во внутреннем убранстве ресторана был выдержан тот же индейский стиль. Потолок поддерживали длинные и мощные сосновые стропила; нарочито неровные стены были выкрашены известкой, а пол покрывали все те же красные глиняные плитки. Столы, стулья и другие предметы обстановки тоже следовали юго западному стилю, но, к счастью, не доводили его до абсурда, являясь вполне цивилизованными копиями авторских моделей Роберта Скотта "Скотт, Джей Роберт – популярный в США художник примитивист и мебельный дизайнер, работы которого являются подражанием индейскому декоративному стилю", причем не самыми дешевыми копиями. Разглядывая их, Джо машинально отметил, что художнику декоратору, расписавшему их примитивными индейскими узорами, хватило вкуса и здравого смысла ограничить свою палитру приглушенными пастельными тонами, характерными для классических мотивов навахо.

Как бы там ни было, на постройку и убранство ресторана, при всей его кажущейся примитивности, ушло, наверное, целое состояние, и Джо остро почувствовал, что плохо вписывается в этот богатый интерьер. В последний раз он брился часов двадцать назад, перед самой поездкой в Колорадо, и лицо его покрывала неопрятная щетина. Синие джинсы волновали его не так сильно, поскольку и модные продюсеры, и большинству современных кинозвезд мужского пола предпочитали молодежный стиль, и Джо было известно, что даже в высшем обществе Лос Анджелеса джинсы считались вполне приемлемой одеждой, если только речь не шла об официальном приеме высшего ранга. Другое дело – его новая вельветовая куртка, которая сначала намокла, потом высохла прямо на нем и не только потеряла всякую форму, но и покрылась многочисленными неопрятными складками, благодаря чему Джо выглядел не то как бродяга, не то как пьяница, прошедший предыдущую ночь на полу.

Но вопреки его опасениям молоденькая старшая официантка – прелестная, как десять кинозвезд Голливуда, вместе взятых, – не обратила на его вид никакого внимания, а если и обратила, то он не показался ей ни отвратительным, ни странным. Стоило Джо назвать свою фамилию, как она отвела его к накрытому на двоих столику у окна.

Вся западная стена ресторана была прозрачной, и неистовое сияние садящегося солнца сдерживали лишь тоненькие жалюзи из тонированного пластика. Вид отсюда открываются очень живописный, и Джо невольно залюбовался изящным изгибом береговой линии,

которая ограничивала небольшой залив внизу с севера и с юга; что же касалось океана, то он был прекрасен в любое время суток, а не только на закате. Определенно, строители ресторана знали, что делали.

– Ваша знакомая просила передать, что задержится и чтобы вы начинали ужинать без нее, – объяснила официантка, имея в виду, очевидно, Деми. – Она присоединится к вам несколько позднее.

Такой поворот событий пришелся Джо не по душе. Откровенно говоря, он совсем ему не понравился. Джо не терпелось встретиться с Розой, не терпелось узнать все, что она хотела ему сказать, и расспросить про Нину, и эта непредвиденная задержка встревожила и напугала его.

С другой стороны, Джо не оставалось ничего иного, как играть по навязанным ему правилам.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил он и стал дожидаться официанта, который обслуживал его столик.

Официант тоже оказался красавцем хоть куда. Если бы Том Круз сделал себе пластическую операцию по улучшению внешности, только тогда он, пожалуй, сравнялся бы по красоте и обаянию с парнем, которому Джо заказал кружку пива. Официанта звали Джин, и его светло голубые глаза, напоминавшие своим цветом пламя газовой горелки, сверкали так, словно яркие искры были вживлены ему в роговицу хирургическим путем.

В ожидании заказа Джо вышел в туалетную комнату, чтобы взглянуть на себя в зеркало, и даже сморщился от отвращения. Покрасневшие глаза и щетина, густо покрывавшая щеки Джо, делали его похожим на одного из преступных братьев Бигл из комикса о приключениях Скруджа Макдака. Предвидя тщетность своих усилий, он все же умылся холодной водой, причесался и тщательно разгладил куртку руками, но даже после этого Джо выглядел так, что его нужно было сажать не возле окна, а где нибудь в темном уголке возле мусоропровода.

Вернувшись за столик и потягивая холодное, только что со льда, пиво, Джо коротал время, разглядывая остальных посетителей. В некоторых из них он узнал голливудских знаменитостей, что, учитывая класс ресторана, было вовсе не удивительно. Например, всего в трех столиках от него сидел популярный актер, исполнявший в боевиках роли героев. Щетина на его щеках была еще гуще и длиннее, чем у Джо, а волосы находились в беспорядке и торчали во все стороны, как у беспокойного мальчишки сорванца, который только что проснулся. Одет он был в потертые черные джинсы и светлую свободную рубашку с плиссированной грудью.

Еще ближе, но с другой стороны сидел другой актер – лауреат премии "Оскар", – известный, помимо того, своим пристрастием к героину. Его одежда выглядела еще более эксцентрично, словно он выбирал ее в темном чулане в минуты навязанного наркотиком синтетического блаженства. Черные кожаные мокасины на босу ногу, брюки для гольфа из зеленой шотландки, спортивная куртка некрупную коричневую клетку и бледно голубая хлопчатобумажная рубашка выглядели достаточно безвкусно, но их вызывающий диссонанс с успехом затмевали налитые кровью глаза и воспаленные, ярко красные веки.

Поняв, что на этом фоне его куртка может показаться верхом приличия, Джо слегка расслабился и решил отдать должное обеду, который появился перед ним точно по мановению волшебной палочки. Густой суп из желтой кукурузы и суп пюре из черной фасоли были налиты в одну тарелку таким образом, что почти не смешивались и образовывали нечто вроде китайских символов Инь и Янь. Копченая лососина покоилась на ложе густой сальсы, которая – наверное, в виде исключения – состояла не только из красного перца, но и из сока манго. И суп, и рыба оказались очень вкусными и нежными.

Наслаждаясь едой, Джо продолжал поглядывать в сторону посетителей, хотя закатный морской пейзаж тоже заслуживают внимания. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что публика подобралась вполне под стать ресторану. Даже тот, кто не был знаменит, выглядел достаточно импозантно или, по меньшей мере, колоритно; некоторые персонажи забавляли Джо, другие, напротив, вызывали его невольное восхищение, однако

абсолютно все – и гамлеты, и петрушки – исполняли какую то роль, все были актерами хоть куда. И ничего удивительного Джо в этом не усматривал. Лос Анджелес был самым ярким, самым больным, самым безвкусным, самым элегантным, самым сообразительным, самым тупым, самым передовым, самым консервативным, самым щедрым, самым эгоистичным, самым самоуглубленным, самым деловым, самым деполитизированным и самым артистичным городом на планете, который – как и многие другие города – был жаден до денег, снисходителен к преступникам, равнодушен к нарядам и слишком увлекался поисками высшего смысла, оставаясь при этом слишком ленивым. Но какие бы два его района не взял для скрупулезного анализа вдумчивый исследователь – будь то шикарный Бель Эйр или нищий Уоттс, – он очень скоро обнаруживал, что, несмотря на разительные внешние отличия, и там и там людьми правят одни и те же дикие желания, одни и те же надежды и разочарования.

Заканчивая обед (на десерт был хлебный пудинг с дольками вяленого манго и мороженое с ялапаньей "Ялапанья – разновидность мексиканского жгучего перца"), Джо неожиданно подумал о том, как сильно ему нравится наблюдать за людьми подобным образом. Раньше они с Мишель подолгу бродили по таким разным местам, как Родео драйв и Сити уок, разглядывая прохожих, давая им характеристики и споря о деталях (у них это называлось "пешим психоанализом"), однако после катастрофы рейса 353 другие люди перестали интересовать Джо. Он замкнулся на себе, на своей боли и перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг.

Должно быть, мысль о том, что Нина жива, и надежда вскоре отыскать ее постепенно возвращали Джо к жизни.

От размышлений его отвлекло появление плотной, коренастой темнокожей женщины в красном с золотом гавайском муму и с двумя фунтами дорогой бижутерии на шее и на запястьях, которая сменила миловидную старшую официантку. На глазах Джо она провела к ближайшему от него столику двух клиентов, которые только что вошли в зал.

Оба были одеты в черные брюки, белые шелковые рубашки и черные кожаные пиджаки тончайшей выделки. Мужчину постарше отличали большие и печальные собачьи глаза и большой чувственный рот, который при желании мог обеспечить своему обладателю выгодный контракт с "Ревлоном" по рекламе губной помады. На вид мужчине было лет сорок, но черты его лица все еще сохраняли следы былой привлекательности, так что, если бы не большой деформированный нос красновато сизого оттенка, свидетельствующий о продолжительном знакомстве с Бахусом, он вполне мог сойти за метрдотеля в отставке. Кроме того, Джо вскоре заметил, что полные губы мужчины никогда не смыкались плотно, и это придавало его лицу отсутствующее, почти бессмысленное выражение.

Его спутника, выглядевшего лет на десять моложе, отличали светлые голубые глаза и такая розовая кожа, словно его только что ошпарили крутым кипятком. По его губам блуждала нервная улыбка, которую ему никак не удавалось сдержать, отчего он производил впечатление хронически неуверенного в себе человека.

Гибкая и стройная брюнетка, ужинавшая с красноглазым актером – любителем героина, немедленно заинтересовалась пожилым прищельцем, губы которого, как показалось Джо, отдаленно напоминали подвижный, чувственный рот Мика Джаггера. Ее не смутил даже его нос, походивший цветом на недеспелую сливу. Взгляд брюнетки был таким многозначительным и настойчивым и сопровождался такой откровенной и обольстительной улыбкой, что мужчина среагировал на него практически мгновенно – точь в точь как форель, бросающаяся из глубины на жирного жука, упавшего на водную гладь. Впрочем, Джо тут же подумал, что еще неизвестно, кто из этих двоих был хищной рыбой, а кто – лакомым кусочком.

Актер наркоман очень скоро уловил интерес своей подруги и тоже начал таращиться на человека с печальными глазами, но явно не для того, чтобы попытаться с ним заигрывать. Неожиданно он поднялся – так резко, что чуть не опрокинул стул, – и заложил решительный хмельной вираж в направлении соперника, собираясь не то придушить его, не то заблевать

ему пиджак, однако в последний момент какая то сила повлекла его в сторону, и актер исчез в коридоре, ведущем к туалетам.

Все это время мужчина с грустными глазами спокойно поглощал креветки с кукурузой. Нанизывая скрюченное розовое тельце на кончик вилки, он окидывал его критическим взглядом и лениво слизывал с зубцов. При этом на лице гурмана появлялось довольное, почти сладострастное выражение, которое, будучи отчасти адресовано брюнетке, яснее всяких слов говорило, какая замечательная роль ей уготована и как все будет, если ему удастся залучить красотку в свою постель.

Брюнетку эта демонстрация не то возбуждала, не то, напротив, вызывала в ней отвращение. Джо, во всяком случае, не мог с уверенностью сказать, какая из эмоций написана на ее лице, возможно – что обе, и в этом тоже не было ничего странного: для многих жителей Лос Анджелеса упомянутые чувства были неразрывно связаны между собой, словно сиамские близнецы. Как бы там ни было, не прошло и нескольких минут, как брюнетка пересела за столик пришельцев в кожаных пиджаках.

Джо как раз размышлял о том, насколько интересными и заслуживающими его внимания могут оказаться дальнейшие события, когда из туалета вернулся обездоленный киногерой. Как и следовало ожидать, вокруг ноздрей актера виднелся легкий налет тончайшего белого порошка, поскольку современный герой был достаточно хорошего качества, чтобы его можно было нюхать. Но, прежде чем наступила развязка, возле столика Джо остановился официант. Сверкнув электрическими искрами глаз, он шепнул Джо, что за ужин платить не надо и что Деми ожидает его на кухне ресторана.

Несколько удивленный, Джо все же оставил чаевые и, следуя указаниям официанта, пошел в коридор к туалетам, откуда можно было попасть на кухню через служебный ход.

Снаружи уже наступили светлые летние сумерки. Сплюснутый шар солнца лежал на плоском, как сковорода, горизонте, словно яичный желток с кровавой прожилкой, постепенно приобретая все более темный оттенок, но Джо, шагая через весь зал между занятых столиков, продолжал думать о брюнетке и о двух мужчинах в кожаных пиджаках. В памяти как заноза засела какая то важная мысль, которая покалывала его мозговые извилины, но никак не давалась в руки, и к тому времени, когда Джо достиг ведущего к двери в кухню коридора, ощущение *deja vu* усилилось настолько, что он не выдержал и обернулся.

Соблазнитель с печальными глазами сидел за столиком и держал перед собой вилку с насаженной на нее креветкой. Брюнетка что то сладко мурлыкала, ошпаренный нервно улыбался.

Недоумение Джо превратилось в тревогу.

В первое мгновение он даже не понял, почему во рту у него вдруг пересохло, а сердце бешено застучало, но прошло всего несколько секунд, и вилка превратилась в острое лезвие ножа, а креветка стала тонким ломтиком желтого со слезой сыра. Джо даже вспомнил его название – сыр назывался "Гауда".

Двое мужчин и женщина, но не в ресторане, а в полутемном номере гостиницы. Не распутная, скучающая брюнетка, а Барбара Кристмэн. А мужчины... если не те же самые, то их близнецы.

Конечно, Джо ни разу не видел ночных гостей Барбары и мог полагаться только на их краткое, но очень точное описание. Старый и молодой: печальные собачьи глаза, толстые чувственные губы, нос, покрасневший от неумеренных возлияний, у одного, розовая кожа, холодные голубые глаза, неуверенная улыбка у другого...

Больше суток прошло с тех пор, как Джо навсегда похоронил в себе способность верить в самые удивительные совпадения. Сомнений больше не оставалось. Невероятно, но люди из "Текнолджик" снова выследили его.

* * *

Джо торопясь прошел по коридору и, толкнув дверь в кухню, очутился в просторном

предбаннике, который в настоящее время использовался для приготовления салатов и холодных закусок. Двое поваров в белоснежных халатах ловко орудовали сверкающими ножами, наполняя большие миски рубленой зеленью. На Джо они даже не обернулись.

В главном цехе кухни Джо дожидалась коренастая темнокожая женщина в просторном муму, но ни яркая расцветка ее платья, ни каскады искусственных жемчужин на шее не могли скрыть ее волнения и тревоги. Ее красивое, живое лицо джазовой "большой мамы" самой природой было предназначено для добродушного веселья, но в глазах не было и намека на смех.

– Меня зовут Махалия, – представилась она своим сочным, с легкой хрипотцой голосом, и Джо понял, что именно ее он называл Деми в телефонном разговоре. – Извини, что не смогла с тобой поужинать, Презентабельный Джо. Мне и самой жаль, но наши планы слегка изменились. Следуй за мной, красавчик...

Она повернулась с величественной грацией большого корабля на рейде и решительно двинулась через оживленную кухню, по которой стремительно носились туда и сюда повара, поварята, подсобные рабочие, разносчики и официанты. Огромные плиты, духовки и грили парили, шкворчали, дымились, источая обжигающий жар и резкие ароматы мексиканской кухни, от которых у Джо засвербело в носу и захотелось чихнуть.

Шагая следом за Махалией, Джо спросил:

– Значит, вы знаете...

– Конечно, – откликнулась негритянка. – Сегодня все это было в программе новостей. Не пойму я вас, журналистов: сначала показываете людям ужасы, от которых у белых волосы начинают в колечки заворачиваться, а потом пытаетесь всучить им кукурузные палочки и гигиенические прокладки.

Джо положил руку на плечо Махалии и заставил ее остановиться.

– В программе новостей?

– Некоторые люди погибли после того, как она поговорила с ними. Убиты...

Даже несмотря на то, что кухонный персонал продолжал деловито сновать во все стороны, вокруг них образовалось свободное пространство, создававшее впечатление конфиденциальности, а звяканье кастрюль, жужжание миксеров, лязг поварешек и ножей, посвистывание сбивалок, шипение пара, шкворчание растопленного жира и прочие звуки, сопровождавшие процесс приготовления пищи, надежно заглушали их разговор, не позволяя ему достичь посторонних ушей.

– Конечно, в новостях это обозвали каким то другим словом, – заметила Деми Махалия, – но все равно это убийство.

– Я не это имел в виду, – нетерпеливо возразил Джо. – Я говорил о мужчинах в ресторане.

– О каких мужчинах? – нахмурилась Махалия.

– Двое мужчин в черных кожаных пиджаках, белых рубашках и черных брюках...

– Я помню. Я сама усаживала их за столик.

– Да, конечно. Минуту назад я узнал обоих.

– Плохие мальчики?

– Хуже не бывает.

Махалия озадаченно покачала головой.

– Как это может быть, Джо? Мы уверены, что за тобой никто не следил.

– За мной – нет, но, может быть, они следили за кем то из вас. За тобой. Или за кем то другим, кто прячет Розу.

– Самому дьяволу пришлось бы попотеть, если бы он вздумал искать Роз через кого то из нас.

– И все же, – не отступал Джо, – они каким то образом узнали, кто прятал ее весь этот год, и сейчас, должно быть, подтягивают сюда свои основные силы.

– Никто не посмеет тронуть Роз и кончиком мизинца, – с непреклонной уверенностью сказала Махалия, мрачно поглядев вокруг.

– Она здесь? – уточнил Джо.

– Да, ждет тебя.

Джо показалось, что внутри у него все заledenело.

– Ты не слушаешь меня, Деми, Махалия или как там тебя на самом деле... – твердо сказал он. – Эти двое никогда не явились бы сюда одни. Скорее всего где то поблизости скрываются остальные, которые только ждут сигнала... Я не удивлюсь, если у них здесь настоящая маленькая армия.

– Возможно, – согласилась Махалия, и на ее темнокожем лице появилось суровое и решительное выражение. – Но они еще не знают, с кем им придется иметь дело, Презентабельный Джо. Мы – баптисты!

Джо, абсолютно уверенный, что не расслышал ее последних слов или не так их понял, поспешил догнать Махалию, которая пошла через кухню дальше.

Добравшись до противоположной стены, они прошли сквозь открытую дверь в сверкающий чистотой овощной цех, в котором перед отправкой на кухню мыли и чистили разнообразные фрукты и овощи. До закрытия ресторана оставалось еще довольно много времени, но здесь уже никто не работал, и Джо был поражен царившей здесь тишиной.

За этим подсобным помещением находилась весовая с низким потолком и бетонным полом. Здесь было довольно прохладно, а в воздухе пахло свежим салатом, перцем, подгнившим луком и сырым упаковочным картоном. Справа на подпирающих потолок сборных стеллажах были расставлены ящики из под фруктов и овощей, картонные коробки и решетчатые контейнеры, полные пустых пивных бутылок; слева располагались грузовые лифты и подъемники, а впереди, под светящейся табличкой с надписью "Выход", Джо увидел широкие стальные ворота, через которые в весовую попадали доставочные грузовики.

– Роз там, внизу, – сказала Махалия, нажимая кнопку вызова лифта, и через мгновение перед Джо бесшумно распахнулась автоматическая дверь.

– А что там у вас? – поинтересовался Джо. – Бомбоубежище? Бункер?

– Банкетный зал с выходом на причал, на котором раньше можно было устраивать грандиозные приемы прямо на открытом воздухе. Когда то этот лифт помогал обслуживать гостей, но теперь мы не можем использовать причал по назначению, поскольку у Службы управления береговой зоной очень строгие правила. Банкетный зал сейчас закрыт и служит в качестве склада. Когда ты спустишься туда, Презентабельный Джо, я позову моих мальчиков, и они передвинут стеллажи к этой стене, чтобы замаскировать лифт. Никто его не найдет, никто даже не догадается...

Джо почувствовал себя неуютно. Ему очень не хотелось лезть в эту мышеловку.

– А если они начнут искать и найдут лифт? – спросил он.

– Пожалуй, я перестану звать тебя Презентабельный Джо, – сказала Махалия задумчиво. – Трусилка Джо идет тебе гораздо больше.

– В конце концов они обязательно придут сюда, – не сдавался Джо. – Я бы, во всяком случае, не рассчитывал, что они досидят до закрытия и тихо разойдутся по домам. Скажи, там есть второй выход?

– Никогда не ремонтируй полы там, где клиент провалился в подполье, – загадочно ответила Махалия. – Лучше сделай на этом месте незаметный люк с петлями, чтобы его никто не видел. В любом случае подниматься тем же путем, каким спустился, не стоит. Здесь ты непременно попадешься комунибудь на глаза.

– Что же мне делать?

– Если возникнут осложнения, лучше воспользоваться дверью на причал. Тогда в твоём распоряжении будет все побережье.

– Я уверен, что за причалом тоже наблюдают.

– Дверь находится у самого подножия обрыва, поэтому, если смотреть сверху, ни за что не догадаешься, что она там есть. Расслабься, красавчик. В конце концов, правда на нашей стороне, а это чтонибудь да значит.

– Кое что, но не очень много...

– Трусика Джо.

Он шагнул в лифт и, повернувшись, поставил ногу на порог, чтобы не дать ей закрыться.

– Какое отношение ты имеешь к этому ресторану, Махалия?

– Я владею его половиной.

– У вас здесь отличная еда, Махалия.

– Ты думаешь, я этого не знаю? – добродушно проворчала негритянка, хлопая себя ладонями по полным бедрам.

– А кем тебе приходится Роза?

– Придется переименовать тебя в Любопытного Джо... – вздохнула Махалия. – Двадцать два года назад Роз вышла замуж за моего брата Лу. Они познакомились в колледже. Я не очень удивилась, когда Луис оказался достаточно умен, чтобы учиться в университете, но мне всегда казалось, что у него не хватит мозгов, чтобы влюбиться в такую девчонку, как Роз. Впрочем, так оно в конце концов и оказалось. Четыре года спустя Лу показал себя круглым дураком, когда развелся с Роз из-за того, что она не могла иметь детей, а для него это было очень важно. Если бы у него в голове было поменьше воздуха и побольше здравого смысла, он, конечно, сообразил бы, что Роз – это настоящее сокровище, которое стоит гораздо дороже, чем полный дом детишек, но на это его уже не хватило.

– Значит, вот уже почти восемнадцать лет вы даже не родственники, и все же ты рискуешь собой ради нее. Почему, Махалия?

– Почему бы и нет? Или ты считаешь, что, как только этот дурачок Лу развелся с ней, Роз превратилась в чудовище? Ничего подобного. Она осталась все той же милой маленькой леди, самой очаровательной из всех женщин – белых и черных, – каких я когда либо встречала. Я любила ее, как сестру, и люблю до сих пор. А сейчас – торопись, Любопытный Джо.

– Подожди, еще один вопрос... Ты сказала, что люди из "Текнолджик" еще не знают, с кем они имеют дело. Мне слышалось, ты сказала: "Мы – баптисты". Я не ошибся?

– Нет, ты не ошибся. Или у тебя в голове не укладывается, что баптисты тоже могут быть опасны?

– Я как то...

– Мои мать и отец сражались с ку клукс кланом в низовьях Миссисипи еще в те времена, когда у Клана было гораздо больше острых зубов, чем сейчас. А до них с ку клукс кланом боролись мои бабка и дед, и никто из них никогда не боялся. Еще маленькой девочкой я пережила вместе со своей семьей и свирепые харрикейны, которые налетали с Мексиканского залива, и разливы дельты Миссисипи, и эпидемии энцефалита, и нищету, когда мы не знали, что мы будем есть завтра, но мы выстояли и продолжали каждое воскресенье петь в церковном хоре. Может быть, морские пехотинцы и будут немного покруче среднего темнокожего баптиста, Джо, но ненамного.

– Розе очень повезло, что у нее есть такая подруга.

– Это мне повезло, – возразила Махалия. – Это Роз поддерживает меня, и сейчас больше, чем когда либо. А теперь – не мешкай. Спускайся вниз и сиди там, пока мы не закроем ресторан и не придумаем способ потихоньку вывезти вас в безопасное место. Когда придет время, я сама спущусь за вами.

– И все равно я уверен, что без неприятностей не обойдется, – счел своим долгом еще раз предупредить ее Джо.

– Езжай.

Джо убрал ногу и дал двери закрыться.

Лифт беззвучно скользнул вниз.

Глава 14

Доктор Роза Мария Такер сидела за облезлым письменным столом в дальнем конце

длинной комнаты и ждала. Слегка наклонившись вперед и положив на столешницу крепко сцепленные между собой руки, она молчала, и взгляд ее был немного торжествен и полон нежности и силы, которая как то не вязалась с миниатюрными размерами этой удивительной женщины, сумевшей каким то чудом пережить страшную катастрофу. Ее маленькая головка хранила все тайны, которые Джо не терпелось узнать, но, увидев Розу Такер, он почему то смутился.

В банкетном зале было сумрачно. Половина ламп, утопленных в потолок, не горела, а те, что еще действовали, отбрасывали на пол редкие пятна тусклого света, чередовавшиеся с полосами густых теней, и Джо почувствовал себя так, словно он вдруг очутился глубоко под водой. Его собственная тень то забегала вперед, то оказывалась позади; то вытягивалась и бледнела, то сгущалась до черноты; то исчезала во мраке, как канувшая в небытие душа, то снова возникала под ногами – такая плотная, что казалась материальной, вырезанной из черного картона. Каждый шаг вперед давался Джо с трудом, и он казался самому себе не то осужденным, спускающимся в мрачные казематы подземной темницы, где ему предстояло провести остаток своих дней, не то приговоренным к смерти, шагающим из своей одиночной камеры во внутренний двор тюрьмы, где уже ждал его комендантский взвод, однако странным образом Джо сохранял некую надежду на помилование или на возможность собственного воскресения. И в то же самое время каждый его шаг был шагом навстречу откровению, которое помогло Дельманам и Норе Ваданс подняться из пучины отчаяния к беспечной радости, почти к счастью; каждый шаг приближал его к Нине, и в мозгу Джо сталкивались и вскипали самые противоречивые чувства и желания, а в непроглядном мраке его души вспыхивала и рассыпалась мириадами крошечных искр надежда.

Вдоль левой стены Джо разглядел коробки с бумажными полотенцами и туалетной бумагой, ящики, со свечами для столов и контейнеры с разнообразными моющими средствами, по всей видимости, закупленными для ресторана оптом и впрок. Правая стена с двумя дверьми и полудюжиной широких окон выходила на побережье, но на близость океана указывал только шорох прибоя, так как окна были плотно закрыты надежными металлическими жалюзи, из за чего банкетный зал действительно напоминал бомбоубежище.

Джо придвинул стул и сел за стол напротив Розы Такер.

Как и на кладбище, от этой маленькой женщины веяло такой удивительной и загадочной силой, что Джо снова поразился, как это возможно при таком хрупком телосложении. Ее запястья казались тонкими, как у двенадцатилетней девочки, и все же она выглядела значительно внушительнее его. Возможно, все дело было в ее взгляде; в глазах Розы Такер Джо чудилась какая то сила, которая сковывала его по рукам и ногам, какое то потаенное знание, которое заставляло его чувствовать себя маленьким и слабым и унижало так, как не смог бы унизить Джо мужчина вдвое выше него ростом. Несмотря на это, черты лица Розы Такер оставались изящными и хрупкими, шея – тонкой и нежной, а плечи – узкими и беззащитными, из за чего она, при всей своей внутренней силе, выглядела слабой и ранимой, как ребенок.

Повинуясь безотчетному импульсу, Джо протянул к ней обе руки, и Роза Такер стиснула его ладони своими тонкими и сильными пальцами.

Страх продолжал сражаться с надеждой за контроль над его голосовыми связками, и пока шла эта битва, Джо не мог говорить, не мог спросить о Нине. Роза Такер заговорила первой.

– Дела плохи, – сказала она, и лицо ее помрачнело. – Они убивают всех, с кем мне удастся поговорить. И ни перед чем не останавливаются.

Джо, обрадованный тем, что ему не пришлось начинать разговор с главного, с вопроса о судьбе своей младшей дочери, почувствовал такое сильное облегчение, что сумел совладать со своим непослушным голосом и сказал:

– Я был в том доме в Хенкок парке, когда Дельманы... и Лиза....

Глаза Розы расширились в сильнейшей тревоге.

– Ты хочешь сказать... когда все случилось?

– Да.
Ее пальцы слегка вздрогнули.
– Ты видел? Джо кивнул.
– Они убили себя. Это было ужасно... Я не ожидал... Это было настоящее безумие.
– Это было не безумие. И не самоубийство, а убийство, – твердо сказала Роза и тут же спросила: – Но как тебе удалось спастись?
– Я убежал.
– Пока они... пока их убивали?
– Чарльз и Джорджина были уже мертвы, а Лиза... она еще горела.
– То есть, когда ты покинул дом, она была жива?
– Не думаю. Она по прежнему стояла на своих ногах и горела, но... совершенно молча. Она даже ни разу не закричала.
– Значит, ты успел как раз вовремя. Это само по себе чудо.
– Но что с ними случилось, Роза? Как такое можно сделать?
Роза опустила глаза и долго смотрела на их лежащие на столе сцепленные руки. На вопрос Джо она не ответила. Лишь когда он беспокойно завозился и заскрипел стулом, она словно очнулась.
– Мне казалось, что так будет лучше, – глухо сказала она, не поднимая головы. – Я хотела начать с семей пострадавших, с тех, чьи близкие погибли во время катастрофы, я хотела сообщить им эту радостную новость, но из за меня... Снова кровь, и снова из за меня...
– Ты правда была на борту рейса 353? – спросил Джо, едва сдерживая волнение.
Роза подняла взгляд и посмотрела ему прямо в глаза.
– Я летела экономическим классом, ряд шестнадцатый, место "Б". Это в одном кресле от окна.
Это была чистая правда. Она звучала в ее голосе с такой же очевидностью и силой, с какой теплый свет солнца и свежесть обильного дождя заявляют о себе в зелени молодой травы.
– И тебе удалось спастись. Ты осталась цела и невредима.
– На мне не было ни царапины, – подтвердила она негромким голосом, который каким то непостижимым образом подчеркивал, насколько невероятным и чудесным было это спасение.
– Но ты была не одна.
– Кто тебе сказал?
– Не Дельманы. И никто из тех, с кем ты говорила. Все эти люди не предали тебя и до конца хранили тайны, которые ты им доверила. Мне удалось об этом узнать только потому, что я решил вернуться к событиям той ночи. Ты помнишь Джеффа и Мерси Илингов?
На губах Розы появилась слабая улыбка – появилась и тут же исчезла.
– Ранчо "Мелочи жизни", – сказала она.
– Я был там сегодня днем, – пояснил Джо.
– Они очень милые люди...
– ...которые живут очень спокойной и красивой жизнью, – подхватил Джо.
– А ты – очень хороший репортер, – с одобрением сказала Роза.
– Если задание многое для меня значит, тогда – да, я хороший репортер.
Глаза Розы были темными, как ночные озера, и такими же прозрачными; в их бездонных, слегка фосфоресцирующих глубинах утонула тайна, и Джо не знал, утянет ли она его за собой или поможет выплыть.
– Мне очень жаль пассажиров самолета, – сказала Роза. – Мне жаль, что им пришлось уйти до срока, и я искренне сочувствую их семьям... и тебе тоже.
– Но ты же не знала, что подвергаешь их опасности, когда садились в самолет? – уточнил Джо.
– Боже, конечно, нет!
– Значит, ты ни в чем не виновата.

– Легко сказать... Я чувствую себя виноватой, и с этим, видно, уже ничего не поделаешь.

– Скажи мне. Роза... Я прошел долгий, долгий путь, чтобы услышать это. Что ты сказала тем... остальным?

– Но ведь всех, с кем я говорю, убивают! Не только Дельманов... они уже убили человек шесть и будут убивать дальше.

– Я не боюсь смерти. Опасность не имеет для меня значения.

– Зато имеет для меня. Теперь, когда я знаю, что тебе грозит, я должна хорошенько взвесить...

– Ничто мне не грозит. Я и так все равно что умер, – возразил Джо. – Разве только ты сообщишь мне нечто такое, что снова вернет меня к жизни.

– Ты очень хороший человек, Джо. И за те годы, что тебе остались, ты мог бы многое дать тому сумасшедшему миру, в котором мы живем.

– Только не в таком состоянии, как сейчас.

Глаза Розы – эти ночные бездонные озера – были сейчас как овеществленная печаль, и Джо неожиданно испугался их, испугался настолько, что ему захотелось отвернуться, но он не смог. Как бы там ни было, их разговор дал ему время и возможность понемногу подойти к вопросу, с которого он хотел – и боялся – начать. Теперь он понял, что должен спросить сейчас, пока мужество не оставило его снова.

– Роза... Где моя Нина?

Роза Такер заколебалась. Наконец она бережно высвободила одну руку и, опустив ее во внутренний карман своего синего, цвета морской волны, блейзера, достала оттуда моментальный фотоснимок. Джо видел, что на нем изображена серая гранитная плита с бронзовой табличкой, на которой выгравированы имена его жены и дочерей. Очевидно, это была одна из тех фотографий, которые Роза сделала вчера на кладбище.

Роза Такер слегка пожала его вторую руку и, отпустив пальцы, вложила фотографию в ладонь Джо.

– Ее здесь нет, – глухо сказал Джо, глядя на снимок. – Не в земле. Мишель и Крисси здесь, а Нины нет.

– Открой свое сердце, Джо, – очень тихо, почти шепотом сказала Роза. – Открой свое сердце и свой разум и посмотри не глазами – ими. Что ты видишь?

Это и был чудесный дар Розы Такер Норе Ваданс, Дельманам и другим, который она теперь старалась донести до него.

Джо во все глаза глядел на цветной глянцевый отпечаток.

– Что ты видишь, Джо?

– Надгробье.

– Открой свой разум.

Чувствуя, как его переполняют странные предчувствия, которые он не мог бы выразить словами, но которые тем не менее заставили его сердце забиться быстрее, Джо лихорадочно обшаривал взглядом маленькое фото.

– Гранитная плита, табличка из бронзы, трава... – шептал он.

– Распахни свое сердце... – тихо продолжала Роза Такер.

– Их имена на табличке, даты...

– Смотри, смотри еще...

– Солнце... тени...

– Смотри сердцем!..

Ее искренность не вызывала в нем никаких сомнений, но коротенькое заклинание, молитва или мантра, которую она твердила, – "Открой свой разум, открой свое сердце!" – начинало казаться Джо глупым. Можно было подумать, что перед ним не ученый, а какойнибудь новоявленный гуру Нового Века, претендующий на высшее знание.

– Открой свой разум! – продолжала мягко настаивать Роза.

Но Джо по-прежнему видел только гранит, бронзу и траву вокруг.

– Нужно не просто смотреть. Постарайся увидеть, – попыталась помочь ему Роза.

Между тем сладкое молоко ожидания уже основательно скисло, и на лице Джо появилась недовольная гримаса.

– Не кажется ли тебе это фото необычным, странным? – попробовала зайти с другой стороны Роза Такер. – Нет, не взгляду, не глазам, а коже, кончикам пальцев? Может быть, ты испытываешь какое то необычное ощущение?

Джо был готов взорваться. Он как раз собирался сказать ей, что ничего странного он не видит и не чувствует и что у него в руках совершенно обычный моментальный снимок, сделанный обычным "Полароидом", – гладкий, холодный и мертвый, когда он вдруг ощутил это.

Сначала Джо начал осязать рельеф своей собственной кожи; подобного чувства он никогда прежде не переживал и даже не думал, что такое возможно. Теперь же он чувствовал каждую бороздку, каждую петельку, каждый прижатый к глянцевитой поверхности фотографии папилляр, и ему казалось, что каждый из этих элементов дактилоскопического рисунка обладает своей собственной чувствительностью, как будто к ним подходят десятки и сотни нервных окончаний, обладающих исключительной способностью осязать.

Между тем даже через пальцы снимок посылал ему больше информации, чем он способен был воспринять. Джо одновременно чувствовал и восхитительную гладкую поверхность фотографии, и крошечные зерна светочувствительного состава, которые невозможно было разглядеть невооруженным глазом, и следы химических реактивов, которые потрудились над снимком еще в кассете аппарата.

Неожиданно – опять же для осязания, а не для зрения – плоское изображение обрело глубину и объем, словно это была не двухмерная фотография, а маленькое окошко, из которого чудесным образом открылся вид на могилу, и до нее стало возможным дотянуться и потрогать; пальцы Джо ощутили тепло летнего солнца, шероховатую поверхность нагретого гранита, гладкость полированной бронзы и упругую колкость пыльной травы. Больше того: теперь он ощущал и цвет, как будто у него в голове накоротко замкнулись какие то цепи и все чувства перепутались. Он сказал: "Голубое!" и тут же почувствовал подушечками пальцев ослепительную вспышку света, а до слуха донесся его же собственный голос: "Яркое!" Эти странные ощущения голубизны и яркости тут же превратились в настоящие зрительные эффекты, и мрачный банкетный зал почти исчез, растворившись в ослепительном голубом сиянии.

Ахнув, Джо выпустил фотографию, неожиданно словно ожившую в его руках.

Голубое свечение – точь в точь как картинка на экране выключенного телевизора – тут же мигнуло и погасло, сжавшись в добела раскаленную яркую звездочку, которая повисла перед глазами Джо. Эта звездочка уменьшалась и тускнела до тех пор, пока не превратилась в крошечную точку размером с булавочную головку. В следующее мгновение она беззвучно вспыхнула и исчезла.

Роза Такер сидела, наклонившись к нему через стол.

Джо заглянул ей в глаза и увидел, что их выражение изменилось. Как и прежде, в них светились сожаление и глубокая печаль; ум и сострадание тоже никуда не исчезли, но, кроме этого, Джо разглядел – или ему показалось, что он разглядел, – какую то часть самой Розы Такер; она, влекомая своей непонятной, безрассудной одержимостью, стремилась к краю обрыва, за которым начинался таинственный мрак. И она хотела, чтобы он последовал за ней!

Как будто прочтя его мысли. Роза сказала:

– То, чего ты боишься, не имеет никакого отношения ко мне. Просто ты не хочешь открыть свой разум и принять то, чему старался не верить всю свою жизнь.

– Меня пугает твой голос... – ответил Джо. – Твой шепот и то, как ты повторяешь эти слова: "Открой разум, распахни сердце!" Ты как будто гипнотизируешь меня.

– Ты сам не веришь в то, что говоришь, – ответила Роза без тени волнения или досады.

– Этот снимок... На нем что то есть? – спросил Джо и удивился тому, как дрожит его

голос.

– В каком смысле? – не поняла Роза Такер.

– Он обработан каким-нибудь химическим веществом?

– Нет.

– Каким-нибудь галлюциногеном, который всасывается через кожу?

– Нет. Послушай, Джо...

– И этот наркотик попал в кровь и привел меня в особенное, внушаемое состояние, – закончил Джо, тщательно вытирая руки о куртку.

– Никакое химическое соединение, даже если бы оно было нанесено на фотографию, не могло бы проникнуть через кожу так быстро. Нет такого наркотика, который мог бы подействовать на твое сознание за доли секунды.

– Я не уверен, что это действительно так.

– Зато я уверена.

– Я не химик, не врач и даже не аптекарь.

– Тогда спроси у знающего человека, – без тени враждебности посоветовала ему Роза.

– Проклятье!!! – Джо внезапно охватил сильнейший гнев, который был таким же иррациональным как и во время его разговора с Барбарой Кристмэн. Впрочем, чем больше он кипятился, тем спокойнее держалась Роза.

– То, что ты испытал, называется синестезией, – пояснила она.

– Как как?

– Синестезия, – пояснила Роза Такер, и Джо неожиданно увидел перед собой ученого. – Это явление восприятия, когда при раздражении одного определенного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают ощущения, характерные для другого органа.

– Шаманство какое то...

– Ничего подобного. Например, когда звучит какая-нибудь известная мелодия, ты можешь увидеть определенное сочетание цветов или почувствовать определенный запах. При обычных условиях синестезия встречается достаточно редко, но люди, которые видят эти фотографии, как правило, впадают именно в такое состояние. Кроме того, синестезия хорошо известна мистикам – тем, кто коротко знаком с основами мистического учения.

– Мистикам!.. – Джо едва не сплюнул на пол. – Я не мистик, доктор Такер. Я журналист, во всяком случае, был им. Для меня имеют значение только факты, а не выдумки.

– Синестезия не имеет никакого отношения к религиозному помешательству, если ты это имеешь в виду. Это физиологическое явление, реальность которого подтверждена научными наблюдениями. Кстати, синестезия часто встречается и среди атеистов, так что вопросы веры здесь ни при чем. Многие серьезные ученые, которых никак нельзя назвать фантазерами – настолько крепко они стоят на земле, – считают синестезию одним из атрибутов высшего по сравнению с нашим уровнем сознания.

Ее глаза, напоминавшие прежде свежие, прохладные озера, неожиданно стали горячими, словно наполнившись лавой, и Джо, случайно наткнувшись на взгляд Розы, поспешно отвернулся, боясь, что жгучее пламя может охватить и его. Он не знал наверняка, действительно ли он увидел в ней что-нибудь злое или просто хотел увидеть, и от этого его смущение и растерянность возросли еще больше.

– Если бы снимок действительно был обработан контактно диффузионным наркотиком, – сказала Роза так тихо, как мог бы разговаривать бес-искуситель, – тогда он продолжал бы действовать на тебя даже после того, как ты выпустил фотографию из рук.

Джо ничего не ответил. Его душа пребывала в смятении, а чувства – в беспорядке.

– Как только ты бросил фотографию, эффект сразу исчез. Дело здесь в том, что явление, с которым ты столкнулся, не имеет ничего общего с иллюзиями, вызванными химическими стимуляторами. Оно имеет иную природу и способно утешить человека по настоящему.

– Где Нина? – требовательно спросил Джо.

Роза снова указала ему на снимок, который все еще лежал на столе, куда Джо уронил

его.

- Смотри. Смотри внимательнее, и ты увидишь...
- Ее там нет
- Не бойся.

Гнев и злость на нее, на весь мир вспыхнули в Джо с новой силой. Это было то самое неистовое бешенство, которое так пугало его раньше, но всякий раз Джо удавалось как то с ним справиться. Теперь же это оказалось выше его сил.

- Где моя Нина, черт побери?!!
- Открой свое сердце, – негромко повторила Роза Такер.
- Чушь собачья!
- Распахни свой разум, Джо.
- Зачем? Чтобы у меня все мозги высыпались? Ты этого от меня хочешь?!

Роза дала ему несколько секунд, чтобы остыть и совладать со своими эмоциями.

– Я ничего от тебя не хочу, – спокойно сказала она. – Ты спросил, где твоя Нина. Ты хочешь узнать, что стало с твоей семьей. Я дала тебе фотографию. Смотри же!..

Ее воля была настолько сильна, что Джо непроизвольно потянулся к снимку и взял его в руки.

– Вспомни свои ощущения, – словно подталкивая, тихо произнесла Роза. – Пусть они снова войдут в тебя.

Но, как Джо ни старался, странные ощущения не желали возвращаться. Он вертел снимок в руках, водил пальцами по его глянцевой поверхности, но фотография оставалась просто листом бумаги, и он так и не сумел прикоснуться к шероховатому граниту и жесткой траве. Тогда он попробовал призвать ослепительную голубизну, но и она не появилась.

В конце концов он с отвращением швырнул фотографию на стол и сказал с досадой и злобой:

- Бесполезно. Не понимаю, что это на меня нашло... Бессмыслица какая то!

Роза, чье ангельское терпение раздражало его гораздо сильнее, чем все остальное, сочувственно улыбнулась и протянула ему руку, но Джо не взял ее. Он был бесконечно разочарован ее замашками нового пророка, но вместе с тем Джо казалось, что своей неспособностью еще раз вызвать – хотя бы только в воображении – яркое голубое сияние, он каким то образом подвел Мишель, Крисси и Нину.

С другой стороны, если все, что пережил Джо, было галлюцинацией, спровоцированной неизвестной разновидностью наркотика или умелым гипнозом, следовательно, оно не могло иметь никакого значения и, заново пережив этот голубой сон наяву, он не смог бы вернуть тех, кто был навсегда для него потерян.

Вопросы, вопросы, вопросы проносились у него в голове с такой скоростью, что Джо никак не мог сосредоточиться ни на одном из них.

– О'кей, – сказала Роза. – Ничего страшного. Настроенной фотографии обычно бывает достаточно, но не всегда.

- Какой фотографии?

– Все в порядке, Джо, не волнуйся. Некоторые люди... такие, как ты... бывают недостаточно чувствительны. В этом случае единственным, что может их убедить, является гальванический контакт.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.
- Я говорю о прикосновении.
- О каком прикосновении?

Вместо ответа Роза взяла со стола фотографию и вгляделась в нее с таким видом, словно она ясно видела на ней что то, что Джо оказался не способен различить. Если она и была разочарована или раздражена, то не подавала вида – во всяком случае, Джо женщина казалась спокойной и безмятежной, как деревенский пруд безветренным вечером.

Но эта ее сдержанность разъярила его еще больше.

- Где моя Нина?! – выкрикнул он, теряя последние крохи самообладания. – Где она,

черт возьми?!

Роза хладнокровно убрала фотографию во внутренний карман своего жакета.

– Выслушай меня, Джо, – сказала она. – И постарайся поверить тому, что я тебе сейчас скажу. Я работала в группе ученых, которые занимались революционными медико-биологическими экспериментами. Во время серии опытов мы по чистой случайности наткнулись на нечто удивительное – такое, что вполне может служить доказательством существования жизни после смерти. Это не выдумка и не фантастика, Джо, это – реальность! Самая настоящая реальность.

– Меня будет трудно убедить в этом, – едко заметил Джо.

Мягкие, убедительные интонации и терпеливое спокойствие Розы резко противоречили его взвинченному тону.

– Эта идея не так уж нелепа и беспочвенна, как тебе кажется, – сказала она, покачивая головой. – Новейшие открытия в области молекулярной биологии и некоторых отраслях физики, сделанные за последнее пятьдесят лет, довольно недвусмысленно указывают на то, что Вселенная скорее всего была сотворена.

– Ты не ответила на мой вопрос. Я хочу знать, где Нина. Где вы ее спрятали? Зачем вам нужно, чтобы я считал ее мертвой?

И снова лицо Розы не отразило никаких чувств. Джо даже показалось, что сидящая перед ним женщина невероятно, сверхъестественно спокойна.

Ее негромкий, мягкий голос действовал умиротворяюще, и Джо решил изо всех сил противиться этому.

– Если бы наука дала нам возможность убедиться в том, что жизнь после смерти действительно существует, разве не захотел бы ты увидеть доказательства своими собственными глазами? – спросила Роза. – Большинство людей не медля согласились бы на это, даже не задумываясь о том, как подобное знание изменит их самих и их отношение ко всему, что было для них важным. Больше того, этим людям пришлось бы пересмотреть свои взгляды на собственную жизнь и на то, к чему они столько лет стремились. Таким образом, Джо, у любого чуда есть своя обратная сторона, которая может оказаться не слишком приятной, поэтому я тебя и предупреждаю. Подумай и скажи: захотел бы ты лицеизреть истину, способную не только воодушевить, но и испугать, не только подарить радость, но и внушить ужас, – истину настолько же непривычную и странную, насколько она логична и проста?

– Все это пустые разговоры, доктор Такер, – перебил Джо. – Псевдонаучная, псевдорелигиозная болтовня, вроде исцеления с помощью кристаллов, разговоров с духами и зеленых человечков, которые похищают людей и увозят их в своих летающих тарелках.

– И опять ты смотришь, Джо, но не видишь.

Джо, который уже давно смотрел на все окружающее сквозь багровую пелену гнева, неожиданно решил, что ее спокойствие – это просто инструмент, с помощью которого она пытается манипулировать им самим и его чувствами. Сжимая кулаки, он вскочил со стула и наклонился к Розе Такер.

– Что ты везла с собой в самолете? Почему люди из "Текнолоджик" не колеблясь убили триста человек лишь бы остановить тебя?

– Я пытаюсь объяснить тебе...

– Так объясни же!

Роза Такер закрыла глаза и сложила на груди свои изящные коричневые руки, словно давая Джо выговориться, но ее спокойствие только сильнее раздувало костер его ярости.

– Гортон Неллор! – выкрикнул он. – Когда то это был твой босс! И мой тоже. Какую роль он сыграл во всем этом?

Роза ничего не ответила.

– Почему Лиза, Дельманы, Нора Ваданс и капитан Блейн совершили самоубийство? Почему ты называешь это убийством? Кто эти двое там, наверху? Что все это значит? И где, черт бы вас всех побрал, моя Нина?!!

Очевидно, Джо удалось пробиться сквозь ее безмятежное спокойствие, так как Роза открыла глаза и посмотрела на него с очевидной тревогой.

– Кого ты имеешь в виду? – озабоченно спросила она. – Что это за люди, о которых ты упомянул?

– Два наемных убийцы, которые работают на "Текнолоджик" или на какое то секретное правительственное агентство. Мне казалось, ты должна лучше знать, кто они такие.

Роза со странной беспомощностью посмотрела в сторону лифта.

– Ты уверен?

– Я узнал обоих, пока ужинал.

С неожиданным проворством вскочив на ноги, Роза уставилась на низкий потолок банкетного зала. Лицо ее стало серым и вытянулось – точь в точь как у капитана потерпевшей аварию подводной лодки, который, чувствуя, как субмарина проваливается все глубже в пучины океана, лихорадочно подсчитывает, сколько сот фунтов давит сейчас на каждый квадратный дюйм обшивки, и с тревогой ждет первых признаков течи.

– Если в ресторане двое, – сказал Джо, – я готов поспорить на что угодно, что остальные ждут снаружи.

– Боже мой... – прошептала Роза.

– Махалия обещала придумать чтонибудь, чтобы незаметно вывести нас отсюда после того, как ресторан закроется.

– Махалия не знает... Нам нужно уходить немедленно.

– Но лифт наверняка уже завален коробками и ящиками, – возразил Джо.

– Я не боюсь ни этих людей, ни их пистолетов и ружей, – мужественно заявила Роза, огибая стол. – Если они придут за нами сюда, я какнибудь с этим справлюсь. Во всяком случае, Джо, я не имею ничего против того, чтобы умереть от пули. Но им вовсе не обязательно спускаться сюда. Им достаточно знать, что мы где то здесь, в этом здании, чтобы дистанционировать нас.

– Как как?

– Дистанционировать, – со страхом повторила Роза Такер, бросаясь к одной из дверей, ведущих на побережье и причал.

– Что это значит – дистанционировать? От чего? – в отчаянии спросил Джо, догоняя ее. – Объясни ты толком!

Дверь была заперта на железный засов и замок с собачкой. В первую очередь Роза потянула засов, и он с лязгом выскочил из гнезда.

– Где Нина? – Джо протянул руку и накрыл ладонью замок, мешая Розе отключить стопорный механизм замка.

– Пусти! – потребовала она.

– Где Нина? – повторил свой вопрос Джо.

– Ради всего святого, Джо!..

За все время это был первый раз, когда Роза Такер показалась ему слабой и уязвимой, но Джо не мог позволить себе быть джентльменом, когда речь шла о его дочери. Он твердо решил воспользоваться ее слабостью, чтобы добиться своего.

– Куда ты спрятала Нину?

– Потом. Джо! Обещаю тебе!

– Сейчас!!!

Откуда то сверху донесся громкий стук и лязг. Роза негромко ахнула и, отвернувшись от двери, с ужасом поглядела на потолок, словно боялась, что он вот вот обрушится на них.

Джо тоже прислушался и разобрал голоса, доносящиеся из шахты лифта. Один из них принадлежал Махалии, остальные два или три были мужскими. В природе шума, который раздался чуть раньше, сомневаться тоже не приходилось: Джо был уверен, что наверху кто то разбирает ящики и отодвигает стеллажи, за которыми была спрятана дверь лифта.

Что последует дальше, предугадать было несложно. Как только двое в кожаных

пиджаках узнают, что в ресторане имеется еще один, нижний этаж, они сразу сообразят, что побережье оставлено без присмотра и их жертвы могут попытаться бежать этим путем. Возможно, агенты "Текнолоджик" уже вызвали подкрепление и отправили нескольких своих людей на край сорокафутового обрыва, откуда отлично просматривалась – и простреливалась – береговая линия внизу.

Но, несмотря на опасность, которая грозила ему и Розе, Джо не оставил попыток любой ценой вырвать у нее ответ на свой главный вопрос.

– Где Нина? – свирепо спросил он, скрипя зубами.

– Мертва, – был ответ.

Джо показалось, что Роза совершила над собой насилие, прежде чем сумела произнести это короткое и страшное слово, но он не был расположен жалеть ее.

– Черта с два!

– Пожалуйста, Джо...

Она лгала ему, лгала точно так же, как и все остальные, кто обманывал его на протяжении целого года, и за это он ее ненавидел.

– Черта с два! – повторил он. – Ты врешь. Этого не может быть. Я сам разговаривал с Мерси Илинг. Нина спаслась, она была жива той ночью, и сейчас она тоже жива! Где ты ее прячешь?

– Если они узнают, что мы в этом здании, они смогут дистанционировать нас, – сказала Роза, призвав все свое мужество, но голос ее предательски дрожал. – Как Дельманов. Как Лизу. Как капитана Блейна.

– Отдай мне мою Нину!

Где то наверху защелкали реле и глухо заурчал мотор лифта.

– Где моя Нина?!

Лампы под потолком банкетного зала заметно потускнели – возможно, из-за того, что мощный электродвигатель отбирал мощность у электрических цепей. Увидев это, Роза глухо вскрикнула от ужаса. В следующее мгновение она толкнула Джо всем телом, словно надеясь сбить его с ног, а когда это не удалось, в отчаянии вцепилась ногтями в его лежащую на замке кисть.

Джо пошатнулся и, зашипев от боли, отдернул руку. Щелкнула собачка,

Роза повернула рукоятку, и дверь отворилась. В зал ворвался свежий, пахнущий солью и йодом морской воздух, а Роза Такер выскользнула в сгустившуюся темноту.

Джо бросился за ней и оказался на деревянном причале двадцати футов в ширину и восьмидесяти футов в длину, большая часть которого перекрывалась нависшим над ним зданием ресторана. Доски настила отзывались на каждый шаг гулким звоном, словно Джо бежал по огромному барабану.

Багрово-алое солнце давно опустилось в свою кровавую могилу где-то далеко на западе, за Японскими островами; небо и океан стали черны, как вороново крыло, и прекрасны, как сама смерть.

Роза Такер, едва различимая в темноте, была уже у лестницы.

Джо последовал за ней и обнаружил два лестничных пролета, по которым можно было спуститься на пляж. Высоты здесь было футов пятнадцать, но Джо не решился прыгнуть, хотя внизу должен был быть мягкий песок.

Темнокожую Розу Такер, одетую к тому же в одежду темных тонов, нелегко было рассмотреть на ступеньках лестницы, и, только когда она побежала по светлому песку, Джо наконец увидел ее.

Обжигая ладони о перила, Джо ринулся вниз по ступенькам.

Пляж в этом месте был больше ста пятидесяти футов шириной, и фосфоресцирующие волны, мерно накатывавшиеся на светлый песок, издавали негромкое монотонное шипение, которое, казалось, доносилось одновременно со всех сторон, словно какое-то призрачное море окружало их слева и справа, позади и впереди. Официально этот участок берега не был открыт для купания или серфинга, и здесь, насколько хватает глаз, не было ни костров, ни

фонарей. Только на востоке темное небо было испещрено пятнами гнойно желтого света, но это было зарево города, которое, хотя и выглядело зловеще ярким, только мешало Джо. Единственным, что кое как освещало полосу песка вдоль берега, были окна ресторана высоко на обрыве.

Ни останавливать, ни хватать Розу Такер Джо не собирался. Легко нагнав ее, что было достаточно удивительно, учитывая его физическое состояние, он побежал рядом и даже слегка укоротил шаг, чтобы не опередить ее. Как никак, Роза была единственной ниточкой, которая связывала его с Ниной, и он должен был быть очень осторожен.

Несомненно, Роза Такер была странной женщиной. Все в душе Джо активно восставало против той мистической чепухи, которую он от нее слышал, а ее неожиданный переход от безмятежного спокойствия к почти сверхъестественному ужасу еще сильнее сбил его с толку. Но главным было не это, а ложь о Нине, которой она пичкала его весь вечер и которая противоречила всем его надеждам и уверенности, что он наконец то узнает всю правду. Каждый раз, когда Джо задумывался об этом, он в бессильной злобе стискивал зубы, но сделать ничего не мог. Он знал, чувствовал, что отныне их судьбы переплелись слишком тесно, чтобы их можно было разъединить, не повредив ни одному, ни другому... Не повредив Нине, потому что только Роза Такер знала, где ему искать свою младшую дочь.

Когда они миновали угол ресторана, кто то бросился на них из темноты справа. Нападение было настолько неожиданным, что в первое мгновение Джо даже показалось, что это не человек, а просто тень, большая и быстрая, безликая и опасная – совсем как та жуткая тварь, которая ищет нас в кошмарных снах и гонится за нами по темным коридорам подсознания.

– Берегись! – крикнул Джо, но Роза уже заметила опасность и проворно нырнула в сторону.

Увидев, что тень пытается отрезать от него Розу, Джо прыгнул вперед, но со стороны моря на него неожиданно бросился второй мужчина, которого он не заметил в темноте, и сбил с ног ловкой подсечкой. Он был здоров и тяжел, как полузащитник профессиональной футбольной лиги, и, когда они вдвоем упали на песок, Джо ожидал, что удар собьет ему дыхание, но этого не случилось. Мягкий, рыхлый песок вдалеке от линии прибоя смягчил падение, и Джо, хоть и с трудом, сумел вдохнуть воздух.

Это дало ему возможность защищаться. Джо лягался, размахивал руками и всюю использовал локти и колени. Должно быть, один из его беспорядочных ударов попал в цель, поскольку вскоре ему удалось выбраться из под прижавшего его к земле тела и подняться на ноги. Вставая, Джо слышал донесшийся из темноты крик: "Лежать, сука!", и сразу за ним сухо треснул громкий пистолетный выстрел, разнесшийся над темным пляжем словно удар бича.

Джо не хотел думать о том, что это мог быть за выстрел; не хотел думать о Розе Такер, которая, должно быть, лежала на влажном от крови песке с пулей в затылке; он боялся думать о Нине, которая снова – и теперь уже навсегда – была потеряна для него, но он не мог не думать обо всем этом, и эта страшная мысль обожгла его, как раскаленное тавро. Увидев, что его собственный противник с проклятьями поднимается с земли, Джо резко повернулся к нему. Ярость и злоба – те самые неконтролируемые ярость и злоба, которые двадцать лет назад помешали ему продолжить занятия боксом в юниорской лиге и заставили осквернить церковь после смерти отца, – переполняли его. Они превратили Джо в бешеного зверя – хищного, опасного, не знающего жалости и равнодушного к боли, быстрого, как кошка, свирепого и отважного, и поэтому он встретил своего противника так, как будто это он был виноват в том, что Фрэнк Карпентер стал калекой и умер, как будто он свел Донну в могилу непосильным трудом, как будто это он каким то образом заразил капитана Блейна безумием и заставил его направить самолет к земле.

Не дав противнику выпрямиться, Джо изо всей силы пнул его ногой в пах и, когда тот, взыв, согнулся от боли, схватил его за уши и резко рванул вниз, выбросив навстречу ему согнутое колено.

Со стороны это, должно быть, выглядело даже изящно, но удар вышел самый сокрушительный. Джо явственно почувствовал, как хрустнул сломанный нос, и ощутил острую боль в колене, которым он выбил врагу несколько зубов. Его противник сразу обмяк и повалился на песок. Как ни странно, сознания он не потерял, и Джо услышал, как здоровый и крепкий мужчина захлебывается кровью и плачет от боли, словно маленький ребенок, но это его не остановило. Потому что сейчас он был как дикий зверь – нет, хуже зверя, хуже чем самый неистовый ураган. Вулкан ненависти, ярости и горя продолжит бушевать внутри его, затопляя душу жгучей лавой, и Джо одним прыжком подскочил к упавшему, чтобы переломать ему все кости. Он бил его ногами куда попало и наносил удары такой силы, что они причиняли ему самому почти нестерпимую боль, поскольку – к своему великому сожалению – Джо был обут не в тяжелые ботинки с жестким носком, а в мягкие кроссовки. Стремясь исправить это упущение, Джо попытался нанести врагу удар в горло, чтобы разбить кадык, но промахнулся. Он как раз собирался повторить свой выпад и, наверное, в конце концов убил бы распростертого на песке врага – убил бы, сам того не заметив, – когда сзади на него прыгнул еще кто то.

Джо упал на песок лицом вниз и остался лежать, прижатый к земле по меньшей мере двумя сотнями фунтов живого веса своего нового противника. С трудом повернув голову и выплюнув набившийся в рот песок, он попытался сбросить врага, но на этот раз сильный толчок сзади и неожиданное падение сбили ему дыхание, а вместе с воздухом, с шумом вырвавшимся из его легких, Джо покинули и силы.

Кроме того, пока он жадно хватал ртом воздух, к его щеке прижалось что то тупое и прохладное, и Джо догадался, что это может быть, еще до того, как услышал произнесенную вслух угрозу.

– Не дергайся, если не хочешь, чтобы я вышиб тебе мозги, – сказал незнакомец довольно звучным и громким голосом, и Джо без труда распознал решительную интонацию профессионального убийцы. – Я сделаю это с превеликим удовольствием.

Джо поверил ему сразу и прекратил сопротивление. Единственное, за что он продолжал бороться, это за поток воздуха.

Его безмолвная покорность, однако, не удовлетворила оседлавшего его мужчину.

– Отвечай, ты, сволочь! Хочешь, чтобы я отстрелил тебе башку?

– Нет...

– Не слышу!..

– Нет!

– Будешь паинькой?

– Д да...

– Смотри у меня!

– Да, да... Хорошо.

– Сучий сын! – злобно выругался тот.

Джо промолчал. Ему удалось более или менее выплюнуть набившийся в рот песок, и он, стараясь дышать как можно глубже, собирался с силами в надежде, что в конце концов ему представится возможность что нибудь предпринять. Он знал, что его спасение только в хладнокровном и точном расчете, и прилагал невероятные усилия, чтобы справиться с новым приступом бешенства, который готов был вновь овладеть им.

"Что с Розой?" – подумал он.

Противник, продолжавший прижимать его к земле, тоже дышал тяжело, с присвистом, и Джо, уловив тяжелый чесночный запах, подумал, что ему, по видимому, тоже нужно перевести дух. Это было кстати. Любая проволочка давала Джо время успокоиться и обдумать свои дальнейшие действия.

"Где Роза, что с ней?"

– Сейчас будем вставать, – сказал мужчина, снова обдав Джо чесночным перегаром и запахом табака. – Я первый. Не вздумай трепыхаться, потому что ты у меня на мушке. Начнешь вставать, когда я тебе скажу, а до тех пор заройся в песок и не дыши. Понял,

Карпентер?

В подтверждение своих слов он с такой силой ткнул стволом пистолета в лицо Джо, что его щека болезненно прижалась к зубам, а рот заполнился металлическим привкусом крови.

– Да.

– Я могу пристрелить тебя, когда мне захочется, и мне ничего за это не будет.

– Я буду лежать тихо.

– И никто меня и пальцем не тронет.

– Я, во всяком случае, уже ничего не смогу сделать, как бы мне этого ни хотелось.

– У меня есть полицейский значок.

– Не сомневаюсь.

– Хочешь взглянуть? Я приколю его к твоей нижней губе.

Джо промолчал.

Перед нападением эти люди не стали кричать: "Полиция!", но это вовсе не означало, что они не были настоящими полицейскими. Кем бы они ни были на самом деле, они не хотели поднимать шум и привлекать к себе внимание. Они рассчитывали сделать свое дело быстро и чисто, по возможности не оставив следов, и исчезнуть прежде, чем на побережье появились бы копы из местного полицейского участка, потому что тогда им пришлось бы долго объясняться с местными властями по поводу разграничения полномочий, а в процессе этого разбирательства могли возникнуть неприятные вопросы о том, какую, собственно, правоохранительную структуру они представляют и чьи права охраняют. С другой стороны, если эти люди не состояли непосредственно в штате "Текнолоджик", следовательно, за их спинами стояли федеральные власти. И все же, прежде чем возникнуть из темноты, они не стали представляться ни сотрудниками ФБР, ни АКН "АКН – Администрация по контролю за применением законов о наркотиках", ни АТФ "АТФ (аббревиатура слов "алкоголь, табак, оружие") – Администрация по контролю за оборотом оружия, алкогольных напитков и табачных изделий", так что скорее всего это были оперативники какого-нибудь секретного агентства, финансируемого из тех миллиардов, которые правительство щедрой рукой списывало в счет так называемого "теневого бюджета".

Давящая тяжесть наконец исчезла со спины Джо; его противник встал сначала на одно колено, потом выпрямился и отступил на пару шагов назад.

– Поднимайся!

Вставая с песка, Джо с удовлетворением отметил, что его глаза успели привыкнуть к темноте. Когда две или три минуты назад он выскочил из банкетного зала и побежал вслед за Розой Такер вдоль побережья, ночной мрак казался ему значительно более плотным. Теперь Джо различал окружающее довольно отчетливо, и это было как нельзя кстати, поскольку позволяло ему не только увидеть свой шанс, но и воспользоваться им.

Человека, который держал его на мушке, он, во всяком случае, узнал сразу. Правда, сейчас на нем не было щегольской белой панамы, но сомневаться не приходилось – перед Джо стоял рассказчик с пляжа, человек, которого он видел в самолете и в аэропорту. Его белые брюки, белая рубашка и длинные светлые волосы слабо и зловеще светились в темноте, делая стрелка похожим на разгневанного духа, явившегося неумелому медиуму в самый разгар спиритического сеанса.

Стараясь не делать резких движений, Джо медленно повернул голову и посмотрел на ресторан. В окнах горел свет и виднелись темные силуэты клиентов за столиками, однако им скорее всего не было видно ничего из того, что происходило на ночном берегу.

Первый агент, которого Джо едва не прикончил, все еще валялся на песке поблизости. Он уже перестал плакать – только шипел от боли и, бормоча ругательства, постоянно сплевывал кровь, – и Джо понял, что он тоже приходит в себя.

– Роз!.. – крикнул Джо в темноту.

– Заткнись, – приказал ему Седой и взмахнул пистолетом.

– Роза! – снова крикнул Джо.

– Заткнись, кому говорят!..

За спиной одетого в белое агента неожиданно появился еще один силуэт, приблизившийся совершенно неслышно, поскольку песок надежно заглушал шаги. Поначалу Джо решил, что это – еще один человек "Текнолоджик", и сердце его упало, но новоприбывший сказал спокойно и негромко:

– У меня в руках "дезерт игл" сорок четвертого калибра, и я держу его на расстоянии одного дюйма от твоей головы.

Седой – Джо уже не мог называть его "Панамой" ввиду отсутствия последней – был удивлен внезапным поворотом событий не меньше, чем его пленник; в то же время был настолько ошарашен, что у него даже закружилась голова.

– Ты и сам должен знать, какое это мощное оружие, – спокойно проговорил новоприбывший. – Откровенно говоря, я тебе не завидую. Если мне придется стрелять, то от твоей головы просто ничего не останется.

Удивленный агент "Текнолоджик", все еще светившийся в темноте, но теперь ставший таким же бессильным, как и настоящий призрак, коротко выругался.

– Твой череп превратится в пыль, а мозги улетят так далеко в океан, что их уже никто никогда не найдет, – почти доброжелательно втолковывают незнакомец. – "Дезерт игл" – настоящая карманная гаубица. А теперь брось свою пушку. Подальше.

Седой заколебался.

– Живо!

Стараясь не уронить своего достоинства, светловолосый агент "Текнолоджик" шнырнул свой пистолет к ногам Джо с такой силой, что тот зарылся в песок.

– Возьми его, Джо, – сказал спаситель.

Джо наклонился и поднял оружие. В следующее мгновение он увидел, как незнакомец воспользовался "дезерт иглом" как кастетом. Седой рухнул сначала на колени, потом опустился на четвереньки, но второй удар по голове доконал его. Не издав ни звука, он ткнулся лицом в песок и остался лежать неподвижно.

Спаситель Джо – высокий негр, одетый во все черное, – подошел к потерявшему сознание головорезу и осторожно перевернул его на бок, чтобы он не задохнулся.

Увидев, что его товарищ потерял сознание и не может быть свидетелем его слабости, первый агент позволял себе снова захныкать.

– Пойдем со мной, Джо, – сказал негр.

Джо, на которого "мальчики" Махалии произвели самое приятное впечатление (в том, что негра с пистолетом послала именно она, он не сомневался), спросил:

– Что с Розой? Где она?

– Вон там. Похоже, мы успели вовремя.

Всхлипы и стенания раненого агента разносились над побережьем как жалобы проклятой души, но Джо равнодушно повернулся к нему спиной и поспешил за своим темнокожим спасителем в том же направлении, куда они с Розой бежали перед тем, как на них напали люди "Текнолоджик".

Несмотря на то что глаза его неплохо адаптировались к темноте, Джо едва не упал, споткнувшись о еще одно распростертое на песке тело. Очевидно, это был самый первый из нападавших – тот, кто успел выстрелить.

Роза была совсем недалеко, но она стояла в чернильной тени высокого обрыва, и разглядеть ее было нелегко. Джо, однако, показалось, что, несмотря на тепло августовской ночи, она сильно дрожит, словно ей очень холодно.

Облегчение, охватившее Джо при виде Розы, было таким сильным, что он даже удивился. И дело даже вовсе не в том, что Роза была единственной ниточкой, которая могла привести его к Нине, – он действительно был рад видеть ее живой и невредимой. Еще несколько минут назад Джо страшно злился на нее, разочарованный ее уклончивыми ответами и озадаченный ее странными речами, но, несмотря на все это, он продолжал считать ее особенной женщиной, потому что помнил их первую встречу на кладбище, помнил светившиеся в ее умных глазах бесконечную доброту и сострадание. И сейчас, даже

не видя ее как следует. Джо отчетливо и ясно ощущал властное присутствие этой маленькой женщины, ее внутреннюю силу и даже окружавшую ее ауру таинственности и мудрости, и он невольно подумал, что подобные качества были, наверное, свойственны древним святым и знаменитым военачальникам, которым в разные времена удавалось подвигнуть своих последователей на великие жертвы. Стоя здесь, на ночном пустынном берегу, можно было поверить даже в то, что доктор Роза Такер только что вышла из неведомых океанских глубин, чтобы поведать людям сокровенные тайны мироздания.

Рядом с ней стоял второй высокий человек в черной одежде. Он казался просто сгустком тьмы, и только его светлые волосы слегка мерцали в темноте, словно выброшенные на берег фосфоресцирующие водоросли, в которых запутались клочья пены.

– С тобой все в порядке? – спросил Джо, обращаясь к Розе.

– Пожалуй, да... – отозвалась она неуверенно. – Если не считать нескольких ушибов.

– Я слышал выстрел, – заволновался Джо. Ему хотелось дотронуться до нее, но он не был уверен, можно ли это делать. В следующее мгновение, не отдавая себе самому отчета в своих действиях, Джо шагнул вперед и крепко обнял ее обеими руками.

Роза не сдержала стоны, и Джо уже готов был выпустить ее, но она обняла его одной рукой за плечи и несильно пожала, давая понять, что благодарна ему за это проявление заботы и участия.

– Со мной все о'кей, Джо. Все будет в порядке.

От ресторана, от самой кромки обрыва, донеслись громкие мужские голоса. Слов Джо не разобрал, но зато он услышал, как из темноты слабо отозвался, зовя на помощь, искалеченный им агент.

– Пора убираться отсюда, – сказал блондин. – Они сейчас будут здесь.

– А вы, собственно, кто такие? – спросила Роза.

– Разве это не приятели нашей Махалии? – удивился Джо.

– Нет. – Роза покачала головой. – Я вижу их впервые в жизни.

– Меня зовут Марк, – вмешался блондин. – А это... – он указал на негра, – Джошуа.

Чернокожий спаситель Джо пробурчал что то, что прозвучало как: "Мы оба из ФОБСа"...

– Будь я проклята! – ахнула Роза.

– Что что? Кто? – переспросил Джо встревоженно.

– Все в порядке, Джо, – успокоила его Роза Такер. – Признаться, я удивлена, хотя удивляться тут, наверное, нечему.

– Как мне кажется, мы сражаемся по одну сторону баррикады, доктор Такер, – сказал Джошуа. – Во всяком случае, у нас один и тот же враг.

Откуда то издалека – сначала не слышнее ударов сердца, а потом все громче и громче, словно грохот копыт гигантского невидимого коня, – донесся шум вертолетных винтов.

Глава 15

Только что они защищали свою свободу, свои жизни, а теперь бежали вдоль побережья, словно воры, застигнутые на месте преступления, и обрыв по правую руку от них то вздымался до небес, то опускался совсем низко, напоминая воображаемую кривую, фиксирующую уровень адреналина в крови Джо.

Пока они бежали, Марк впереди, за ним – Роза, Джо услышал, что замыкавший колонну Джошуа как будто с кем то разговаривает. На бегу обернувшись назад, он увидел, что негр действительно прижимает к уху сотовый телефонный аппарат. Услышав слово "машина", Джо понял, что их бегство было заранее спланировано и что сейчас их спасители вносят в план необходимые коррективы.

Они уже оторвались от преследователей и были близки к спасению, когда вертолет, присутствовавший среди декораций этого драматического ночного спектакля только как шумовой фон за сценой, вдруг обрел свое материальное воплощение. На юге, словно

алмазный глаз разозленного каменного бога в оскверненном капище, вдруг вспыхнул яркий луч голубоватого света, который принялся шарить из стороны в сторону по песку, неуклонно приближаясь к группе беглецов.

У самого обрыва песок был сыпучим и сухим, поэтому их следы напоминали бесформенные ямки, ничем не отличавшиеся от тех, что были оставлены ногами других людей, приходивших сюда вчера и позавчера. Найти их по следам – да еще с вертолета – было практически невозможно, но стоило им пробежать по влажному песку, выглаженному и спрессованному высоким приливом, и отпечатки их ног не увидел бы только слепой.

Кое где от побережья поднимались крутые лестницы, ведущие к высящимся на самом краю обрыва большим и дорогим домам. Некоторые из них даже нависали над пустотой и поддерживались либо мощными стальными конструкциями, либо деревянными фермами, или же вертикальными бетонными опорами. В очередной раз бросив взгляд через плечо, Джо увидел, что вертолет завис над одной такой лестницей, направив прожектор искатель на ступени. Почему то он сразу подумал о том, что группа преследователей наверняка проехала от ресторана на север вдоль побережья, куда двигались и они сами, и спустилась на пляж, чтобы двигаться на юг, навстречу беглецам. В конце концов, если Марк не придумает какойнибудь дерзкий маневр, они окажутся в западне между загонщиками и вертолетом.

Видимо, Марк подумал о том же самом, потому что внезапно свернул к ведущей наверх крутой деревянной лестнице из красного дерева, которая к тому же была защищена от непогоды решетчатой клетью, напомнившей Джо ажурную ферму космического корабля (какие были в ходу еще в те времена, когда мыс Кеннеди назывался мыс Канаверал), повисшую под углом к земле после того, как ракета под грохот и рев огня унеслась в небо.

Поднимаясь по лестнице, они уже не могли сохранять расстояние между собой и вертолетом, и воздушная машина приближалась к ним все быстрее. Два, четыре, восемь лестничных пролетов привели их на верхнюю площадку, на которую уже легли бледные ромбы света прожектора, просеянного сквозь решетчатые стены, и Джо показалось, что здесь они будут видны как на ладони и абсолютно беззащитны. Вертолет шел над берегом на высоте какихнибудь ста футов, а от края обрыва до него было футов около сорока; кроме того, соседний дом не имел подобного спуска к океану, и поэтому площадка, на которой они остановились, была единственным местом, достойным внимания их врагов. Если бы пилот вертолета повернул голову и посмотрел на обрыв, вместо того чтобы искать их глубоко внизу, на побережье, он тут же обнаружил бы беглецов, а им негде было даже спрятаться, поскольку выход с площадки преграждала железная изгородь шестифутовой высоты с идущими поверху остроконечными, загнутыми внутрь пиками, сооруженная, по видимому, еще в те времена, когда Служба управления береговой зоной смотрела на подобные вещи сквозь пальцы. В заборе, не дававшем посторонним с пляжа попасть на территорию частного владения, была и калитка, но она, как и следовало ожидать, оказалась запертой.

Вертолет был уже на расстоянии ста ярдов к югу от лестницы и двигался так медленно, что казалось, будто он висит на одном месте. Рев его двигателя и пронзительный свист несущего винта были такими громкими, что Джо, пожалуй, пришлось бы кричать, чтобы его спутники услышали хоть чтонибудь. Как ни странно, за всем этим шумом он довольно хорошо различал бешеный стук собственного сердца.

За те две или три минуты, которые у них еще оставались, через изгородь сумел бы перебраться разве что цирковой акробат, но Джошуа нашел выход. Сделав шаг вперед, он приставил "дезерт игл" к замку и выстрелил. Должно быть, пистолет был не только карманной гаубицей, но мог с успехом заменить отмычку, поскольку, когда Джошуа пнул калитку ногой, она с лязгом распахнулась.

Люди в вертолете вряд ли расслышали выстрел; обитатели же темневшего неподалеку дома скорее всего приняли его за выхлоп перегревшегося вертолетного движка. Как бы там ни было, ни одно окно не осветилось, возможно, в доме просто никого не было.

Пройдя через калитку, беглецы оказались в огромном ухоженном саду, где прямые радиальные дорожки – вымощенные антикварной терракотовой плиткой, обсаженные

низкими живыми изгородями и освещенные декоративными бронзовыми светильниками в форме лилий – пролегали между классическими розариями, клумбами правильной геометрической формы и круглыми чашами бездействующих фонтанов. Сад был разбит на нескольких естественных террасах, ограниченных балюстрадами из светлого известняка, которые уступами поднимались к трехэтажному особняку в средиземноморском стиле. Стволы финиковых пальм, фикусов и вечнозеленых калифорнийских дубов с массивными мощными кронами были подсвечены снизу матовыми ландшафтными светильниками и белели в темноте, словно колонны, поддерживающие плотный шатер переплетающихся ветвей и листвы.

Благодаря искусству ландшафтных архитекторов свет распространялся по всей территории усадьбы равномерно; романтический сад был укутан кружевом густых теней и мягкого полусвета, и беглецы впервые почувствовали себя в безопасности, хотя вертолет опустился уже вровень с краем обрыва, на котором стоял особняк.

Поднимаясь за Марком и Розой по ступенькам нижней террасы, Джо искренне надеялся, что реагирующие на движение детекторы охранной системы установлены только внутри самого дома. Если датчики есть и в саду, то с минуты на минуту они могут засечь их появление и включить замаскированные в кронах деревьев мощные прожектора, а это, в свою очередь, непременно привлечет к ним внимание пилота вертолета.

Джо прекрасно знал, что даже одиночке, вынужденному полагаться только на собственную выносливость и быстроту, бывает нелегко уйти от всевидящего ока полицейского поискового вертолета, за штурвалом которого сидит настойчивый и умелый пилот. На такой более или менее открытой местности, как сад вокруг особняка, где не было ни надежных укрытий, ни лабиринта узких улочек и переулков, спрятаться было еще труднее, чем в городе, к тому же их было четверо, и Джо понимал, что стоит пилоту один раз их заметить, и он их уже не выпустит.

Между тем ветер заметно усилился. Какихнибудь пару часов назад это был прохладный и легкий, как взмах птичьего крыла, бриз, дувший с океана в направлении материка; теперь же направление ветра поменялось, он стал плотным и горячим. Джо было хорошо известно, что этот ветер называется Санта Ана и что рождается он в горах на востоке, на самой границе раскаленной пустыни Мохаве. Кроны калифорнийских дубов уже отозвались на первое дыхание этого пыльного и сухого ветра недовольным ропотом; изящно вырезанные перья финиковых пальм громко зашелестели; их раскачивающиеся стволы начали негромко потрескивать, словно деревья предупреждали друг друга о грядущих ураганах и других бедах, и Джо почувствовал, что весь этот шум начинает действовать ему на нервы.

К счастью, сад не был оборудован охранной сигнализацией, и беглецы без помех достигли ступенек, ведущих на следующую террасу. Вокруг по прежнему царил мягкий, исчерченный густыми тенями полумрак, надежно скрывавший их от взглядов людей в вертолете, который, летя вровень с краем обрыва, медленно продвигался на север. Судя по всему, все свое внимание пилот сосредоточил на побережье, что было как нельзя кстати.

Тем временем Марк вывел их к огромному плавательному бассейну. Вода в нем казалась черной, как мазут, но ее поверхность была покрыта затейливыми, постоянно меняющимися серебристыми узорами, как будто там резвились косяки диковинных рыб со сверкающей чешуей.

Они все еще бежали вдоль края бассейна, когда Роза споткнулась и чуть не упала. Чудом сохранив равновесие, она остановилась, слегка покачиваясь.

– Что случилось? – с беспокойством спросил Джо, поравнявшись с ней.

– Ничего, ничего, все в порядке... – ответила Роза, но ее голос прозвучал неуверенно и жалобно; к тому же Джо почувствовал, что она едва держится на ногах.

– Что они с тобой сделали? – продолжал допытываться он, делая знак Джошуа и Марку подойти ближе.

– Да ничего особенного, – мужественно откликнулась Роза. – Просто поставили

несколько синяков.

– Роза!

– Все в порядке, Джо, правда. Наверное, это из за лестницы – я просто не рассчитала свои силы. Боюсь, я не в такой хорошей форме, как мне казалось.

Джо заметил, что Джошуа, воспользовавшись паузой, снова говорит с кем то по телефону, но так тихо, что ни одного слова нельзя было разобрать.

– Идемте же, – сказала Роза. – Нам нельзя медлить.

Джо машинально обернулся. Вертолет продолжал двигаться на север и уже почти миновал усадьбу.

Передышка, какой бы короткой она ни была, явно пошла Розе на пользу. Во всяком случае, она двигалась гораздо уверенней, когда Марк снова повел их маленькую группу вперед. Бесшумно, как тени, проскользнули они под сводчатыми арками крытой галереи у стены усадьбы, где их уже нельзя было заметить с вертолета, а потом завернули за угол.

Беглецы гуськом пробирались вдоль боковой стены к дорожке, которая, петляя, исчезала в роще мелалукк с их неряшливой, волокнистой корой, когда им навстречу блеснул из темноты мощный луч карманного фонаря. Плотный мужчина выступил из темноты и, загораживая им дорогу, сказал грубым голосом:

– Эй, вы! Какого черта вы тут шляетесь?

Не теряя ни секунды, Марк начал действовать почти в то же самое мгновение, когда охранник включил фонарь. Одним прыжком он покрыл разделявшее их расстояние и с силой ударил противника плечом в грудь. Охранник громко крикнул. Фонарь вывалился из его руки, ударился о ствол мелалукки и, отскочив на дорожку, завертелся вокруг своей оси, словно собака, ловащая себя за хвост. Луч света беспорядочно запрыгал по ногам беглецов, по стволам деревьев, по цветам, и во все стороны шарахнулись длинные черные тени, но Марк уже взял охранника в надежный борцовский захват и, столкнув его с дорожки, с такой силой припечатал о стену дома, что в ближайшем окне задребезжало стекло.

Подхватив с земли фонарь, Джошуа осветил борющихся мужчин, и Джо увидел, что они имеют дело с обычным охранником – полным пожилым мужчиной лет пятидесяти пяти, одетым в форму частного детективного агентства. Лица его он разглядеть не мог, так как Марк заставил охранника опуститься на колени и пригнул его голову к самой земле, чтобы он не смог впоследствии дать описание напавших на него людей.

– Он не вооружен, – негромко сказал Марк, обращаясь к Джошуа.

– Подонки! – вставил свое слово и охранник.

– На лодыжке проверил? – уточнил Джошуа.

– Нет. Сейчас посмотрю.

– Владельцы этих хором не то пацифисты, не то просто идиоты, – сдавленным голосом пояснил охранник. – Они не любят оружия и даже не допускают на территорию вооруженных людей. Исключения не сделали даже для нас, для охраны, и вот чем это кончилось!

– Мы не причиним вам вреда, – сказал Марк, оттаскивая охранника от стены дома и усаживая его на землю спиной к стволу мелалукки.

– Я вас не боюсь, – отозвался тот, хотя по его голосу было слышно, что он испуган.

– Собаки здесь есть? – деловито осведомился Марк.

– О, полно! – отозвался охранник. – Доберманы. Злющие!

– Вранье, – уверенно сказал Марк.

Джо тоже понял, что охранник блефует.

– Подержи ка, – обратился к нему Джошуа, протягивая фонарик. – Только направь луч в землю.

С этими словами он шагнул вперед и извлек из заднего кармана пару наручников. Марк велел охраннику завести руки назад, и, поскольку ствол мелалукки едва ли достигал в толщину десяти дюймов, тому удалось проделать это без особого напряжения.

– Вот так!.. – удовлетворенно сказал Джошуа, застегивая наручники на его запястьях.

– Копы уже мчатся сюда! – злорадно сообщил ему охранник.

– Верхом на доберманах, надо полагать, – хладнокровно заметил Марк.

– Гад ты!.. – Охранник сплюнул.

Марк достал из подсумка туго свернутый бинт.

– Ну ка, возьми в рот эту штуку, – приказал он.

– Сам возьми в рот, – бравируя отозвался охранник и... сделал как ему было велено.

Марк ловко затолкал бинт ему между зубами, а Джошуа зафиксировал его на месте при помощи намотанной в три слоя изоляционной ленты.

Марк рассматривал пульт дистанционного управления, который он снял с пояса стража.

– Это от входных ворот? – спросил он.

Охранник – как сумел – промычал сквозь кляп нечто невразумительно оскорбительное.

– Скорее всего, – перевел Джошуа и снова повернулся к незадачливому сторожу.

– Расслабься, дружище, не то наручники сотрут тебе запястья до мяса. Честное слово, мы не собираемся грабить твоих хозяев пацифистов. Просто мы проходили мимо, а ты попался нам на дороге.

– Через полчаса после того, как мы уйдем отсюда, один из нас вызовет полицию, чтоб они приехали за тобой, – пообещал Марк.

– А на будущее лучше все таки заведи себе собаку, – дружелюбно посоветовал Джошуа.

Вооружившись конфискованным у охранника фонарем, Марк быстро вывел их маленький отряд к фасаду дома, и Джо только порадовался, что эти двое – кем бы они ни были – сражаются сейчас на его стороне.

Поместье занимало обширную территорию площадью по меньшей мере три акра, и расстояние между передней стеной усадьбы и забором, выходившим на шоссе, равнялась футам двумстам. Перед парадным крыльцом – в центре круга, образованного петлей подъездной дорожки, – Джо увидел четырехъярусный фонтан из белого мрамора. Каждую чашу ярус поддерживали три стоящих на хвостах каменных дельфина, которые становились тем меньше, чем ближе к вершине. Вода в чашах была, но насос не работал, и струи не били вверх и не низвергались каскадом с уступа на уступ.

– Подождем здесь, – сказал Марк.

Основанием фонтана служил неглубокий бассейн с двухфутовым бортиком из светлого песчаника. На эту импровизированную скамейку первой опустилась Роза, за ней – Джо и Марк, а Джошуа, зажав в руке пульт дистанционного управления, зашагал по подъездной дорожке к воротам, на ходу разговаривая с кем то по телефону.

Горячий ветер Санта Аны, словно злобный пес, преследующий проворную и быструю кошку, гнал по асфальту длинные листья и шуршащие волокна мелалукковой коры.

– Как вы узнали о нас... обо мне? – спросила Роза у Марка.

– Когда какое то предприятие – как, например, наше – с самого начала получает в фонд развития целый миллиард долларов, ему не требуется много времени, чтобы встать на ноги и начать работать в полную силу. Кроме того, существует такая вещь, как компьютеры, а мы как раз специализируемся на компьютерных и информационных технологиях.

– Какое предприятие? – спросил Джо.

Ответ был столь же загадочным, как и тот, который Джошуа дал им на берегу несколько ранее.

– ФОБС, – сказал Марк.

– И что это значит?

– Потом, Джо, – перебила его Роза. – Я тебе все объясню. Продолжай, Марк.

– Что тут продолжать? – Марк пожал широкими плечами. – С самого начала мы обладали и средствами, и возможностями, чтобы следить за всеми перспективными и многообещающими разработками в тех областях науки, которые хотя бы теоретически могли приблизить откровение, которого мы ждали.

– Может быть, и так, – вздохнула Роза, – но ваш фонд появился всего два года назад, в то время как я работала над своими исследованиями семь последних лет, работала в обстановке такой строгой секретности, какую только можно себе вообразить.

– Вы были весьма многообещающим специалистом в своей области до тех пор, пока вам не исполнилось тридцать семь лет, – не то напомнил, не то объяснил Марк. – После этого ваша работа неожиданно остановилась. О вас ничего не было слышно, если не считать нескольких незначительных публикаций, которые время от времени появлялись в некоторых журналах. Можно было подумать, что вы больше не работаете и что источник вдохновения, из которого вы черпали свои блестящие идеи, в одночасье иссяк.

– И о чем это, по вашему, говорит?

– О многом, доктор Такер. Во всяком случае – для нас. Нечто подобное нам приходится наблюдать каждый раз, когда крупный ученый начинает сотрудничать с военными или правительственными структурами, обладающими достаточным влиянием и властью, чтобы обеспечить высокий уровень секретности и блокировать всякую утечку информации. Поэтому, когда мы сталкиваемся с такими фактами, мы пытаемся выяснить, над чем именно работает тот или иной специалист и на кого он работает. В вашем случае, доктор Такер, нам пришлось изрядно повозиться, прежде чем мы обнаружили вас среди специалистов "Текнолоджик", однако вы не работали ни в одном из их хорошо известных и доступных для нас исследовательских центров. Вы и ваши коллеги занимались своими исследованиями в секретных подземных лабораториях неподалеку от Манассаса, штат Виргиния. Программа, в которую вы были вовлечены, называлась "Проект 99".

Джо, внимательно прислушивавшийся к разговору и одновременно настороженно оглядывавший окрестности, заметил, как высокие стальные ворота при въезде на подъездную аллею бесшумно поползли в стороны. Должно быть, их открыл ушедший в ту сторону Джошуа.

– Как много вы знаете о "Проекте 99"? – спросила Роза.

– Увы, совсем немного, – был ответ.

– Меня гораздо больше удивляет, как вам вообще удалось о нем узнать хоть что то, – заметила она.

– Когда я говорил о том, что мы отслеживаем все научные разработки по всему миру, я вовсе не имел в виду, что мы ограничиваемся той информацией, которая поступает в обменные фонды научных библиотек или становится достоянием широкой общественности в виде публикаций в научных журналах, – скромно пояснил Марк.

– Хорошенький способ признаваться во взломе закрытых компьютерных сетей, расшифровке паролей и похищении информации! – сказала Роза без тени враждебности или осуждения в голосе.

– Возможно. Впрочем, нас в значительной степени извиняет то, что мы не извлекаем из этого никаких доходов или личных выгод. Мы не торгуем полученной информацией и не используем ее никаким иным образом. Просто такова наша миссия, ради выполнения которой мы пришли в этот мир.

Джо слушал и удивлялся своему собственному долготерпению. Возможно, он слишком вымотался, чтобы бунтовать и возмущаться, а может быть, просто многому научился. Он и сейчас продолжал узнавать все новые и новые сведения, и, хотя главный вопрос все еще оставался для него тайной за семью печатями, Джо готов был терпеливо ждать ответа. Станные опыты, которые Роза Такер проделывала с ним в пустынном банкетном зале "Приморского Санта Фе", повлияли на Джо самым серьезным образом, но только теперь он осознал это, а вернее – не побоялся себе в этом признаться. Синестезия, которую он испытал, казалась ему лишь прелюдией к чему то более важному, к невероятному и странному откровению, которое действительно способно было изменить весь мир, разбить вдребезги всю существующую систему ценностей и подвергнуть Джо самому сильному испытанию, которое он когда либо пережил. И все же, несмотря на это, он по-прежнему стремился знать правду, и единственной уступкой, которую он готов был сделать самому себе, это постараться, чтобы правда поступала к нему маленькими порциями, а не накрывала одной сокрушительной волной.

В створе ворот показался Джошуа. Он вышел за территорию поместья и встал на

обочине шоссе Пасифик Кост.

Над холмами на востоке поднялась распухшая оранжево желтая луна, и Джо показалось, что горячий ветер прилетел на землю с ее безлюдных песчаных равнин.

– Вы были одним из нескольких тысяч исследователей, за чьей работой мы пристально следили, – говорил тем временем Марк. – Хотя, должен признать, наш интерес в значительной степени был продиктован той завесой строжайшей секретности, которая окружала "Проект 99". Потом, когда год назад вы покинули Манассас, имея при себе нечто, относящееся к проекту, вы в одну ночь стали самым важным человеком в стране. Вас разыскивали все, абсолютно все... Даже после того, как вы, предположительно, погибли на борту 353 го, эти поиски не прекратились. На кампанию по розыску мертвой женщины затрачивались огромные средства, в ней участвовали сотни людей... Не удивительно, что нам это показалось странным.

Он замолчал, но Роза не стала его торопить. Она выглядела очень усталой, и Джо взял ее за руку. Тонкие пальцы Розы Такер дрожали, как в ознобе, но она нашла в себе силы слегка пожать его ладонь, показывая тем самым, что с ней все в порядке и волноваться не нужно.

– Потом мы перехватили рапорт одного секретного полицейского агентства, в котором сообщалось, что вы не просто живы и находитесь в районе Лос Анджелеса, но что вы предпринимаете некие странные действия, которые имеют отношение к родственникам тех, кто погиб во время авиакатастрофы в Колорадо. Это было настолько интересно, что мы решили организовать свое наблюдение. Среди нас, видите ли, немало бывших военных, поэтому все оперативные мероприятия мы проводим на хорошем уровне. Мы наблюдали за наблюдателями, которые, в свою очередь, "пасли" Джо Карпентера и других... И, я думаю, мы были правы, когда решили так сделать.

– Да, спасибо вам большое, – сказала Роза Такер устало. – Но вы еще не знаете, во что вы вмешались. Речь идет не о славе ученого и не о корпоративных интересах, а о самой жизни и о величайшей опасности, которая ей угрожает!

– Нас уже больше девяти тысяч, – негромко, но твердо возразил Марк. – И каждый из нас посвятил себя тому делу, о котором я уже говорил, – своей великой миссии. Мы не боимся. Кроме того, мы считаем, что вам, похоже, удалось найти какие то новые коммуникативные каналы, новые возможности, новые способы общения... Признаюсь откровенно, это гораздо больше, чем все, на что мы рассчитывали и на что надеялись. Если вы действительно совершили этот величайший прорыв, тогда... тогда человечество подошло к поворотному пункту в своей истории, к той точке, за которой все изменится окончательно и навсегда. И, следовательно, мы – ваши естественные союзники.

– Думаю, что вы правы, – устало согласилась Роза.

Марк, однако, продолжал мягко, но настойчиво убеждать ее в пользе такого союза.

– И мы, и вы, доктор, выступаем против одних и тех же сил, которыми движут невежество, страх, корысть, которым очень хочется, чтобы мир оставался погружен во мрак.

– Не забывайте, что я когда то работала на эти самые силы.

– Но сумели сделать свой выбор.

С шоссе, предварительно притормозив, чтобы подобрать Джошуа, в ворота усадьбы свернули два автомобиля. На большой скорости они промчались по подъездной аллее к дому, и Роза, Марк и Джо поднялись на ноги, когда "Форд" и следовавший за ним "Мерседес" обогнули фонтан и затормозили. Из "Форда" выбрались Джошуа и водитель – симпатичная молодая брюнетка; второй машиной управлял не то вьетнамец, не то китаец лет тридцати с небольшим. Все четверо, включая Марка, собрались перед Розой Такер и некоторое время стояли в молчании.

Усиливающийся с каждой минутой ветер больше не шуршал листвой деревьев, не потрескивал в кустах, не гудел негромко и монотонно в карнизах усадьбы; теперь он обрел свой собственный голос – тоскливый, протяжный и громкий вой, то и дело перемежающийся высокими визгливыми нотами, который током пробегал по нервам слушателей и внушал им суеверный страх сродни тому, какой испытывает одинокий путник, слышавший в дальнем

каньоне голоса охотящихся койотов. Мечущиеся под ветром ветви деревьев, освещенные невидимыми ландшафтными светильниками, отбрасывали на землю беспокойные, трепещущие тени, а бледнеющая луна молча любовалась на свое отражение в блестящих стеклах машин.

Джо, внимательно наблюдавший за новоприбывшими и за Джошуа с Марком, которые продолжали стоять перед Розой Такер, неожиданно подумал, что все они глядят на нее не просто с любопытством, как глядели бы на крупного ученого, а с обожанием, почти с благоговением, словно перед ними было нечто запредельное и святое.

– Я не ожидала, что все вы будете в нормальной одежде, – первой нарушила молчание Роза.

Стоявшие перед ней люди заулыбались, и Джошуа ответил:

– Два года назад, когда мы впервые ступили на этот путь, мы поступили довольно мудро, что не стали кричать о своем выборе на каждом углу. Нам не хотелось привлекать к себе внимание прессы, поскольку мы предполагали, что многие нас просто не поймут... Но мы никак не ожидали, что у нас появится столько решительных и жестоких врагов.

– И могущественных, – добавил Марк.

– Нам казалось, что всем людям будет интересно знать истину, которую мы ищем, если, конечно, нам суждено ее найти. Увы, теперь мы знаем, как обстоит дело в действительности.

– Невежество – это блаженство, ради которого люди готовы убивать, – вставила брюнетка.

– Одним словом, – продолжил Джошуа, – примерно год назад мы переоделись в хламиды и хитоны. Разумеется, это была маскировка, но люди сразу начали воспринимать нас как очередную секту, да и думать о нас как о религиозных фанатиках им было не в пример спокойнее. Нам прилепили ярлычок, подыскали для нас соответствующую полочку и... перестали или почти перестали вспоминать о нашем существовании.

Хламиды и хитоны...

– Так это ваши люди носят голубые туники и бреют головы? – спросил пораженный Джо.

– Вообще то эта одежда называется дхоти, – поправил его Джошуа. – Да, некоторые из нас продолжают, как и год назад, одеваться в синие и голубые дхоти и притворяться, будто они – единственные истинные последователи идеи. Именно это я и имел в виду, когда говорил, что одежда, бритые головы, серьги в ушах, коллективные медитации и собрания на виду у всех – это просто маскировка. Люди думают, что, кроме этих безвредных парней в голубом, в организации больше никого нет, и почти никто не знает, что большинство наших последователей ушли в подполье, чтобы спокойно делать свое дело, не опасаясь слежки, преследований и провокаций.

– Будьте с нами, доктор Такер! – воскликнула брюнетка, обращаясь к Розе. – Мы знаем, что вы уже почти нашли путь, и мы хотели бы помочь вам познакомить мир с этим замечательным открытием. Тогда вам никто не сможет помешать.

Роза шагнула вперед и легко прикоснулась ладонью к ее щеке. Джо хорошо помнил этот жест – на кладбище он произвел на него неизгладимо сильное впечатление.

– Наверное, скоро я буду с вами, но не сегодня, – сказала она. – Мне нужно некоторое время, чтобы как следует подумать и составить план. Кроме того, сейчас я очень спешу к одной маленькой девочке, к ребенку, который оказался в самом центре происходящего.

"Нина!" – молнией пронеслось в голове Джо дорогое имя, и он почувствовал, что сердце его запрыгало и заметалось в груди, как тени сотрясаемых ветром деревьев.

Между тем Роза повернулась к китайцу (или японцу) и провела кончиками пальцев по его щеке.

– Уже сейчас я могу сказать... Мы стоим на пороге событий, которые вы предвидели, предсказали, и в эту дверь мы обязательно войдем – может быть, не сегодня, не завтра и даже не на следующей неделе, а через годы, но это обязательно случится!..

Говоря это, она повернулась к Джошуа.

– Мы все – и вы, и я – непременно станем свидетелями того, как мир решительно и необратимо изменится, а унылое и одинокое существование человека озарится светом познания. Нужно только немножечко подождать – наше время обязательно придет...

В последнюю очередь Роза обратилась к Марку.

– Как мне кажется, вы пригнали две машины, чтобы предоставить одну из них в наше с Джо распоряжение, верно?

– Да, – кивнул светловолосый Марк. – Но мы надеялись...

Она положила руку на его предплечье.

– Скоро, но не сегодня. У меня осталось еще одно, очень важное дело. Все, чего мы надеемся достичь, зависит сейчас от того, сумею ли я добраться до той маленькой девочки, о которой я упоминала. Только тогда чаша весов решительно качнется в нашу пользу.

– Где бы она ни была, мы могли бы доставить ее к вам, доктор Такер.

– Нет. Джо и я... мы должны сделать это вдвоем. И как можно быстрее.

– Тогда возьмите "Форд".

– Спасибо.

Марк достал из кармана сложенную пополам долларовую купюру и вручил ее Розе.

– Серийный номер... – сказал он. – Если зачеркнуть четвертую от начала цифру, то получится семизначный телефонный номер. Код города 310.

Роза заснула доллар в карман джинсов.

– Когда вы будете знать, что готовы присоединиться к нам, или если вам вдруг понадобится помощь – позвоните и спросите меня. Мы придем, где бы вы ни были.

Роза привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Нам пора, – сказала она и повернулась к Джо. – Ты в состоянии вести машину?

Джо кивнул.

– Можно мне взять ваш телефон? – спросила Роза у Джошуа, и он протянул ей свой аппарат сотовой связи.

Невидимые крылья ветра яростно хлопали над верхушками деревьев, когда они садились в машину. Ключи все еще торчали в замке зажигания.

Захлопывая дверцу. Роза сморщилась и, негромко охнув, наклонилась вперед, жадно хватая ртом воздух.

– Все таки они тебя ранили! – встревожился Джо.

– Да нет же, просто несколько ушибов, – отмахнулась Роза, но Джо заметил, что ее темная кожа стала матово серой и покрылась бисеринками пота.

– Где у тебя болит?

– Нигде. – Роза с трудом выпрямилась. – Нам нужно вернуться в город и проехать его насквозь, но мне не хотелось бы возвращаться мимо ресторана Махалии.

– У тебя могут быть сломаны ребра.

Не обращая на него внимания, Роза откинулась на спинку сиденья и задышала ровнее.

– Эти подонки не смогут заблокировать дорогу и организовать тотальную проверку документов без помощи местных властей, а связываться с ними у них нет времени, но я готова поспорить на что угодно, что они будут внимательно следить за всеми проезжающими машинами.

– Сломанное ребро может проткнуть легкое.

– Джо, прошу тебя!.. У нас тоже нет времени. Мы должны двигаться, если хотим спасти нашу маленькую девочку.

– Нину? – Джо посмотрел на нее в упор.

– Нину.

Роза встретила его взгляд, потом чуть заметно вздрогнула и отвела глаза, словно поняв что то.

– Можно поехать по Пасифик Кост на север и свернуть на шоссе Кенан Дьюма. Это дорога местного значения, которая выведет нас к Аугора Хиллз, – предложил Джо. – А оттуда по сто первой магистрали можно добраться до шоссе No 210.

– Поехали.

Марк, Джошуа, девушка и азиат молча смотрели на них. Их лица были припудрены лунным светом, волосы развевались по ветру, а на заднем плане мягко светились мраморные дельфины и поблескивал хромированными деталями "Мерседес".

Эта живая картина показалась Джо одновременно и прекрасной, и зловещей, но почему – этого он никак не мог понять. Единственное объяснение, пришедшее ему на ум, – объяснение, которое ничего не объясняло, – состояло в том, что сама сегодняшняя ночь стала ареной действия странных сил, разобраться в природе которых ему, простому смертному, изначально не дано. Все, на что бы ни падал его взгляд, казалось Джо исполненным колоссального значения и величайшего смысла, и даже луна была совсем не такой, как обычно, но его разум, приведенный в смятение всеми предшествующими событиями и притупленный нечеловеческим напряжением, в котором он пребывал вот уже вторые сутки, только фиксировал эти таинственные знамения, не в силах ни прочесть их, ни разгадать их потаенный смысл.

Джо запустил двигатель и, переключив передачу на задний ход, тронул "Форд" с места, когда брюнетка шагнула вперед и прижала ладонь к окну пассажирской дверцы рядом с лицом Розы Такер. Роза, в свою очередь, подняла руку и приложила ее к стеклу со своей стороны. Молодая женщина плакала, и ее мокрые щеки и подбородок блестели в свете луны. Не отнимая руки от стекла, она сначала шла рядом с машиной, потом побежала и отстала только перед самыми воротами, когда Джо увеличил скорость, выезжая на шоссе.

Он чувствовал себя так, словно долго стоял перед волшебным зеркалом, отделяющим его мир от страны безумия, и наконец, крепко зажмурив глаза и вытянув перед собой руки, сделал шаг навстречу своему отражению и, пройдя его насквозь, очутился в странном, сумасшедшем мире, где не действовали никакие законы, где вода текла в гору, а солнце всходило посреди ночи. Несмотря на это, Джо ничуть не стремился вернуться обратно, в серый, скучный, до последней пылинки знакомый и предсказуемый мир, который остался где то за тонким слоем серебристой амальгамы. Пусть он сошел с ума, но это безумное наваждение не вызывало в нем никакого протеста, быть может, потому, что только здесь жила его надежда вернуть себе самое дорогое, единственное, самое желанное.

Обмякнув в пассажирском кресле, Роза Такер неожиданно сказала:

– Мне почему то кажется, что мне не удастся справиться со всем этим. Я слишком устала... и слишком боюсь. Я обыкновенная женщина, и мне бывает трудно и страшно идти и делать то, что должно быть сделано. Груз, который я на себя взвалила... эта ноша мне просто не по плечу, Джо.

– Мне ты не кажешься обыкновенной, – возразил он.

– Боюсь, мне придется тебя разочаровать, – отозвалась Роза Такер, набирая номер на сотовом телефонном аппарате. – У меня может просто не хватить силы, чтобы открыть эту дверь и провести сквозь нее всех.

Закончив набирать номер, она нажала кнопку "Передача".

– Покажи мне эту дверь, скажи, куда она ведет, и я помогу тебе, – пообещал Джо, от всего сердца желая, чтобы Роза перестала говорить загадками и сообщила ему хотя бы несколько фактов, на которые он мог бы опереться. – Почему Нина играет в происходящем такую важную роль? Где она, в конце концов?

На вызов, по видимому, кто то ответил, так как Роза громко сказала в трубку:

– Это я. Отвези Нину в другое место. Срочно!

Нину...

Немного послушав, что говорит ее собеседник, Роза произнесла еще громче и еще решительнее:

– Нет, именно сейчас. Немедленно! В ближайшие пять минут или даже быстрее. Они уже знают о моей связи с Махалией... Да, несмотря на все наши предосторожности. Теперь все зависит от того, насколько быстро мы будем действовать. Им потребуется совсем немного времени, чтобы протянуть ниточку от меня к тебе.

И к Нине!..

Джо свернул с шоссе Пасифик Кост на дорогу, ведущую к Аугора Хиллз. Шоссе отчаянно петляло между темными холмами, изредка взлетая на гребни, с которых ураган Санта Ана сдувал плотные облака серой пыли.

– Отвези ее в Бигбер, – сказала Роза своему собеседнику.

Бигбер... После разговора с Мерси Илинг в Колорадо (сколько времени прошло с тех пор? девять часов? десять?) Нина чудесным образом вернулась в мир живущих, но для него она по-прежнему находилась в каком-то дальнем уголке, где Джо никогда не удалось бы ее разыскать. Зато теперь он знал, что пройдет совсем немного времени и они приедут в Бигбер, курортный городок на берегах Большого Медвежьего озера в горах Сан-Бернардино, который он довольно хорошо знал. Должно быть, благодаря этому спасение Нины, ее удивительное воскрешение после целого года небытия, обрело для Джо особенную, восхитительную реальность. Теперь он знал, где находится его дочь, он мог назвать это место и указать его на карте; больше того, Джо не раз бывал в Бигбере и помнил все его улочки и дорожки. Сознание этого наполнило его таким удивительным и сладостным предвкушением, что хранить его в себе стало невыносимо трудно. Джо хотелось закричать, чтобы выплеснуть распивавшие его чувства, но он смолчал и только снова и снова повторял про себя это название, смакуя его, словно сладкий леденец: Бигбер, Бигбер, Бигбер...

– Если смогу... – сказала Роза в телефон. – Через пару часов я сама буду на месте. Ну все, целую. А теперь – поспеши!

Она дала отбой и, положив телефон на сиденье между ногами, привалилась к дверце и закрыла глаза.

Джо, незаметно наблюдавший за ней, насколько позволяли обстоятельства, уже давно заметил, что Роза почти не пользуется левой рукой. Теперь эта рука лежала у нее на коленях, и даже в тусклом свете приборной панели Джо без труда разглядел, как сильно она дрожит.

– Что у тебя с рукой? – спросил он.

– Оставь мою руку в покое, – устало откликнулась Роза, не открывая глаз. – Мне очень приятно, что тебя это беспокоит, но ты становишься нудным. Все будет в порядке – дай мне только добраться до Нины.

Джо замолчал. Примерно через полмили он требовательно сказал:

– Расскажи мне все. Я имею право знать.

– Да, – на удивление легко согласилась Роза. – Это будет не слишком долгая история. Вот только я не знаю, с чего мне начать.

Глава 16

Огромные шары перекаати поля – высушенные и обесцвеченные почти до белизны безжалостным калифорнийским солнцем, оторванные сухим порывистым ветром от своих уходящих глубоко в почву многофутовых корней, утратившие свой родной дом в земле и гонимые куда-то на край света визжащей от ярости Санта-Аной – торжественно выкатывались из глубоких каньонов на узкое полотно шоссе. Серебрясь в свете фар, они следовали своим путем дальше, то и дело подпрыгивая на неровностях почвы, и это сюрреалистическое и безмолвное шествие колючих скелетов, двигавшихся медленно, словно бесконечная колонна измученных, изголодавшихся беженцев, действовало угнетающе, наводя невыразимую, странную тоску.

– Давай начнем с конца, – предложил Джо. – Что это были за люди, которые спасли нас? Что это за культ такой? И как он называется – Фобос, что ли...

– ФОБС, – Роза произнесла по буквам. – Не Фобос... Это искусственное слово, сокращение, которое означает Фонд общения с бесконечностью. ФОБС не культ, во всяком случае не в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово.

– Тогда кто же они такие?

Вместо того чтобы ответить немедленно. Роза, неловко изогнув шею, поглядела на свои

наручные часы и завозила на сиденье, стараясь найти положение поудобнее.

– Нельзя ли нам ехать быстрее? – спросила она.

– Только не на этой дороге, – отозвался Джо. – Кстати, пристегни на всякий случай ремень безопасности.

– Ничего не выйдет, – покачала головой Роза. – У меня отбита вся левая половина.

Кое как устроившись в углу между спинкой сиденья и дверцей, она спросила:

– Ты знаешь, кто такой Лоран Поллак?

– Гениальный программист самоучка, своего рода новый Билли Гейтс.

– Да, так его называли в прессе. Он начал с нуля и к сорока двум годам стоил уже семь миллиардов долларов.

– Ну и что?

Роза закрыла глаза и сильнее навалилась на дверцу машины, оберегая пострадавший левый бок. На лбу ее проступила испарина, но голос продолжал звучать уверенно и твердо.

– Два года назад Лоран Поллак организовал благотворительный фонд с начальным капиталом в один миллиард долларов и назвал его "Общение с Бесконечностью". Он был уверен, что многие науки, обслуживаемые компьютерами последнего поколения, в самое ближайшее время совершат фундаментальные открытия, благодаря которым мы окажемся лицом к лицу с самим Создателем.

– На мой взгляд, именно такая теория как раз подходит для основания нового культа.

– О, многие люди действительно считают Поллака мошенником или проходимцем, однако он на самом деле обладает не только редкой способностью оценивать сложнейшие теории с точки зрения самых разных отраслей знания, но и завидной дальновидностью и проницательностью. Даром предвидения, если угодно... Я, кажется, уже говорила тебе, что существует целое направление современной физики, которое ищет – и находит! – доказательства того, что Вселенная была сотворена.

– А как насчет теории хаоса? – нахмурился, спросил Джо. – Мне казалось, что ее поддерживает абсолютное большинство ученых.

– Теория хаоса вовсе не подразумевает, что во Вселенной все происходит случайно. Это универсальная, широкоохватная теория, которая, кроме всех прочих вещей, не только теоретически допускает, но и признает фактическое наличие чрезвычайно сложно организованных связей внутри систем, которые выглядят беспорядочными, хаотическими. Взять хотя бы погоду: простейший пример, но и самый наглядный. Стоит заглянуть в суть предмета, как начинаешь замечать определенные закономерности, которые и управляют кажущимся хаосом.

– Честно говоря, – перебил Джо, – я довольно смутно представляю себе все то, о чем ты говоришь. Словосочетание "теория хаоса" я употребляю в том смысле, в каком оно используется в кино.

– Большинство фильмов – это нагромождение глупостей, – резко сказала Роза. – То же относится и к политике... В общем, если бы Поллак был здесь, он сказал бы тебе, что восемьдесят лет назад наука развенчала и жестоко высмеяла основной постулат многих религий, что Вселенная была сотворена *ex nihilo*¹. Каждому было очевидно, что создать что-то из ничего невозможно; это было бы нарушением всех физических законов. Но сейчас, когда мы гораздо лучше стали разбираться в молекулярной структуре вещества, мы увидели, что физика элементарных частиц постоянно создает материю *ex nihilo*...

С присвистом втянув воздух сквозь сжатые зубы, Роза наклонилась вперед и, открыв перчаточницу, порылась в ее содержимом.

– Я думала, здесь найдется аспирин или экседрин, – пояснила она. – Пара таблеток мне не помешала бы...

– Мы можем остановиться где-нибудь по дороге... – начал Джо. Но она не дала ему договорить.

– Нет, – решительно сказала она. – Бигбер еще далеко.

¹ *Ex nihilo* – из ничего (лат.).

С этими словами Роза захлопнула крышку перчаточницы, но осталась сидеть сжавшись, словно так ей было легче переносить боль.

– Физика и биология – вот две дисциплины, которые интересовали Поллака. В особенности биология, молекулярная биология.

– При чем тут молекулярная биология?

– При том, что чем больше мы познаем живые существа на молекулярном уровне, тем очевиднее тот факт, что все они были созданы искусственно. Ты, я, млекопитающие, рыбы, насекомые, растения – все.

– Минуточку, – прервал ее Джо. – А как же эволюция? Или ты... вы с Поллаком ее отвергаете?

– Не до конца. К каким бы выводам ни привела нас молекулярная биология, дарвиновская эволюция видов тоже сыграла свою роль, но, конечно, не определяющую.

– Похоже, ты все таки не относишься к тем ортодоксам, которые уверены, что род человеческий был создан в эдемском саду пять тысяч лет назад.

Роза через силу улыбнулась.

– Не отношусь. Теория Дарвина была сформулирована в 1859 году – задолго до того, как наука узнала, что такое атом. Чарльз Дарвин считал клетку основным строительным материалом, мельчайшим кирпичиком, из которых состоит любой организм. Сама же клетка в представлениях того времени была всего лишь аморфным сгустком альбумина, обладающим определенной универсальностью.

– Альбумина? Что это такое?

– Белковое вещество, белок, первооснова всего живого. По Дарвину, белок скорее всего появился в результате благоприятного стечения обстоятельств, случайной химической реакции; происхождение же видов он объяснял исключительно естественным отбором, но мы то теперь знаем, что клетки – это сложнейшие образования, обладающие настолько тонким и рациональным устройством, что поверить в их случайное происхождение очень нелегко.

– И все это уже открыли? – искренне удивился Джо. – Похоже, мне пора обратно в школу.

– Что касается происхождения видов... Обе аксиомы дарвиновской теории – органическая целесообразность и единство природных процессов для всех живых существ – не были подтверждены никакими эмпирическими открытиями на протяжении еще ста пятидесяти лет.

– Что то я совсем ничего не понимаю.

– Хорошо, попробую объяснить иначе... – Роза продолжала сидеть подавшись вперед, глядя на темные холмы впереди и встающее над ними зарево пригородов.

– Ты знаешь, кто такой Фрэнсис Крик?

– Нет.

– Это известный молекулярный биолог. В 1962 году он вместе с Моррисом Уилкинсом и Джеймсом Уотсоном был удостоен Нобелевской премии в области медицины за открытие трехмерной структуры ДНК, которая, как теперь известно всем, представляет собой двойную спираль. С тех самых пор все достижения современной генетики – в том числе и революционные способы лечения целого ряда наследственных заболеваний, которые были найдены в последующие двадцать лет, – основываются на этом фундаментальном открытии. Фрэнсис Крик – это настоящий ученый, твердо стоящий на земле, ни в коем случае не мистик и не сторонник спиритизма, но известно ли тебе, какую гипотезу он выдвинул несколько лет назад? Что жизнь на Земле, может быть, создана искусственно, создана инопланетным разумом!

– Выходит, и высоколобые иногда почитывают "Нэшнл инкуайер" "Нэшнл инкуайер" – еженедельный журнал, специализирующийся на публикации сенсационных новостей для неискушенного обывателя"! – не удержится Джо.

– Да нет, дело не в этом, – поморщилась Роза. – Дело в том, что теория инопланетян оказалась для него меньшим злом, потому что Крику никак не удавалось соотнести все

накопленные современной наукой знания в области молекулярной биологии с теорией дарвиновского естественного отбора, а он, будучи сугубым материалистом, просто не мог допустить существование Творца – Творца с большой буквы, Творца в высшем, духовном смысле...

– И поэтому пресловутые богоподобные пришельцы оказались для него единственными подходящими кандидатами на роль творцов земной жизни, – закончил Джо.

– Верно. Но и это предположение оказалось не без изъяна. Если пришельцы создали все виды живых существ на нашей планете, то кто создал самих пришельцев?

– По моему, – заметил Джо, – вы с вашим Криком снова вернулись к старому спору на тему, что было раньше – курица или яйцо.

Роза негромко рассмеялась, но смех ее тут же перешел в кашель, с которым она не могла справиться довольно долгое время. Когда Джо снова предположил, что ей нужна срочная медицинская помощь, Роза Такер только мрачно смерила его взглядом и, с усилием выпрямившись, снова облокотилась на дверцу машины.

Слегка отдышавшись, она сказала:

– Лоран Поллак считает, что высшей целью интеллектуальных усилий человечества – целью науки – является понимание устройства Вселенной, причем это необходимо не столько для того, чтобы лучше контролировать и приспособливать для своих нужд окружающую среду, и не для удовлетворения любопытства, сколько для решения основной загадки бытия, заданной нам Богом.

– Чтобы, решив эту загадку, люди сами стали богами?

Несмотря на боль, безжалостно терзавшую ее, Роза улыбнулась.

– Вот теперь ты настроился на образ мыслей Лорана Поллака. Он считает, что мы живем в век, когда какое то ключевое научное открытие, решительный прорыв в одной из областей знания могут окончательно подтвердить существование Творца. Человечество получит возможность общения с бесконечным, и это, по мнению Поллака, вернет науке душу, поднимет человека над страхом и сомнениями, излечит людей от нетерпимости и ненависти и в конечном итоге объединит род людской для великой миссии сердца и ума.

– Как в сериале "Звездный путь".

– Не надо шутить, Джо, мне слишком больно смеяться.

Джо замолчал, вспоминая Джема Фиттиха, торговца подержанными автомобилями. Оба – и Фиттих, и Поллак – одинаково предчувствовали близкий конец знакомого им мира, однако если первому виделась холодная и мрачная волна убийца, которая сметет все и вся, то второму конец света представлялся в виде половодья чистейшего, всепроникающего света, который высветит новые свойства привычных предметов и изменит их окончательно и бесповоротно.

– Значит, – сказал он, – Поллак основал свой фонд общения с бесконечностью специально для того, чтобы следить за развитием передовой научной мысли во всем мире и быть в курсе всех проектов, которые, гм м... могут привести к результатам, о которых не подозревают даже сами ученые. И чтобы через этот Фонд поощрять исследования, могущие привести к решительному прорыву, гениально предсказанному самим великим пророком Святым Поллаком?

– Я уже говорила, что ФОБС – не религия.

– Я не об этом. Просто Поллак, по видимому, считает, что все религии правы, коль скоро все они признают, что наша Вселенная была создана Богом, и что все они ошибаются в своих интерпретациях того, что, собственно, Творец хочет от нас – своих созданий. Сам Поллак, несомненно, уверен, что Богу нужно только одно: чтобы мы объединились в своем стремлении учиться, понимать, познавать Вселенную слой за слоем и в конце концов наткнулись на того же Бога. И чтобы в процессе люди сами стали богоравными...

К этому времени они уже выехали из темноты между холмами и очутились в пригородах Лос Анджелеса. Двигаясь по извилистым, часто пересекающимся улочкам, Джо искал подходящий проспект или бульвар, по которому можно было бы быстрее пересечь

город и попасть на его противоположную окраину. Въезжая на эстакаду шоссе, идущего на Глендейл и Пасадену, он сказал:

– Я не верю ни в какого Бога.

– Я знаю, – откликнулась Роза.

– Ни один добрый Бог не допустил бы, чтобы люди страдали так жестоко и несправедливо.

– Лоран Поллак сказал бы на это, что твоему мышлению не хватает широты охвата и перспективы.

– Лоран Поллак – кусок дерьма!

Джо так и не понял, то ли Роза снова рассмеялась и закашлялась, то ли кашель напал на нее безотносительно к его резкому заявлению; как бы там ни было, на этот раз прошло гораздо больше времени, прежде чем она сумела отдышаться и отерла с глаз выступившие слезы.

– Тебе нужно показаться врачу, – попробовал настаивать он.

Но Роза сразу перебила его.

– Если мы задержимся, – сказала она, – Нина может погибнуть.

– Не заставляй меня выбирать между... – попробовал сопротивляться он, но Роза не дала ему договорить.

– Ни о каком выборе не может быть и речи, – заявила она голосом, в котором неожиданно прозвучала сталь. – Я так решила. Если встанет вопрос, я или она, то... Нина важнее меня, потому что за ней будущее. Нина – наша единственная надежда.

* * *

Луна, оранжево красная в момент первого появления на публике, уже давно утратила свой стыдливый румянец и, преодолев смущение, натянула посыпанную ослепительно белой пудрой маску нахального и самодовольного клоуна. Движение на шоссе, осмеянном луною под конец затянувшегося допоздна воскресного представления, было довольно оживленным. Лосанджелесцы только сейчас возвращались из Лас Вегаса и других разбросанных по пустыне мест, где можно было приятно провести время, а навстречу им двигался не менее плотный поток жителей пустыни, спешивших к родным очагам после двухдневного отдыха на пляжах побережья или в увеселительных заведениях большого города. Это беспокойное племя, вечно ищущее большего счастья и, что немаловажно, находившее его – пусть ненадолго, до конца уик энда или на один лишь воскресный вечер, – было довольно многочисленным, и "Форд" Джо едва двигался в плотном потоке других машин. Он старался ехать быстрее, то и дело перестраиваясь с одной полосы на другую и втискиваясь на любое свободное пространство под раздраженные гудки соседей, однако это лавирование почти не приносило результатов, а рисковать Джо не решался, боясь попасться на глаза дорожному патрулю. Если бы их остановили, ни Джо, ни Роза не смогли бы предъявить никаких документов, которые подтверждали бы, что машина не краденая; даже если бы им удалось в конце концов доказать, что "Форд" им одолжили друзья, они потеряли бы слишком много драгоценного времени.

– Что такое "Проект 99"? – спросил Джо. – Чем вы там занимались – в этих подземных лабораториях неподалеку от Манассаса?

– Ты слышал что нибудь о попытках описать геном человека?

– Да. Читал на обложке "Ньюсуик". Насколько я понял, это что то вроде подробного перечня всех генов и того, за что каждый из них отвечает.

– Величайшее научное начинание нашего времени, – заметила Роза с некоторым оттенком гордости. – Его целью является выделение каждого из ста с лишним тысяч человеческих генов и подробное описание структуры соответствующего ему участка ДНК. И дело движется на удивление быстро.

– Кажется, с помощью этого списка можно будет лечить дистрофию мышц, рассеянный

склероз...

– А со временем и такие серьезные заболевания, как рак и другие...

– И ты во всем этом участвовала?

– Нет. Во всяком случае – не непосредственно. У нашего "Проекта 99" была гораздо более интересная и сложная задача. Мы должны были выделить гены, которые определяют наличие у человека необычных талантов.

– Как у Моцарта или Майкла Джордана?

– Нет, мы не имели в виду способность к творчеству или умение попасть мячом в кольцо. Мы искали гены, ответственные за разного рода паранормальные способности вроде телепатии, телекинеза, пирокинеза и других.

Джо был так поражен, что непроизвольно отреагировал как журналист, а не как человек, который совсем недавно сам стал очевидцем событий фантастических и неправдоподобных.

– Таких способностей не существует, – отрезал он. – Это выдумки писателей фантастов.

– Зато существует немало людей, которые показывают необычайно высокие результаты при специальном тестировании. И эти результаты настолько стабильны, что случайностью объяснить их никак нельзя. Испытуемые угадывают порядок карт в колоде, предсказывают, какой стороной вверх упадет монета, передают и принимают мысли и зрительные образы и демонстрируют многие другие удивительные вещи.

– Как это делали в университете Дьюка "Университет Дьюка частный университет в Дареме (Сев. Каролина); медицинский центр этого университета, считающийся одним из лучших в США, проводил исследования по выявлению и изучению паранормальных способностей человека"?

– Да, почти так, только наши тесты включали и многое другое. Когда нам попадался человек, у которого наши тесты выявляли ярко выраженные паранормальные способности, мы брали у него образцы крови и тканей на исследование и изучали генетическую структуру ДНК. А взять такое явление, как дети и полтергейст...

– Полтергейст?

– Феномен полтергейста не имеет никакого отношения к духам. В домах, в которых происходят события, подпадающие под эту категорию, – если, конечно, мы имеем дело действительно с полтергейстом, а не с искусной мистификацией, – обязательно есть дети, и мы считаем, что все эти летающие по воздуху предметы, эктоплазматические видения, странные звуки являются следствием того, что дети бессознательно пробуют скрытые в них силы, о которых они сами даже не подозревают. У таких детей – если нам удавалось их найти – мы тоже брали кровь на анализ. Со временем у нас собралась целая картотека генетических портретов людей, обладающих необычными способностями, с помощью которой мы могли искать то, что их объединяет.

– Ну и как? Вы чтонибудь нашли?

Роза немного помолчала, должно быть, ожидая, пока пройдет очередной приступ боли, хотя ее лицо выражало скорее душевное смятение, нежели свидетельствовало о физических страданиях. В конце концов она сказала:

– Да, нашли. И очень многое.

Если бы в салоне было достаточно света, чтобы Джо мог разглядеть в зеркале заднего обзора свое собственное отражение, он бы увидел, как кровь медленно отливает от щек и лицо его становится белым, как луна, ибо он внезапно понял, в чем состоял главный смысл "Проекта 99".

– Но вы не только изучали эти аномалии, верно? – медленно проговорил он ставшими вдруг непослушными губами.

– Нет, не только.

– Вы научились использовать свое открытие практически?

– Да.

– Сколько человек работало на "Проект 99"?

- Больше двухсот.
- Вы делали чудовищ, – чуть слышно пробормотал Джо.
- Людей, – поправила его Роза. – Мы делали в лаборатории людей.
- Может быть, они выглядят как люди, но на самом деле они – монстры.
- Роза молчала примерно минуту, потом сказала:
- Да.
- Последовала еще одна пауза, после которой она неожиданно добавила;
- Хотя настоящими чудовищами были мы – те, кто сделал их такими.

* * *

...Расположенный в безлюдном сельскохозяйственном районе Виргинии научно исследовательский центр под официальным названием Институт Квартермасса, о чем свидетельствует установленный на шоссе указатель, занимает огороженный и хорошо охраняемый участок земли площадью в тысячу восемьсот акров. Здесь, на отлогих склонах холмов, пасутся среди сочной травы беспечные олени, негромко шелестят листвой буковые и березовые рощи, в которых кишит непуганая мелкая живность, дремлют под солнцем задумчивые пруды, а в полях гнездятся ржанки и жаворонки.

На первый взгляд система безопасности вовсе не бросается в глаза, однако в действительности ни одно живое существо размером крупнее кролика не может пересечь границу института, не попав в поле зрения бесчисленных инфракрасных детекторов, датчиков движения, чувствительных видеокамер и микрофонов, которые постоянно регистрируют все происходящее на заповедной территории и передают полученные данные в центральный компьютер, который обрабатывает информацию и в случае необходимости поднимает тревогу. Все нарушители подлежат немедленному аресту, и когда – очень редко – охотники или любопытные мальчишки перебираются через изгородь, их задерживают на расстоянии не более пятисот футов от того места, где они проникли в запретную зону.

Почти в самом центре этого живописного участка стоит приют – унылое трехэтажное здание, сложенное из красно коричневого кирпича, отдаленно напоминающее своей архитектурой бесплатные муниципальные больницы. В нем содержится сорок восемь детей в возрасте до шести лет, хотя многие из них кажутся старше.

Все они – сироты с рождения. Пожалуй, они даже больше чем сироты, потому что у них никогда не было ни матерей, ни отцов. Никто из этих детей не был зачат в любви, никто не родился в муках. Крошечные зародыши, полученные методом искусственного оплодотворения, росли и развивались внутри механической матки, заполненной синтезированной в лаборатории околоплодной жидкостью.

Как у лабораторных крыс, собак или обезьян, которые сутками живут со вскрытыми черепами во время экспериментов на мозге, у этих детей нет и никогда не было имен. Дать каждому из них обычное человеческое имя означало бы спровоцировать тех, кто имеет с ними дело, на эмоциональную привязанность, а люди, которые занимаются ими по долгу службы, – начиная от охранников и младшего медперсонала и заканчивая учеными, которые помогли им появиться на свет, – должны в целях поддержания чистоты эксперимента оставаться абсолютно нейтральными и эмоционально отстраненными от объектов опыта, иначе они просто не смогут выполнять как следует свои обязанности. Вот почему каждый ребенок имеет вместо имени один только код, состоящий из букв и цифр, соотносящихся с номерами карточек в генетической картотеке "Проекта 99" и обозначающих особые свойства и способности, которые были заложены в том или ином подопытном экземпляре.

На третьем этаже приюта, в угловом юго западном секторе, обитает в своей собственной комнатке АТХ 12/23. Ей четыре года от роду, но она страдает кататонией и до сих пор не умеет контролировать функцию кишечника. Часами она терпеливо сидит в своей кровати в луже мочи и фекалий, пока сиделка не придет переменить белье, но АТХ 12/23 никогда не жалуется. За всю свою недолгую жизнь она не произнесла ни слова и не издала ни

одного звука. Даже в младенчестве она никогда не плакала. Ходить АТХ 12/23 тоже не может и сидит неподвижно, глядя прямо перед собой, изредка пуская слюну. Ее мускулы частично атрофированы, и, несмотря на укрепляющий массаж, который ей делают три раза в неделю, процесс отмирания мышечных тканей продолжается. Если бы на лице АТХ 12/23 появилось какое-нибудь осмысленное выражение, она была бы прелестна, но ее мимические мышцы все время расслаблены, и маленькое личико производит жуткое впечатление.

Под потолком комнаты укреплены видеокамеры, которые круглые сутки работают на запись. Со стороны это может показаться расточительством, напрасной тратой видеопленки, однако это не так. Время от времени камеры, которые контролируют каждый квадратный дюйм в комнате, фиксируют движение, но девочка остается неподвижной. Двигаться начинают неодушевленные предметы вокруг нее. Резиновые мячики разных цветов и размеров поднимаются в воздух, толкутся под потолком, вращаются вокруг своей оси или, собираясь в круг, по пятнадцать двадцать минут водят хоровод вокруг головы ребенка. Жалюзи на окне поднимаются и опускаются, хотя к ним никто не прикасается, свет то гаснет, то вспыхивает ярче, цифры на настенном электронном хронометре ускоряют свой бег, а игрушечный мишка, к которому АТХ 12/23 ни разу не прикоснулась, начинает расхаживать по комнате на своих коротеньких плюшевых ногах.

А на втором этаже, в третьей к востоку от лифтов комнате, живет КСБ 22/09. Ни в умственном, ни в физическом смысле этого шустрого рыжего мальчугана нельзя назвать ущербным. Скорее наоборот – коэффициент его умственного развития намного превышает уровень гения. Он просто обожает учиться, и каждый день к нему приходят преподаватели, которые занимаются с ним по расширенной программе. В свои пять лет КСБ 22/09 освоил программу последнего выпускного класса и владеет общеобразовательными предметами гораздо лучше многих великовозрастных балбесов. В его комнате полно игрушек, книг, видеокассет с фильмами, а иногда он участвует и в игровых сессиях с другими узниками приюта (проходящих, естественно, под строгим надзором), ибо мозговой центр "Проекта 99" считает, что нормальные в умственном и физическом плане подопытные экземпляры должны учиться общению, насколько это, учитывая специфику института, вообще возможно.

Особый талант КСБ 22/09 состоит в том, что, когда он очень постарается (впрочем, иногда это выходит у него само собой), он может заставить небольшие предметы исчезнуть. Просто исчезнуть. Мальчик посылает их куда-то в другое место, которое он называет "Большая Темнота". Ни вернуть исчезнувшие предметы, ни объяснить, что такое эта его "Большая Темнота", КСБ 22/09 не в силах, хотя он и признается, что это место ему не нравится.

В последнее время у КСБ 22/09 возникли проблемы со сном. По ночам его стали мучить кошмары; ему снится, что он отправляет в "Большую Темноту" себя самого, но не целиком, а по кускам: сначала большой палец руки, потом – палец ноги, левую ступню, зубы, а под конец – ухо и глаз, который неожиданно исчезает против его собственной воли, оставляя в черепе лишь пустую глазницу. КСБ 22/09 ничего не может с этим поделать, и каждый вечер его приходится пичкать седативными препаратами. Совсем недавно у него появились также провалы в памяти и развился острый параноический синдром, что, по всей видимости, является следствием приема больших доз снотворного.

Из сорока восьми детей, обитающих в институте, только семеро демонстрируют ярко выраженные паранормальные способности, однако это не значит, что на остальных махнули рукой. Странные таланты могут проявляться независимо от возраста; так, например, у одного из семерки паранормальные способности проявились в одиннадцать месяцев, а у другого только в пять лет, и поэтому вероятность того, что и остальные со временем заявят о себе тем или иным образом, – например, вследствие коренной перестройки всего организма в период полового созревания, – достаточно велика. Разумеется, от тех экземпляров, у которых так и не будет обнаружено сколько-нибудь ценных способностей, в конце концов придется избавиться, так как ресурсы института хотя и велики, но не безграничны. Правда, организаторы "Проекта 99" пока еще не решали, в каком возрасте подопечных можно

окончательно считать безнадежными.

* * *

Джо по прежнему чувствовал руками упругое сопротивление скользкого руля, который он сжимал мокрыми от пота ладонями, чувствовал, как катятся колеса по твердому покрытию шоссе, да и звук урчащего двигателя тоже был ему привычен и знаком, однако ощущение того, что он оказался где то в другом измерении – коварном, аморфном и текучем мире, похожем на самые бредовые картины Сальвадора Дали, – не проходило. Не в силах и дальше противостоять нарастающему в его душе ужасу, он поспешно перебил Розу:

– То, что ты описываешь, – это же настоящий ад! Ты... ты не могла участвовать ни в чем подобном. Я не верю! Ты совсем не такая.

– В самом деле?

– Да.

По мере того как Роза рассказывала Джо о кошмарной стране, в которой она жила столько времени, ее голос становился все слабее, словно тайны, которые она хранила, и составляли ее главный стержень, и, когда она открывала их одну за другой, жизненная сила покидала ее, как уходила локон за локоном сила остриженного Далилой Самсона. Вместе с тем в ее слабости было и сладостное облегчение, какое порой приносит исповедь или покаяние, и Роза была только рада рассказать Джо обо всем, хотя серая тень отчаяния по прежнему лежала на ее лице.

– Может быть, ты и прав... Может быть, сейчас я действительно стала "не такой", но раньше я была совсем другая.

– Но зачем? Зачем?! Почему ты согласилась? Что заставило тебя принять участие в этих... в этих зверствах?

– Гордыня. Мне хотелось доказать, что я на самом деле что то могу, что то умею, что я талантлива, в конце концов. Эта работа была вызовом всем моим знаниям, способностям и, конечно, моему самолюбию. Мне льстило, что я буду участвовать в экспериментах, которые финансируются даже лучше, чем Манхеттенский проект. Почему ученые продолжали работать над расщеплением атома зная, что они создают? Да потому, что, если бы они отказались, другие люди – может быть, чуть позже, может быть, даже в другой части света – все равно изобрели бы бомбу. В каком то смысле они были вынуждены продолжать эту работу и совершенствовать ядерное оружие просто ради того, чтобы защитить самих себя.

– Спасти себя, потеряв душу?

– Мне нечего сказать в свое оправдание, да я и не хочу, – устало откликнулась Роза. – Единственное... Когда я соглашалась на эту работу, никто еще не знал точно, насколько далеко зайдут эти эксперименты. Никто не предполагал, что мы будем применять добытые знания на практике, да еще с таким... рвением и размахом. Каждый из нас вовлекался в процесс создания искусственных детей постепенно, и в конце концов все мы увязли в этом по уши. Поначалу мы собирались просто наблюдать зародыш на протяжении шести месяцев после оплодотворения, и никто не видел в этом ничего особенного, поскольку на этой стадии зародыш еще нельзя считать полноценным человеческим существом. Короче, дело вовсе не выглядело так, будто мы собираемся экспериментировать над человеком, над личностью. Но в начале седьмого месяца существования зародыша мы заметили крайне любопытные аномалии его электроэнцефалограммы и необычные изменения ритмической структуры мозга, которые могли указывать на появление дополнительной, неизвестной пока мозговой функции. Поэтому было принято решение поддерживать жизнь зародыша, чтобы посмотреть... посмотреть, чего же мы достигли. Ведь, сами того не желая, мы могли подстегнуть эволюцию, заставить ее сделать гигантский, революционный шаг вперед, к новому человеку.

– Господи Иисусе!

Джо мимолетно подумал о том, что, хотя он встретил эту женщину не больше тридцати

шести часов назад, его отношение, его чувства к ней при всей их силе и интенсивности успели пройти путь от восхищения, близкого к обожанию, до страха, до почти физического отвращения, которое он испытывал сейчас. Но – вот странно! – отвращение рождало сочувствие и жалость, и происходило это, наверное, потому, что в Розе Джо впервые увидел простую человеческую слабость, которая – хоть и в другой форме – уже давно созрела в нем самом.

– Честно говоря, одно время я хотела уйти, – сказала Роза. – Я пыталась уйти, но меня пригласили к директору проекта для конфиденциального разговора, и он дал мне понять, что об этом не может быть и речи. Моя работа превратилась в пожизненную крепость, в каторгу, поскольку даже попытка покинуть "Проект 99" была равнозначна самоубийству. В буквальном смысле слова. Да и при любом другом раскладе в опасности оказались бы жизни дорогих мне людей.

– Но разве нельзя было обратиться к прессе? Если бы о "Проекте 99" стало широко известно, разве это не нанесло бы его руководителям чувствительный удар? Они оказались бы под следствием, а ты – в безопасности...

– Обращаться к прессе не имело смысла, поскольку без вещественных доказательств мне все равно никто не поверил бы, а доказательств у меня и не было. Все, что я могла предъявить, находилось у меня в голове, а дело это слишком важное, и слишком высоко тянутся некоторые ниточки... Впрочем, я знаю, что двое моих коллег хотели выступить в газетах с разоблачениями, но одного из них очень своевременно сразил инфаркт, а второго застрелил в собственной постели ночной грабитель: две пули попали в грудь и одна – в голову. Естественно, что преступника так и не нашли. После этого случая я была настолько подавлена, что... некоторое время я раздумывала о том, чтобы действительно покончить с собой и избавить этих подонков от лишних трудов, но тут появилась ЦЦИ 21/21...

* * *

– Индекс ССВ 89/58 родился за год до ЦЦИ 21/21. Этот мальчик проявляет совершенно удивительные способности во многих областях, но его история особенно важна для тебя, Джо, потому что именно ты совсем недавно столкнулся с людьми, которые вспарывают себе животы или сжигают себя живьем. И еще потому, что твои родные тоже погибли там, в Колорадо.

Уже в возрасте сорока двух месяцев ССВ 89/58 обладал словарным запасом студента первого курса университета и мог прочесть и усвоить триста страниц текста за два или три часа в зависимости от сложности материала. Высшая математика дается ему легко – интегралы он щелкает как семечки, и с такой же легкостью он овладевает иностранными языками, начиная с французского и заканчивая японским. Физическое развитие ССВ 89/58 тоже шло ускоренными темпами, так что к четырем годам он был так же высок ростом и так же пропорционально сложен, как семилетний или восьмилетний ребенок. Разумеется, паранормальные способности в нем подозревали с самого начала, однако исследователей поражало разнообразие других его талантов, которые, правда, считались не заслуживающими первоочередного внимания. Например, услышав любую мелодию хотя бы раз, он мог верно исполнить ее на фортепьяно, а ускоренное физическое развитие Пятьдесят восьмого было из ряда вон выходящим феноменом. Во всяком случае, обычным генетическим отбором такого достичь просто невозможно.

Когда ССВ 89/58 начал наконец проявлять свои особые способности, то оказалось, что и в этом отношении он одарен весьма щедро. Первым его поразительным достижением стало то, что мы называли дальнозрением. Экспериментаторам удалось вовлечь его в игру, во время которой он вдруг начал подробно описывать их собственные дома, в которых ССВ 89/58, естественно, никогда не бывал. По их просьбе он рассказывал им о музеях, которых никогда не видел, а когда ему показали фотографию горы Вайоминг, под которой расположен совершенно секретный стратегический центр управления ПВО, он абсолютно точно и со

всеми подробностями описал командный пункт, резервную и боевую рубки и даже состояние контрольных панелей боеготовности противоракет. Одно это сделало его бесценным источником разведывательной информации, однако довольно скоро – к счастью, это произошло не сразу, а постепенно – он проявил себя еще с одной стороны: ССВ 89/58 научился проникать в мозг человека с такой же легкостью, с какой он проникал в удаленные на многие мили помещения.

Началось с того, что однажды ССВ 89/58 подчинил своему ментальному контролю надзиравшего за ним санитаря и заставил его раздеться догола и бегать в таком виде по коридорам приюта, каркая словно ворона. За это надзиратель жестоко его наказал, и Пятьдесят восьмой затаил обиду. Той же ночью он при помощи дальновидения разыскал обидчика в его собственном доме на расстоянии сорока шести миль от института, а потом дистанционировал его

– подчинил себе его волю и заставил сначала жестоко расправиться с женой и дочерью, а затем совершить самоубийство.

ССВ 89/58 продолжал буйствовать, и справиться с ним удалось только при помощи специального ружья, которое стреляло шприцом с сильнейшим транквилизатором, но, прежде чем его удалось усыпить, с жизнью расстались еще двое работников "Проекта 99".

После инцидента ССВ 89/58 пролежал восемнадцать дней в наркотической коме, которая искусственно поддерживалась все новыми и новыми инъекциями. Именно столько времени потребовалось группе ученых, чтобы разработать и оборудовать специальное помещение для пленника, ценность которого несказанно возросла. Необходимо было создать что то такое, что позволяло бы и поддерживать жизнь Пятьдесят восьмого, и надежно управлять его смертоносной мощью. Правда, кое кто в руководстве "Проекта" настаивал на том, чтобы немедленно избавиться от него, однако после тщательного рассмотрения это предложение было отвергнуто. В конце концов, в любом деле встречаются неисправимые пессимисты, способные очернить даже очевидный успех.

На первом этаже приюта в юго восточном секторе находится пост безопасности, где в любое время дня и ночи дежурит не меньше трех охранников. Вошедшему – если только он сотрудник "Проекта" – предлагают сначала положить руку на экран сканирующего устройства, которое идентифицирует личность человека по отпечаткам пальцев, а потом посмотреть в окуляры другого сканера, который сравнивает рисунок радужной оболочки глаз с данными, имеющимися в памяти компьютера. Только после этого сотруднику позволяют пройти к лифтам и спуститься на пять этажей вниз, где, собственно, и размещается большинство исследовательских лабораторий и хранилищ.

Чтобы попасть к Пятьдесят восьмому, нужно, однако, спуститься на самый нижний, шестой подземный уровень, пройти от лифтов по длинному пустому коридору и открыть толстую стальную дверь. За дверью расположена обычная комната, обставленная стандартной институтской мебелью, в которой дежурят еще три охранника, но вовсе не проверка документов является их обязанностью – задача у этой тройки другая. Каждые шесть часов вся группа сменяются: только так у охранников не накапливается усталость и они способны не только внимательно наблюдать за тем, что происходит в соседней комнате, но и зорко следить за малейшими нюансами в поведении друг друга.

В одной из стен комнаты охранников прорезано довольно большое окно, сквозь которое просматривается еще одно помещение. Там, за толстым бронированным стеклом, работают либо доктор Кейт Рамлок, либо доктор Луис Блом, а иногда оба вместе. Это они создали ССВ 89/58, и поэтому именно им поручено внимательно наблюдать за тем, как используются уникальные способности их подопечного. Когда ни того, ни другого по каким либо причинам нет на месте, с Пятьдесят восьмым работают как минимум трое их непосредственных подчиненных.

И они не оставляют его без надзора ни на минуту...

* * *

Они как раз ехали по развязке, поворачивая с магистрали Интерстейт 210 на Интерстейт 10, когда Роза вдруг прервала свой рассказ и сказала:

– Нет ли здесь поблизости станции обслуживания или заправки? Мне нужна дамская комната.

– Чтонибудь случилось?

– Нет, просто мне нужно в туалет. Мне, право, очень жаль терять время, но если мне придется сидеть в луже мочи... Впрочем, это пока не срочно, Джо. Я могу потерпеть еще несколько минут.

– Хорошо.

* * *

И Роза продолжила свой рассказ, словно она тоже обладала даром дальновидения, которое позволяло ей вернуться в подземные лаборатории "Проекта 99" в окрестностях Манассаса.

– В комнате наблюдателей есть еще одна металлическая дверь, через которую можно попасть в помещение за стеклом. Оно оборудовано как самая современная лаборатория, но самым главным прибором здесь является специальный контейнер, внутри которого живет теперь ССВ 89/58, и который позволяет благодаря своей особой конструкции предотвратить любые непредвиденные и опасные события. В нем Пятьдесят восьмому суждено провести остаток своей сверхъестественной жизни.

Сам контейнер представляет собой внушительных размеров стальную цистерну, отдаленно напоминающую "искусственное легкое", применявшееся несколько десятилетий назад для поддержания жизни больных полиомиелитом. Пятьдесят восьмой помещается внутри точь в точь как pekanовый орех в своей словно войлоком выстланной скорлупе. Мягкая, как матрац, и в то же время упругая форма матрица плотно облегает все его тело, ограничивая свободу движений до такой степени, что Пятьдесят восьмой не может пошевелить и пальцем. Единственное, что он еще может, это корчить рожи и строить гримасы, которых все равно никто не видит. Сжатый воздух из специальных баллонов по трубкам подается прямо ему в нос; в вены вставлены три капельницы – по одной в каждой руке и одна в бедре, – через которые в организм Пятьдесят восьмого поступают необходимые для поддержания жизни питательные растворы и жидкости, а также самые разные лекарственные препараты, время от времени "прописываемые" ему заботливыми экспериментаторами. Система катетеров обеспечивает удаление отходов жизнедеятельности. В случае, если одна из капельниц или какая-нибудь другая система жизнеобеспечения выходит из строя или дает сбой, сразу же звучит сигнал тревоги, и надзирающие за Пятьдесят восьмым санитары спешат немедленно устранить неисправность несмотря на то, что все системы дублированы как раз на случай поломки.

Экспериментаторы и их ассистенты переговариваются с Пятьдесят восьмым при помощи микрофона и громкоговорителя. Облегающая капсула, в которой, словно моллюск в раковине, помещается тело ССВ 89/58, оборудована головными телефонами и микрофоном; при этом исследователи могут сделать голос Пятьдесят восьмого громче, а могут убавить до еле слышного шепота, а вот он такой возможности лишен. Специальная оптиковолоконная видеосистема позволяет передавать изображения прямо на линзы, смонтированные перед глазами Пятьдесят восьмого, так что ему можно показывать фотографии и – в некоторых случаях – географические координаты зданий и помещений, которые он должен подробно описать при помощи дальновидения. Иногда ему показывают фотографии людей, с которыми он должен сделать то-то и то-то...

Во время сеансов дальновидения Пятьдесят восьмой подробно описывает все, что он видит в указанном месте, и послушно отвечает на вопросы, которые задают ему экспериментаторы. Регистрируя частоту его сердечных сокращений, величину кровяного

давления, частоту дыхания, отклонения в альфа ритмах мозга, изменение электрического сопротивления кожи и подрагивание век, исследователи способны почти наверняка определить, когда Пятьдесят восьмой обманывает. Вероятность ошибки составляет не больше одного процента. Кроме того, время от времени его проверяют, заставляя описывать объекты и места, о которых уже имеется достаточное количество достоверной информации, полученной из других источников, а потом сравнивают полученные от Пятьдесят восьмого данные с теми сведениями, которые уже есть в досье.

Один раз ССВ 89/58 уже показал себя нехорошим мальчиком. Больше ему не доверяют.

Когда ему приказывают войти в мозг определенного человека и либо прикончить его, либо подчинить, чтобы использовать для убийства кого то другого (как правило, это бывает гражданин другой страны), такая работа называется "мокрое дело". Этот термин прижился отчасти из за того, что кровь действительно льется рекой, но главным образом потому, что Пятьдесят восьмому приходится погружаться не в относительную сухость отдаленных помещений, а в мутные, хлюпающие глубины человеческого мозга. То, что при этом чувствует Пятьдесят восьмой, известно из его собственных рассказов, поскольку, осуществляя свою миссию, он подробно описывает весь процесс доктору Блему или доктору Рамлок – в зависимости от того, кто из этих двоих присутствует при исполнении задания, а один из них присутствует обязательно. Со временем доктор Блом и доктор Рамлок стали настоящими экспертами по

ССВ 89/58 и так навестились, что часто обнаруживают обман еще до того, как срабатывает "детектор лжи". Дело, видимо, в том, что для людей, которые имеют дело с Пятьдесят восьмым, видеogramмы электрической активности его мозга достаточно наглядно показывают, чем именно он занят в каждый конкретный момент времени. Когда он осуществляет одно только дальновзрение, график его мозговой деятельности резко отличается от того, когда Пятьдесят восьмой занят "мокрым делом"у и поэтому, если во время обследования какого то удаленного места он самовольно вселяется в чью то голову – в знак протеста или просто для развлечения, – это моментально становится известно тем, кто им управляет.

Если ССВ 89/58 отказывается точно выполнять инструкции, проявляет неразумную инициативу или открыто бунтует, наказание следует незамедлительно. На электрические контакты, встроенные во внутреннюю поверхность матрицы кокона, и на катетер мочеиспускательного канала может быть подано напряжение, и ослушник получает довольно болезненный удар током, причем поражен может быть любой участок поверхности тела. Высокий электронный тон сокрушительной громкости воздействует на его барабанные перепонки. В дыхательную систему могут впрыскиваться аэрозоли с омерзительным запахом, а в капельницы добавляться наркотики галлюциногены, психотомиметики и другие вещества, способные вызывать болезненные мышечные спазмы или раздражать нервные окончания, но не угрожающие жизни столь ценного объекта, каким является ССВ 89/58. Простейшим, но весьма эффективным методом дисциплинарного воздействия является кратковременное отключение подачи воздуха, которое мгновенно повергает Пятьдесят восьмого в состояние клаустрофобической паники.

В случае, если ССВ 89/58 демонстрирует образцовое послушание, он может быть вознагражден одним из пяти способов. Несмотря на то, что необходимые для него питательные вещества – углеводы, протеины, витамины и минералы – он получает через капельницы в виде физиологических растворов, конструкция его темницы предусматривает возможность кормления через рот. Если Пятьдесят восьмого нужно поощрить, то в специальную трубку заливают порцию жидкого лакомства – кока колы, яблочного сока или даже молочного шоколада, – и он получает возможность насладиться их вкусом, поскольку трубка выведена прямо ему в рот.

Вторым видом поощрения является музыка. Пятьдесят восьмой – талантливый пианист, и музыка – от Бетховена до "Битлз" – доставляет ему огромное удовольствие.

В третьих, система аудиовизуальных коммуникаций позволяет ССВ 89/58 смотреть

фильмы, которые транслируются на укрепленные перед его глазами линзы экраны. Установлено, что во время таких показов Пятьдесят восьмой чувствует себя едва ли не полноправным участником кинематографического действия, так как линзы находятся довольно близко от его лица и, возможно, создают эффект стереоизображения.

В четвертых, Пятьдесят восьмой может получать легкие наркотики, вызывающие у него эйфорию; в этих случаях он чувствует себя счастливее, чем любой нормальный мальчишка на земле.

И наконец – и это нравится ему больше всего, – Пятьдесят восьмому могут разрешить исследовать при помощи дальновидения какие-нибудь удаленные уголки Земли, исследовать по своему выбору, и только во время этих вылазок он чувствует себя свободным – во всяком случае, настолько, насколько он в состоянии понять, что такое свобода.

По заведенному порядку наблюдение за саркофагом Пятьдесят восьмого осуществляется постоянно, причем количество находящихся в его комнате штатных сотрудников не должно быть меньше трех, потому что ССВ 89/58 не в состоянии удержать в подчинении больше одного мозга за раз. Если кто-то из дежурных вдруг поведет себя странно или попытается напасть на своих товарищей, то один из двоих успеет включить систему, подающую в капельницу быстродействующие седативные препараты, способные почти мгновенно повергнуть Пятьдесят восьмого в глубокий сон. На случай, если эта система вдруг подведет – что, впрочем, весьма маловероятно, – существует "красная кнопка", которая введет Пятьдесят восьмому дозу нервно-паралитического яда, достаточную для того, чтобы убить его в течение трех-пяти секунд.

Такие же кнопки есть и в комнате охранников за стеклом, и они могут пользоваться ими по своему усмотрению.

К счастью, ССВ 89/58 не умеет читать мысли. Он не телепат, он только подавляет личность другого человека и берет на себя управление его моторными реакциями. В связи с этим участники "Проекта 99" до сих пор спорят, является ли отсутствие у Пятьдесят восьмого телепатических способностей недостатком или благословением Господним.

Чтобы овладеть чьим-нибудь мозгом, ССВ 89/58 должен точно знать, где именно находится его жертва. Обшаривать весь земной шар в поисках нужного человека он не в состоянии, и экспериментаторам приходится его направлять, однако стоит Пятьдесят восьмому увидеть фотографию дома, внутри которого может находиться его цель, как он определяет его местоположение в пространстве и начинает действовать.

Вместе с тем, исполняя очередное "мокрое дело", Пятьдесят восьмой остается в рамках заданных границ и не может последовать за своей жертвой за пределы дома, в котором она была обнаружена. Почему это происходит, никто, в том числе и он сам, не может объяснить достоверно, хотя теорий на этот счет существует множество. Вероятнее всего, дело здесь в том, что нематериальная психическая сущность Пятьдесят восьмого, являясь особой разновидностью волновой энергии, ведет себя на открытой местности подобно теплу, заключенному в раскаленном камне, который вынесли на мороз. Она излучается вовне, рассеивается и, хотя не исчезает вовсе, перестает существовать в концентрированной форме и уже не может служить инструментом подавления человеческой воли. Даже дальновидение Пятьдесят восьмого действует вне помещений кое-как; давать описание местности он способен, однако сосредоточиться на нем надолго не может, и это служит для руководителей "Проекта" постоянным источником огорчений. Впрочем, они надеются, что со временем – и после соответствующей тренировки – ССВ 89/58 сумеет преодолеть свои недостатки.

Два раза в неделю можно увидеть, как ответственные за Пятьдесят восьмого служащие "Проекта" открывают саркофаг, чтобы помыть и вычистить свое сокровище. Для этого ССВ 89/58 в обязательном порядке усыпляют, однако на все время гигиенической процедуры он остается подключен к "красной кнопке". Его тщательно обтирают влажными губками, обрабатывают пролежни, удаляют при помощи клизмы то минимальное количество фекалий, которое он производит, чистят ему зубы, осматривают глаза на предмет возможного воспаления и промывают их растворами антибиотиков, а также производят еще несколько

специфических действий. Несмотря на то что мышцы ССВ 89/58 ежедневно подвергаются легкой электрической стимуляции, которая позволяет поддерживать их массу в пределах минимально допустимой нормы, внешне он напоминает изголодавшегося ребенка из какой-нибудь страны третьего мира, страдающей от ежегодных засух. Кожа у него сморщенная и бледная, как у трупа на столе патологоанатома, кости ввиду отсутствия нагрузок – тонкие и хрупкие, а когда во время санации он бессознательно хватается своими тонкими пальчиками руки исследователей, то сжимает их не сильнее новорожденного младенца, который тщетно старается удержаться за большой палец матери. Изредка – тоже в глубоком наркотическом сне – Пятьдесят восьмой начинает лепетать что-то бессмысленное, жалобно вскрикивать и даже плакать, словно ему снится какой-то очень грустный сон.

* * *

На заправочной станции, у колонок самообслуживания, было всего три машины. Вокруг них, то и дело наклоняя головы и пряча лица от ветра, несущего мелкую пыль, хлопотали озабоченные владельцы, но сама сервисная зона была освещена так ярко, как будто здесь собирались снимать фильм, и хотя Джо и Розу преследовало не обычное полицейское агентство, которое могло показать их фотографии по телевидению и обратиться за помощью к населению, Джо почувствовал себя неуютно. Инстинктивно он остановил "Форд" у самой стены станции, где еще сохранилась кое-какая тень, способная служить укрытием.

Джо был до крайности смущен, растерян и не знал, что ему делать. Сердце его буквально обливалось кровью, потому что теперь он знал истинную причину катастрофы рейса 353, знал, кто убийца, и представлял себе все кошмарные подробности этого преступления, но это знание, словно хирургический скальпель с тонким лезвием, пришлось по едва зарубцевавшимся ранам и разбудило свернувшуюся в них боль. Теперь сердце его снова ныло и болело, как в первый день, а трагическая потеря казалась совсем свежей и недавней.

Заглушив мотор, Джо некоторое время сидел неподвижно и молчал.

– Чего я не понимаю, это того, как им удалось узнать, что я лечу этим рейсом, – сказала Роза. – Я была очень осторожна... И все же я почувствовала, как он обшаривает салон при помощи дальновидения и ищет нас, потому что свет начал странно мигать, а мои наручные часы испортились. И еще слабое ощущение присутствия... Эти признаки я уже научилась узнавать.

– Я разговаривал со старшим следователем Национального управления безопасности перевозок, – ответил Джо. – Эта женщина успела прослушать записанные на пленку переговоры пилотов в кабине, прежде чем кассета была уничтожена весьма своевременным пожаром в лаборатории. Этот... Пятьдесят восьмой был в голове командира экипажа. Я другого не понимаю... Почему он не убил одну тебя?

– Потому что он должен был убить двоих, меня и девочку, и если справиться со мной ему ничего не стоило, то с ней у него вряд ли бы что-нибудь вышло.

– Ты имеешь в виду – с Ниной? – озадаченно переспросил Джо. – Но почему? Почему она уже тогда заинтересовала тех, кто преследовал тебя?

Она же была просто пассажиркой, разве не так? Я думал, что люди из "Проекта 99" преследуют ее только потому... потому что она спаслась вместе с тобой!

Роза отвернулась. Отчего-то она явно боялась встретиться с ним взглядом.

– Возьми для меня ключ от дамской комнаты, – сказала она, – и дай мне одну минуту. Я расскажу тебе все остальное по дороге в Бигбер.

Джо вышел из машины и, зайдя в помещение станции, взял у кассира ключ. Когда он вернулся, Роза уже выбралась из "Форда" и стояла, неловко облокотившись о переднее крыло и подставив спину завывающему горячему ветру. Левую руку, согнутую в локте, она прижимала к груди, а правой придерживала у горла лацкан пиджака, словно ей было очень

холодно.

– Помоги мне отпереть дверь, – попросила она.

Джо направился к дамской комнате, и к тому времени, когда он справился с замком и включил свет, Роза кое как доковыляла до двери.

– Я быстро, – пообещала она, скрываясь внутри.

Прежде чем она исчезла, Джо успел рассмотреть выражение ее лица. Роза выглядела слишком скверно – хуже некуда.

Возвращаться к машине Джо не стал, а оперся спиной о стену, дожидаясь возвращения своей странной спутницы.

Санитары и сиделки в психиатрических лечебницах и приютах для умалишенных утверждали, что их беспокойные пациенты реагируют на ветер Санта Ана гораздо острее, чем даже на вид полной луны за решеткой окна. И дело было скорее всего не в заунывном протяжном вое, похожем одновременно и на трубные рога неземных охотников, и на вопли преследуемых ими сверхъестественных тварей, а в едва заметном остром запахе пустыни и легких статических разрядах, которые так сильно отличали этот ветер от других, не таких сухих и горячих воздушных течений. И Джо прекрасно понимал, что могло заставить Розу поднять воротник блейзера и попытаться спрятаться в него, как в броню. Сегодняшняя ночь с ее ветром и полной луной способна была пробрать до печенок и гораздо менее чувствительное существо, а если знать, что где то совсем рядом – невидимый и неосязаемый – рыщет среди своих потенциальных жертв маленький сирота без имени, то не поддаться страху было практически невозможно.

Мы записываем?

Мальчик знал о "черном ящике", который регистрирует все переговоры в пилотской кабине, и попытался оставить на пленке свой крик о помощи.

Одного из них зовут доктор Луис Блом. Второго зовут доктор Кейт Рамлок. Они делают мне больно. Они делают мне плохо. Заставь их перестать делать мне больно! Заставь их прекратить!

Кем бы ни был индекс ССВ 89/58 – психом, убийцей, чудовищем, – он был еще и маленьким ребенком. Омерзительным, страшным существом, но ребенком. В конце концов, он появился на свет благодаря злой воле чужих людей, и хотя он сам стал воплощенным злом, но виноваты в этом были те, кто не научил его никаким общечеловеческим ценностям, кто обращался с ним как с машиной, требуя безоговорочного подчинения и награждая за каждое убийство. Пятьдесят восьмой был зверем, но зверем, достойным жалости и сострадания, – одиноким, несчастным, постоянно балансирующим на грани жизни и смерти существом, которое никак не может найти выход из лабиринта страдания и боли.

Но, несмотря на это, он оставался грозным, внушающим страх противником. Пятьдесят восьмой был где то поблизости и терпеливо ждал, когда ему укажут, где искать Розу Такер. И Нину.

Вот потеха!

Ему явно нравилось убивать. Джо даже допускал, что никто не приказывал Пятьдесят восьмому уничтожить самолет. Скорее всего он сделал это в знак протеста и еще потому, что ему так захотелось.

Заставь их прекратить, иначе, когда у меня будет возможность... когда у меня будет возможность, я их всех убью. Всех! Я хочу это сделать и сделаю! Я убью всех и буду только рад...

Вспоминая эту произнесенную устами капитана Блейна реплику из расшифровки, Джо подумал, что мальчишка имел в виду не только пассажиров рейса 353. К этому времени он уже решил убить их, и судьба трехсот тридцати человек была определена. Нет, он явно имел в виду катастрофу гораздо большего масштаба, чем крушение авиалайнера.

Что может сделать маленькое чудовище, если ему дадут фотографию и координаты комплекса стратегических ядерных ракет?

– Боже мой... – вырвалось у него.

Где то в ночи ждала Нина. Она была с друзьями, но никакая армия не могла защитить ее от этого обезумевшего от наркотиков и страданий хищника. Она была уязвима.

Потом Джо подумал, что Роза что то слишком задерживается.

Он несильно постучал в дверь туалета и несколько раз окликнул Розу по имени, но она не отозвалась. Поколебавшись, Джо постучал еще и, когда до него донесся ее слабый голос, решительно распахнул дверь.

Роза, скорчившись, сидела на краешке стульчака. Блейзер и белую блузку она сняла. Впрочем, та была уже не белой, а красной от крови.

До этого момента Джо даже не подозревал, что Роза истекает кровью – ночная темнота и пиджак цвета морской волны скрыли от него темное пятно с левой стороны.

Шагнув в туалетную комнату, Джо увидел, что Роза прижимает к левой груди что то вроде компресса, свернутого из нескольких бумажных полотенец.

– Это тот выстрел на берегу... – сказал он. – Они тебя ранили.

– Пуля прошла навывлет, – отозвалась Роза. – Там, на спине, есть выходное отверстие, так что рана чистая. Могло быть хуже. Даже крови я потеряла совсем немного. Не пойму, откуда такая слабость...

– Внутреннее кровотечение, – предположил Джо и поморщился, когда его взгляд упал на рану в ее обнаженной спине.

– Я знаю анатомию, – возразила Роза. – Пуля попала в самое удачное место. Она просто не могла задеть никаких крупных сосудов.

– Пуля могла задеть кость. От удара ее разорвало, и одна часть вышла наружу, а другая изменила траекторию и засела внутри.

– Мне очень хотелось пить, но когда я попыталась попить из крана, то чуть не потеряла сознание.

– Все понятно, – сказал Джо, чувствуя, как отчаянно бьется его сердце. – Нужно срочно доставить тебя к врачу.

– Отвези меня к Нине.

– Роза, черт тебя!..

– Нина сможет вылечить меня, – прошептала Роза, виновато отвернувшись.

– Вылечить тебя? – удивленно переспросил Джо.

– Да. Поверь мне, Джо. Нине по силам то, чего не сможет ни один доктор и вообще никто на земле.

Именно в этот момент Джо подсознательно понял последний секрет, который еще хранила Роза Такер, но не смог заставить себя извлечь этот кусочек знания из глубин своего мозга и исследовать его.

– Помоги мне одеться, и поехали! Отвези меня к Нине, к ее целительным рукам...

От волнения Джо начинало подташнивать, но он подчинился. Помогая Розе просунуть руки в рукава липкой от крови блузки, он невольно подумал, какой сильной и полной жизни она казалась ему на кладбище и какой маленькой и слабой стала теперь.

Пока Джо вел ее к машине. Роза тяжело опиралась на него, словно сдаваясь ветру, певшему победную волчью песнь над самой ее головой.

Помогая Розе усесться на пассажирском сиденье, Джо предложил купить чтонибудь из напитков, и, когда она благодарно кивнула, вернулся к станции. В автомате перед входом он купил банку "Пепси" и банку "Краша". Роза выбрала апельсиновый напиток, и он открыл для нее жестянку.

Прежде чем взять у него из рук банку, Роза отдала Джо сделанную на кладбище фотографию и сложенную долларовую купюру, серийный номер которой – за вычетом четвертой цифры – представлял собой телефон, по которому можно было позвонить в случае острой нужды и позвать на помощь Марка или его друзей из ФОБСа.

– До того как мы поедем дальше, я должна рассказать тебе, как найти в Бигбере нужный дом и как к нему подъехать, – сказала она. – Мне почему то кажется, что я туда уже не доберусь.

– Не говори глупостей, – перебил ее Джо. – Все будет в порядке.

– Слушай! – сказала она таким тоном, что Джо не оставалось ничего другого, как выслушать ее подробные объяснения. – Что касается ФОБСа, – закончила Роза, – то я вполне им доверяю. Они действительно мои естественные союзники, мои и Нины. Единственное, чего я боюсь, это того, что среди них может быть осведомитель – втереться к ним в доверие достаточно легко. Вот почему я не захотела, чтобы сегодня они ехали с нами. Но если за нами не следят, значит, этот автомобиль чист и я, возможно, ошиблась. Как бы там ни было, если случится что-нибудь очень плохое и ты не будешь знать, куда обратиться за помощью, – позвони им. Это может оказаться твоей последней надеждой.

Пока она говорила, Джо чувствовал, как внутри у него все холодеет, а горло стискивает судорога. В конце концов он сказал:

– Я не хочу больше слышать ничего такого... Продержись, а я постараюсь доставить тебя к Нине вовремя.

Теперь у Розы дрожали уже обе руки, и ему вдруг показалось, что она сейчас уронит или расплескает питье, но все обошлось. С жадностью осушив жестянку, Роза поставила ее под ноги.

Когда Джо выехал на шоссе Сан-Бернардино, она неожиданно сказала:

– Я не хотела сделать тебе больно, Джо.

– Ты и не сделала, – отозвался он.

– Но все равно я совершила нечто ужасное.

Джо удивленно поглядел на нее. Спросить, что же такое она совершила, он не решился. Осколок страшного знания, который занозой сидел в мозгу, по-прежнему беспокоил его, но он не осмеливался извлечь его, чтобы не причинить себе настоящую, сильную боль.

– Прошу тебя, не надо меня ненавидеть за это.

– Я вовсе не ненавижу тебя, – пожал плечами Джо.

– Я поступила так, потому что хотела добра, но мною не всегда двигали самые лучшие побуждения. Например, мотивы, которые заставили меня согласиться на работу в "Проекте 99", нельзя назвать безупречными. Но на этот раз я действительно желала только хорошего...

Зарево Лос-Анджелеса и пригородов осталось позади. Джо гнал машину к темным горам, где была Нина, и ждал, пока Роза Такер объяснит ему, почему он должен ее ненавидеть.

– Я хочу рассказать тебе, – слабым голосом сказала она, – о единственном настоящем достижении "Проекта 99"...

* * *

...Если подняться на лифте с шестого подземного уровня – из этого жуткого кусочка ада, где томится в своем стальном гробу маленький мальчик с чудовищными способностями, можно снова попасть на пост безопасности, а оттуда – пройти в юго-восточный сектор первого этажа, где живет ЦЦИ 21/21. Она появилась на свет через год после Пятьдесят восьмого, но никакого отношения ни к доктору Блему, ни к доктору Рамлок не имела. Индекс ЦЦИ 21/21 была собственным проектом доктора Розы Марии Такер.

ЦЦИ 21/21 – это очаровательная, светлая девочка с золотистыми волосами и аметистовыми глазами. В отличие от большинства обитающих в приюте сирот, обладающих довольно средними способностями, ее коэффициент умственного развития был чрезвычайно высок. Пожалуй, в этом отношении она превосходила даже Пятьдесят восьмого, к тому же учиться ей нравилось. По характеру ЦЦИ 21/21 очень спокойная, тихая, уравновешенная девочка, довольно красивая и обаятельная, однако на протяжении первых трех лет жизни она не проявляла никаких паранормальных способностей.

Потом, теплым майским днем, во время одного из контролируемых игровых занятий с другими детьми, она нашла ласточку со сломанным крылом и вырванным глазом. Несчастная птица лежала на траве под деревом и слабо трепыхалась, а когда девочка взяла ее в руки, и

вовсе застыла от страха. Заплавав от жалости, ЦЦИ 21/21 побежала к ближайшему надзирателю, чтобы спросить, чем можно помочь бедняжке. Парализованная ужасом ласточка только слегка разевала клюв; она не могла даже чирикать, и надзиратель сказал, что птица умирает и что помочь ей ничем нельзя.

ЦЦИ 21/21 не поверила в неизбежную смерть пичуги и, усевшись под тем же деревом и держа искалеченную ласточку в левой руке, принялась нежно гладить ее по спинке правой рукой, напевая детскую песенку про Робина Красную Грудку.

Не прошло и минуты, как ласточка была совершенно здорова. Сломанное крылышко срослось, а в пустой глазнице неизвестно откуда появился черный, блестящий глаз. Благодарно чирикнув, ласточка вспорхнула в небо и полетела по своим делам.

После этого случая ЦЦИ 21/21 сразу оказалась в центре внимания исследователей. Даже доктор Такер – отчаявшаяся Роза Такер, которая всерьез подумывала о самоубийстве, – восстала из пепла, словно та самая исцеленная ласточка и сделала шаг в сторону от пропасти, в которую уже готова была прыгнуть.

На протяжении последующих пятнадцати месяцев целительные способности ЦЦИ 21/21 подвергались тщательному исследованию. Поначалу она еще не умела сознательно использовать свой дар, однако с течением времени она все увереннее овладевала удивительным талантом и вскоре научилась призывать свои целительные силы каждый раз, когда ее об этом просили. Вскоре все сотрудники "Проекта 99", страдавшие какими либо заболеваниями, были полностью излечены и обрели такое здоровье, которое уже не надеялись когда нибудь иметь. На приеме у ЦЦИ 21/21 побывало также несколько высокопоставленных политиков и военных чинов и члены их семей, страдавшие опасными, угрожавшими их жизням болезнями. Всех их тайно привозили в институт, и всех их ЦЦИ 21/21 вылечила за один сеанс.

После этого часть руководителей "Проекта 99" стала склоняться к мнению, что девочка является главным достижением сложнейшей и дорогостоящей экспериментальной программы, в то время как остальные продолжали считать, что, несмотря на некоторые проблемы с контролем, самым ценным и перспективным из всех подопытных детей является Пятьдесят восьмой.

Дождливый августовским днем, примерно через год и три месяца после того, как была вылечена искалеченная ласточка, к ЦЦИ 21/21 обратился один из ведущих генетиков "Проекта" – назовем его Эймс, у которого врачи обнаружили начинающийся рак поджелудочной железы. Эта форма рака до сих пор считается одной из самых опасных и трудноизлечимых, но девочка избавила Эймса от угрозы смерти одним легким прикосновением. Попутно она обнаружила у него еще одно заболевание, которое хоть и не было связано с физической патологией, но тем не менее представляло собой серьезную опасность. То ли под воздействием того, что ему довелось увидеть, работая на "Проект", то ли в силу каких то других причин, накапливавшихся на протяжении всего пятидесятилетнего срока его жизни, Эймс крепко внушил себе, что жизнь бессмысленна и пуста, что каждого человека в конце концов ждут мрак и забвение и что род людской – всего лишь несомая ветром горстка праха. Эта внутренняя чернота, как описала ее девочка, была еще плотнее, чем удаленная ею раковая опухоль, но и ее она рассеяла, явив потрясенному генетику Свет Божий и новые, сильно отличающиеся от нашего, но вполне реальные миры.

Лишь раз увидев это чудо, Эймс пришел в такое состояние, что готов был то плакать, то смеяться от переполнявших его радости и благоговения. Его коллегам исследователям – Винсенту и Джанис – подобное поведение показалось весьма странным. Сначала они решили, что с Эймсом случилась обычная истерика, а потом испугались, уж не добрался ли до него Пятьдесят восьмой. Тогда Эймс попросил девочку показать Джанис то же самое, что она показала ему, и ЦЦИ 21/21 повторила свое чудо.

Реакция Джанис оказалась, однако, совершенно иной. Увиденное не только потрясло ее, но и всерьез напугало, заставив произвести коренную переоценку ценностей, результатом которой явились пробуждение совести и глубочайшее раскаяние. Джанис беспрестанно

корила себя за недостойно прожитую жизнь, просила прощения у всех, кого она предала и кому причинила боль, а ее горе выглядело совершенно искренним.

Назревал серьезный кризис, и руководство обратилось к Розе Такер. Джанис и Эймоса изолировали для изучения и всесторонней оценки того, что сделала с ними девочка, тем более что показания последнего больше всего напоминали счастливый лепет тихопомешанного, пребывающего в каком то одному ему известном измерении. И это был именно лепет, ни в коей мере не вязавшийся с его репутацией серьезного, вдумчивого ученого и беспристрастного исследователя.

ЦЦИ 21/21 тоже была озадачена и смущена значительной разницей между реакцией Эймоса и Джанис на одно и то же откровение. Девочка замкнулась в себе и отказывалась отвечать на вопросы. Доктору Такер пришлось потратить на беседу с ней не меньше двух часов, прежде чем ей удалось завоевать доверие малышки и получить от нее совершенно потрясающее признание.

ЦЦИ 21/21 заявила, что не понимает, почему знание, которым она поделилась с Эймосом и Джанис, так сильно на них подействовало и почему реакция последней представляет собой такую странную смесь блаженства и самобичевания. Сама ЦЦИ 21/21 – по ее собственным словам – появилась на свет с четким пониманием своей роли и места во Вселенной неясным видением всех ступеней судьбы, по которым ей суждено подняться на пути в вечность. Бесконечность собственной жизни, навсегда запечатленной в ее генах, тоже не вызвала у девочки никаких сомнений, и поэтому она никак не могла взять в толк, почему то, что было само собой разумеющимся для нее, столь сокрушительно подействовало на тех, кто провел свою жизнь в болотах сомнений и в пыли отчаяния.

Все, о чем говорила девочка, представлялось доктору Такер чем то вроде психофизического эквивалента волшебных картинок, в которых воплотились наивные детские представления о Боге, и, не ожидая увидеть ничего особенного, она попросила ЦЦИ 21/21 продемонстрировать ей то же самое, что увидели Джанис и Эймос. И после недолгих уговоров девочка показала ей то, о чем только что шла речь.

Роза Такер увидела...

И увиденное навсегда изменило ее.

Легкое прикосновение руки ребенка открыло перед ней окружающий мир во всей его полноте, и не только его. Потрясенная доктор Такер увидела целую гирлянду прекрасных и сияющих миров, которая тянулась и тянулась, уходя в бесконечность. То, что она при этом пережила, не поддается никакому описанию: в мгновение ока ее захлестнула волна неземной радости и удивительной свободы, которая унесла прочь все горести и несчастья, испытанные ею за всю жизнь, но к ощущению полного, ничем не омраченного счастья примешивался страх, ибо теперь Роза Такер осознавала не только сияющую вечность впереди, но и все, чего от нее ожидают, и не только в этом мире, но и в последующих. Не оправдать возложенных на нее надежд представлялось совершенно невозможным, и она поняла, что отныне ей придется каждый день и на протяжении всей жизни стараться, стараться изо всех сил, чтобы не обмануть этих ожиданий. Как и Джанис, Роза Такер припомнила все злые и нехорошие поступки, которые она совершила, припомнила каждую ложь, каждое предательство, каждую жестокость и тут же поняла, что ее способность поступать подобным образом далеко не исчерпана и что она все еще полна мелочного эгоизма, жестокости и гордыни. Это неприятное открытие, в свою очередь, потрясло ее настолько, что она исполнилась решимости возвыситься над своим прошлым, став лучше и чище, хотя от одной мысли о том, сколько стойкости, упорства и силы духа это потребует, ее кидало в дрожь.

Когда видение исчезло, Роза Такер обнаружила, что все еще находятся в комнате ЦЦИ 21/21, однако она ни на мгновение не усомнилась, что все увиденное ею – реальность, а не выдумка и не детская фантазия, внушенная ей при помощи необычайных психических способностей. Сверхъестественное знание оказалось тем не менее таким неожиданным и новым, что еще полчаса доктор Такер сидела, закрыв лицо руками, и молчала. Ее трясло.

Постепенно она, однако, пришла в себя настолько, что к ней вернулась способность

соображать, и она почти сразу поняла две вещи. Во первых, Розе Такер стало очевидно, что если это знание будет брошено в широкий мир, – если оно станет доступно хотя бы тем людям, которых девочке удастся коснуться, – то мир в таком виде, в каком он существует сейчас, отойдет в прошлое и исчезнет навсегда. Как только человек увидит – именно увидит, а не примет на веру, – что жизнь после смерти реально существует (пусть даже ее природа останется столь же необъяснимой и таинственной, сколь и прекрасной), все, что когда то казалось ему важным и исполненным смысла, потеряет свое значение. Там, где когда то пролегал сквозь тьму одинокая извилистая тропка в грядущее, пролягут сияющие проспекты, полные самых разных и самых удивительных возможностей, и это будет конец того мира, который мы знаем.

Во вторых, существуют люди, которым гибель существующего порядка придется не по нраву. Это те, кто привык наслаждаться властью, кто научился наживаться на несчастье ближнего, кто любит унижать других, чтобы потешить свое тщеславие. Таких людей еще очень и очень много, и им ни к чему дар, который может предложить миру ЦЦИ 21/21. Он угрожает их привычному образу жизни и их благосостоянию, и поэтому эти люди сделают все, чтобы избавиться от девочки, обладающей таким удивительным талантом. Дело кончится тем, что ее либо изолируют еще в одном стальном саркофаге, либо убьют.

ЦЦИ 21/21 обладает возможностями мессии, но она всего навсего человек, ребенок. Она способна вылечить сломанное крыло у птицы, способна избавить больного от рака, но она не ангел и, следовательно, уязвима. Она состоит из плоти и костей, а ее драгоценный талант заключен в необычайно нежных и тонких структурах особым образом организованного мозга. Если ей в затылок выстрелить из пистолета или из винтовки, то она умрет, как и любой другой человек. Будучи мертвой, она уже не сможет воскресить себя, и, хотя ее отлетевшая душа не погибнет, а отправится дальше, в другие сияющие миры, ЦЦИ 21/21 будет навсегда потеряна для этого несчастного мира, для этой страдающей Земли, которая так в ней нуждается. Мир не изменится, покой не придет на смену смятению и хаосу, а одиночеству и отчаянию не будет конца.

Еще Роза Такер поняла, что руководители "Проекта" почти наверняка решат избавиться от девочки. Как только они узнают, что представляет собой ее талант, они убьют ее.

Они убьют ее еще до наступления ночи.

Нет, они убьют ее еще до полудня.

Никто из них не захочет рисковать, помещая ЦЦИ 21/21 в стальной саркофаг глубоко под землей. Пятьдесят восьмой умеет только разрушать, но девочка владеет неизмеримо более опасным даром – даром созидания и просветления.

Они застрелят ее, обольют тело бензином и сожгут, а обугленные кости разбросают по холмам.

Роза Такер поняла, что должна действовать, и действовать быстро. Девочку необходимо было выкрасть из приюта и спрятать прежде, чем ее уничтожат.

* * *

– Джо?

Впереди, как будто только что поднявшись из тверди земной, вставали плечом к плечу черные горы великаны, хорошо видимые на фоне звездного неба.

– Прости меня, Джо... – Голос Розы был таким слабым, что едва не сорвался. – Мне очень жаль. Я не хотела...

Они мчались на север по шоссе No 30, пролегающему к востоку от Сан Бернардино. До Бигбера оставалось еще около пятидесяти миль.

– Джо, с тобой все в порядке?

В ее голосе прозвучала тревога, но Джо не нашел в себе сил ответить.

Машин на шоссе было мало. Дорога понемногу шла в гору, и по сторонам замелькали рощицы пирамидальных тополей и лиственниц, которые кланялись, кланялись, кланялись

свирепому владыке ветру.

Джо не мог говорить. Он мог только давить на педаль газа и глядеть вперед, хотя глаза застилали слезы.

– Ты так хотел поверить в то, что маленькая девочка, которая спаслась вместе со мной, была твоей дочерью. Я не стала разрушать твою веру. Я не могла...

Нет, не может быть!

Джо все еще казалось, что Роза продолжает скрывать от него правду, и он не мог этого понять. Почему она лжет?

– Когда нас настигли в ресторане, мне нужна была твоя помощь. Особенно после того, как меня ранили. Ты был нужен мне, но ты не захотел открыть свое сердце и распахнуть разум, когда я показала тебе фотографию. Ты показался мне таким... ранимым, что я испугалась. Мне казалось, что, если ты узнаешь, что это была не твоя Нина, ты просто... остановишься, сломаешься. Пусть Бог меня простит, но ты был нужен мне, Джо. А теперь ты нужен девочке.

Это Нина нуждалась в нем. Не какая то чужая девочка, родившаяся в лаборатории и обладающая способностью пудрить взрослым мозги, внушая им свои странные фантазии, а Нина... Его Нина.

Нина!

Но если он не может доверять Розе Такер, то кому, кому он может доверять?

Сделав над собой усилие, Джо выдал из себя одно единственное слово.

– Продолжай, – сказал он.

* * *

...Вернувшись в комнату ЦЦИ 21/21, доктор Такер лихорадочно обдумывала вставшую перед ней нелегкую задачу. Как похитить девочку? Как вывезти ее за территорию института? Как обмануть электронную систему безопасности, равной которой нет ни в одной тюрьме?

Ответ, который она нашла, был настолько же очевидным, насколько элегантным и изящным.

В здание приюта можно было попасть через любую из трех дверей на первом этаже, но Роза и Нина, держась за руки, направились к той из них, которая вела на примыкающую к главному корпусу крытую двухэтажную стоянку. Разумеется, возле этой двери тоже стоял вооруженный охранник, но за их приближением он следил скорее с недоумением, чем с тревогой. Детям сиротам не разрешалось выходить в гараж даже в сопровождении сотрудников "Проекта".

Когда ЦЦИ 21/21 протянула охраннику свою маленькую ладошку и сказала: "Давай поздороваемся!" – он не смог отказать. Улыбнувшись, он протянул девочке свою здоровенную красную лапищу, а в следующее мгновение – пораженный в самое сердце – он уже сидел на полу, тряся и плакал от невообразимого счастья и острого раскаяния.

На то, чтобы нажать на пульте управляющую электронным замком кнопку и выйти в гараж, им потребовалось всего несколько секунд.

За дверью стоял еще один охранник. При виде девочки он так удивился, что не сразу среагировал, когда она протянула к нему свои слабые тонкие руки, а поразительное откровение, обрушившееся на него мгновение спустя, заставило его позабыть обо всем на свете.

Третий охранник дежурил у больших ворот из гаража на улицу. При виде Нины он встревоженно высунулся из окошка своей будки, чтобы потребовать объяснений, и девочка дотронулась до его лица...

Еще двое вооруженных часовых охраняли ворота при выезде с территории на шоссе, но и этот последний барьер пал. Впереди лежала вся Виргиния.

Роза Такер прекрасно понимала, что если ЦЦИ 21/21 поймут и вернут, то повторить трюк ей уже не удастся, а на предложение девочки "поздороваться" охранники будут отвечать

ураганным огнем. Впрочем, она старалась об этом не думать. На данный момент задачей номер один было как можно скорее покинуть примыкающий к институту район, пока кто-нибудь не наткнулся на пятерых выведенных из строя охранников и не поднял тревогу. Руководителям "Проекта" было вполне по силам организовать широкомасштабную облаву с привлечением местных и федеральных властей, а прорваться сквозь сеть полицейских кордонов не представлялось возможным. Поэтому Роза гнала машину со всей скоростью, на какую только осмеливалась, и со всей помноженной на отчаяние решимостью не попасть в руки своих врагов и не отдать им свое сокровище.

Между тем девочка, которой едва хватало роста, чтобы глядеть в окно, смотрела во все глаза на проносящийся за стеклом пейзаж и наконец сказала:

– Ух ты, какая земля, оказывается, большая!

– Ты еще не видела всего, золотко! – смеясь, ответила Роза.

В голове ее зрел план дальнейших действий. Роза Такер решила, что должна как можно скорее обратиться к прессе и продемонстрировать журналистам целительные способности ЦЦИ 21/21, а там очередь дойдет и до ее главного дара. Завеса секретности была на руку только силам невежества и тьмы. Роза была уверена, что девочка не будет в безопасности до тех пор, пока мир не узнает о ней и не примет ее вместе с ее талантом; только тогда она может больше не опасаться, что беззащитный ребенок снова попадет в руки мракобесам, которые постараются избавиться от нее любыми средствами.

Впрочем, недооценивать ее бывших руководителей тоже не стоило. Они вполне могли предвидеть и такой вариант. Денежные мешки, финансировавшие "Проект 99", пользовались огромным влиянием и в средствах массовой информации, и хотя это влияние не лежало на поверхности и не бросалось в глаза, от этого оно не становилось менее опасным; потянув за невидимые ниточки, они могли мобилизовать огромную армию журналистов и легко разыскать ее. После этого нанести упреждающий удар будет делом техники.

Единственным репортером, в котором Роза могла не сомневаться, была ее старинная подруга Лиза Пеккатоне, с которой они вместе учились в колледже. Лиза работала в лос-анджелесской "Пост", но до Лос-Анджелеса еще надо было добраться.

Чем скорее они вылетят в южную Калифорнию – тем лучше, решила Роза. Она знала, что "Проект 99" был совместным начинанием частного капитала, нескольких военно-промышленных корпораций и некоторых влиятельных правительственных группировок. Сопротивляться их объединенной мощи и влиянию было бессмысленно; с тем же успехом можно было пытаться остановить лавину при помощи птичьего пера. В том, что враг использует все свои возможности, чтобы как можно скорее обнаружить ее и девочку, Роза не сомневалась; в этих условиях единственным, что она могла предпринять, это попытаться опередить тех, кто очень скоро ринется в погоню.

Лететь в Лос-Анджелес из Далласа или Вашингтонского Национального аэропорта было слишком рискованно. Оставались Балтимор, Филадельфия, Нью-Йорк и Бостон. Поразмыслив, Роза выбрала Нью-Йорк.

На пути к своей цели она исходила из предположения, что чем больше федеральных и местных шоссейных дорог она пересечет, тем труднее придется ее преследователям, поэтому из Виргинии она направилась сначала в Хегерстаун в Мериленде, а оттуда – в Харрисбург в Пенсильвании. До этого последнего пункта ей удалось добраться без приключений, однако чем больше миль она проезжала, тем сильнее становилось ее беспокойство. Стоило ее врагам обратиться в полицию и сообщить приметы машины, в которой она ехала, и по сигналу общей тревоги ее могли остановить на любом дорожном посту. Поэтому в Харрисбурге Роза бросила машину, и до Нью-Йорка они с девочкой добирались автобусом.

Когда "Боинг" авиакомпании "Нэшн Уайд Эйр" оторвался от взлетной полосы, Роза Такер впервые почувствовала себя в безопасности. Она уже созвонилась с Лизой и могла твердо рассчитывать, что в аэропорту Лос-Анджелеса будет ждать ее подруга с группой надежных друзей репортеров. Пресс-конференция, которую она собиралась провести прямо на месте, должна была, по замыслу Розы, положить начало громкой разоблачительной

кампании в средствах массовой информации.

Покупая в аэропорту билет. Роза назвала ЦЦИ 21/21 именем Мери Такер. То, что девочка была белой, вряд ли должно было смутить служащих авиакомпании: она вполне могла быть приемной дочерью Розы, если бы та, к примеру, вышла замуж за белого. Во время общения с журналистами она, однако, твердо решила использовать принятый в институте индекс ЦЦИ 21/21, главным образом из-за его сходства с номерами заключенных в концентрационном лагере, что, по ее мнению, должно было вернее разоблачить бесчеловечную сущность "Проекта 99" в глазах общественности и вызвать в людях прилив сочувствия к маленькому белокурому существу. Что касалось дальнейшего, то выбор нормального, человеческого имени Роза Такер собиралась оставить за девочкой, хотя ей и казалось, что оно должно быть достаточно необычным и звучным, учитывая уникальную биографию девочки и обстоятельства ее рождения.

В самолете – в экономическом классе – они оказались через проход от женщины с двумя дочерьми, которые возвращались домой в Лос Анджелес. Женщину звали Мишель Карпентер, а девочек – Крисси и Нина.

На вид Нине было примерно столько же лет, сколько и "Мери Такер". Она увлеченно играла в карманную электронную игру для дошкольников "Принцы и свиньи", а ЦЦИ 21/21 как замороженная наблюдала через проход за возникающими на экране картинками и прислушивалась к похрюкиванию электронных свинок. Заметив ее интерес, Нина пригласила незнакомую девочку пересест с ней на свободное место, чтобы можно было поиграть в эту игру вместе. Роза сначала колебалась, однако ей вовремя пришло на ум, что ЦЦИ 21/21 не по годам хорошо развита и понимает, что их безопасность зависит от умения держать язык за зубами, поэтому разрешение было дано. В конце концов, в жизни ЦЦИ 21/21 это была первая настоящая игра, за которой никто не наблюдает и которая развивалась не по заранее написанному и одобренному сценарию.

Нина оказалась совершенно очаровательным ребенком. Она была внимательной и удивительно доброй, и поэтому очень скоро ЦЦИ 21/21 – новая надежда мира, обладающая умом гения, обширными знаниями и уникальной способностью целителя, – была полностью очарована и покорена четырехлетней Ниной Карпентер. Ей настолько хотелось стать такой же, как Нина, быть Ниной, что она начала бессознательно копировать жесты, манеры и речь своей новой знакомой.

Ночной рейс Нью Йорк – Лос Анджелес вылетает довольно поздно, так что через два часа Нину стало клонить ко сну. Дружески обняв ЦЦИ 21/21 и оставив ей с разрешения матери "Принцев и свинок" ("Бери насовсем!"), Нина вернулась на свое кресло у окна и уснула крепким детским сном.

ЦЦИ 21/21 тоже пересела на свое место рядом с Розой Такер, но была настолько возбуждена, что о сне не могло быть и речи. Подаренную ей электронную игрушку она прижимала к груди так крепко и так бережно, словно это было бесценное сокровище, и Роза заподозрила, что девочка не будет играть с нею, боясь поломать. Должно быть, ей хотелось, чтобы игрушка всегда оставалась такой, какой она была в добрых руках Нины Карпентер.

* * *

На западе промелькнуло зарево городка Ранинг Лейк, но до Бигбера оставалось еще немало миль. Машина мчалась по шоссе то вдоль гребней холмов, то мимо глубоких каньонов, и раскачивающиеся под ударами ветра пихты и лиственницы обрушивали на дорогу настоящий град шишек, глухо стучавших по крыше и по капоту. Судорожно сжимая руль, Джо изо всех сил старался сосредоточиться на управлении, на дороге, на чем угодно, лишь бы не думать, во что бы то ни стало не думать о том, что означала – что могла означать – эта деталь с "Принцами и свиньями". Слушая рассказ Розы, он с трудом нашел в себе силы, чтобы подавить нарастающий гнев. Рассудок подсказывал Джо, что он не должен ни в чем винить ни эту женщину, ни ребенка с номером вместо имени, но все равно он был вне себя от

бешенства и бессильной злобы – должно быть, потому, что только в гневе он знал, что ему делать и как себя вести. Другое дело – горе. В горе он терялся, становился бессильным, беспомощным, не способным ни на борьбу, ни на что другое.

– Расскажи, какую роль играет во всем этом Гортон Неллор, – перебил он Розу, стараясь увести разговор от девочек, мирно играющих в электронную игру за считанные минуты до страшной катастрофы. – Я знаю, что он владеет солидным куском акций "Текнолоджик", финансировавшей ваш "Проект 99", но мне не верится, что он не имеет отношения к тому, что творилось у вас в Манассасе.

– Просто он и ему подобные ублюдки со связями... им принадлежит будущее. – Сжав коленями жестянку "Пепси", Роза подцепила кольцо на крышке пальцами правой руки, но Джо видел, что ей едва хватило сил и координации, чтобы открыть ее. – Будет принадлежать, если Нина... если она не изменит мир к лучшему.

– "Большой бизнес, важные шишки в правительстве, продажные средства массовой информации – вот тот трехглавый дракон, который появился, чтобы выжимать из честных тружеников последние соки", – процитировал Джо. – Слыхали мы это. Обычные радикальные штучки...

В ответ раздалось клацанье жестяной банки о зубы. Повернув голову, Джо увидел, как струйка "Пепси" сбежала по подбородку Розы и закапала на грудь.

– Для них не существует ничего, кроме власти, – прошептала она. – Они не верят... ни в зло, ни в добро.

– Ни добра, ни зла не существует. Существуют только события и факты.

Хотя Роза только что сделала изрядный глоток "Пепси", голос ее прозвучал сухо, надтреснуто.

– И значение этих фактов...

– ...зависит от того, как их интерпретировать.

Джо продолжал сердиться на Розу за то, что она столько времени поддерживала в нем веру в то, что Нина жива, однако ему не хватало силы воли посмотреть на нее и увидеть, как она слабеет на глазах. Часто моргая, чтобы смахнуть с ресниц слезы, он стал глядеть на дорогу, на которой продолжался ливень из шишек, сухих хвойных иголок и пыли. Он и так ехал настолько быстро, насколько осмеливался, и все же его нога непроизвольно нажала на акселератор, увеличивая скорость.

Жестянка выскользнула из пальцев Розы и, упав на пол салона, закатилась под сиденье, оставив за собой дорожку пенящейся жидкости.

– Мне становится хуже, Джо.

– Потерпи, осталось недолго.

– Вот именно – недолго... Я должна рассказать тебе, как все было, когда... когда самолет начал падать.

* * *

...Под вой турбин, скрип фюзеляжа и отчаянную вибрацию крыльев огромный лайнер проваливался в пропасть глубиной четыре мили, постоянно увеличивая и без того головокружительную скорость. Перегрузка с такой силой прижала отчаянно кричащих пассажиров к креслам, что многие не могли даже поднять голову. Кого то рвало, кто то молился, кто то истерически рыдал, кто то сыпал проклятиями, кто то призывал Бога, а кто то без конца повторял имена дорогих и любимых: и далеких, и тех, кто скорчился в соседнем кресле. Падение длилось целую вечность. "Боинг" падал всего четыре мили, а казалось – будто с луны...

...И неожиданно Роза Такер очутилась посреди безмятежной яркой голубизны – совсем как летящая птица в небесах, только внизу не было темной земли. Голубизна окружала ее со всех сторон, и Роза не чувствовала никакого движения, не чувствовала ни жары, ни холода. Она как будто висела в самом центре безупречной гиацинтовой голубой сферы и чего то

ждала. Грудь ее поднялась на полувздохе и замерла, и, как Роза ни старалась, она не могла выдохнуть заполнивший легкие воздух до тех пор, пока...

...Пока вместе с выдохом – громким, как крик, громким, как взрыв, – она не оказалась вдруг на лугу. Роза по прежнему сидела в мягком самолетном кресле и была жива и невредима, но удивление, потрясение парализовали ее настолько, что она не в силах была пошевелить ни рукой, ни ногой. ЦЦИ 21/21 сидела в таком же кресле рядом. Совсем недалеко горел лес, и жадные, стелющиеся по земле языки огня облизывали груды мелких обломков. Мирный когда то луг напоминал кошмарную бойню, которую невозможно было описать словами.

Самолет исчез.

В момент катастрофы, в момент страшного удара о землю девочка сумела спасти их обоих из обреченного лайнера. Чудовищным напряжением своих удивительных способностей она перенесла себя и Розу в какую то волшебную страну, в какое то странное измерение за границами пространства и времени, и удержала их в этом невероятном месте, пока жестокая земля крушила, ломала и разметывала по сторонам самолет и человеческие останки.

Это усилие, однако, не прошло для нее даром. ЦЦИ 21/21 не могла говорить, ее всю трясло, а руки стали холодны как лед. В аметистовых глазах отражались только огни пожарища, а взгляд был пустым, отстраненным, как у ребенка аутиста¹. В первые минуты она не могла не только идти, но даже стояла с трудом, и Розе пришлось взять ее на руки.

Всхлипывая от жалости к мертвым, вздрагивая от ужаса, который внушила ей кровавая мясорубка, и не переставая удивляться своему собственному чудесному спасению, Роза Такер стояла с девочкой на руках посреди луга, и внутри ее бушевал ураган эмоций. Она не могла сделать ни шага. Только несколько минут спустя, припомнив странное мигание света в салоне и стремительный бег минутной и часовой стрелок по циферблату ее наручных часов, она поняла, что пилот самолета стал жертвой мальчика, живущего в толстом стальном саркофаге глубоко под землей в Виргинии. Пятьдесят восьмой совершил еще одно "мокрое дело", и Роза Такер очень хорошо знала, кого он должен был уничтожить на этот раз.

Осознание этого помогло ей стряхнуть с себя оцепенение. Прижимая девочку к груди, она обогнула пылающие деревья и бросилась в лес. Она то продиралась сквозь освещенный лунной подлесок, то сворачивала на посеребренные холодным светом оленьи тропы, то ныряла в траурную тень деревьев и, пригибаясь так, словно кто то мог ее увидеть, стремглав пересекала просеки и поляны. Наконец Роза Такер поднялась на вершину водораздела и увидела внизу приветливые огни ранчо "Мелочи жизни".

К тому времени, когда она кое как доплелась до дома Илингов, девочка более или менее оправилась, но так и не пришла в себя полностью. Она уже могла идти, но казалась сонной, усталой, и мысли ее блуждали где то далеко. У крыльца Роза напомнила девочке, что ее зовут Мери Такер, но ЦЦИ 21/21 вдруг сказала: "Меня зовут Нина. Я хочу быть Ниной".

Это оказались ее последние слова. Роза даже боялась, что девочка, возможно, навсегда потеряла способность говорить. В течение первых нескольких месяцев после катастрофы, пока Нина Мери жила в Южной Калифорнии с друзьями Розы, она не произнесла ни слова. Девочка спала по пятнадцать двадцать часов в сутки и не проявляла к окружающему никакого интереса. Если она не спала, то подолгу сидела неподвижно, глядя в окно или на картинку в детской книжке, или просто так, ни на что не глядя. Аппетита у ЦЦИ 21/21 не было никакого, она похудела, осунулась, стала бледной и слабой, и даже ее аметистовые глаза, казалось, поблекли и потускнели. Усилие, которое потребовалось от нее, чтобы во время катастрофы перенести себя и Розу в голубое ничто и обратно, оказалось слишком большим для нее; оно едва не убило девочку, а потраченные силы восстанавливались медленно. Ее удивительный дар тоже пропал; ЦЦИ 21/21 никого не лечила, не делилась ни с кем своим откровением, и Роза Такер была близка к отчаянию.

¹ Аутизм – состояние психики, характеризующееся преобладанием замкнутой внутренней жизни и активным отстранением от внешнего мира.

Только к Рождеству у Нины – как ее теперь называли все – снова проснулся интерес к окружающему миру. Она начала смотреть телевизор и читать книги. К исходу зимы Нина стала меньше спать и больше есть, ее кожа снова приобрела прежний здоровый вид, на щеках появился бледный румянец, а глаза блестели почти как раньше. Она по-прежнему не разговаривала, но чувствовалось, что ее связь с окружающим миром крепнет, и Роза помогала ей вернуться из добровольного изгнания, каждый день подолгу разговаривая с девочкой о том добре, которое она могла бы сделать, и о надежде, которую ее дар мог вселить в других людей.

В ящике бюро в спальне, в которой вместе жили Нина и Роза Такер, всегда лежал номер "Лос Анджелес пост", вся первая полоса которого была посвящена трагедии рейса 353. Эта газета служила Розе постоянным напоминанием о жестокости и решительности ее врагов. Однажды в июле, через одиннадцать месяцев после катастрофы, Роза застала девочку сидящей на кровати с газетой в руках. Газета была открыта на развороте с фотографиями. ЦЦИ 21/21 прикасалась пальцами к фотографии Нины Карпентер, которая подарила ей "Принцев и свиней", и... улыбалась.

Роза осторожно села рядом с ней и спросила, не грустно ли ей вспоминать о своей погибшей подруге.

Девочка отрицательно покачала головой и, взяв Розу за руку, заставила ее притронуться пальцами к снимку. И как только ее пальцы коснулись шершавой газетной бумаги. Роза неожиданно оказалась посреди голубого сияния, удивительно похожего на гиацинтовый пузырь убежище, в который она была перенесена за мгновение до гибели самолета.

Но только похожего.

Ощущения Розы были совсем другими. Она чувствовала тепло, движение, жизнь.

Ясновидящие и экстрасенсы утверждают, что в некоторых случаях они способны почувствовать остаточную психическую энергию людей на предметах, которыми те когда то пользовались или к которым только прикасались. Иногда они даже помогают полиции в розысках убийцы, исследуя одежду, которая была на жертве в момент совершения преступления. Энергия, которую излучала фотография в "Пост", была почти такой же по своей природе, но иной по происхождению. Она не была оставлена, а сознательно наполнила ее.

Роза чувствовала себя так, словно она погрузилась в голубой океан, полный пловцов, которых она не могла видеть, но зато она могла чувствовать, как они простывают мимо, как плещутся и резвятся в ослепительных волнах. Неожиданно одно из этих существ проскользнуло как будто сквозь нее, задержалось на краткое мгновение, и Роза узнала Нину Карпентер – девочку с задорной и доброй улыбкой, щедрую и беззаботную дарительницу, которая не исчезла, не умерла, а переселилась в счастливый и безопасный мир где то рядом с нашим, начинающийся за завесой этой странной голубизны, которая сама по себе не была местом или миром, а лишь проницаемой границей, дверью между различными фазами бытия.

Роза была тронута до глубины души. На нее эта демонстрация подействовала едва ли не сильнее, чем знание о послежизни, к которому она прикоснулась еще в приюте, в крошечной комнатке ЦЦИ 21/21. Отянув руку от фотографии Нины Карпентер, Роза долго сидела молча, потом обняла свою собственную Нину и, крепко прижав ее к груди, стала ласково и нежно покачивать ее. Говорить она все равно не могла, да слова были и ни к чему. Все, что могло быть сказано, она чувствовала и так.

Убедившись, что удивительные способности девочки снова вернулись к ней, Роза стала раздумывать, как быть дальше. Вечно скрываться от ищеек было невозможно, да и дело, которое она начала, необходимо было довести до конца. Снова обратиться к Лизе Пеккатоне Роза не могла. Правда, она не верила, что подруга сознательно предала ее, однако информация о том, каким рейсом Роза и Нина летят в Лос Анджелес, могла попасть к руководителям "Проекта 99" именно через Лизу – через "Пост" и через владельца газеты Гортон Неллора. Нынешний их статус "жертв катастрофы" вполне устраивал Розу Такер. Пока враги считали ее и девочку мертвыми, она могла воспользоваться этим и начать

действовать, не привлекая к себе ничего внимания.

Для начала Роза попросила Нину поделиться своим знанием вечной истины с друзьями, которые укрывали их от преследователей на протяжении всех этих одиннадцати месяцев, пока она была слаба и незащищена. После этого Роза собиралась связаться со всеми родственниками погибших во время катастрофы, одарить их пониманием бессмертия и вывести в голубое пространство, где они могли бы пообщаться со своими любимыми и родными, пребывающими в вечности. Роза рассчитывала, что если им повезет, то они с Ниной успеют распространить ее знание достаточно широко, и, когда их в конце концов обнаружат, руководители "Проекта" уже не осмелятся на радикальные меры.

Роза собиралась начать с Джо Карпентера, но не сумела его найти. Даже его коллеги из "Пост" не знали ни где он теперь живет, ни что с ним стало. Дом в Студио Сити он продал и переехал на новое место жительства. Его телефон не был зарегистрирован в справочнике. По мнению людей, близко знавших Джо Карпентера, он был человеком конченным, и Роза догадалась, что отец Нины спрятался ото всех, чтобы умереть в одиночестве.

Роза поняла, что ей придется начать свою работу с кого-то другого.

"Пост" опубликовала портреты далеко не всех погибших. Даже среди жителей Южной Калифорнии было немало таких, чьи фотографии так и не попали на страницы газеты, и Роза не могла придумать быстрого и безопасного способа эти фотографии добыть. В конце концов она решила вовсе не пользоваться портретами. По опубликованным в газетах траурным сообщениям она разыскала места захоронений всех калифорнийцев и сама стала делать снимки надгробных памятников. Ей казалось только уместным, что на налитых запредельной энергией фотографиях будут изображены эти мрачные памятники из гранита, мрамора и бронзы, доселе символизировавшие собой конец всего, и что именно надгробия послужат для отчаявшихся людей ключами к двери, открыв которую, они узнают, что Смерть вовсе не так могущественна и страшна и что за этой переходной фазой сама Смерть умирает и начинается новая жизнь.

* * *

Они поднялись уже довольно высоко, почти к самым вершинам обветренных гор, но до Бигбера оставалось еще около двух десятков миль. Посеребренные луной пихты и лиственницы продолжали тревожно и предостерегающе размахивать мохнатыми лапами, засыпая шоссе миллионами высохших иголок и тысячами сорванных ураганом шишек, и Джо приходилось напрягать слух, чтобы за их стуком и за ревом мотора расслышать голос Розы Такер, который звучал все тише, все слабее.

– Возьми меня за руку, – неожиданно попросила она, и Джо вздрогнул от удивления и страха. Он не смел повернуться и посмотреть на нее, он не мог и не хотел этого делать. Он боялся даже искоса, украдкой бросить взгляд в ее сторону, потому что им внезапно овладело детское суеверное чувство, которое твердило ему, что с Розой все будет хорошо до тех пор, пока он своими глазами не увидит ее плачевного состояния, угаданного им по голосу.

И все же он повернулся и посмотрел. Роза сидела, обмякнув, навалившись боком на дверцу и прислонясь затылком к стеклу окна. Она показалась ему такой же маленькой, какой, наверное, ей самой казалась Нина во время бегства по дорогам Виргинии, но даже в слабом свете приборной панели Джо увидел, что ее большие и выразительные темные глаза снова стали такими же властными, какими они были во время их первой встречи на кладбище, и в то же время исполненными сострадания и доброты. Вместе с тем в них прыгали искры какой-то странной радости, которая напугала Джо сильнее, чем могла бы испугать тень смерти.

Когда он заговорил, его голос дрожал гораздо сильнее, чем ее.

– Держись. Уже недалеко.

– Слишком далеко... – прошептала она. – Возьми меня за руку, Джо.

– О, черт!..

– Все в порядке, Джо.

Обочина шоссе неожиданно расширилась, превратившись в наблюдательную площадку, и Джо остановил машину. Перед ним расстился мрачный и величественный ночной пейзаж. Диск луны, которая, казалось, испускала вместо света пронизывающий холод, замер в самой середине сурового, словно выкованного из стали неба; угольную черноту карабкающихся на гребни лесов оттеняла дикая красота блистающих в лунном свете голых скал; а извилистые шрамы каньонов сбегали куда то вниз, в темноту, из которой доносился тяжелый, угрюмый гул неспящей реки.

Отстегнув ремень безопасности, Джо повернулся к Розе и взял ее за руку. Ее пальцы были холодными, а ответное пожатие – слабым.

– Она нуждается в тебе, Джо.

– Я не герой, Роза... Я – никто.

– Ты должен спрятать ее. Спрятать как можно лучше...

– Роз...

– Дай ей время... Пусть ее сила растет.

– Я не могу... Мне не под силу никого спасти!

– Мне не следовало начинать сейчас. Придет день, когда она не будет такой... уязвимой. Спрячь ее, Джо, пусть набирается сил. Она... она сама тебе скажет, когда придет ее срок.

Ее расслабленные пальцы начали выскользывать из его руки, и Джо накрыл ее ладонь второй рукой и крепко сжал, словно надеясь удержать Розу и не дать ей сорваться в пропасть.

Голос Розы Такер был едва слышен, словно она стремительно уносилась от него, хотя на самом деле она даже не шевельнулась.

– Открой... открой ей свое сердце, Джо.

Ее ресницы затрепетали и опустились.

– Нет, Роза, нет!!! Пожалуйста!..

– Все хорошо...

– Прошу тебя, не уходи!...

– Мы еще встретимся, Джо. Там...

– Роза! Нет!..

– Мы еще встретимся...

Джо остался в ночи один. Он по прежнему сжимал в пальцах ее холодеющую руку и молчал, и только ветер протяжно рыдал над его головой. Глаза Розы уже были закрыты, и он поцеловал ее в лоб.

* * *

Указания, которые дала ему Роза Такер, были настолько точными, что следовать им не составляло никакого труда. Домик, который искал Джо, находился не в самом Бигбере и не на побережье Большого Медвежьего озера, а гораздо выше их, на северном склоне горного хребта, густо заросшего березовыми и хвойными лесами. Потрескавшаяся, покрытая выбоинами асфальтированная дорога вывела его к грунтовой подъездной дорожке, в конце которой Джо разглядел небольшой белый коттедж, обшитый внахлест вагонкой и покрытый дранкой.

Возле коттеджа стоял зеленый джип "Вагонер", и Джо припарковал "Форд" вплотную к его заднему бамперу.

Крыльцо из четырех ступенек вело на небольшую крытую террасу, приподнятую над землей на столбах, на которой стояли в ряд три плетеных кресла качалки с камышовыми спинками. На террасе Джо увидел высокого, атлетически сложенного негра, который смотрел на него, опираясь обеими руками о перила. Под потолком горели две электрические лампочки без абажуров, и их свет ложился на кожу гиганта медно желтыми бликами.

Девочка ждала на верхней ступеньке крыльца. Она была белокожей и светловолосой; на вид ей никак нельзя было дать больше шести, хотя из за худобы она казалась довольно высокой для своих лет.

Джо достал из под сиденья пистолет Седого, подобранный им после схватки на берегу, и, засунув его за пояс джинсов, вышел из машины.

Ветер свистел и визжал, продираясь сквозь частые гребни еловых и пихтовых игл.

Джо приблизился к крыльцу и остановился.

Девочка медленно, словно во сне, спустилась на две ступеньки и замерла. Она смотрела куда то мимо Джо, и он догадался, что она глядит на его "Форд".

Она знала.

Негр на террасе заплакал.

Впервые за весь год – с тех самых пор, когда, стоя перед дверьми ранчо Илингов, она захотела, чтобы ее звали Ниной, – девочка заговорила, заговорила негромко и жалобно. Глядя на машину Джо, она произнесла только одно слово:

– Мама...

Ее волосы были точно такого же цвета, как у Нины. Косточки у нее были такие же хрупкие и тонкие, как у Нины, и только глаза ее не были серыми, и, как Джо ни старался увидеть перед собой свою Нину, он не мог обмануть себя и поверить, что это его дочь.

Он снова поддался поисково заместительному стереотипу, снова бросился искать то, что было потеряно навсегда.

Луна плыла над самыми верхушками деревьев, словно воришка, который украл сияние у самого солнца и теперь в страхе и смятении бежит, не в силах надежно спрятать свою добычу. И как и луна, эта девочка тоже была воровкой, обманщицей. Она не была Ниной – она была лишь ее отражением, и ее свет был лишь отраженным бледным сиянием живого, ослепительного огня, который погас год назад.

В этот момент Джо ненавидел ее так, как не ненавидел никогда и никого. Ему было наплевать, кто она на самом деле – искусственно выращенный в лаборатории урод со странными способностями или единственная надежда мира. Он ненавидел ее и ненавидел себя за эту иррациональную, бессильную ненависть, но от этого его бешенство не становилось меньше.

Глава 17

Горячий ветер рвался в окна, и в комнатах пахло смолой, пылью, остывшей золой и сажей, толстым слоем покрывавшей сложенные из красного кирпича стены внушительного очага, в котором прошедшей зимой уютно пылал оранжевый теплый огонь. Провода линии электропередачи снаружи сильно провисали и, раскачиваясь под ветром, время от времени ударялись о стену дома или задевали за ветки деревьев. Из за этого свет то пригасал, то вспыхивал ярче, и каждый раз, когда это случалось, Джо невольно вспоминал трепещущее мерцание ламп в доме Дельманов и мгновенно покрывался "гусиной кожей".

Хозяином дома оказался тот самый высокий негр, который все еще плакал на террасе. Его звали Луис Такер, и он приходился Махалии родным братом. С Розой он развелся восемнадцать лет назад, когда выяснилось, что она не в состоянии иметь детей. В свой самый тяжелый час Роза обратилась к нему за помощью, и он не отказал ей, хотя у него уже была другая жена и дети, которых он любил. Впрочем, Джо было ясно, что Лу Такер никогда не переставал любить Розу.

– Если вы на самом деле верите, что она не умерла, а только переселилась в другой мир, тогда почему вы плачете? – холодно спросил он.

– Мне жалко не ее, а себя. Да, она ушла из этого мира в другой, но мне придется очень долго ждать, прежде чем я увижу ее снова.

В прихожей возле самой двери Джо заметил два небольших чемодана с вещами девочки. Сама она молча сидела у окна и разглядывала "Форд" Джо. Печаль окутывала ее таким плотным покрывалом, что казалось, еще немного, и его можно будет увидеть.

– Честно говоря, я боюсь, – сказал Луис и поежился. – Роза хотела задержаться здесь на несколько дней, но мне кажется, что теперь это опасно. Возможно, это и не так, но я должен

предупредить: сдастся мне, что они выследили нас еще до того, как мы с Ниной уехали со старого места. По пути сюда я пару раз видел одну и ту же машину, которая следовала за нами, а потом отстала. Может, это простое совпадение, но все таки...

– Им нет никакой необходимости следовать за вами вплотную. С их возможностями они могут выслеживать нужную машину с расстояния нескольких миль.

– Еще одно... – Луис замялся. – За несколько минут до вашего появления я выходил на террасу, потому что мне показалось, будто я слышу вертолет. При таком ветре и так высоко в горах... согласитесь, это довольно необычно. Если я, конечно, не ошибся.

Ветер снова хлестнул проводами по стене дома, и свет в комнате ненадолго померк. С силой прижав ладонь ко лбу, словно стараясь таким способом задвинуть мысль о смерти Розы подальше, чтобы она не мешала ему сосредоточиться, Луис Такер длинными, нервными шагами пересек гостиную, постоял у камина и вернулся обратно.

– Мне казалось, что вы и Роза... Я думал, вы двое ее заберете. Если они выследили меня, то девочке будет с вами безопаснее.

– Если они вас выследили, – с расстановкой сказал Джо, глядя ему прямо в глаза, – значит, нам всем грозит одинаковая опасность. Оставаться здесь нельзя никому из нас.

Провода все хлестали и хлестали по дощатой стене, свет вспыхивал и гас, и перед глазами Джо поплыли бурые тени. Луис снова подошел к камину и взял с полки длинную газовую зажигалку для дров.

Девочка отвернулась от окна, и Джо увидел ее широко раскрытые глаза.

– Нет! – воскликнула она.

Луис Такер со смехом щелкнул зажигалкой и поджег сначала собственные волосы, а потом – рубашку.

– Нина! – в ужасе завопил Джо.

Девочка бросилась к нему.

По комнате поплыл отвратительный запах горящих волос.

Объятый пламенем Луис Такер сделал два гигантских шага и загородил дверь.

Джо невольно попятился и, выдернув из за ремня пистолет, навел его на Луиса, но нажимать на спусковой крючок не стал. Человек, который загораживал выход из комнаты, больше не был Лу Такером, братом Махалии и бывшим мужем Розы, – это была лишь марионетка в руках мальчика монстра, дотянувшегося до него из самой Виргинии за три с лишним тысячи миль. Джо знал, что контроль над своим телом уже никогда не вернется к Луису и ему уже не пережить сегодняшней ночи, но стрелять все равно не спешил, понимая, что, как только брат Махалии упадет мертвым, Пятьдесят восьмой выберет для дистанционирования когонибудь другого.

Впрочем, девочке он скорее всего не сможет причинить вреда. Она сумеет защититься при помощи своих собственных паранормальных способностей, поэтому мальчик скорее всего воспользуется Джо – и пистолетом в его руке, – чтобы изрешетить девочку пулями.

– Вот здорово! – сказал Луис Такер, у которого огонь спалил все волосы, у которого трещали и дымились уши, а лоб и щеки заблестели от выступившего сала. – Потеха! – сказал Пятьдесят восьмой голосом Лу Такера, явно наслаждаясь своим замечательным приключением, которое он переживал в чужом теле.

Живой факел продолжал загораживать единственный выход на террасу.

Джо отступил еще на шаг и подумал, что в момент величайшей опасности Нина, возможно, и сумеет снова послать себя в голубое безопасное ничто, как она сделала перед тем, как "Боинг" врезался в землю, и тогда выпущенные из пистолета пули пронзят место, где она только что была, не причинив ей никакого вреда, но он не мог быть в этом уверен. Возможно, девочка еще не совсем оправилась и не сможет повторить свой головокружительный подвиг, а если это все же ей удастся, то не исключено, что на этот раз усилие убьет ее.

– Где здесь черный ход? – крикнул Джо. – Беги туда, скорее!

Нина как будто только и ждала этой команды. Сорвавшись с места, она бросилась к

двери, ведущей из гостиной в кухню.

Джо, пятясь, последовал за ней. При этом он продолжал держать пылающего человека на мушке, хотя и не собирался пускать оружие в ход.

Они могли надеяться только на то, что Пятьдесят восьмой, увлеченный своим жутким занятием, промедлит и даст им возможность выбраться на открытое место, где, согласно полученным от Розы Такер сведениям, он уже не сможет воспользоваться своими способностями к дальнозрению и управлению чужим мозгом. Но если он сумеет отказаться от потехи и бросить свою игрушку, которая когда то была Луисом, то одного мгновения будет для него вполне достаточно, чтобы проникнуть в мозг Джо.

Отбросив в сторону бутановую зажигалку, горящее существо развело руки широко в стороны, любуясь тем, как языки пламени разбегаются по рукавам рубашки и спускаются все ниже по животу.

– Ух ты ы! – сказала чудовище и затопало следом за беглецами.

Джо едва не упал, вспомнив ледяную иглу, которая только прикоснулась к его позвоночнику в доме Дельманов. Мысль о том, что он может снова почувствовать, как чужая энергия вторгается в его тело, страшила его гораздо больше, чем перспектива попасть в объятия горящих рук ковыляющего следом за ним огненного призрака.

Отступив в кухню, Джо машинально захлопнул за собой дверь, хотя и понимал, что никакая физическая преграда – ни каменная стена, ни даже толстая стальная дверь противорадиационного бункера – не сможет остановить Пятьдесят восьмого, если он оставит Луиса и превратится в бестелесное нечто.

Нина выскользнула наружу через заднюю дверь, и в кухню, скуля и завывая, словно стая голодных волков, ворвался пронзительный ветер.

Прыгая с крыльца в ночную темноту, Джо услышал, как упала в кухне сорванная с петель дверь.

Позади коттеджа оказался неширокий земляной дворик, лишь кое где покрытый короткой жесткой травой. Ветер гнал по нему тучи сухих листьев, хвойных иголок и мелкого песка. Столик для пикников и несколько сосновых стульев с трудом выдерживали бешеный напор бури. Сразу за столиком начинался лес.

Нина уже бежала к деревьям, отчаянно работая своими маленькими ножками и громко шлепая подошвами теннисных туфель по утоптанной земле. Прорвавшись сквозь густые заросли высоких сорняков на краю двора, она почти сразу затерялась в темноте между елями и пихтами.

Джо боялся потерять девочку почти так же сильно, как боялся преследовавшего его Пятьдесят восьмого. Подняв руку на уровень лица, чтобы какая нибудь ветка не хлестнула его по глазам, он со всей возможной скоростью ринулся за девочкой, на бегу выкрикивая ее имя. В темноте позади него раздавался голос Луиса Такера. Должно быть, огонь уже довольно сильно изуродовал его губы и язык, потому что речь чудовища можно было разобрать лишь с большим трудом, но Джо сразу узнал сначала ритм, а потом и слова детской считалочки, которую выкрикивал мальчик.

– Пора не пора, я иду со двора. Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать; кто не спрятался – я не виноват!

Узкий просвет между несколькими елями пропустил в чашу поток холодных лунных лучей, и Джо разглядел в темноте развевавшиеся на ветру светлые волосы девочки, сиявшие отраженным светом, словно бледный огонь. ЦЦИ 21/21 была впереди и чуть правее его на расстоянии каких нибудь шести или восьми ярдов, но Джо нехотая споткнулся о лежащее на земле подгнившее бревно, поскользнулся на чем то мягком и с огромным трудом удержал равновесие. Бешено размахивая руками, чтобы не упасть, он едва не запутался в высоких, по грудь, кустах. Не сразу до него дошло, что девочка отыскала удобную оленью тропу. Напрягая все силы, Джо рванулся в ту сторону.

Когда он нагнал Нину, ночной мрак вокруг них внезапно озарился трепещущим оранжевым светом. Огненные саламандры ловко карабкались по стволам пихт и елей, и ветер

раздувал, рвал в клочья их горящие хвосты, которые цеплялись за пропитанные горючей смолой ветки.

Обернувшись, Джо увидел в тридцати футах позади себя бредовую, скособоченную фигуру Луиса Такера, который все еще держался на ногах, хотя огонь охватил его уже целиком. Он двигался какими то странными, судорожными рывками, и в тех местах, куда ступала его нога, сухая хвоя лесной подстилки тут же воспламенялась, и шустрые язычки раздуваемого ветром пламени тут же бежали вперед, от одного пучка травы к другому, от куста к кусту, от дерева к дереву. Вот до него осталось двадцать футов. Пятнадцать. Было видно, что Луис едва жив. Отвратительный запах горелого мяса ударил в ноздри Джо, и тут же он услышал победный, торжествующий вопль мальчишки.

Пистолет дрожал и подпрыгивал в его руках, но Джо все равно выстрелил один, два, три, четыре, пять раз, и по крайней мере три пули поразили пылающее чудовище. Не издав ни звука, оно попятилось, потом опрокинулось навзничь и осталось лежать совершенно неподвижно. Огонь и свинец наконец то прикончили его.

Луис Такер перестал быть человеком, перестал быть личностью. Он был уже наполовину обуглившимся трупом с необратимо разрушенным мозгом, над которым Пятьдесят восьмой потерял теперь власть и который уже не мог мучить.

Где Нина?

Джо обернулся и почувствовал уже знакомое прикосновение ледяной иглы к шейным позвонком, которая деликатно, но настойчиво искала место, куда бы вонзиться. Сначала она показалась ему не такой острой как тогда, когда чудовище едва не настигло его на пороге дома Дельманов, – возможно, потому, что здесь, на открытом месте, сила Пятьдесят восьмого не была такой сокрушительной, однако инструмент для психических инъекций пока еще не затупился настолько, чтобы быть непригодным к использованию. Игла все еще жалила, и холод тонкой струйкой пролился вдоль позвоночника.

Джо закричал.

И почувствовал на своей руке тонкие пальцы девочки.

Ледяная мгла разжала свои кривые когти и, словно призрачная летучая мышь, понеслась между деревьями прочь.

Покачнувшись, Джо приложил руку к затылку в полной уверенности, что найдет там рваную кровоточащую рану, но физически он не пострадал. Разум его тоже остался свободным.

Прикосновение Нины спасло его от психического рабства.

В следующее мгновение с вершины дерева с пронзительным визгом сорвался крупный ястреб тетеревятник. Он спикировал прямо на девочку и, с налета ударив ее клювом, вцепился когтями ей в волосы, яростно хлопая широкими крыльями. Нина закричала и закрыла лицо руками, а Джо попытался ударить обезумевшую птицу кулаком. Ястреб тут же взмыл вверх и пропал среди ветвей, но Джо со всей очевидностью понимал, что это была не обычная птица и что не ветер и не огонь, жадно облизывавший дерево за деревом позади них, заставили ее повести себя столь странным, противоестественным образом.

Он не ошибся. Снова раздался пронзительный скрежещущий крик, и пернатый живой снаряд, управляемый и направляемый мальчиком мутантом из далекой Виргинии, с быстротой молнии ринулся на Нину – слишком быстро, чтобы его можно было поразить пулей. Сложенные крылья ястреба отливали сталью в лунном свете, страшные кривые когти были выставлены вперед и растопырены, а острый клюв – опасный, как кинжал или стилет, – был нацелен прямо в лицо девочке.

Выронив пистолет, Джо прижал Нину к себе и вместе с ней упал на колени, закрывая ее своим телом. Он знал, что птица постарается добраться до глаз, постарается вырвать их из глазниц своим кривым клювом, чтобы уничтожить драгоценный, удивительный мозг. Стоит ей сделать это, и Нина лишится своей волшебной силы, которая могла бы ее спасти. Стоит разрушить мозг, вырвать из его мягкой сердцевины то, что сделало ЦЦИ 21/21 особенной, – и на землю в предсмертной муке падет обычный труп обычной девочки.

Ястреб налетел как вихрь и вцепился одной лапой в рукав вельветовой куртки Джо. Острые когти пронзили мягкую ткань насквозь и впились ему в руку, в то время как второй лапой птица запуталась в светлых вьющихся волосах девочки. Бешено работая крыльями, ястреб принялся в ярости долбить клювом голову Нины – к счастью, лицо ее, крепко прижатое к груди Джо, оказалось недоступно для атаки. Когда Джо попытался сбросить агрессора, ястреб, продолжая крепко держаться за рукав куртки и за волосы Нины, свирепо клюнул его в руку. Пятьдесят восьмой был исполнен решимости довести свое страшное дело до конца, и ястреб принялся бить и клевать лицо Джо, стараясь добраться до его глаз.

Господи!..

Джо почувствовал острую боль в разорванной щеке. Надо схватить тварь, остановить ее, сокрушить! Снова удар. Голова птицы с окровавленным клювом промелькнула перед самыми глазами Джо. На этот раз удар пришелся в лоб, над правой бровью, и Джо понял, что в следующий раз ястреб наверняка ослепит его. Взмахнув рукой, он успел схватить врага, и кривые, острые когти тут же впились сначала в манжету куртки, а потом и в запястье. Жесткие крылья хлестали его по лицу, а голова птицы продолжала отчаянно дергаться, метя в глаза, но Джо сумел перехватить ее за какие то полдюйма от цели и отвести подальше страшный щелкающий клюв и свирепо блестящие черные зрачки, в которых плясали багровые отсветы пожара. Сжать, сжать сильнее, чтобы жизнь ушла из этого сильного, покрытого перьями тела, чтобы успокоилось бешено стучащее сердце, которое, казалось, билось буквально в ладони Джо. К счастью, птичьи кости – тонкостенные и легкие, позволявшие ястребу летать грациозно и стремительно – оказались достаточно хрупкими, и, когда Джо сжал руку сильнее, он почувствовал, как трещат под пальцами ребра, ключицы и кости груди. Уступив его отчаянному усилию, грудная клетка птицы вмялась, и он поспешно отшвырнул искалеченного, но еще живого ястреба подальше от себя. Упав на утопанную оленями землю, птица яростно закричала, защелкала клювом и забила распластанными крыльями, но в воздух подняться не смогла.

Джо даже не посмотрел на ястреба. Держа Нину перед собой, он отвел с ее лица спутанные светлые волосы и с облегчением увидел, что она несколько не пострадала. Глаза ее, во всяком случае, остались целы, и Джо почувствовал прилив гордости, потому что ястреб не добрался до девочки и не превратил ее лицо в кровавое месиво только благодаря ему.

Между тем его собственные раны продолжали кровоточить. Горячая струйка, сползая по виску, затекла в уголок глаза и мешала ему смотреть; щека саднила, с исполосованного запястья срывались крупные капли крови, а изодранный в клочья рукав куртки стал горячим и мокрым.

Как ни странно, Джо почти не чувствовал боли. Подобрав пистолет, он поставил его на предохранитель и снова заткнул оружие за пояс джинсов.

Из темноты леса послышался испуганный крик какого то зверя; он неожиданно оборвался, но через несколько мгновений над лесом и горами разнесся пронзительный вопль, перекрывший даже гудение ветра в верхушках деревьев. Им грозила еще одна, пока еще неведомая опасность.

Очевидно, за тот год, что Роза Такер провела скрываясь от своих бывших коллег, Пятьдесят восьмой усовершенствовал свой страшный талант и научился дистанционировать тех, на кого ему указывали, даже на открытом месте, а может быть, объединенная мощь его неовещественной души действительно рассеивалась в пространстве, как тепло нагретого камня на холоде, но рассеивалась недостаточно быстро, и ребенок убийца имел возможность повторять свои атаки.

Шум ветра и нарастающий с каждой секундой рев лесного пожара мешали Джо определить, с какой стороны раздался крик, и теперь Пятьдесят восьмой скрытно приближался к ним в теле своей новой жертвы.

Подняв девочку на руки, Джо сделал шаг вперед. Им нужно было уходить как можно скорее, чтобы не сгореть заживо, и Джо понимал, что, пока у него есть силы и пока он в состоянии нести Нину, он сможет двигаться по оленьей тропе гораздо быстрее, чем если бы

он вел девочку за руку.

Она была такой маленькой! Настолько маленькой, что Джо даже испугался, не причинит ли он ей вреда. Ее косточки казались такими же тонкими и хрупкими, как у ястреба, которого он смял одной рукой. Но Нина так крепко и доверчиво прижалась к нему, что Джо улыбнулся ей и тут же подумал, что напряженная улыбка на его окровавленном, освещенном огнем лице выглядит дьявольской гримасой, способной скорее испугать, чем подбодрить.

Но безумный мальчишка в своей новой ипостаси – какой бы она ни была – не был их единственным врагом. Могучий ветер продолжал раздувать пожар, который распространялся все шире. Ревущий огненный вал уже карабкался вверх по склону горы – и ели и пихты, пережившие жаркое, засушливое лето, были для него самой подходящей пищей. Их пропитанная смолой кора вспыхивала при первом же соприкосновении с пламенем, словно пропитанные бензином и мазутом ветхие тряпки, а ветер разносил огонь дальше.

Вернуться к коттеджу они уже не могли – путь назад преграждала огненная стена шириной по меньшей мере в три сотни футов. Обойти ее, чтобы оказаться с подветренной стороны, им тоже вряд ли удалось бы, поскольку огонь распространялся гораздо быстрее, чем они могли бежать по пересеченной местности, заросшей густым подлеском.

Стоять на месте тоже не стоило – огонь приближался к ним. Быстро. Очень быстро.

И все же Джо некоторое время стоял с Ниной на руках, зачарованный потрясающей мощностью и силой огненной стихии, которая накатывалась на них сзади. Впрочем, эти несколько мгновений не пропали даром: Джо убедился, что ему придется отказаться от мысли использовать машины, поскольку добраться до них не было никакой возможности. Теперь они могли полагаться только на свои ноги, вернее – на ноги и выносливость Джо.

По верхушкам деревьев над самой его головой, словно заряд фантастического плазменного оружия, пронеслись раздуваемые ветром сгустки огня. От их прикосновения хвоя на концах еловых веток буквально взрывалась, в одной ослепительной вспышке превращаясь в горячий, еще тлеющий пепел, который падал на траву и сухую хвойную подстилку. Горящие шишки сыпались вниз, словно зажигательные бомбы, и, прыгая по расположенным ниже ветвям, поджигали и их, так что Джо и Нина очень быстро оказались в раскаленном огненном тоннеле.

Неловко прижимая девочку к груди, Джо побежал прочь от коттеджа, стараясь держаться узкой оленьей тропы, которая, к счастью, вела в нужном направлении. Страх придавал ему силы; он слишком хорошо помнил истории о людях, которых пожар застал вблизи Лос Анджелеса на склонах холмов – среди густой кустарниковой поросли и сухой травы. Огонь распространялся по ним с такой скоростью, что в некоторых случаях даже автомобиль не мог помочь жертвам убежать от разбушевавшейся огненной стихии. Джо оставалось только надеяться, что пожар не будет распространяться в лесу с такой же быстротой, с какой он пожирал сухой чаппараль, мескит и манзаниту, хотя, если судить по тому, что он видел вокруг, смолистая хвоя была для огня еще более подходящим топливом.

Стоило им только выбежать из огненного тоннеля, как над их головами с треском развернулись на ветру новые огненные вымпелы, воспламенившие верхушки деревьев впереди них. Пылающие иглы сыпались вниз, словно светлячки, и Джо испугался, что его волосы, волосы Нины или их одежда могут вот вот вспыхнуть. Огонь, который они почти оставили позади, снова начал нагонять их, окружая слева и справа. Он распространялся почти с той же скоростью, с какой они могли бежать.

Но теперь ему мешал еще и дым. Разрастающийся пожар порождал свои собственные воздушные потоки, которые увеличивали силу Санта Аны, и на оленьей тропе закружились небольшие дымные водовороты. Они на глазах вырастали и превращались в плотную дымовую завесу, в которой почти невозможно было дышать.

Тропа вела в гору, и, хотя уклон был небольшим, Джо выдохся гораздо скорее, чем рассчитывал. Жара была такой, что пот, ручьями стекавший по его спине, тут же высыхал. Джо хватал ртом воздух, но вдыхал все больше горячих едких паров, угарного газа и летучей

сажи, которая оседала в легких и забивала горло. Джо отчаянно кашлял, чихал и постоянно сплевывал густую горькую слюну с привкусом гари, но лишь крепче прижимал к себе Нину. Глаза его слезились так сильно, что он почти ничего не видел, и все же какой то инстинкт не позволил ему сбиться с дороги, и вскоре впереди показался гребень горы.

Пистолет за поясом джинсов болезненно врезался в живот. Джо давно выбросил бы его, но боялся, что не сможет удержать девочку одной рукой, и продолжал терпеть.

За гребнем холма дорога пошла вниз, да и ветер здесь был не таким сильным. Правда, пожар с легкостью перевалил вершину, но скорость его распространения заметно упала, и Джо, сумев обогнуть полосу дыма, наслаждался чистым и относительно прохладным воздухом, который казался ему таким вкусным, что он готов был застонать от восторга.

Только прилив адреналина позволил Джо двигаться так быстро, да еще с тяжелой ношей на руках, потому что его физическая форма оставляла желать много лучшего. Если бы ужас и паника не подстегнули его, заставив организм пустить в ход свои внутренние резервы, он, наверное, упал бы от усталости еще до того, как добрался до вершины. Даже сейчас он чувствовал, как болят от перенапряжения мышцы ног и как наливаются свинцом руки, которыми он продолжал держать девочку, однако они еще не могли считать себя в полной безопасности, поэтому Джо продолжал двигаться со всей скоростью и проворством, на какие он еще был способен. Спотыкаясь о корни, путаясь в собственных ногах, то и дело моргая воспаленными глазами, чтобы стряхнуть с ресниц слезы усталости, Джо все же продвигался вперед – до тех пор, пока сзади ему на спину не бросился рычащий койот.

Челюсти твари щелкнули в долях дюйма от затылка Джо, но он, должно быть, в последний момент услышав за спиной подозрительный шорох, подсознательно среагировал на него, наклонив голову так, что койот схватил зубами только воротник вельветовой куртки. Тем не менее удар восьмидесяти или девяноста фунтов бешеной волчьей ярости заставил его пошатнуться. Джо чуть не упал лицом вперед, прямо на Нину, но тяжесть повисшего на воротнике зверя послужила ему достаточным противовесом.

Он устоял, но куртка затрещала, и койот сразу выпустил расплзающуюся ткань.

Слегка наклонившись, Джо опустил Нину на тропу и, выхватывая пистолет и мысленно благодаря Бога за то, что он не дал ему выбросить тяжелую железку, повернулся лицом к напавшей на него твари.

Койот был хорошо виден в свете медленно сползающего по склону пожара. Внешне он напоминал волка, но был более мелким и поджарым и отличался от него формой ушей да остроконечной вытянутой мордой. Уголки тонких и черных губ зверя были оттянуты назад, белоснежные клыки влажно блестели, желтые глаза полыхали яростным огнем, а все вместе производило впечатление тем более пугающее, что в черепной коробке зверя пряталось чудовище еще более свирепое и страшное, чем самый голодный волк.

Джо нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Только теперь он вспомнил о предохранителе, но койот уже бросился на него.

Он не взвился в воздух, как рассчитывал Джо, а, проявляя осторожность, держался у самой земли, нацелившись на его икры и лодыжки. Лишь быстрый прыжок назад спас Джо от первого укуса, но это был еще не конец. Койот повторил нападение, и Джо заплясал на месте, оберегая ноги, одновременно пытаясь снять пистолет с предохранителя.

На губах койота показалась пена. Тварь продолжала кружить вокруг него и, свирепо рыча, совершала выпад за выпадом, так что в конце концов Джо не успел увернуться. Острые зубы зверя впились сзади в его правую икру.

Вскрикнув от боли, Джо резко развернулся, пытаясь прицелиться и поразить тварь выстрелом, но койот поворачивался вместе с ним, неизменно оставаясь сзади. Его зубы погрузились в ногу Джо еще глубже, и зверь свирепо тряхнул головой, чтобы либо разорвать мышцу, либо повалить своего противника.

Джо казалось, что он вот вот потеряет сознание от нестерпимой боли, которая, словно электрический шок, отдавалась в колено и в бедро, парализуя всю ногу. Перед глазами все потемнело, поплыло... и вдруг Джо почувствовал, что свободен! Койот отпустил его ногу и в

смятении и страхе шарахнулся прочь.

Выкрикивая угрозы, Джо повернулся к отпрыгнувшему койоту и навел на него пистолет, но зверь, казалось, растерял весь свой атакующий пыл. Испуганно подвывая, он недоуменно оглядывался по сторонам. Держа палец на курке, Джо колебался.

Закинув голову назад и глядя на сверкающую луну, койот коротко залаял. Потом он перевел взгляд на охваченный огнем гребень горы.

Пожар подобрался к ним на расстояние не больше ста ярдов. Обжигающий ветер неожиданно усилился, и языки пламени рванулись высоко в небо.

Койот присел на все четыре лапы, напрягся и насторожил уши. Когда пламя снова прыгнуло, зверь совершил грациозный бросок в сторону и, молнией промчавшись мимо Нины и Джо, исчез в густых зарослях ниже по склону.

Наконец то побежденный открытым пространством, высасывающим его силу, как вакуум поглощает и рассеивает нестерпимый жар сверхновой, Пятьдесят восьмой выпустил из под контроля мозг койота, и Джо почувствовал, что в лесу не осталось никакой сверхъестественной силы.

Огненный ураган, мчащийся среди деревьев, словно могучая приливная волна, налетел на них сзади, окружил, опалил брови и ресницы. Джо уже не мог нести Нину – отчасти потому, что он слишком устал, отчасти из-за раненой ноги, но девочка сама взяла его за руку, и они побежали так быстро, как только смогли, вниз, в прохладную, спасительную темноту, которая, казалось, поднималась из сырого чрева земли, захлестывая растущие у подножия горы темные ели.

Джо надеялся, что им повезет и они сумеют отыскать дорогу. Асфальтированную, грунтовую, заброшенный проселок – все равно какую. Просто дорогу, которая могла бы увести их подальше от этого места, от беснующегося огня, от обугленного трупа Луиса Такера – дорогу в будущее, в котором Нина будет в безопасности.

Они преодолели не больше двухсот ярдов, когда сзади раздались шум и треск, и Джо в тревоге обернулся, ожидая новой атаки, но это оказалось всего лишь стадо оленей, которые мчались прямо на них, спасаясь от грозной опасности. Их было не меньше тридцати. Двигаясь легкими, грациозными прыжками, лесные красавцы как по команде разделились, чтобы обойти замерших на тропе людей сразу с двух сторон, и Джо увидел их тревожно раздутые ноздри, напряженные уши и круглые маслянисто черные глаза, блестящие, словно крошечные зеркала. Глухо стучали копыта, перекачивались под пятнистыми шкурами эластичные мускулы, легчайшая пыль летела в воздух. Лишь мгновение длилось это наваждение: в следующую секунду олени пропали, словно их и не было.

Сердце в груди Джо колотилось часто и громко. Буря эмоций и чувств поднялась в его душе, и, не в силах разобраться в них как следует, он только сильнее сжал маленькую ладошку Нины и повел ее по тропе, взрытой десятками маленьких острых копыт. Джо сделал почти два десятка шагов, прежде чем до него дошло, что он не чувствует боли в израненной ноге. Не болели ни разодранная ястребом рука, ни лоб, и кровь перестала стекать по его лицу.

Нина исцелила его, пока он в тревоге наблюдал за приближением оленьего стада.

Глава 18

Вторую годовщину катастрофы в Колорадо Джо Карпентер встретил на пустынном пляже во Флориде. Сидя в тени пальмы, он неотрывно смотрел на море. Легкие барашки волн набегали на берег не так быстро и энергично, как в Калифорнии; ленивые, разморенные жарой волны томно накатывались на песок и столь же неторопливо отступали. Океан здесь ничуть не напоминал машину – скорее он был похож на большое, сонное и добродушное животное.

Джо не был уже тем человеком, который спасался от огня в горах Сан-Бернардино. Он отращивал длинные волосы, которые казались совсем светлыми – и не только потому, что выцвели на солнце, но и потому, что Джо регулярно освещал их специальным раствором.

Дополнением к этой простой маскировке служили усы, но не внешний облик был главным. По сравнению с прошлым годом он гораздо лучше владел собой и своими чувствами, и перемена была столь глубока, что даже двигаться Джо стал совсем иначе. В его походке появилась пружинистая легкость, жесты стали четкими, даже изящными, но без тени напряжения, вызванного постоянно сдерживаемым гневом.

У него было новое удостоверение личности, новое свидетельство о рождении, новая карточка социального страхования, три кредитные карточки и водительские права – все на чужое имя. Умельцы из ФОБСа постарались на славу, снабдив его полным комплектом документов, причем они не были фальшивыми в обычном смысле этого слова. С их умением обращаться с компьютерами им ничего не стоило внести необходимые изменения в базы данных соответствующих ведомств и заставить их выдать подлинные документы на имя человека, который не существовал в действительности.

Тем, что он во многом стал другим человеком, Джо был полностью обязан Нине, хотя он по-прежнему отказывался принимать ее главный дар. Она изменила и вылечила его душу не своим прикосновением, а своим примером: своей добротой и терпением, своей верой в него, своей любовью к жизни и своей любовью к нему, но больше всего – своей непоколебимой уверенностью в том, что мир устроен совершенно правильно и не может быть другим. Ей было только шесть лет, но в некоторых отношениях Нина иногда казалась Джо не по возрасту мудрой, и это было совсем не удивительно, потому что он знал, с каким вечным чудом связывает ее незримая нить волшебного света.

Они жили во флоридской коммуне ФОБСа – среди тех его членов, которые не носили голубых дхоти и не брили голов. Принадлежащий Фонду общения с бесконечностью большой дом стоял на некотором расстоянии от побережья, и почти в любое время дня и ночи в нем можно было слышать приглушенное клацанье компьютерных клавиатур. Через одну две недели Джо и Нина должны были переселиться в другое место, в другую коммуну, где другие последователи доктора Поллака ждали дара, который должна была принести им девочка. Так они путешествовали почти весь прошедший год, нигде не останавливаясь надолго, и число посвященных месяцев от месяца росло. Нина несла людям свет, но явить его всему миру время еще не пришло. Чтобы изменить мир и людей окончательно и бесповоротно, ей нужно было вырасти, повзрослеть и стать сильной, а пока она была еще очень легко уязвима.

Сегодня была вторая годовщина его потери, и Нина пришла к нему на берег, под лениво покачивающуюся пальму и села рядом. Джо знал, что так будет.

Нина была одета в розовые шортики и белую майку с подмигивающим Дональдом Даком. Волосы ее стали русыми, и внешне она ничем не отличалась от любой другой шестилетней девочки. Подтянув колени к подбородку, она обхватила их руками и некоторое время сидела молча, одними глазами следя за крупным, голенастым песчаным крабом, который бочком ковылял вдоль берега, а потом вдруг присел и зарылся в песок.

– Почему ты не хочешь открыть свое сердце? – спросила она наконец.

– Я открою... Когда придет время.

– А когда оно придет?

– Когда я научусь жить без ненависти.

– А кого ты ненавидишь?

– Тебя. Я долго ненавидел тебя.

– Потому что я – не твоя Нина?

– Я давно уже перестал тебя ненавидеть.

– Я знаю.

– Зато я ненавижу себя.

– Почему?

– За то, что я боюсь.

– Ты ничего не боишься, – убежденно сказала девочка.

Джо улыбнулся.

– Я до смерти боюсь того, что ты можешь мне показать.

– Но почему?

– Мир слишком жесток. Он не годится для счастья. Если Бог есть, то почему Он мучил моего отца и забрал его таким молодым? Он забрал мою Мишель, Крисси, мою Нину, он позволил Розе умереть.

– Это переход к другой жизни.

– Слишком жестокий переход... Во всяком случае, для тех, кто остался.

Некоторое время Нина молчала. Прибой шептал что то мирное, успокаивающее, и краб завожился в своей норке, выставил из песка глаз на стебельке, чтобы взглянуть на окружающий мир. Должно быть, он пришелся ему по нраву, поскольку краб начал поспешно выкапываться.

Нина легко встала и пошла к его песчаному укрытию. Обычно эти существа были довольно пугливыми и стремились скрыться, когда к ним приближались, но этот краб почему то не испугался и не бросился на поиски укрытия. Нина опустилась перед ним на колени, а краб все рассматривал ее своими глазами на стебельках. Девочка протянула руку и слегка погладила его по панцирю, потом прикоснулась к клешне, но тварь не убежала и не ущипнула ее.

Джо смотрел во все глаза – и удивлялся.

Наконец Нина вернулась к нему и снова села рядом, а краб заковылял по своим делам и вскоре пропал среди невысоких песчаных дюн.

– Если мир жесток, то ты мог бы помочь мне привести его в порядок, – сказала она. – И если Бог хочет от нас именно этого, тогда Он не так уж бессердечен.

Джо промолчал. Море играло и переливалось под солнцем всеми оттенками голубого, купол небес сливался с водной гладью на линии далекого горизонта.

– Пожалуйста... – сказала девочка. – Возьми меня за руку. Пожалуйста, папа...

Она еще никогда не называла его "папой", и Джо почувствовал, как при звуке этого слова его сердце сжалось и сладко заныло.

Повернув голову, он заглянул в ее аметистовые глаза. Ему хотелось, чтобы они вдруг оказались серыми, как у него, но глаза девочки остались какими были. Что ж, она прошла с ним ветер и огонь, и Джо считал, что может считаться ее отцом, как Роза Такер была ее матерью.

Он взял ее за руку.

И прозрел...

На несколько мгновений флоридский пляж исчез, и Джо оказался в сверкающей голубизне, где его окружили Мишель, Крисси и Нина. Он не видел, что за миры лежат дальше, но больше не сомневался в их существовании. Они были странными и – пока что – чужими, чуть чуть пугающими, и в то же время Джо почувствовал себя намного увереннее.

Он понял, что вечная жизнь была не пыльным постулатом веры, а законом Вселенной, таким же всеобщим, как физические или биологические законы. Он узнал, что Вселенная устроена очень мудро: материя превращается в энергию, энергия преобразуется в материю и переходит из одной формы в другую, и, хотя соотношение между ними постоянно меняется, ни одна, даже самая маленькая частичка вещества, ни один эрг энергии никогда не пропадают бесследно, потому что Вселенная, какой бы бесконечной она ни казалась, на самом деле закрытая, замкнутая система, ибо природа не только не любит расточительности и бессмысленных трат, но и напрямую запрещает их своими незыблемыми законами.

Человеческий разум и дух способны не только изменять к лучшему материальный мир; люди могут изменять самих себя. Они уже доказали это, когда сумели подняться над собственным первобытным страхом, который иначе превратил бы человека в пещерное животное, и, хотя в первое время люди еще дрожали от ужаса при виде луны, они сумели в конце концов дорасти до такой высокой ступени, когда они смогли смело поглядеть в лицо вечности, надеясь постичь самый сокровенный смысл существования Бога. Свет не может по собственному желанию превратиться в камень, камни не могут сами сложиться в стены и

обратиться в храм, и только человеческий дух способен сознательно и целеустремленно изменять, совершенствовать самого себя. Из всего сущего он – единственная вещь, которая не зависит от внешних воздействий и порой оказывается сильнее их. Именно поэтому человеческий дух является самой могущественной и самой ценной энергией во Вселенной. На каком то этапе дух может облекать себя в плоть, но, когда эта фаза его существования подходит к концу, он сбрасывает оковы материи и снова преобразуется в бестелесное состояние.

Вернувшись из этого сияния, из этого голубого запределья, Джо некоторое время сидел с закрытыми глазами, не спеша расставаться с открывшейся ему истиной, в которую он погрузился, как краб в песок. Потом он открыл глаза.

Его дочь улыбалась ему. Ее глаза были аметистовыми, а не серыми, да и черты ее лица почти не напоминали ему ту, другую Нину, которую он так сильно любил, но теперь свет, который излучала девочка, уже не был отраженным бледным сиянием, и Джо невольно подумал, как он мог позволить гневу ослепить себя настолько, чтобы не увидеть ее настоящую. Девочка сияла так ярко, что ему было больно на нее смотреть. Она сама была светом, и его Нина тоже была светом – как и все мы, как каждый из нас...